Ричард Перл

Твёрдая линия

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

Московская школа
политических
исследований

Ричард Перл

Ричард Перл

Твёрдая линия

Перевод с английского
Алексея Хамадана

Московская школа
политических исследований

Москва 2001

ББК 87.3
П 26

Культура политика философия

Серия основана в 2000 году Московской школой политических исследований и издается под общей редакцией Ю.П. Сенокосова

Перл Ричард
Х 16 Твердая линия. — М.: Московская школа политических исследований, 2001. — 432 с.

ISBN 5-93895-014-7

«Твердая линия» — не исторический роман, но и не чистая фантазия. В президенте США угадываются черты Рональда Рейгана: патриарх, твердый и прямодушный политик, способный стать выше господствующих мнений, идеалист-прагматик, уверенный в конечном торжестве добра над злом. Можно предположить, что у министра обороны Райдера есть черты сходства с Каспаром Уайнбергером, государственный секретарь Уинтроп чем-то напоминает Джорджа Шульца, а посол Мур — посла Пола Нитце. Но не это главное. Перл с большой убедительностью — благодаря колоссальному знанию материала — показывает читателю уровень, на котором реально «делается» политика. Это уровень заместителей членов кабинета, готовящих те или иные, часто конкурирующие, варианты решений. Именно на этом уровне работал сам Ричард Перл, и туда же он поместил своего героя — Майкла Уотермана и его главного оппонента — Дэна Беннета.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ББК 87.3

© Хамадан А., перевод, 2001
© Московская школа политических исследований, 2001

ISBN 5-93895-014-7

Посвящается Лесли,
а также памяти
Джека и Марты,
Сонни и Скупа

Мемуары победителя

У победы, говорил президент Кеннеди, сто отцов, а поражение — всегда сирота. Когда в начале декабря 1989 года на знаменитой «ГорБушке» — встрече Михаила Горбачева и Джорджа Буша у берегов Мальты — торжественно хоронили полувековую конфронтацию, обе стороны искренне радовались победе *над* «холодной войной». Общий пир победителей, однако, длился недолго. Довольно скоро одни почувствовали себя настоящими триумфаторами, а другие стали сознавать себя побежденными.

Имя Ричарда Перла, автора этой книги, занимавшего в 1981–1987 гг. пост заместителя министра обороны США в администрации Рональда Рейгана, было хорошо известно в Советском Союзе. Читатели «Правды», «Известий» и «Красной Звезды» знали его как одного из главных сторонников жесткой линии в отношении СССР, «ястреба», «рыцаря холодной войны», «ставленника военно-промышленного комплекса». Впрочем, сквозь все эти ярлыки явно читалось специфическое уважение к противнику, признание силы его убежденности. Уйдя из правительства, Перл занялся частной консультационной практикой. Как оказалось, триумф дела его жизни автоматически означал конец его личной миссии.

Что мы знаем о «холодной войне» десятилетие спустя после ее окончания? Довольно много, учитывая опубликованные в последние годы документы, мемуары, монографии. Мы получили возможность заглянуть за прежде очень низкий горизонт, познакомившись не только с представлениями «другой стороны», но и с заветными мыслями собственных руководи-

телей. В результате выяснилось, что в ходе противостояния двух обществ, одно из которых было закрытым, оба общества располагают искаженными образами друг друга.

«Холодная война» сороковых — восьмидесятых годов не была ни честным поединком двух конкурировавших систем, ни борьбой добра со злом, хотя элементы и первого и второго в ней присутствовали. Реально боролись не абстракции (коммунизм, демократия) и, конечно, не карикатуры («мир империализма», «империя зла»), а живые люди, со своими интересами и идеалами, стереотипами и страстями. Конечно, эти люди были организованы в правительства, генеральные штабы, наконец, общества. Именно человеческое измерение «холодной войны» является содержанием увлекательного романа Ричарда Перла.

«Твердая линия» — не исторический роман, но и не чистая фантазия. В президенте США угадываются черты Рональда Рейгана: патриарх, твердый и прямодушный политик, способный стать выше господствующих мнений, идеалист-прагматик, уверенный в конечном торжестве добра над злом. Можно предположить, что у министра обороны Райдера есть черты сходства с Каспаром Уайнбергером, государственный секретарь Уинтроп чем-то напоминает Джорджа Шульца, а посол Мур — посла Пола Нитце. Но не это главное.

Перл с большой убедительностью — благодаря колоссальному знанию материала — показывает читателю уровень, на котором реально «делается» политика. Это уровень заместителей членов кабинета, практически готовящих те ли иные, часто конкурирующие, варианты решений. Именно на этом уровне работал сам Ричард Перл, и туда же он поместил своего героя — Майкла Уотермана и его главного оппонента, если не сказать — антагониста, Дэна Беннета.

Борьба между этими фигурами на уровне бюрократического поля — не обязательно столкновение принципиальных политических линий, как это изображено в романе, но это всегда безжалостная борьба между ведомствами, стремящимися к усилению своего влияния на процесс принятия государственных решений. Кстати, в семидесятые — восьмидесятые годы похожая картина существовала и в позднеавторитарной советской системе. В вышедшей несколько лет назад монографии генерала Николая Детинова и доктора Александра Савельева «Боль-

шая пятерка» анализируется скрытая и явная борьба, проходившая в рамках координационного органа, призванного отстаивать интересы СССР на ядерно-космических переговорах с американцами. КГБ и ВПК, Минобороны и МИД при формально-арбитражной роли аппарата ЦК КПСС нередко расходились в своих оценках и предложениях, создавали бюрократические коалиции, а иногда всерьез сталкивались и «мерялись силой».

Противостояние начальника Генерального штаба маршала Ахромеева и министра иностранных дел Шеварднадзе стало хрестоматийным. Среди бывших советских деятелей, к сожалению, мало начинающих романистов, иначе книга Ричарда Перла могла бы вдохновить кого-либо из них — например, бывшего заместителя министра иностранных дел Георгия Корниенко — на написание как минимум повести на ту же самую тему: как карьеризм и самолюбование ведут к утрате чувства реальности и наносят ущерб национальным интересам. Единственное отличие в том, что это была бы повесть с печальным для ее московского героя концом.

Вернемся, однако, к книге Ричарда Перла, где советские персонажи скорее обозначены, чем реально действуют. Весь пафос книги сосредоточен в ее названии. Да, требуется именно *твердая линия*, когда речь идет о защите национальных интересов в сфере безопасности, особенно в условиях жестокого противостояния. Твердая — значит, прежде всего, принципиальная, не допускающая компромиссов с совестью, не ставящая личные карьерные интересы превыше национальных. Носителем такой линии в романе не случайно выведен представитель Пентагона (главная миссия этого ведомства — «крепить оборону страны»), в то время как его антагонистом выступает сотрудник Госдепартамента (главная миссия — договариваться).

Действительно, профессиональная ориентация на поиск согласия, невозможного без компромиссов, может привести к стремлению переговариваться ради переговоров (тем более, если места для переговоров столь приятны, как, скажем, Женева или Вена) или, еще хуже, к достижению договоренностей ради самих договоренностей — а вернее, ради раздаваемых при этом должностей, орденов, премий и тому подобного.

Справедливость, однако, требует упомянуть и о другом — хотя бы для баланса. Стремление к славе, наградам и иным мате-

риальным благам может толкать не только на соглашательство, но и на нечто прямо противоположное — безудержную и безумную раскрутку конфронтации. Во времена приснопамятного противостояния в центре Европы в советских войсках в Германии ходила такая шутка: «Враг не дремлет. Он спит. Но это военная тайна». Тайна, естественно, от своих — чтобы не расслаблялись. Стремление по максимуму развернуть угрозу, исходящую от противника, может быть вполне искренним и патриотичным, но оно же может быть инструментализовано для увеличения бюджетов, расширения штатов и раздачи военных заказов.

Это к слову. Сам Ричард Перл, как и его герой, вне подозрений. Каждому правительству нужно только пожелать иметь побольше таких сотрудников — умных, трезво мыслящих и самоотверженных.

И, наконец, последнее. Из романа не вытекает прямо, что США *выиграли* «холодную войну». Благодаря таким людям, как Майкл Уотерман, они ее не проиграли, но это все-таки не совсем то же самое, что победа. Фактически «холодная война» прекратилась с саморазрушением одного из антагонистов — Советского Союза. Важнейший вопрос заключается в том, явилось ли это саморазрушение результатом «холодной войны».

СССР был выстроен под руководством Сталина как гигантская крепость. Он был способен выдерживать практически любую осаду, опрокидывать штурмующих, беспокоить противника вылазками, терпеливо изменяя соотношение сил в свою пользу. Самодостаточный и изолированный от мира почти непроходимыми барьерами своих границ, Советский Союз был на деле не столько континентом, сколько планетой на планете Земля, с жестко контролируемыми каналами связи с внешним миром. СССР был выстроен в расчете на масштабные войны и перманентное противостояние.

США, разумеется, были устроены совершенно иначе, но международная система в целом пребывала в состоянии определенного равновесия, пока продолжалось противостояние Америки и СССР. Подлинный риск для участников противостояния таился не столько в повышении конфронтации, сколько в снижении напряженности. В этом смысле опасения Уотермана/Перла были вполне обоснованы. Советский Союз добился максимального политического влияния в мире именно в семидесятые

годы — годы разрядки, когда воля США существенно ослабла после тяжелой неудачи во Вьетнаме. Но и крах коммунизма как системы, распад СССР также явились логическим следствием разрядки конца восьмидесятых, когда ослабли скрепы, сдерживавшие советское общество как единый военный лагерь.

Последняя разрядка стала для Советского Союза терминальной. Даже его последние незадачливые защитники — августовские путчисты 1991 года настолько *разрядились*, что у них не нашлось даже минимума жесткости, чтобы, *имея* в своих руках все рычаги власти, удержать эту власть.

Итак, через два года после Мальты не осталось камня на камне не только от Берлинской стены — символа «холодной войны» и от Ялтинской системы европейского устройства, но и от самого Советского Союза. Такой быстрый и внезапный уход военно-политической сверхдержавы не мог не породить мифов. Некоторые из них являют собой тысячекратно увеличенный сюжет наивно-корыстных действий отдельных членов государственного руководства, фактически на грани предательства, описанный в романе Ричарда Перла.

Мифы в политике — вещь, как известно, распространенная и нередко опасная. Можно напомнить о знаменитой «легенде об ударе ножом в спину», который якобы нанесли германские социал-демократы собственной армии в 1918 году, что привело к поражению страны в первой мировой войне. Из той легенды выросли реваншизм и нацизм. Есть, следовательно, примеры, когда одного поражения бывает недостаточно для того, чтобы страна адаптировалась к новой международной ситуации, но такие эксперименты оплачиваются очень высокой ценой.

Итак, какие уроки можно и должно извлечь из исторического поражения СССР и того, как это произошло?

Самое главное — СССР, дом, выстроенный Сталиным, был обречен. Его внутренняя конструкция была гораздо более уязвимой, чем внешние укрепления, и советский коммунизм пал под собственной тяжестью.

«Холодная война» стимулировала коммунизм, являя советским людям достоверный образ мощного внешнего врага — «мировой империализм во главе с США». В то же время в долгосрочной перспективе противостояние с Западом все более уг-

лубляло внутренние противоречия советской системы, ускоряя ее гибель.

Крах советского коммунизма, однако, мог произойти в самых разных формах с различными последствиями. Разрядка не столько приблизила конец коммунизма на 10–15 лет, но и, что гораздо важнее, помогла обеспечить его сравнительно мягкую посадку и сравнительно безболезненное начало трансформации страны.

Книга Ричарда Перла убеждает: историю творят не абстрактные «силы» и «объективные процессы», а живые люди, но результат их совокупных усилий чаще всего является таким, какого никто не ждет и никто особенно не желает. Люди, конечно, «ведают, что творят», но не ведают, что у них получится. В результате становятся возможны как 1914/1917 годы, так и 1989/1991. Именно между ними уместился весь политический XX век. А что касается «холодной войны» — то главное, что она не переросла в горячую и что из нее нашелся выход, который если и не удовлетворил всех, то по крайней мере оставил всем возможность творить историю дальше.

Дмитрий Тренин
Москва, октябрь 2000 г.

От автора

В 1986 году, на исходе «холодной войны», в сельской местности неподалеку от Хельсинки, в летнем коттедже «Айнола» финского композитора Яна Сибелиуса состоялась весьма примечательная встреча на высшем уровне. Ниже следует рассказ об удивительных событиях, которые этой встрече предшествовали, и о случившемся тогда мало известном эпизоде.

Пожалуй, мне следует объяснить, почему теперь, после долгого молчания, я решил написать эту книгу и почему выбрал для этого форму романа.

Преподавая в университете, я пытался объяснить моим студентам, как делается политика в критические моменты мировой истории. Мой курс, «Дипломатия от Мюнхена до Айнолы», пользовался успехом, особенно среди студентов последнего года обучения. Во всяком случае некоторые из них приняли мою трактовку событий.

Однако в последнее время меня до глубины души встревожила ревизионистская точка зрения, возобладавшая в исторических исследованиях, посвященных заключительным стадиям «холодной войны». Меня особенно неприятно поразили утверждения либералов того времени, что Советский Союз, дескать, никогда реально не угрожал свободному миру, что Пентагон переоценивал советскую военную мощь ради оправдания колоссальных военных бюджетов, что *либеральная* политика (разумеется, политика *сдерживания*) при-

вела к победе Запада в «холодной войне» и последующему крушению сначала Варшавского пакта, а затем и самого Советского Союза. С их точки зрения, американский президент в лучшем случае был малозначительным персонажем, а чаще всего — простым наблюдателем, безучастно взирающим на события, смысла которых он не понимал и на которые не имел никакого влияния.

Иные утверждают, что встреча в Айноле вообще не имела никакого значения и ничего не изменила. Но весь ход истории принял бы другое направление, если бы эта встреча закончилась так, как этого хотели Советы, да и некоторые американцы.

В ревизионистских версиях истории заключительные сражения «холодной войны» — такие судьбоносные события, как развертывание ракет в Европе, разработка систем защиты от стратегических баллистических ракет и сама встреча в Айноле — едва упоминаются.

Айнола стала поворотным пунктом, и подготовка к ней имела значение первостепенной важности. И все же Айнола остается, пожалуй, самым загадочным событием этого периода.

Десять лет назад, перед тем как покинуть Вашингтон и приступить к преподавательской работе в Гарварде, я посетил Федеральный центр хранения документации в Сьютленде, штат Мериленд, с целью просмотреть досье моего ведомства за последние дни «холодной войны», когда я занимал пост заместителя министра обороны. Меня удивило обилие хранящихся там исторических документов того периода. Мой секретарь в Пентагоне скрупулезно фиксировала все происходящее. Она сохранила даже черновики памятных записок, которые подверглись потом внушительной правке.

Просматривая эти досье — общим числом 110 коробок, — я, помнится, подумал о том, что некий будущий историк сможет воссоздать многое из тех событий, что в них запечатлены, но вряд ли сумеет ухватить и понять мысли и личные переживания их участников. Это наиболее резко поразило меня, когда я читал меморандум тогдашнего заместителя государственного секретаря по европейским и канадским делам.

Меморандум, выдержанный в излюбленном госдеповском стиле, был сух, как крекер. В его вкрадчивых формулировках не было и намека на скрытое вероломство. Это был один из образцов искусного подкопа госдепартамента под министерство обороны, коим не было числа в те годы.

Документы, которые я собрал после дела Костева, все были на месте, аккуратно подобранные хронологически и по рубрикам. Читая их, словно переносишься в другое столетие; принимая во внимание, что в те годы, после распада Советского Союза и открытия его государственных границ, в Соединенные Штаты перебралось два миллиона российских эмигрантов, трудно себе представить, что встреча на высшем уровне в Айноле едва не сорвалась из-за одного украинского моряка, спрыгнувшего с корабля в Новом Орлеане.

Меня, без сомнения, раскритикуют за то, что я написал роман, а не историческое исследование. Мои академические коллеги станут доказывать, что мне следовало бы выложить мои аргументы, чтобы их могли беспристрастно оценить профессиональные историки.

Но мое сочинение адресовано не им. Я хочу, чтобы мои читатели, как и мои студенты, поняли, как ведутся политические баталии. Подобно другим конфликтам человеческой воли, это сражения между людьми, и их исход предопределяют идеи и ценности, достоинства и недостатки людей. Когда вы читаете в утренней газете «Белый дом принял решение» или «Государственный департамент объявил» о проведении той или иной политики, помните: за ведомственной анонимностью скрываются победители и побежденные, взлеты и крушения карьер, принятые и отвергнутые идеи. Таковы реальности, теряющиеся в чащобах сносок, которыми изобилуют академические сочинения.

К тому же, в отличие от моих правительственных коллег, которые за последние годы написали мемуары и давали интервью прессе о конфиденциальных обстоятельствах тех дней, я чувствую себя обязанным хранить верность людям, которые мне доверяли. Я не собираюсь цитировать тех, кто сообщал мне что-либо доверительно, поэтому жанр романа наиболее полно отвечает моим намерениям. Здесь мои вы-

мышленные персонажи говорят только то, что заставляю их говорить *я*. Никакие их высказывания им нельзя поставить в вину. Ответственность несу я один. Но меня нельзя обвинить в том, что я нарушил чье-то доверие.

Более того, бо́льшая часть документов, которые я нашел в Сьютленде, до сих пор засекречена. На многих, из числа наиболее интересных, в момент их изготовления появлялся гриф «Совершенно секретно». И хотя я не вижу разумных оснований и сегодня считать их совершенно секретными, официально они остаются таковыми. Их обнародование означало бы нарушение закона. Но в романах не бывает совершенно секретных документов.

Критика со стороны моих академических коллег нисколько меня не тревожит. У меня есть веские основания сомневаться в беспристрастности многих профессиональных историков и политологов. Стоит только посмотреть, насколько далеко уже зашел ревизионизм. Взять, к примеру, профессора Стэнфордского университета С. Эдварда Хантунга, признанного автора стандартного исследования об истории развертывания ракет средней дальности в Европе в начале восьмидесятых годов. Так называемые профессиональные историки льстили ему и ворковали по поводу его книги. «Нью-Йоркское книжное обозрение» аплодировало, когда ему присудили Пулитцеровскую премию. Но работа эта почти во всех аспектах тенденциозна и вводит в заблуждение. Хантунг последовательно заглатывает советские точки зрения по одному вопросу за другим. Послушать его, получается, что советский лидер, а не президент Соединенных Штатов, был архитектором предложения ликвидировать ракеты средней дальности. Какое издевательство над истиной! И, разумеется, отнюдь не единственное. Тщетно стали бы мы искать книгу с верной трактовкой этой проблемы.

После того как пять лет назад поправка Уолтерса—Робертса к Закону о свободе информации открыла архивы государственного департамента, появилось не менее четырнадцати книг, посвященных тому периоду, когда я работал в правительстве, и все четырнадцать придерживаются той же ревизионистской линии. С растущим смятением я наблюдал,

как уродуется и искажается богатая и сложная история ради сохранения предрассудков и мировоззрения тех интеллектуалов, которые никогда не желали принимать участие в «холодной войне», а теперь утверждают, что одержали в ней победу. Победа и в самом деле была достигнута, *но отнюдь не ими.*

Если бы восторжествовала их точка зрения, мы оказали бы Москве щедрую услугу. Эти люди мало что знают о власти и о зле. А о власти в услужении зла они и вовсе ничего не знают. Вот почему наши западные ученые (а также дипломаты и журналисты, на которых они оказывают очень большое влияние) находят удовлетворение в компромиссе, тогда как люди действия находят его только в победе. Они расточают хвалы сторонникам компромиссов из госдепартамента, которые в их сочинениях и на их семинарах выглядят героями, и пренебрежительно высказываются о президенте и министре обороны, которым все же удалось настоять на своем.

Многие мои бывшие коллеги по правительству были столь любезны, что согласились набросать личные отчеты о событиях, в которых они участвовали. Я очень многое почерпнул из этого материала. Я также щедро пользовался досье из архивов министерства обороны, хотя не цитировал официальные документы. Вместо этого я по памяти реконструировал некоторые важнейшие документы, иногда подкрепляя их воспоминаниями других людей.

Итак, книга рассказывает о событиях как действительных, так и вымышленных. Но это прежде всего книга о борьбе за душу президента, борьбе, которую вели люди, назначенные им на высокие посты; некоторые из них разделяли его ви́дение и старались воплотить его в жизнь, некоторые не разделяли — и пытались помешать ему на каждом повороте. Книга посвящается тем, кто стоял рядом с президентом — и кто вышел победителем в «холодной войне».

Майкл Уотерман
Кэмбридж, август 1998

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Белый дом
16 сентября, 10:45 утра

Для середины сентября было не по сезону хмуро и холодно. Черный правительственный «седан» заместителя министра обороны, одолев серпантин бетонных барьеров безопасности, ограждающих Белый дом, остановился у поста охраны юго-западных ворот. Не выходя из машины, Майкл Уотерман достал из бумажника фотоудостоверение личности, протянул его в окно и подождал, пока офицер секретной службы в форме ввел его имя в компьютер в пуленепробиваемой будке из стекла и стали. Наконец усиленные гидравлические ворота медленно и бесшумно раскрылись. Охранник вернул Уотерману его удостоверение вместе с ламинированным номерным черно-белым пропуском, который он должен носить на груди — на цепочке вокруг шеи — все время пребывания в Белом доме.

— У вас допуск в Оперативный штаб, сэр, — сказал охранник. — Вы знаете, как туда попасть?

— Да, — кивнул Уотерман, рассеянно пригладив рукой начинающие седеть на висках темные густые волосы.

Машина уже двигалась в сторону зеленого навеса перед подвальным входом в Западное крыло. Через ветровое стекло Уотерман увидел дежурную телевизионную

команду с девизом «Эй-Би-Си» на синих штормовках, сгрудившуюся за канатным ограждением на Северной лужайке. Похоже, начинался дождь, и камеры были закутаны черными пластиковыми мешками для мусора.

— До одиннадцати еще далеко, — сказал Уотерман секретарше за второй из двойных дверей. — Если не помешаю, я подожду здесь.

— Конечно, господин Уотерман, — сказала она приветливо, записав его имя на перекидном блокноте. Одновременно взглянула на экран компьютера на своем столе, убедившись, что Уотерман значится в списке приглашенных на совещание.

Уотерман выдавил из себя улыбку; ему было известно, что на предыдущее заседание Группы политического планирования национальной безопасности явились непрошеные гости, и у этих непрошеных были куда более звучные титулы, чем его собственный, в том числе и адмиральские звезды на погонах.

Устроившись в красном кожаном вращающемся кресле, Уотерман скрестил ноги, отказался от предложенной газеты и от нечего делать принялся разглядывать приемную. Светло-желтые стены украшены крупными цветными фотографиями. На большинстве президент в самом выигрышном ракурсе — руки со сжатыми кулаками вскинуты вверх и образуют традиционную победную букву «V» на фоне вала из американских флагов; на других он запечатлен в момент личного торжества, с улыбкой вершащим государственные дела с мировыми лидерами или членами Конгресса; на остальных — президент за работой в Белом доме, обсуждает политические проблемы со своим кабинетом. Фактически частота появления членов кабинета на этих фотографиях, по мнению официального Вашингтона, многое говорила о том, кто в каждый данный момент в фаворе у президента, а кто — нет. Уотерман задумался, анализирует ли КГБ фотографии в коридорах Белого дома с тем же вниманием, с каким ЦРУ размышляет над порядком, в котором ежегодно выстраива-

ются члены Политбюро в день майского праздника на трибуне ленинского Мавзолея на Красной площади.

Столь ранний приход Уотермана вовсе не был для него характерным. Его обычную медлительность жена терпела через силу, подчиненные от этого откровенно страдали, а начальство научилось смотреть на нее снисходительно. Сегодня, однако, он хотел до начала заседания перехватить на минутку советника президента по национальной безопасности генерала Митчелла Уоллеса. Если ему повезет, Уоллес расскажет, чем была вызвана такая спешка.

В расписании министра обороны Джеймса Райдера — МИНОБ на правительственном жаргоне — встреча с президентом не значилась. Таким образом, вряд ли это заседание предполагает принятие какого-либо политического решения. В бюллетенях новостей ничего не сообщалось о кризисах, требующих немедленного вмешательства президента, ничего не было и в ежедневном совершенно секретном обзоре разведывательных данных ЦРУ «ЕНР», или *Ежедневнике национальной разведки,* который Уотерман прочитывал каждое утро в своем кабинете за чашкой эспрессо двойной заварки. Фактически Уотерман знал только одно: в девять тридцать ему позвонил Боб Рид, простоватый, но очень вдумчивый парень, сотрудник министерства обороны, прикомандированный к Совету национальной безопасности, и велел появиться через девяносто минут в Оперативном штабе Белого дома.

— В чем дело? Почему не оповестили заранее? — спросил Уотерман.

— Не знаю, — ответил Рид раздраженно. — Мне только сказали позвонить тебе и Беннету и что будет присутствовать президент.

— Как же ты можешь не знать повестку заседания с участием президента, если работаешь в сотне метров от него?

В голосе Рида послышались извиняющиеся нотки.

— Именно потому, что я работаю в сотне метров от него, Майкл. В сотне метров! В моем деле это целый оке-

ан или континент. Так что нечего на меня дуться. Они мне не рассказывают, что у них на уме. Тебя пригласили помочь тащить пентагонову ношу. Так что приходи. Да не опаздывай. Привет.

Когда цифровые часы на стене показали 10:54, Уотерман пересек приемную и расположился так, чтобы перехватить советника по национальной безопасности, когда тот спустится по лестнице по пути в Оперативный штаб. Он надеялся, что Уоллес придет заранее. Если он появится вместе с президентом в последнюю минуту, Уотерман упустит шанс загодя узнать, чем вызвано столь поспешно созванное совещание.

Его глубоко беспокоило, что другие — особенно его коллега из Туманного дна*, заместитель государственного секретаря Дэн Беннет — скорее всего знают повестку дня, а он сам остается в неведении. Знание — это власть. Чем больше вам известно, тем больше ваши возможности использовать то, что вы знаете, для расширения вашего влияния и продвижения ваших политических планов или для того и другого одновременно. Бизнес Дэна Беннета — все узнавать заранее.

За пять лет службы в Пентагоне Уотерман то и дело сталкивался с Беннетом. То была закулисная война, призванная скрыть главных ее участников: Джеймса Райдера, министра обороны, шефа Уотермана, и государственного секретаря Энтони Уинтропа, шефа Беннета. Поскольку подковерные войны и идеологические схватки между чиновниками столь высокого уровня неизбежно становились притчей во языцех, что всегда вызывало недовольство президента, сражения вместо шефов вели их заместители. Светские террористы в темных элегантных костюмах, они сражались не автоматами АК-47, а меморандумами, докладными записками, аргументами и утеч-

* Туманное дно — образное название государственного департамента США, здание которого построено на месте осушенного болота. (Здесь и далее — *прим. перев.*)

ками информации. Это была ничем не ограниченная война, война без правил. И не было внутри администрации двух других антагонистов, которые вцеплялись бы друг в друга с таким постоянством, как Дэн Беннет и Майкл Уотерман.

Они во всем являли собой полную противоположность друг другу. Беннет был высок ростом и эмоционален, Уотерман коренаст и сдержан. Сначала Уотерман, прошедший суровую школу ученичества на Капитолийском холме, где помощники зачастую обладали большей властью, чем сенаторы, но действовали под плащами-невидимками, осуждал Беннета за вызывающий стиль и экстравагантную манеру одеваться. Однако очень скоро он на опыте узнал, что хотя беннетовские костюмы с улицы Сэвил Роу, рубашки в смелую полоску от Тернбелла и Ассера с белыми воротничками и манжетами, небрежно торчащие из нагрудного кармана платки и антикварные запонки придают ему внешность денди, человек этот был талантливым и смертельно опасным бойцом, умевшим на всю катушку использовать систему и свое влияние на государственного секретаря.

Черт бы побрал этого Беннета. Он-то наверняка знает, в чем дело.

Уотерман попытался вычислить утреннюю повестку во время восьмиминутной поездки от Пентагона до Белого дома. Он сомневался в напускной профессиональной неосведомленности Боба Рида. Тыловое обеспечение любого совещания с участием президента обязательно предполагало активную роль советника по национальной безопасности. Если знал Уоллес, то должен был знать и Рид: Уоллес полностью полагался на своего помощника. Уотермана злило, что лояльность Рида столь стремительно переметнулась с его постоянного нанимателя — министерства обороны на нанимателя временного — Совет национальной безопасности.

Впрочем, этого следовало ожидать. Работа в Белом доме (хотя Рид фактически трудился в крохотной клетуш-

ке три на четыре метра на третьем этаже старого здания администрации Белого дома) обладает сильным опьяняющим действием. Письма на бланке Белого дома оказывают куда более стремительное воздействие, чем напечатанные на бланках министерства обороны. На звонки из Совета национальной безопасности отзываются незамедлительно. Сидеть в Оперативном штабе, где решаются вопросы войны и мира, и за несколько часов до начала трансляции знать, что скажет президент, — для офицера 13 ранга (именно этому рангу шкалы государственных служащих соответствовало майорское звание Рида) означало близость к центру власти, перед которой трудно устоять.

Оставляя в стороне обстоятельства, Уотерман все же был доволен хотя бы тем, что он оказался в числе приглашенных. Заместителей министра не часто зовут на заседания Группы планирования национальной безопасности — ГПНБ на правительственном жаргоне, — если только им не поручено докладывать по вопросу их особой служебной компетенции. Уотерман время от времени бывал гостем телепрограмм «Лицом к стране» и «Вечерняя строка» и участвовал в политических дискуссиях на других каналах, не говоря уже о том, что его имя и физиономия регулярно появлялись на страницах «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост», но поскольку это касалось ГПНБ, он был просто одним из заместителей министра. Так установила сложная и строгая кастовая система Вашингтона, принимая во внимание титулы, а не способности.

Уже без трех минут одиннадцать, но так и нет никаких признаков советника по национальной безопасности. Уотерман понимал, что если будет ждать его и дальше, то не успеет оказаться на своем месте, когда в комнату войдет президент. Более того, он может столкнуться с ним в узком коридоре, ведущем в Оперативный штаб, — этой неловкости надо во что бы то ни стало избежать.

В этот момент открылась внешняя дверь. Вошел Билл Маккэндлесс, вечно взъерошенный директор ЦРУ. Маккэндлесс, показавшийся Уотерману чем-то чрезвы-

чайно озабоченным, бросил на ходу неразборчивое «хэлло» и направился в Оперативный штаб в сопровождении офицера национальной разведки (ОНР) по советским делам Хэла Энгела. В нескольких шагах позади Энгела двигался Джералд Коупленд, заместитель госсекретаря по политическим вопросам — сотрудник внешнеполитической службы, сделавший дипломатическую карьеру, несмотря на нескончаемую серию выданных им пагубных рекомендаций. Если бы Коупленд служил начальником отдела кредитов в провинциальном банке, он давно уже получил бы уведомление об увольнении. Однако краснощекий бюрократ носил в кармане дипломатический паспорт, имел ранг карьерного посла, и за рубежом к нему обращались не иначе как «Ваше превосходительство».

По-прежнему ни намека на Уоллеса. Затем облаченный в безукоризненный темно-серый костюм в белую полоску и сиреневато-серую в черно-белую полоску рубашку с галстуком-бабочкой, покрытый ровным загаром появился Дэн Беннет, прыжками спускавшийся по лестнице. Увидев Уотермана, он улыбнулся.

— Доброе утро, Майкл. Рад, что ты успел прийти, хотя тебя не предупредили заранее.

Туше.

Уотерман протянул руку и уклончиво кивнул.

— А в чем дело? — спросил он Беннета.

— Русские предлагают встречу на высшем уровне.

Уотерман был ошеломлен, но постарался ничем этого не выдать.

— Пришло послание Новикова?

— Нет.

Ответы Беннета были скользкие, сообщающие минимум информации. Но заученно-небрежное самодовольное выражение лица говорило само за себя.

— Как же они с нами связались? — настаивал Уотерман.

— Подали сигнал по неофициальному каналу.

— Когда об этом стало известно?

— Несколько дней назад, — ответил Беннет расплывчато, явно довольный тем, что столь важную информацию успешно скрыли от конкурента. Он посмотрел вверх на лестничный пролет. — Госсекретарь сейчас все доложит. А нам пора идти.

Но мы не готовы к встрече на высшем уровне, подумал Уотерман. Он был в смятении. Он шел вслед за Беннетом по короткому коридору мимо столовой Белого дома. Они остановились у двери с шифрованным замком, ведущей в комплекс помещений Оперативного штаба. Конечно, подумал он, совершенно ясно, почему его об этом не предупредили заранее и почему не сообщили повестку дня. Черт возьми, все это подстроено специально, чтобы подтолкнуть президента к скоропалительному согласию на встречу и чтобы госдепартамент взял под контроль всю подготовку к ней.

Не будет ни кадровой поддержки, ни бумаг для обсуждения, ни дискуссий, необходимых, чтобы учесть все точки зрения, а не только одного госдепартамента.

По своему опыту на Капитолийском холме Уотерман знал, что два главных аспекта встречи на высшем уровне — срок и повестка дня. В данном случае, похоже, срок определяет Москва. А если подготовкой будет ведать госдепартамент, подумал он мрачно, Кремль, по всей вероятности, возьмет под контроль и повестку.

Понятно, почему Беннет улыбается. Он сам все это подстроил. Еще до конца сегодняшнего заседания будет решено послать в Москву какого-нибудь госдеповского чинушу на «переговоры» с людьми Новикова. Будет определена повестка и брошен жребий.

Как и его шеф Джеймс Райдер, Уотерман считал, что встреча на высшем уровне в ближайшее время представляет опасность с точки зрения интересов Соединенных Штатов. Конечно, Новиков жаждет встречи. Учитывая, что он лишь недавно занял свой пост, Новиков заинтересован в широко рекламируемом триумфе, демонстрируя этим, что твердо контролирует советское государство.

Будучи еще молодым экспертом сенатского комитета по делам вооруженных сил во время своей первой поездки в Москву, Уотерман по дороге из аэропорта наблюдал, как стайка мальчишек купается в застойном пруду. И несмотря на новиковские реформы — вопреки *перестройке* и *гласности*, вопреки тому, что Уотерман определил как глубоко укоренившееся стремление советского народа и народов Восточного блока к какой-то форме демократии, — застойный пруд оставался для него наиболее уместным образом этой несчастливой страны. Теперь государственный секретарь готов заманить президента на встречу лидеров, способную подорвать политику, которую последовательно проводили Райдер с Уотерманом.

Уотерман знал, что в большинстве обстоятельств нелегко возражать против встречи на высшем уровне. Американцы уверены, что всегда есть смысл вести переговоры. Даже такой закоренелый «рыцарь холодной войны», как Уинстон Черчилль когда-то изрек: «Лучше лялякать, чем стрелять». Уотерман отлично знал, что рано или поздно любой президент, обычно подталкиваемый к этому государственным секретарем, приходит к мысли, что если бы только он сел за стол с советским лидером и объяснил американскую политику на встрече вдвоем, с глазу на глаз, одно это развеяло бы беспочвенные страхи Москвы и произвело прорыв в отношениях Востока и Запада. Однако оптимизм государственного департамента имел очень малое отношение к продуманной стратегии упрочения мира. Скорее, он движим недостойным стремлением покрасоваться в центре мировой арены с эффектной дипломатической инициативой.

Но со стратегической точки зрения время для встречи с Новиковым еще не пришло. Этот советский лидер находится у власти меньше года, и о нем мало что известно, кроме того, что он часто меняет привязанности — сегодня поддерживает реформаторов, завтра консерваторов.

Со всеми своими техническими ухищрениями и спутниками-шпионами на высокой орбите, ЦРУ очень мало знало о Викторе Петровиче Новикове. Его в беспрецедентно молодом возрасте заметил Брежнев и назначил руководителем группы политического планирования при Центральном Комитете. Но никто толком не знал, на чьей он стороне и как понимать его разговоры о реформах, которые он окрестил *перестройкой*, и не являются ли его разговоры об открытости, которую он обозначил словом *гласность*, всего лишь тактическим маневром.

Теперь Уотерману стало ясно, почему министру обороны до последней минуты ничего не говорили о заседании и о повестке дня. Уинтроп и Беннет знали: чтобы выступить против встречи на высшем уровне — вопреки инстинктивной склонности президента на нее согласиться, — нужна подготовительная работа. Более того, для этого нужны союзники среди ближайших советников президента. Но в силу избранной Уинтропом и Беннетом тактики Райдер и Уотерман застигнуты врасплох и у них нет времени выработать свою стратегию.

Беннет поднял телефонную трубку у входа в Оперативный штаб.

— Беннет и Уотерман, — сказал он в ожидании щелчка отпираемой двери.

С таким же успехом он мог сказать «Аберкромби и Фитч» или «Барнум и Бейли»*, подумал Уотерман, потому что когда вы уже попали в Западное крыло, хваленая система безопасности Белого дома становилась довольно небрежной.

Электронный замок щелкнул, и они вошли в небольшую прихожую, где стояли два стула и стационарный ксерокс. Оперативный штаб находился еще за одной дверью слева. Уотерман посторонился, пропуская Беннета вперед, затем принял правее и сел сразу за спинкой стула, пред-

* Аберкромби и Фитч — сеть универсальных магазинов в США; Барнум и Бейли — старейший американский цирк.

назначенного министру обороны. Прямоугольный орехового дерева полированный стол и десять мягких стульев с наклонной спинкой заполняли почти все пространство этой небольшой, без окон, комнаты. На стене слева от входа находился задернутый занавеской экран для демонстрации пояснительных слайдов. В противоположном конце комнаты была еще одна дверь, ведущая в помещение, где находились компьютеры и средства связи. Вдоль северной и южной стен были расставлены стулья для помощников.

Оперативный штаб ничуть не походил на его голливудское воплощение. Не было ни мигающих огоньков, ни карт или компьютерных дисплеев во всю стену. Однажды во время кризиса в Ливане, когда Совет национальной безопасности опрометчиво принял на себя руководство повседневными военными операциями, в комнате установили армейский полевой телефон. Месяцами он стоял на стуле возле двери, покрываясь пылью. Можно было представить себе, как Митчелл Уоллес рявкающим голосом определяет задачи и ставит цели линкору, стоящему на рейде в бейрутской гавани.

В обычные времена самым экзотическим оборудованием Оперативного штаба Белого дома был телефонный аппарат «Принцесса» в выдвижном ящике стола заседаний в том его конце, где сидел президент, и телевизор, спрятанный в люке стены, обшитой деревянными панелями, который показывал на одном экране одновременно четыре программы. Поэтому плохие новости можно было смотреть сразу по четырем каналам.

Беннет занял свое место позади пустого стула, зарезервированного для государственного секретаря. Директор ЦРУ перешептывался со своим помощником, он внимательно слушал и делал какие-то пометки в желтом линованном блокноте. Боб Рид и два других помощника советника по национальной безопасности, а также сотрудник управления делами вице-президента занимали остальные стулья вдоль стен.

Гэри Бернер, глава аппарата Белого дома, ничего не упускавший из виду и прежде всего никогда не пропускавший заседаний с участием президента, беспечно листал «Уолл-стрит Джорнал» на своем месте в середине стола. Бернер пользовался уважением коллег, хотя и не вполне искренним. Не будь он самым старым и самым близким другом президента, никто не обратил бы внимания на этого круглого коротышку с непропорционально пышными усами, величайшим достоинством которого была редкая способность помнить горы политических, профессиональных и личных мелочей, касающихся клерков, олдерменов, партийных боссов и сборщиков пожертвований, глав женских добровольных организаций, студенческих объединений, консервативных клубов и ассоциаций, телефонных компаний, контор почтовой рассылки — короче говоря, всех, кто что-то значил в Вашингтоне, включая их детей, и эта его способность не имела цены, когда наступало время выдвижения кандидата в президенты от республиканской партии.

Бернер по праву сидел в Оперштабе, и члены кабинета относились к нему с почтением, потому что это *он* избрал президента. Ни больше, ни меньше. Он разработал стратегию, организовал группы поддержки и дирижировал самым потрясающим триумфом в политической истории, победив соперника, начавшего избирательную кампанию с преимуществом в 27 пунктов рейтинга и 14 миллионов долларов предвыборного фонда. Четыре года спустя он проделал это снова. Когда он говорил, он говорил от имени президента. И ему внимали.

Уотерман услышал голоса за дверью. Он положил блокнот на колени и похлопал себя по карману, где был блокнот меньшего размера, который был незаменим для записок шефу. Но вот дверь отворилась и вошел оживленно говоривший на ходу президент в сопровождении Митчелла Уоллеса, министра обороны и государственного секретаря. Уинтроп, миниатюрная фигура в дипломатическом костюме в полоску, выглядел самодовольно и возбужденно. Райдер выглядел огорченным и побитым.

Все встали. Улыбнувшись, президент взмахом руки предложил всем сесть и занял свое место в конце стола, ближнем к двери.

— Доброе утро всем, — сказал он.

— Доброе утро, господин президент.

— Ну, слава богу, вы успели собраться здесь без предварительного уведомления, — сказал он приветливо. Президент положил руки на стол, скрестил их, соединив указательные пальцы башенкой. Он откинулся на спинку кожаного стула и кивком подал знак советнику по национальной безопасности. Затем, точно погрузившись в медитацию, прикрыл глаза.

Генерал Уоллес сразу же заговорил:

— Я хотел бы извиниться перед вами за столь скоропалительный созыв этого совещания. Однако мы получили послание советского руководства весьма щекотливого свойства, и президент пожелал встретиться сейчас, до его отбытия в Калифорнию, и обсудить, как нам следует ответить.

Очень умно, вынужден был признать Уотерман. Поставить вопрос в момент отъезда президента и до последней минуты держать Райдера в неведении. Уинтроп нанес мощный превентивный удар. И, к огорчению Уотермана, ясно, что советник по национальной безопасности был предупрежден заранее. МИНОБу нечего рассчитывать на помощь генерала Уоллеса. Группу планирования национальной безопасности собрали, чтобы утвердить свершившуюся сделку. Под председательством президента. Правда, он вовсе не председательствовал. Всем заправляли Уоллес и Уинтроп.

Советник по национальной безопасности оглядел комнату.

— Послание поступило не по обычным дипломатическим каналам, оно было передано лично государственному секретарю. Сомнений в его аутентичности нет. Секретарь объяснит вам обстоятельства.

Энтони Уинтроп подался вперед на своем стуле.

— Несколько лет назад, — медленно начал он, — после того как Юрий Маренский завершил свой посольский срок здесь и вернулся в Москву, мы время от времени получаем от него послания. Они всегда поступают не по обычным дипломатическим каналам. Когда Кремль захотел обменять заключенного диссидента на советского агента, задержанного южнокорейцами, с нами первым связался именно Маренский. Когда произошла авария в ядерном испытательном центре на реке Шаган, Маренский поставил нас в известность, что радиоактивные осадки отнесет в сторону Северной Америки. Были и другие случаи, когда он передавал нам полезную информацию. Маренский связывается с нами через профессора Стэнфордского университета Эндрю Уэстона, несколько лет работавшего в сенатском комитете по международным отношениям. Уэстон свободно владеет русским языком и часто бывает в Москве, где он возглавляет Центр политического анализа Стэнфордского и Московского университетов.

Уотерман напрягся, точно ему влепили пощечину. Уэстон был известен как апологет советской политики, который писал письма в редакции газет, критикующие администрацию, и научные статьи, в которых утверждалось, что главную ответственность за «холодную войну» несут Соединенные Штаты. Как только возникал кризис в советско-американских отношениях, Уэстон тотчас выступал в печати, защищая советскую линию.

— Маренский начал использовать Уэстона, — продолжал Уинтроп, — как дипломатический запасной канал пять лет назад. Эта связь оказалась исключительно успешной. Настолько успешной, что за все годы не произошло ни единой утечки информации. После того как Маренского назначили заместителем министра иностранных дел, контакты оборвались почти на два года. В прошлом году, когда Новиков стал генеральным секретарем, влияние Маренского значительно усилилось. И действительно, наше разведывательное сообщество, — Уинтроп наклонил голову в сторону Маккэндлесса, — полагает, что

Маренский стал главным действующим лицом после самого Новикова. Вслед за этим повышением, — продолжал Уинтроп, — Маренский возобновил контакты с Уэстоном. Кстати, прежде чем идти дальше, я хотел бы сказать, что мы всегда сохраняли конфиденциальность относительно роли Уэстона в этих неофициальных дипломатических контактах. Как я сказал ранее, за все время действия этого канала мы не знали утечек информации.

Глаза президента внезапно открылись, и он постучал ладонью по столу.

— Позвольте мне подчеркнуть то, что сейчас сказал Тони. У нас слишком много утечек щекотливой информации. Я бы хотел, чтобы все здесь присутствующие взяли эту проблему под контроль. Это значит, что информация, которую мы сейчас услышали, не должна выйти за пределы тех, кто здесь присутствует. Я не хочу, чтобы это стало предметом обсуждения правительственных чиновников, а завтра появилось на страницах «Вашингтон Пост».

— Господин президент, я весьма рад, что вы это сказали, — выпалил Уинтроп как бы заранее заготовленную фразу. — Мне известна ваша озабоченность тем, чтобы такие вещи обсуждались в конфиденциальном порядке. И не грех лишний раз это повторить.

— Я хотел бы со всей силой поддержать сказанное, — произнес Райдер без особого энтузиазма в голосе. — Вам известно, господин президент, что мы всеми силами пытаемся контролировать ситуацию. Внутри Пентагона я сделал все, что дозволено законом. И вам известны проблемы, с которыми мы сталкиваемся, общаясь с обитателями Капитолийского холма*.

Пальцы президента нетерпеливо застучали по столешнице.

— Я как раз об этом подумал. А что слышно о законе относительно полиграф-машины, Гэри?

* Капитолийский холм — образное название американского Конгресса (часто также — Холм, Капитолий).

Уотерман взглянул на Райдера, глаза которого заметно расширились. Поразительно, что даже здесь, на совещании по поводу его первой встречи с Советами на высшем уровне, президент отклоняется от темы и находит время для своего любимого раздражителя.

Глава аппарата Белого дома, захваченный врасплох, отчаянно замигал.

— Мы пока не можем извлечь его из юридического комитета сената, господин президент. Нам казалось, что мы пришли к взаимопониманию с сенатором Шелтоном о том, что он поставит законопроект на голосование в своем комитете, где у нас есть незначительное большинство для его одобрения в смягченной редакции. Но Шелтон требует пост окружного судьи для своего университетского профессора, это его близкий друг и завзятый либерал. Так что пока все пребывает в подвешенном состоянии.

— Какие у нас варианты? — спросил президент.

— Лучше всего дождаться следующей серьезной утечки, вред от которой даже Конгресс не сможет переварить. Тогда у нас появится шанс внести поправку. Нам надо будет добиться первоочередного ее рассмотрения, если Шелтон сумеет настоять на ее рассмотрении в его комитете. И если страсти разгорятся, мы должны своего добиться.

— Что ж, держите это под контролем, Гэри. Я знаю, что многие чувствительные сердца исходят кровью при одном упоминании о детекторах лжи. Но скажу вам кое-что: когда их подключают к этой коробке, мы получаем массу признаний, — президент замолчал и оглядел присутствующих. — Я настроен вполне серьезно, — продолжал он. — Все эти утечки меня по-настоящему достали.

Он снова откинулся на своем стуле, сложил руки в прежнюю фигуру и прикрыл глаза.

На несколько секунд воцарилась, как показалось Уотерману, недоуменная тишина. Затем государственный секретарь постарался вновь набрать пары:

— На прошлой неделе Уэстон вернулся из Москвы, где он координировал серию встреч советских и амери-

канских городов, спонсируемую Стэнфордом и Службой общественного радиовещания. Он сообщил нам, что во время недельного пребывания там он несколько раз разговаривал с Маренским, причем последняя встреча состоялась накануне его отъезда. Маренский предложил ему прогуляться по Кремлю. И во время прогулки перешел прямо к делу: Новиков ищет встречи на высшем уровне.

— Господин президент, — продолжал Уинтроп раздумчиво. — Я полагаю, что мы должны сполна использовать открывающуюся возможность. Ваша политика восстановления нашей военной мощи себя оправдала. Новиков готов идти нам навстречу. Мы готовы предложить полную повестку для переговоров: права человека, региональные проблемы типа подрывной деятельности Советов в Никарагуа, войны в Афганистане, двусторонние проблемы, такие как споры относительно прослушивания нашего посольства в Москве, нашу готовность заключить новое соглашение о культурном обмене и так далее.

Государственный секретарь выдержал паузу, посмотрел через стол на Райдера и добавил:

— И, разумеется, вопросы контроля над вооружением.

В голосе Уинтропа прозвучала настойчивость:

— Мы сделали колоссальные инвестиции в укрепление наших вооруженных сил, и это принесло результаты — привело Советы за стол переговоров. Однако нынешние переговоры о контроле над вооружением зашли в безнадежный тупик. Даже наш опытнейший переговорщик убежден, что продолжать их бесполезно.

Оглядев коллег, он повернулся к сидевшему в неподвижности президенту.

— Единственный способ привести процесс в движение — встреча на высшем уровне. Мы выступим на ней с позиции неимоверной силы. Новикову нелегко было обратиться к нам со своим предложением. Мы должны позитивно откликнуться на зондаж Маренского и незамедлительно направить кого-нибудь в Москву.

Уотерман достал из кармана маленький блокнот и торопливо написал записку. Вырвав листок, он сложил его вдвое, надписал с внешней стороны *МИНОБ* и быстрым движением положил ее на стол перед Райдером. Уотерман всегда надписывал записки с тех пор, как однажды он просто передал ее, и записку открыл и не только открыл, но и прочитал министр энергетики.

Испытывая неловкость из-за того, что ему приходится подзуживать своего шефа, Уотерман постарался передать записку как можно незаметнее. И все равно ему казалось, что все глаза были прикованы к желтому листочку, пока Райдер его развертывал, доставал из нагрудного кармана очки и читал:

Госдеп пытается подтолкнуть П-а к скоропалительному решению... Это повлечет за собой пересмотр политики, новые уступки Советам и, возможно, потребует новой внешнеполитической директивы. Мы не должны облегчать передачу технологий, торговлю между Востоком и Западом, смягчать нашу позицию по правам человека и контролю над вооружением и т.д. Но это наверняка произойдет, если процесс пересмотра попадет в руки Госдепа. Уоллес? Не поможет — Госдеп перетянул СНБ на свою сторону. Наш союзник только Маккэндлесс. Нам выгоднее всего потянуть резину. Может быть, чтобы приостановить Уинтропа, следует организовать межведомственную аналитическую группу?

Райдеру не требовалась записка Уотермана, чтобы понять: президент готов дать встрече добро. Это стало ему ясно час назад этажом выше в комнате заседаний кабинета, когда Райдер появился на еженедельной встрече с лидерами Конгресса для поддержки бюджетных запросов Пентагона; потом президент отвел его в сторонку и горделивым шепотом сообщил, что он получил «благоприятные вести из Москвы».

Поэтому попытки переменить его решение бесполезны. Президент давно уже дал ясно понять, что не склонен делать первый шаг; но он с самого начала говорил, что

если инициативу первым проявит Новиков, то он готов с ним встретиться.

Райдер, прочитав записку, едва заметно кивнул. Уотерман облегченно откинулся на спинку стула; он ждал, что его сомнения вскоре будут озвучены.

— Господин президент, — заговорил Райдер, — начинать нужно немедленно. Я рекомендовал бы просить межведомственную группу подготовить варианты нашей стратегии во время встречи. Такой документ мог бы быть подготовлен, или почти подготовлен, к вашему возвращению из Калифорнии.

Имея такой документ в качестве основы для обсуждения, мы могли бы выработать рекомендации относительно подхода к Новикову. Ключевой момент здесь — так построить повестку дня, чтобы приоритет получили наши вопросы, а не их. Советы всегда преследуют одну цель — оказать давление на нашу программу стратегической модернизации, в первую очередь на СОИ. У нас более широкая повестка, но бóльшая ее часть не столь эффектна в сравнении с договорами о ядерных вооружениях.

— Как скоро это можно сделать? — спросил президент, повернувшись к Уоллесу.

— Господин президент, мы уже выработали рабочий план. Кое-что будет готово к вашему возвращению в Вашингтон.

— Кого мы пошлем встретиться с Советами? — спросил президент.

Прежде чем Уинтроп успел что-то сказать, вмешался Райдер:

— Это один из вопросов, который подготовит межведомственная группа.

— Ну, хорошо, — сказал президент.

На другом конце стола подался вперед Маккэндлесс.

— Господин президент, вы должны отдавать себе полный отчет, почему Советы ищут встречи на высшем уровне. Они испытывают давление собственных провалов и наших успехов.

— Да, но... — попробовал перебить его Уинтроп.

ДЦР со своими двумя подбородками не уступил государственному секретарю.

— В течение многих лет, несмотря на целую серию «мирных инициатив», они вели бешеную пропагандистскую кампанию, призванную отвлечь вас от политики возрождения нашей военной мощи. Теперь они признают, что не сумели этого добиться. — Уильям Маккэндлесс был жестким нью-йоркским судебным адвокатом, «рыцарем холодной войны», который начал свою карьеру в разведке как лазутчик шотландского разведцентра Джедборо за линией фронта в немецком тылу во Франции, когда служил младшим офицером в Управлении стратегических служб* под началом Уильяма Донована**. Дружба его с президентом длилась уже не одно десятилетие, и это давало ему больше власти и более свободный доступ в Овальный кабинет, чем имели до него другие руководители разведывательного ведомства. Несмотря на свою грубоватую внешность, Маккэндлесс обладал широкой эрудицией, а в его рассуждениях на исторические темы, произносимых с тяжелым бруклинским акцентом, изобиловали соленые словечки из жаргона портовых грузчиков. В последнее время, заметил Уотерман, Маккэндлесс начал слегка шамкать. Но сегодня, решительно хлопнув ладонью по столу, он говорил совершенно отчетливо.

— Если мне будет дозволено кое-что добавить, господин президент, скажу, что нам мало что известно о господине Новикове. Он очень скрытен. Но кое-что мы сумели почерпнуть от перебежчика, которого сейчас опрашиваем — он работал переводчиком у Новикова во время визита в Москву китайского руководства в прошлом году. Он рассказывает, что перед тем как к нему в кабинет вошли китай-

* Управление стратегических служб (УСС) — разведывательная организация, созданная в США в годы второй мировой войны (с 1947 года преобразована в Центральное разведывательное управление).

** Уильям Донован (1883–1959) — первый директор УСС (1942–1945).

цы, Новиков перевернул лицевой стороной вниз обрамленную в рамку цитату из Сунь Цзы, китайского философа и стратега, двадцать пять веков назад написавшего трактат о военном искусстве. На ней дарственная надпись: «Доброму другу и товарищу от Дмитрия Зелинского, начальника Генерального штаба СССР». Новиков не хотел, чтобы цитату кто-нибудь увидел. Почему? Быть может потому, что это слишком широко открыло бы окно в его образ мыслей. Перебежчик сообщил лишь общий смысл цитаты, но мне удалось ее разыскать. Послушайте-ка... — Директор ЦРУ достал из кармана маленький листок. — «Когда вы в состоянии нападать, притворитесь беспомощным, когда вы активны, притворитесь бездеятельным, когда вы близко, внушите врагу, что вы далеко, когда вы далеко, внушите, что вы близко, когда у вас порядок, сделайте вид, что у вас царит хаос, если вы слабы, притворитесь сильным, чтобы враг вас избегал, если вы сильны, притворитесь слабым, чтобы враг обнаглел».

Маккэндлесс прервал чтение.

— Что это доказывает? — скептически отозвался Уинтроп.

— Доказывает? Это ничего не доказывает, — сказал Маккэндлесс. — Но если я человека не знаю, но собираюсь делать с ним бизнес, а у него такое стоит перед глазами на столе в его кабинете, то я был бы крайне осторожен при встрече с ним.

— Относительно господина Новикова у меня нет никаких иллюзий, — сказал Уинтроп. — Он не желает нам добра. Но я верю, что мы должны изведать все возможные пути, которые могут ослабить существующее между нами напряжение. Мы не уступим, если не уступят они. Планировать, готовиться — это нам ничего не будет стоить. *Ничего не будет стоить*, — повторил он с ударением. — Если Новикову на встрече нечего будет нам предложить, то и у нас нечего будет предложить.

Раздражение Уотермана росло. Уинтроп намеренно затемняет последствия решения о проведении встречи на

высшем уровне — последствия, которые этот президент, которому хватало здравого смысла не вникать в бюрократические детали, может и не понимать.

Уотерман знал, что согласие на проведение встречи повернет невидимый выключатель громадной правительственной машины, которая вырабатывает политические действия, как сосиски, работает в соответствии с собственной конструкцией, крутится беспрерывно от администрации к администрации, независимо от политической философии и политического видения, от опросов общественного мнения и выборов. Это огромный, сложный механизм, который не в состоянии контролировать ни Уинтроп, ни Райдер, ни Маккэндлес, ни, фактически, сам президент тоже. Это машина, состоящая из армии гражданских служащих, которым нет дела до президента с его твердой политической линией и которые пойдут на новую разрядку с Москвой, если это принесет *им* наибольшее удовлетворение.

И с этим ничего нельзя поделать. Нельзя остановить руку, которая уже легла на выключатель; ведь все выглядит так благостно и разумно — «изведать пути», как выразился Уинтроп.

Как это он сформулировал? «Мы не уступим, если не уступят они. Планировать, готовиться — это нам ничего не будет стоить». Ничего? Это может стоить *всего*, подумал Уотерман возмущенно. Это с громким скрежетом затормозит воссоздание оборонительных систем Америки. Но противиться сейчас, когда президент ясно дал указание идти по этому пути, бесполезно.

Если не считать замечания по поводу законодательных сложностей, касающихся полиграф-машины, Гэри Бернер молчал в течение всего заседания, он только поглаживал указательным пальцем усы да почитывал время от времени газетные вырезки. Глава аппарата Белого дома никогда не проявлял большого интереса к международной и оборонной политике, за исключением тех случаев, когда это могло отразиться на популярности президента.

Единственной и главной заботой Бернера был президентский рейтинг.

Поэтому, пока Райдер, Уинтроп и Маккэндлесс рассуждали о политике президента и советско-американских отношениях, их слова для Бернера были бюрократической возней, белым шумом. В связи с возможной встречей на высшем уровне его гораздо больше занимали возникавшие в его голове образы Дэна Рейзера, Тома Брокау, Питера Дженкинса и Бернарда Шоу, ведущих свои программы новостей с возвышений, откуда открывается вид на залитое яркими огнями и радующее глаз место встречи мировых лидеров. И неважно, что будут говорить эти телевизионщики, знал Бернер, — лишь бы картинки на экране внушали благоговение.

Бернеру не хотелось вмешиваться во внешнеполитическую дискуссию, но то, что обсуждалось, было, с его точки зрения, прежде всего событием, громадным телеспектаклем, который, должным образом отрежиссированный, способен резко поднять популярность президента. Для Гэри Бернера любые когда-либо подписанные и успешные договоры о сокращении вооружений не могли сравниться по своей значимости с 75 процентами одобрения при опросе службой Харриса.

Глава аппарата Белого дома повернулся к своему шефу.

— Господин президент, — сказал он, — я полагаю, нас всех должно чрезвычайно радовать такое развитие событий. Встреча с Новиковым будет истинным триумфом для этой администрации. Она произойдет в то время, когда никто не знает, чего от него можно ожидать. Но вот организация встречи важна как ничто другое. Уже пора готовить политическую сторону события: освещение средствами массовой информации, консультации в Конгрессе, обязательные поправки в расписании ваших поездок в ближайшие недели, вставки в текст ваших выступлений и так далее. Это громадный повод, и мы должны постараться максимально его использовать. Я сфор-

мирую небольшую группу, чтобы все это подработать, если вы не возражаете.

— Ну конечно, Гэри, — кивнул президент.

— Господин президент, — сказал Уоллес, — на этом наша повестка исчерпана, если только никто больше не хочет высказаться.

И, не сделав паузы для ответа, продолжал:

— Я был бы признателен, если Дэн Беннет и представители других ведомств останутся, чтобы выработать программу действий.

При этих словах президент встал и, сопровождаемый Бернером, быстро исчез за дверью. Директор ЦРУ взял под руку Райдера, и они, наклонив головы и перешептываясь, направились к выходу из Оперштаба. Государственный секретарь чуть задержался, чтобы передать какой-то листок Беннету, и вышел, не произнеся ни слова.

Ну что ж, подумал Уотерман, теперь начинается работа — настоящая работа.

Глава вторая

Белый дом,
16 сентября, 11:45 утра

Заместители министра — это сторожевые псы своих ведомств. Они ревностно охраняют вверенную им территорию.

Среди прочего это значит никогда не допускать умаления авторитета своего министерства, даже малейшего и временного, без оглядки на связанные с этим общественные интересы. Тот, кто хотя бы непродолжительное время работал в правительстве, это знает и относится с уважением и к самой охранительной миссии, и к замам — как к крупным, агрессивным доберманам, стерегущим доверенное им добро.

Заместители министра контролируют драгоценное достояние, в котором постоянно нуждаются министры — финансов, обороны, торговли, образования или госсекретарь, — ответы. Реакцию на выступления прессы. Разъяснения Конгрессу. Интерпретацию коллегам. Объяснения президенту. Заместители министра снабжают членов кабинета нескончаемым потоком фактов и прочей информации. С помощью докладных, меморандумов, написанных от руки записок, карточек размером три на пять, посланий, нацарапанных на влажных коктейльных салфетках, и нашептываний заместители министра поддерживают пол-

ную осведомленность своих патронов, как чаще всего именуются их шефы, и, что еще важнее, избавляют их от затруднительных ситуаций.

Еще одно обстоятельство делает заместителей министра незаменимыми: они надзирают за работой старших чиновников, воплощающих в себе ведомственную память правительства, тех, кто доподлинно знает истории, прецеденты, процедуры и правила, — короче, бюрократическую вселенную, в которой формируется и осуществляется политика.

Институт старших чиновников гражданской службы, и военного ведомства в том числе, оплачивается деньгами налогоплательщиков, эти расходы запрашивает президент и санкционирует Конгресс. Но работают они на заместителей министра, для которых собирают статистические данные и юридические заключения, графики, наброски программ, проекты заключений и меморандумов, являющиеся сухожилиями того, что именуется «политическим процессом».

Каждая администрация по-своему подходит к решению кадровых вопросов, но в недавней истории при решении важнейших проблем главная тяжесть ложилась на плечи заместителей министра.

Сейчас в Оперативном штабе друг против друга за полированным столом орехового дерева сидели два заместителя министра — Уотерман и Беннет, чтобы сгладить противоречия, как делали множество раз с тех пор, как оба поступили на правительственную службу. Условия схватки на сей раз давали некоторое преимущество Уотерману. Когда ему приходилось действовать, не имея специфических инструкций Райдера, Уотерман полагался на интуицию и общее знание точки зрения шефа. За последние пять лет они вместе прошли через множество сражений и их взгляды стали практически неотличимыми. Но еще важнее было то, что Уотерман имел полномочия говорить от имени своего шефа. Уотерман с согласия Райдера обладал полномочиями министра обороны.

Поэтому, хотя Беннет обладал тактическим преимуществом, заранее зная, что будет обсуждаться на группе планирования СНБ, это преимущество улетучилось в момент, когда заседание кончилось. Приступая к торгу, Уотерман знал — с уверенностью, которой редко обладал Беннет, — что какую бы позицию он ни занял, его поддержит министр обороны. У Беннета в отношении своего шефа такой уверенности не было. Не раз он соглашался с чем-то, а потом Уинтроп унизительно ставил его на место.

Уотерман, со своей стороны, знал, что сказанное им сейчас будет иметь решающее значение. Если он не сумеет отстоять позицию министерства обороны, если он не обеспечит полное участие министерства в подготовке встречи на высшем уровне во время своих переговоров с Беннетом, тот его просто оставит за дверью. В его мозгу лихорадочно сменяли друг друга вызовы, на которые он должен ответить: как сформулировать документы, как повлиять на выбор человека, которого отправят в Москву на встречу с Маренским, как укрепить американскую позицию в повестке дня предстоящей встречи на высшем уровне.

Он отнюдь не всегда был таким рьяным и целеустремленным. Единственный бриллиант в короне Сэма, владельца мясной лавки из Лос-Анджелеса, и его жены Эстер, Майкл Уотерман родился в 1943 году и вырос в одноэтажном оштукатуренном домике (две комнаты и ванная) на Хэйворт-стрит в Фэрфаксе, районе Лос-Анджелеса, равно удаленном как от отцовской мясной лавки, так и от скромной молельни, куда Сэм ходил молиться. Робкий худенький мальчик сильно натерпелся от своих однокашников. Когда большинство ребят его возраста начало проводить свободное время на бейсбольных площадках, футбольных полях и теннисных кортах, Майкл по настоянию родителей, движимых лучшими намерениями, четыре раза в неделю брал уроки виолончели. Поэтому от пятого до восьмого класса — а это важнейшие годы в становлении личности мальчишки — Майкл Уотерман таскал в школу не бейсбольные рукавицы или наплечные щитки, а чер-

ный кожаный футляр с инструментом неимоверной тяжести. Вместо уикэндов на пляже он часами напролет сидел в своей комнате и пилил гаммы. Он был невысок ростом и вечно бледен, очень худ и носил пластины для коррекции зубов. Одним словом, он был не такой, как все. Не удивительно, что мальчишки задирали его — просто в силу инстинктивной и безличной подростковой жестокости, и Уотерман прятался от них под неким эмоциональным панцирем наподобие черепашьего.

В общем, он был нерадивым учеником и социальным затворником. Однако в старших классах Майкл, благодаря природному уму, стал получать хорошие отметки, дававшиеся ему без особых усилий. Целые дни и вечера он предпочитал проводить за чтением, предаваясь этому занятию в почти всегда пустой просторной музыкальной комнате Публичной библиотеки Фэрфакса, а уикэнды — в бесконечном ряду кинотеатров на Голливудском бульваре, где на дневных сеансах всего за доллар смотрел фильмы по два, три или даже четыре раза подряд, до вечера, но так, чтобы не опоздать на последний автобус.

В отличие от Беннета, у родителей которого был зимний дом в Палм-бич и летний коттедж в Мартас-Виньярд, Уотерман проводил каникулы, помогая в лавке отцу, наблюдая, как старший Уотерман режет и рубит мясо, отделяет его от костей и вырезает филе. Он прислушивался к разговорам с покупателями отца, повторявшего очередному клиенту одну и ту же фразу, казавшуюся ему, видимо, очень остроумной: «Я Сэм Уотерман, но не родственник короля авторучек, и это очень обидно», и про себя давал клятву во что бы то ни стало избежать отцовской судьбы и образа жизни.

В конце шестидесятых кошерная мясная лавка переживала нелегкие времена, однако родители настояли, чтобы сын поступил в частный колледж. Потом Майкл поймет: родители надеялись, что в дорогом частном учебном заведении он будет в большей безопасности — насмотревшись телерепортажей о движении за свободу

слова в Беркли и студенческих волнениях в Лос-Анджелесском университете, они опасались, что дух анархии заразит их единственное дитя. С огромным облегчением узнали они о зачислении Майкла в Университет Тафтса* и отправили его на восток с чемоданом, набитым костюмами и галстуками.

Здесь он расцвел как интеллектуально, так и социально. Вместо костюмов и галстуков появились джинсы и клетчатые рубахи, вместо приличных черных полуботинок — кеды. Он отрастил длинные волосы. Пил дешевое алжирское вино и ел то, что всегда запрещалось дома, — яичницу с беконом, сэндвичи с ветчиной и омаров.

В Тафтсе он открыл в себе врожденный талант полемиста, проявившийся на первом же курсе в семинаре по современной истории Европы. Профессор Си Фу Леонг, сын тайваньского дипломата, получивший образование в Оксфорде, был сторонником приобщения студентов к сократовскому методу. Майкл, привыкший к затворничеству и поставленный перед необходимостью публично отстаивать свою точку зрения, три недели готовился к своему первому выступлению. Затем, ненавязчиво поощряемый профессором, увидевшим в застенчивом юноше искру, которую стоило попробовать раздуть, Уотерман начал свободно говорить. Через три месяца Леонг буквально не мог заткнуть ему рот, а Майкл настолько полюбил публичные дебаты, что записался в дискуссионный клуб. Он научился стоять прямо, смотреть оппонентам прямо в глаза и вышибать из них, если можно так выразиться, интеллектуальное нутро — и делал это с необыкновенным рвением. Уже на первом курсе он сменил специализацию с английской литературы на историю и написал дипломную работу об англо-американском Гентском договоре 1814 года; фотография родителей попала на первую полосу газеты в почетной красной рамке — Майкл получил диплом с отличием.

* Университет Тафтса — частный университет в г. Медфорд, штат Массачусетс.

С тех пор его возвышение было неуклонным и стремительным. Уотерман поступил в аспирантуру по международным отношениям в Принстоне. Докторская степень была уже совсем близко, когда он пал жертвой академического изможденния и прострации — результат каждодневного общения с ученой бюрократией.

Глубочайшее разочарование Уотермана объяснялось тем, что для себя он определил как непомерное политизирование всего процесса преподавания на старших курсах. Будучи евреем, он вырос, слушая ужасные рассказы взрослых о Холокосте, и был крайне чувствителен к угрозе тоталитаризма. Как ученый, специальностью которого была Европа между двумя мировыми войнами, он научился понимать опасность умиротворения. Профессорский состав Принстона, как он обнаружил к своему глубочайшему огорчению, не пришел к правильному пониманию ни той, ни другой угрозы.

Разочарованный, он расстался с Принстоном. Купил рюкзак и пару крепких ботинок и отправился на шестнадцать месяцев путешествовать по Западной Европе. Он свободно изъяснялся по-французски и по-немецки и, любознательный от природы, вступал в разговоры с людьми, подвозившими его на дорогах, со студентами в общежитиях, где останавливался на ночлег, с официантами в ресторанах. Скромный бюджет заставлял его избегать крупных городов и держаться в провинциальных местностях Франции, Западной Германии, Австрии и Италии. Он вернулся в Соединенные Штаты, лучше понимая отношение европейцев к Америке, а также то, чего они ждут от Соединенных Штатов. И еще он вернулся по уши влюбленным в Лауру Уильямсон, свою американскую сокурсницу, которую встретил в молодежном общежитии во Франции и на которой год спустя женился.

Вскоре после возвращения в Штаты он под влиянием момента подал заявление на работу в Капитолии. Ему посчастливилось получить временную должность (она оказалось «временной» на одиннадцать лет) в аппа-

рате сенатора Артура Уинтера, консерватора новой волны (или либерала старой школы, как Уотерман предпочитал называть своего патрона), увидевшего в Уотермане потенциальную страстность, которой не находил ни в одном из своих многочисленных помощников.

Уинтер пестовал молодого калифорнийца, развивая в нем врожденный талант к организаторской штабной работе. Сенатор учил не нравоучениями, а личным примером. Под его руководством Уотерман овладел этим искусством. Своего и того, что требовалось сенатору, он научился добиваться от других помощников или других сенаторов, когда всем казалось, что это невозможно. Он оттачивал технику составления законопроектов, речей, точно бьющих в цель вопросов, которые обеспечивали сенатору попадание на первые полосы газет и в вечерние выпуски теленовостей.

Он постиг тонкости слушаний в сенатских комитетах. Однажды, например, сенатор Уинтер отвел его в сторонку как раз перед появлением государственного секретаря в комитете по делам вооруженных сил для дачи объяснений по контролю над вооружениями. «Он ничего в этом не смыслит, и мы постараемся продемонстрировать это всему комитету», — шепнул Уинтер своему помощнику.

Он велел Уотерману переставить стулья в комнате слушаний за несколько минут до начала. Это оказалось, сразу же понял Уотерман, убийственно эффективным решением. Обычно помощники сидели рядком в метре за спиной свидетеля — члена кабинета, достаточно близко, чтобы шепнуть ему на ухо или передать записку, если какой-нибудь сенатор задавал каверзный вопрос, информацией по которому министр не владел. Перед заседанием Уотерман отодвинул стулья помощников на шесть метров от свидетельского кресла. Никто не обратил на это внимания, пока в кресле не оказался государственный секретарь.

Его дискомфорт обнаружился сразу же, как только он попытался ответить на сложный вопрос технического

свойства, в котором ничего не понимал. В конце концов он был вынужден извиняющимся тоном просить Уинтера так переместить своих помощников, чтобы они помогли ему отвечать на вопросы более точно, и цель сенатора была достигнута — он прилюдно продемонстрировал, что госсекретарь недостаточно разбирается в важных проблемах.

Так, с помощью Артура Уинтера, Майкл Уотерман изучил правила бейсбола в сенатской лиге — когда бить и бежать, отбивать и отступать, а когда стремительным и сильным ударом выбить мяч с площадки. Он научился сочинять пространные поправки к законопроектам, которые легко сокращались до нескольких строк, если нужно было привлечь дополнительную поддержку, предлагать уступчивые лжепоправки, чтобы расчистить дорогу для одной заветной, научился так строить процедуру, чтобы сенаторы проголосовали дважды — по одному разу за каждую из сторон проблемы. Он научился, как использовать сенатские слушания, чтобы оказать давление на чиновников, как дергать за ниточки, открывающие доступ к финансам и получать согласие на меры, отнюдь не обеспеченные бюджетом, и как в случае необходимости срывать дебаты утечкой информации или наводкой дотошного газетчика на упирающегося чиновника. Ко времени перехода — по настоянию самого сенатора — к министру обороны Джеймсу Райдеру он прошел ни с чем не сравнимую школу. И именно в такие моменты, как этот, когда Беннет предпринял попытку совершить нечто неприемлемое, уроки, полученные Уотерманом за годы, проведенные у сенатора Уинтера, были особенно ценны.

Генерал Уоллес открыл совещание.

— Джентльмены, спасибо, что согласились задержаться. В следующие несколько дней нам предстоит проделать огромную работу. Нам потребуется участие всех присутствующих — госдепартамента, министерства обороны, ЦРУ, Агентства по контролю над вооружением и по разоружению и Объединенного комитета начальников

штабов. Я набросал кое-какую рабочую программу. Мы можем обсудить ее сейчас, но если вы предпочитаете обдумать ее вечерком, я готов встретиться с вами завтра. Однако президент хочет, чтобы мы поторопились, поэтому я предпочитаю рассмотреть ее до его завтрашнего отъезда. Следующей встречи можно избежать, если согласие будет подтверждено по телефону. Если нет, то мы могли бы снова встретиться сегодня в семнадцать тридцать.

Советник по национальной безопасности кивнул своему помощнику Бобу Риду, и тот разложил на столе двухстраничные копии документа. Уотерман пробежал глазами список тем и поручений различным агентствам. Он взглянул на Беннета: тот смотрел на эти странички, точно видел их впервые. Уотерман покачал головой. Он был уверен, что Беннет и есть их автор. По всей вероятности, документ подготовили в советском отделе госдепартамента, затем по нему «прошелся» Беннет и передал Риду, который просто положил его на стол шефа, не указав авторства. А генерал Уоллес не принадлежал к числу тех, кто стал бы сам вносить поправки.

Чем внимательнее вчитывался Уотерман в список документов, которые надлежало подготовить, и связанных с этим поручений правительственным агентствам, тем больше он убеждался в авторстве госдепартамента, а вовсе не Совета национальной безопасности. Документу не хватало фирменного знака СНБ — сочетания глобальных проблем с перспективами оборонной и разведывательной политики, смеси, составляемой небольшим штатом экспертов Совета. Вместо этого здесь перечислялось все, что обычно занимало советский отдел госдепартамента: открытие нового консульства в Киеве, расширение культурного обмена, сотрудничество по ближневосточному урегулированию, множество двусторонних соглашений, касающихся науки, технологии, космических исследований, медицины, транспорта, океанографии, ядерной энергии, строительства и много чего еще. В том числе и уступка Советам по смутной проблеме американского на-

звания крошечного островка Алеутской гряды, на который претендовали Советы, что американцы всегда отвергали, — все попало в этот перечень белья, отправляемого в прачечную.

Ничему не научившись за время, истекшее после президентства Никсона, когда Соединенные Штаты пытались умерить советскую позицию посредством втягивания Брежнева во множество совместных программ, что в конечном счете лишь усилило военную мощь Москвы, госдепартамент снова пытается сделать ставку на новую всеобъемлющую разрядку напряженности. Нет такой проблемы, подумалось Уотерману, по которой госдепартамент не был бы готов к новой серии переговоров и компромиссов.

Теперь, когда у власти Новиков, Беннет начал продвигать идею нового захода на разрядку не только потому, что это входило в компетенцию заместителя госсекретаря по европейским и канадским делам, но и в силу того, что, добейся он успеха, он совершит рывок в своей карьере, иным способом неосуществимый. Успешная разрядка — звездный час дипломата, который это обеспечил, шанс попасть в высший внешнеполитический истеблишмент, что пока ему не светит, впрочем, как и многим его предшественникам, так и не сумевшим выкарабкаться из рядов бесчисленной мафии карьерных чиновников дипломатической службы.

Однако чтобы дать этому ход, развернуть громоздкий государственный корабль в сторону политики, против которой президент выступал со времени своего вступления в должность, требовалось кардинально изменить мышление президента. А этого можно достичь, только если Беннет сумеет положить на стол в Овальном кабинете совершенно новый набор заманчивых политических решений. Беннет понимал, что его проблема — не только осуществить всесторонний пересмотр американо-советских отношений, но сделать это таким образом, чтобы президент радостно ухватился за всю идею, как за

волшебное медное кольцо. Беннет уже несколько недель настаивал на таком пересмотре, постоянно испытывая межведомственные группы, которые он возглавлял совместно с Уотерманом, своими далеко идущими предложениями.

Правда, вне государственного департамента никто не проявлял интереса к такого рода действиям, и Уотерман, решительный противник пересмотра, с легкостью парировал поползновения Беннета. Огорченный, Беннет пришел к выводу, что без некоего важного события, способного подтолкнуть и ускорить ход дел, не будет никакого нового мышления. Встреча на высшем уровне была бы идеальным толчком, и вот теперь, точно по волшебству, этот момент настал.

Пробегая глазами бумагу, составленную фактически его советским отделом, Дэниел Беннет безмолвно купался в лучах близкого, как ему казалось, успеха. Подобно фениксу, он поднялся из пепла своих прежних неудачных попыток: утечек в прессу, тайного заигрывания с либеральными членами Конгресса, переписки по неофициальным каналам с чиновниками министерств иностранных дел союзников Америки. Что бы ни происходило, администрация была готова приступить к полному пересмотру политики по отношению к Советскому Союзу. И государственному департаменту суждено играть главную роль на предстоящей встрече. Он подготовит повестку и вынудит президента ей следовать. К тому же профессионалы — те самые карьерные дипломаты, которые заглазно презирали Беннета и насмехались над ним за его спиной — здесь поддержат его на всю катушку.

Принято говорить, что генералов делает война, и это действительно так: великие военные карьеры практически невозможны в мирное время. И государственный департамент не мог процветать, пока президент проявлял равнодушие к талантам в дипломатической среде. Никакие великие дипломатические карьеры невозможны во времена, когда дипломатия ведет в никуда.

Таким образом, карьеры и благосостояния оказались сложным образом связанными с сутью американо-советских отношений. Послы в местах своей службы, заместители госсекретаря в своих вашингтонских кабинетах, сам государственный секретарь — все они уверовали: то, что было в *их* бюрократических, профессиональных и — хотя об этом, разумеется, прямо не говорилось — личных интересах, иными словами, активные, энергичные дипломатические отношения с Советским Союзом, отвечало, ни больше, ни меньше, национальным интересам Америки. О, Уотерману хорошо знакомы все эти рассуждения-концепции, маскировавшие и от самого государственного департамента его веру в демократию и компромиссы, хотя на самом деле требовалось совсем иное — отстаивать западную демократию в великом идеологическом противостоянии. Президент отчетливо понимал необходимость постоянно ставить под вопрос легитимность коммунистической системы. В одной речи за другой он называл Советы империей зла. Госдепартамент предпочитал помалкивать и вести переговоры. Теперь вся обычно неповоротливая машина госдепартамента, на сей раз хорошо смазанная, задвигалась под дудку Беннета.

Просмотрев документ, Уотерман понял, что госдепартамент пытается занять в этом забеге наивыгоднейшую дорожку, то есть контролировать составление важнейших документов: резюме и обзора, единственных бумаг, которые будет читать президент, в том числе и разделов, посвященных контролю над вооружениями, «региональным» проблемам (Афганистан, Центральная Америка, Ближний Восток и так далее), правам человека и двусторонним вопросам.

К огорчению Уотермана, роль министерства обороны сводилась к функциям помощника редактора, собирающего нужные сведения. Согласно этому документу, МИНОБ в процессе подготовки к встрече должен лишь поставлять статистические данные об американских и советских вооруженных силах, своего рода исходный мате-

риал для составления боевого приказа, который полукомпетентный помощник редактора мог почерпнуть из официальных источников, а также готовить предложения о проверке в процессе осуществления договоров о контроле над вооружениями.

Единственный документ реальной значимости — анализ и оценка будущего советских вооруженных сил с учетом и без учета договоров о контроле над вооружениями — хитроумно предполагалось поручить ЦРУ и Объединенному комитету начальников штабов, этому отмирающему бюрократическому органу, где, как любил повторять Уотерман, все виды вооруженных сил были обязаны во всем соглашаться еще до того, как его членам объяснят, в чем суть дела. Поручение такого рода гарантировало нулевой результат. Но самое важное заключалось в том, что оно обходило министерство обороны и по существу устраняло Райдера (и, следовательно, Уотермана) от участия в самом важном анализе, результаты и выводы которого президент возьмет с собой на встречу с советским лидером.

— Пожалуй, меня тут все устраивает, — подобострастно заметил Беннет.

Уотерман помахал пальцем советнику по национальной безопасности. Он решил говорить без обиняков.

— У меня же, напротив, возникает целый ряд вопросов. Во-первых, я возражаю против низведения роли министерства обороны, заинтересованность которого в военном балансе с Советским Союзом очевидна, до технического содействия государственному департаменту.

— Это смехотворно, — сказал Беннет, в голосе которого слышались снисходительные нотки, способные лишь оправдать раздражение Уотермана. Но прежде чем он успел что-то добавить, Уотерман продолжил свою мысль:

— Во-вторых, весь пафос этого документа направлен на рассмотрение всех мыслимых аспектов американо-советских отношений сразу. Это лишено смысла.

Нельзя рассчитывать, что их всеобъемлющий анализ будет проведен в считанные дни. Даже если решение о встрече на высшем уровне принято, я не нахожу причин, в силу которых мы должны решить все проблемы, какие только могут прийти нам в голову. Нам нужно сфокусировать свое внимание на том, что необходимо решить сейчас, — он посмотрел на Беннета, — прежде всего — как откликнуться на предложение Маренского. Поверьте мне, — продолжал Уотерман, переводя взгляд на Уоллеса, — все остальное я бы назвал безнадежно второстепенным. Госдепартаменту, быть может, больше нечего делать, как сочинять докладные на двадцать-тридцать сюжетов одновременно, нам же нужно управлять огромной военной машиной.

— Да будет вам, Майкл, — сказал Уоллес. — Никто не говорит, что этот набросок представляет собой наш окончательный подход к встрече лидеров. Это первый вариант, то, что мы можем дать президенту для просмотра, когда он вернется с западного побережья.

— Значит, это, — Уотерман приподнял две странички, держа их между большим и указательным пальцами, точно несвежую рыбу, — это совсем не то, на чем будет основано окончательное резюме для президента?

Уоллес посмотрел на Беннета, тот покачал головой.

— Нет, — сказал Беннет со вздохом. — Этот документ лишь обрисовывает в общих чертах рабочую программу для президента. Окончательное резюме появится позднее. Не будьте таким параноиком, Майкл.

— Параноиком? С какой стати мне быть параноиком? Генерал Уоллес раздает проект плана с таким видом, будто он подготовлен Советом национальной безопасности. Но судя по тому, как он повернулся к вам для пояснений, можно сделать вывод, что он состряпан в госдепартаменте. И вы еще советуете мне не быть параноиком. Я своими ушами слышал, как президент согласился на предложение министра обороны, что вопрос о том, чем мы ответим на предложение Новикова, будет решен к его

возвращению в Вашингтон. — Уотерман посмотрел на советника по национальной безопасности. — Я ведь не ослышался?

— Отнюдь нет, — сказал Уоллес.

Уотерман стукнул рукой по столу.

— Значит?

— Ну хорошо, — сказал Уоллес. — Госдепартамент сосредоточится на подготовке документа о проблемах, которые нужно решить до нашего ответа Новикову. Министерство обороны примет в этом участие, и каждый вправе представить свой вариант.

— Или варианты, во множественном числе, — подчеркнул Уотерман.

— Варианты, — согласился Уоллес. — Ва-ри-анты. Во множественном числе.

— Я могу продолжать? — спросил Уотерман. — Я хотел высказать третье возражение.

— Давайте, — еле слышно произнес Уоллес.

— В-третьих, до недавнего времени я был убежден в том, что у нас действует принцип гражданского контроля над военными. Я решительно возражаю против таких программ, в которых что-то поручается Объединенному комитету начальников штабов без предварительного согласования с аппаратом министра обороны. Я не собираюсь мешать вам неформально общаться с ними в процессе межведомственного анализа, однако законная процедура — информировать министра обороны перед тем, как давать те или иные поручения, касающиеся компетенции министерства.

Уотерман с удовлетворением заметил болезненную гримасу на лице Беннета.

— И наконец, я вынужден настаивать на полном участии министерства обороны в подготовке документов, касающихся будущего наших стратегических ядерных ракет и ядерных ракет средней дальности. Кстати, и других видов вооруженных сил. Это вполне разумное требование. В конце концов, я являюсь сопредседателем межве-

домственных групп, решающих проблемы оружия средней дальности и оружия стратегического назначения. Тот факт, что в контексте подготовки к встрече лидеров потребовались новые документы, никак не меняет роли в этом процессе заинтересованных ведомств.

Слушая Уотермана, Уоллес представлял себе, как тот возвращается к себе в Пентагон и информирует министра обороны, излагая эти же аргументы. Того хуже, он уже предвидел конфиденциальный меморандум Райдера президенту. Уоллес знал, что как бы он или кто-то еще ни изощрялся, он не сможет предотвратить появления этого меморандума на письменном столе Овального кабинета. Старик и Райдер слишком давно знают друг друга. Уоллесу было известно, что его самого и Энтони Уинтропа президент рассматривает как своих подчиненных. А к Райдеру относится как к равному. Поэтому нет смысла отрицать неизбежное. Какой смысл получать взбучку от президента, но этим и кончится, если Райдер обратится к президенту лично, а он-то не преминет это сделать.

— Майкл это верно подметил, — сказал Уоллес. — Предложения по контролю над вооружениями должны быть подготовлены соответствующей секцией межведомственной группы, возглавляемой представителями госдепартамента и министерства обороны. Мы сделаем это в закрытом порядке. Создадим новую ячейку со своим кодовым названием и со строго ограниченным доступом к ней. Только люди со специальным допуском будут знать, что там происходит. Состав межведомственной группы слишком широк.

Вспомнив недавние замечания президента, Уоллес добавил:

— Давайте всемерно снизим вероятность утечки информации. Будем готовить документ о том, как бы мы откликнулись, *если бы* Советы предложили встречу на высшем уровне. До последней черты будем скрывать, что они ее уже предложили.

Беннету, скорее всего, не понравилась готовность, с которой Уоллес уступил требованиям Уотермана, но ему

нечего было жаловаться: в свете заседания группы планирования национальной безопасности эта уступка выглядела не более чем утешительным призом. И сам готовый бросить кость Уотерману, Беннет посмотрел на него с другого конца стола с обворожительной улыбкой и кивнул советнику по национальной безопасности.

— Я согласен, что нужна особая ячейка, доступ к которой будет открыт лишь главам ведомств плюс один человек от каждого из них. Я предлагаю назвать эту ячейку «Дартмут». Вы не возражаете, Майкл?

Уотерман пожал плечами.

— У меня нет причин возражать при условии равного участия в ее работе.

— Есть еще возражения или дополнения? — Уоллес оглядел стол. — Отлично, мы пришли к согласию. Если кто-то захочет внести новые поправки в рабочий план, сообщите об этом Бобу Риду до конца дня, и завтра мы разошлем его в исправленном виде по факсу. Полагаю, новая встреча не потребуется, пока мы не вникнем в проблемы.

Ирония Беннета, предложившего назвать ячейку «Дартмут» в качестве кода для абсолютно секретного подразделения межведомственной группы, не прошла мимо Уотермана. В течение многих лет ежегодная Дартмутская конференция советских и американских деятелей ставила целью возвращение к разрядке семидесятых годов.

— Для протокола хочу пояснить, — сказал Уотерман. — Я должен буду просмотреть этот документ со своим аппаратом и министром, прежде чем дать на него согласие. В модифицированном виде я доложу о нем министру прямо сейчас. Я должен буду сказать ему что-то о сроках. У меня послезавтра встречи на целый день, а у министра — натовское совещание на министерском уровне, где я тоже участвую. Он захочет знать, на какой срок мы ориентируемся. Когда по вашим расчетам может состояться встреча лидеров?

— Не раньше, чем через несколько недель, разумеется, — сказал Уоллес. — Мы должны представить прези-

денту первый вариант к его возвращению из Калифорнии, а далее будем заниматься доработками в соответствии с его пожеланиями.

Уотерман откинулся на спинку сиденья машины и поднял телефонную трубку. Он подумал, что надо бы позвонить домой и сказать жене, что скорее всего не успеет к обеду. Она уже привычна к тому, что его к обеду не бывает дома. Но вместо того, чтобы набрать домашний номер, он позвонил в свой секретариат.

— Я еду, Мэгги, — сказал он, когда секретарша подняла трубку. — Много чего происходит. Мы сейчас на Мемориал-бридж. Зарезервируйте для меня по приезде пятнадцать минут у министра.

Он хотел сказать что-то еще, но осекся. Он знал, что ничего лишнего по автомобильному аппарату говорить не следует, потому что его, по всей вероятности, прослушивает половина разведывательных служб, действующих в Вашингтоне.

Он положил трубку и принялся разглядывать стайку джоггеров, бегущих по специально для них предназначенной дорожке, параллельно дороге, ведущей к Пентагону. Короткая пробежка между Пентагоном, госдепартаментом и Белым домом, решил он; приличный бегун может преодолеть это расстояние в обе стороны за какие-нибудь полчаса. А вот идеям сделать это куда труднее, подумал он со вздохом; иногда это им и вовсе не удается.

Глава третья

Пентагон,
16 сентября, 1:30 дня

В приемной своего служебного кабинета на четвертом этаже Пентагона Уотерман застал гудящий улей. Военный помощник заместителя министра по разведке сидел на стуле возле двери с конвертом на коленях; очевидно, принес какой-то документ на визирование. Ове Андерс, очкастый и бородатый норвежский журналист, приехавший из Осло, пришел на встречу, назначенную несколько недель назад. Сгорбившись в углу дивана с зажатой в зубах потухшей трубкой, он читал вчерашний номер «Уолл-стрит Джорнал».

Мэгги вся была поглощена телефоном, трубки двух аппаратов ждали ответа, при этом она не сводила глаз с сержанта технической службы, присевшего на корточки возле большой серой шифровальной машины, подсоединенной к защищенному от подслушивания телефонному аппарату; то был верный знак, что шифровальная машина в очередной раз вышла из строя. Подсоединенный к компьютеру принтер выстукивал длинный меморандум. Через открытую дверь из кабинета военного помощника слышалась трансляция заседаний в сенате и палате представителей, передаваемая по двум каналам кабельной сети Си-Спэн, что лишь усиливало гул в приемной.

Уотерман, на мгновение задержавшись в дверях, созерцал представший его глазам хаос.

— О, дом родной, — бросил он секретарше.

Большинство кабинетов заместителей министра имели личный вход; у Уотермана его не было. Он терпел это неудобство, отдавая предпочтение кабинету сразу под залом заседаний и над кабинетом министра на внешнем кольце «Е» здания Пентагона. От более просторного помещения с ванной и душем на кольце «Д», но без всякого вида из окон, он наотрез отказался. Две комнаты на Пятой авеню смотрели прямо на здание в Бронксе. Поэтому столпотворения в приемной стали неизбежны. Он посмотрел на норвежца. Андерс, в отличие от остальных, прибыл издалека, а сам Майкл пришел на час позже назначенного времени: звонок Мэгги в последнюю минуту, чтобы перенести встречу, Андерса уже не застал.

— Ове, — окликнул он норвежца еще от двери. — Я очень прошу меня извинить. Неожиданный вызов в Белый дом. Как ты, черт тебя дери?

— Прекрасно.

Этот тщедушный, но весьма настойчивый журналист протирал стекла очков бордовым носовым платком.

— Вообще-то я немного опоздал, так что испытал облегчение, не заставив тебя ждать.

— Заходи, — сказал Уотерман, махнув норвежцу рукой.

Мэгги прикрыла ладонью микрофон трубки и кивнула на дверь его кабинета.

— Там вас кое-кто дожидается.

— Подожди минутку, Ове, — Уотерман беспомощно развел руками. — Постараюсь побыстрее уладить.

Он вошел в кабинет и увидел военно-морского офицера в форме, которую, видимо, еще несколько минут назад можно было назвать безукоризненно белой, проклинающего итальянскую кофеварку эспрессо.

— Вот к чему приводят воровские замашки, — улыбнулся Уотерман.

Офицер повернулся к нему.

— Черт возьми, Майкл, надо хотя бы время от времени чистить этот агрегат. Ты только посмотри.

Уотерман едва сдерживал смех. Его давний друг и некогда его студент в Принстоне, капитан первого ранга Джей Паризи, ныне офицер военно-морской разведки, прикомандированный к Пентагону, стоял на восточном ковре в кабинете Уотермана, а его украшенная лентами грудь была покрыта кофейной гущей. Кофеварка «Олимпия», сиена с хромом, занимавшая почетное место на собственном столике в окружении кофейных чашек, которые Уотерман и Паризи похищали в качестве сувениров в ресторанах по всей Европе, бешено шипя и ворча, плевалась паром.

Уотерман подошел к кофеварке, выключил ее и посмотрел на то, что она натворила. Покачал головой. Джей Паризи, возможно, был первоклассным офицером разведки и гением средств связи, а также непревзойденным специалистом по раскрытию всяческих тайн — для него не существовало ничего невозможного, если только в его распоряжении были пара часов и мобильный телефон, — но когда дело касалось техники, у него все валилось из рук.

— Полезно наконец научиться правильно вставлять патрон с заваркой, — сухо заметил Уотерман. — Если он вставлен неплотно, то машина не производит ничего, кроме пара, шума и кофейной гущи на белом накрахмаленном мундире.

— В Неаполе такого никогда не случалось, — оправдывался Паризи.

— Да, но на твоей машине, когда ты вздумаешь поехать домой, будут в целости все четыре колеса. *Такого* тоже никогда не случалось в Неаполе. — Он оглядел своего бывшего студента. — Ради бога, Джей, ты же итальянец, с тобой такого не должно быть: эспрессо у тебя в крови.

Паризи провел рукой по своим коротко стриженым светлым волосам.

— Положим, я только вырос в Италии. А вообще-то я финский сирота.

— Очень похоже. Я видел твои детские фотографии.

— Верно, — сказал Паризи. — Верно, хотя и печально. Я чистокровный, как и ты, господин заместитель министра. Кстати, я вижу, что у нас почти не осталось кофе. Один из моих технических помощников, Меркади, будет в Риме на следующей неделе. Я велю ему пополнить наши запасы.

— *Наши?*

— Ну, ладно, пусть будут *твои.*

— Grazie*, — сказал Уотерман.

Стряхивая кофейные сгустки с мундира в корзинку для бумаг, Паризи заметил:

— Кстати, что происходит? Твоя приемная — чистый сумасшедший дом.

— Тебе знакомо такое выражение: «Встреча на высшем уровне»?

Паризи охнул.

— Сходи в чистку и возвращайся минут через двадцать. И то, что я сейчас тебе сказал, — совершенно секретно. Ни слова. По прочтении сжечь.

Паризи отдал честь.

— Слушаюсь, сэр.

Уотерман проводил Паризи до двери и ввел в кабинет Ове Андерса. Норвежец огляделся и присвистнул. Из трех громадных окон открывался потрясающий вид на Приливный бассейн, мемориал Джефферсона и Белый дом вдали. Глаза Андерса расширились, когда он увидел гору документов на столе хозяина кабинета. Уотерман засмеялся.

— Наверное, то же самое творится в редакции новостей «Афтенпостен».

— Вообще-то это напоминает мне мою первую квартиру в Москве — хотя твое помещение попросторнее. У меня было столько бумаг, что КГБ был не в силах их все сфотографировать. Мысль о том, как они старают-

* Спасибо (*итал.*).

ся скопировать каждую бумажку, до сих пор вызывает у меня колики от смеха.

Сейчас Андерсу было за шестьдесят, в Москве он работал дважды. Первая командировка длилась девять лет — с 1956-го по 1965-й. В начале шестидесятых у него была уникальная возможность наблюдать за советско-американскими отношениями, когда Хрущев пытался запугать Кеннеди в Вене, когда Советы наложили мораторий на ядерные испытания и чуть не развязали войну во время Кубинского ракетного кризиса. В 1968-м Андерс снова приехал в СССР почти на два года; в это время он часто выступал в качестве неофициального переводчика Александра Солженицына. Когда в 1970-м Солженицыну присудили Нобелевскую премию и Нобелевский комитет хотел с ним связаться, Андерс играл роль посредника. За эту услугу литературе его выслали из Советского Союза.

Уотерман познакомился с норвежцем десять лет назад, когда Андерс в начале семидесятых прибыл в Вашингтон и открыл состоявшее из него самого бюро «Афтенпостен». Уотерман позвонил журналисту, чтобы поздравить его за большую статью-портрет сенатора Уинтера, которую в английском переводе перепечатала «Крисчен Сайенс Монитор». Они долго просидели за ланчем и поняли, что у них много общего. Прежде всего их объединял интерес к советским делам. Хотя Андерс официально числился в Москве персоной нон грата, у него остались там надежные источники информации.

Несколько раз ему удавалось, сидя в Вашингтоне, получать из московского корпуса прессы потрясающие новости. Он опубликовал статью, когда Советы обнаружили тоннель, из которого ЦРУ осуществляло электронную слежку за советскими военными центрами связи в Восточной Германии. Он оповестил мир, когда советский космический корабль потерял управление и космонавт погиб при вхождении корабля в атмосферу.

Никто не понимал, каким образом ему удается делать свои эксклюзивные репортажи, хотя ходили разго-

воры о его близких дружеских отношениях с Алексеем Маренским, сыном советского посла в Вашингтоне в то время, и это как-то объясняло его журналистские достижения. Лишь после прихода к власти Новикова Андерсу возобновили советскую визу, и это только добавило новой пищи для размышлений его коллегам по профессии. Все-таки Маренский оказался одним из немногих приближенных к Новикову — и эта привилегированная позиция пошла на пользу Ове Андерсу (и, разумеется, «Афтенпостен»).

Сегодня время Уотермана было крайне ограничено. И хотя он всегда был рад визитам норвежца, он знал, что сегодняшний — придется скомкать.

Однако Ове мог рассказать ему многое о состоянии умов в Советском Союзе, то, чего он не узнает ни от кого другого. Но он понимал, что должен проявлять осторожность. У Ове Андерса острый ум — если Уотерман сболтнет что-то лишнее, он немедленно почувствует, что в воздухе носится нечто необычное.

— Ове, — сказал Уотерман, широко разводя руками и демонстрируя этим свою полную беспомощность, — назревает некий кризис, ну, это просто кадровый конфликт. Боюсь, что у меня всего несколько минут. Мне особенно неприятно, потому что знаю, как у тебя все расписано во время командировок, и я уже надолго оторвал тебя от дела.

— Не волнуйся, я все понимаю, — быстро ответил журналист. — Когда каждый день живешь в ужасе от приближения крайнего срока, начинаешь привыкать к кризисам.

— Не для печати, Ове, хорошо? — На собственном печальном опыте Уотерман научился с самого начала ставить условия, разговаривая с журналистами, даже старыми друзьями.

— Не для печати, — кивнул норвежец.

— Кстати, когда и откуда ты прибыл?

— Вчера вечером, из Бонна.

— Тогда позволь спросить, как выглядит европейская опора НАТО? — спросил Уотерман, шутливо имитируя стиль натовских коммюнике.

— Федеральная Республика? Пребывает в обычном для нее беспорядке, разумеется. Немцы никак не могут решить, что им нужно.

Семья Андерса активно участвовала в Сопротивлении; Уотерман сразу увидел, за что зацепиться.

— Подумай об альтернативе. Когда миру было хорошо от немцев, которые знали, чего они хотят?

— Никогда, особенно если они вылезали за пределы своих границ, — норвежец улыбнулся.

— А Советы? Что прикажешь мне думать? Какого ты мнения о Новикове?

Норвежец вынул из кармана желтый пластиковый кисет, набил трубку свежим табаком, спрятал кисет обратно, достал из кармана брюк коробок деревянных спичек. Зажег одну, подержал ее перед глазами, пока она не прогорела до середины, затем поднес к трубке. Когда трубка раскурилась, из нее поднялся клуб голубоватого дыма.

— Если я медлю с ответом, то лишь потому, что есть некая неопределенность относительно намерений Новикова. Нет сомнения, он понимает необходимость реструктуризации экономики. Но какое решение будет принято, не знает никто, в том числе и сам Новиков. Он нащупывает дорогу. Один день они движутся влево, другой — вправо. Но одно знают наверняка: опасно делать слишком много слишком быстро. Экономика увядает. Новиков уже начал замедлять перемены.

— Как мы должны к нему относиться?

— Знаешь, как занимаются любовью дикобразы, Майкл? Осторожно. Очень осторожно. Если вам вообще нужно на это как-то реагировать. Беда в том, что людей там охватило нетерпение. Они хотят видеть результаты. Я не знаю, чем все это кончится. Если бы мне пришлось угадывать, я бы предсказал падение Новикова. Гниение распространилось слишком глубоко, а система зашла

слишком далеко. Они потратили десятилетия на формирование нового советского человека, марширующего под знаменем «Хлеба и свободы». Но выясняется, что этот человек не в состоянии производить ни то, ни другое.

Уотерман согласно кивнул.

— Но так не может долго продолжаться, — сказал Андерс. — Военный бюджет — единственное, откуда можно взять средства для преодоления экономической стагнации, которая уже привела их на грань банкротства. Кстати, Майкл, ты доверяешь официальным оценкам процента ВВП, идущего у них на военные расходы?

— Ничуть. Как утверждает ЦРУ — от тринадцати до пятнадцати, это выше, чем от одиннадцати до тринадцати, как они утверждали раньше. Я думаю, что реальная цифра ближе к двадцати пяти процентам.

— Или еще выше, — сказал Андерс. — Меня удивляет, что ваши разведчики не имеют представления о том, насколько фактически обнищал Советский Союз.

— Расскажи, — Уотерман откашлялся.

— Я не удивлюсь, если русские тратят на военные и смежные цели тридцать процентов ВВП. Ты только представь это себе. Не удивительно, что эти бедолаги закачались под тяжестью провалов и репрессий. Новикову уж точно есть чем заняться.

Уотерман кивнул.

— Но предположим, Новиков окажется негодяем. Он говорит правильные вещи для западной аудитории. Но КГБ никогда еще не чувствовал себя так вольготно. Боже, они запросто подходят к нашим людям на улице и спрашивают, не хотят ли они заработать несколько баксов, шпионя в пользу России. Скажу откровенно, я обеспокоен.

— Что беспокоит тебя сильнее всего? — спросил Андерс.

Уотерман уже собирался ответить, когда зазвонил аппарат внутренней связи. Послышался взволнованный голос Мэгги:

— У нас здесь уже полная неразбериха.

— Две минуты, Мэгги. Мы с Ове заканчиваем.

Он опустил трубку на рычаг. Ове уже встал.

— Тебе пора заниматься делами, Майкл.

— Когда приедешь в следующий раз?

— Не раньше середины ноября, на конференцию в Нью-Хейвене. На следующей неделе я снова поеду в Москву. А через месяц я буду на встрече лидеров НАТО в Шотландии. Наверняка ты тоже там будешь.

— Скорее всего, да, — сказал Уотерман. — Попробуем там поболтать. Мне бы очень хотелось продолжить этот разговор. Я хотел бы услышать твое мнение о том, что происходит в Москве.

Уотерман взялся за дверную ручку, но дверь не открыл.

— Кстати, ты знаком с Маренским?

— Довольно хорошо. Но еще лучше я знаком с его сыном. Мы с Алексеем провели вместе изрядное количество времени, когда я там жил.

Уотерман улыбнулся.

— А в последнее время? Ходили слухи, что он был одним из главных твоих источников, Ове.

— Слухи есть слухи. Но мы действительно очень часто встречались. Иногда беседовали ночи напролет — о политике, философии, о чем угодно. Это поразительно, Майкл, насколько он презирает коммунистическую партию, хотя и пользуется огромными льготами как сын одного из ее высших функционеров.

— Звучит так, будто он не вышел еще из подросткового возраста, — скептически заметил Уотерман.

— Ты ошибаешься, — перебил его Андерс. — Поверь мне, Майкл, то, что он мне говорил, было бы достаточным основанием упрятать его в ГУЛАГ. Он стал страстным демократом, этот молодой Алексей Маренский. Сегодня это, правда, почти вошло в моду. Но меня всегда поражало, что его поведение нисколько не отразилось на отцовской карьере.

— Ну, Маренский всегда был специалистом по выживанию, — заметил Уотерман. — Он знал, кому смотреть в затылок.

— Верно, — сказал Андерс. — Хрущеву, Брежневу, Андропову и вот теперь — Новикову.

— Нам известно, что он входит в ближайшее окружение Новикова, Ове. Вопрос в том, насколько они близки.

— Многие в Москве утверждают, что Маренский это и есть Виктор Новиков, — сказал Андерс. — Но я думаю, что так говорят из ревности. Одно несомненно: Новиков очень внимательно прислушивается к тому, что говорит Маренский.

Уотерман кивнул. Он взял руку норвежца в свои.

— Ове...

— Знаю, Майкл. Время.

— До встречи в Шотландии.

Уотерман открыл дверь и пропустил журналиста вперед.

— Там и наговоримся всласть. За обедом. Обещаю — долгим, нескончаемым обедом.

Когда Андерс ушел, Уотерман задумался над его словами. «Что беспокоит тебя сильнее всего?» — спросил его норвежец. Сильнее всего я опасаюсь, что мы неоправданно отступим от политики давления на Советы на всех фронтах — военном, идеологическом, политическом — в надежде, что в Новикове проснется социал-демократ, да к тому же контролирующий процесс перехода к политическому плюрализму. Уотерман был убежден, что только твердая линия обеспечит победу Запада в «холодной войне», — а именно к победе, а не просто к некоему примирению, по крайней мере до последнего времени, была устремлена политика президента.

Вошла Мэгги, принесла конверт в красную полоску. Уотерман вскрыл его. Пробежал глазами документ, меморандум министру обороны от заместителя министра по разведке Гарри Адамса. Поскольку в нем говорилось о программе сотрудничества в области разведки с Италией,

Уотерману предоставлялось право поставить визу своего согласия инициалами на странице, где содержались рекомендации заместителя министра, или написать «не согласен», как это было принято в Пентагоне.

Это правило было задумано, чтобы правая рука знала, что делает левая. Нельзя, чтобы заместитель министра по разведке утверждал программу сотрудничества с Италией в тот момент, когда, скажем, заместитель министра по международной безопасности находился в критической стадии деликатных переговоров с итальянцами по какому-то другому вопросу. Координация крайне важна для эффективности министерства обороны, а система согласований как раз и нацелена на координацию. Эта система призвана обеспечить возможность всем заместителям министра, заинтересованным в том или ином вопросе, влиять на их решение.

Когда система функционирует нормально, она предотвращает непродуманные действия. Она может также — и это бывает сплошь и рядом — предотвратить вообще какие бы то ни было действия. Подчас полдесятка или более согласований требуются до того, как документ поступает министру на подпись. Могут пройти недели, пока разногласия, способные вылиться в серьезные противоречия, будут урегулированы заместителями министра. Когда Конгресс или пресса жалуются на «бюрократические заторы» в Пентагоне, они имеют в виду, и это хорошо понимал Уотерман, именно эту изощренную систему сдержек и противовесов.

Этот конкретный документ был рутинным и не имел особого значения. Уотерман начертал свое согласие в соответствующем месте, и Мэгги унесла меморандум, чтобы передать военному помощнику, который ждал, застыв в неподвижной позе в приемной.

Она едва успела выйти из кабинета, когда в дверях появились Скотт Брекен, помощник Уотермана, и Джей Паризи в безукоризненно чистом мундире. Уотерман провел их в угол к казенному диванчику из искусственной

кожи, трем таким же креслам и кофейному столику чиппендейловского стиля*, расставленным на ярком турецком ковре, который Уотерман привез из Карса, маленького городка на советско-турецкой границе, где Советы три раза на протяжении своей истории вторгались в Турцию.

— Как прошло заседание группы планирования? — спросил Брекен.

— О, ничего примечательного, — ответил Уотерман. — Просто приняли предложение Советов о встрече на высшем уровне.

— Ты нас разыгрываешь! — воскликнул Брекен.

— Подожди секунду, — сказал Уотерман. Он достал проект программы из портфеля и передал его Брекену. — Сними две копии.

Брекен вернулся спустя минуту. Он передал оригинал Уотерману и одну копию Джею Паризи. Уотерман наблюдал, как его помощники читают документ, который он принес с заседания группы планирования национальной безопасности. Сердитое выражение их лиц говорило само за себя.

Брекен был еще ребенок, вообще-то, — ему не было тридцати. Он все еще носил синюю джинсовую куртку, всегда застегнутую на все пуговицы, вечно сползающий набок галстук, плетеный ремень и туфли-мокасины «Басс энд Уидженс», популярные в «мозговых центрах», но считавшиеся слишком легкомысленными в министерских коридорах. Конечно, Брекен был неприлично молод для столь серьезной работы, но он отличался агрессивностью и был до мозга костей предан Райдеру и Уотерману и проводившейся ими политике.

Как и Уотерман, Брекен перешел в Пентагон с Капитолийского холма, он был молодой версией Уотермана, потому-то он и взял его к себе на работу. Если Уотерман был сторожевым псом министерства, то Брекен служил

* Стиль мебели. По имени английского мебельщика Томаса Чиппендейла (1718–1779 гг.).

его личным сторожевым псом, верным, умным, энергичным, деятельным и... неженатым. В отличие от Уотермана, семейная жизнь которого тяжко страдала от его ненормированного рабочего дня, у Брекена не было в жизни ничего, кроме работы. И Уотерман гонял его вовсю.

Паризи был совершенно другим. Уотерман знал его еще по Принстону. Вундеркинд, светловолосый американец первого поколения из нехорошего бруклинского района Бенсонхерст, Паризи выбрался из этого гетто с помощью военно-морского флота и к хладнокровию, привитому ему улицей, сумел добавить некую утонченность, делавшую его почти аристократом. Джованни Паризи поступил во флот в семнадцать лет и отслужил один срок в качестве радиооператора, после чего поступил в Принстон на полную стипендию, затем вернулся на флот, в офицерскую школу. Ныне капитан-лейтенант с американизированным именем и итальянской королевской осанкой, он пел арии Верди и неаполитанские песни, а его исполнение «Парня по имени Дэнни» вызывало слезы на глазах его начальника, капитана Шона Малдуна. Он сумел стать членом Клуба армии и флота. Уотерман разглядел в своем бывшем студенте талант офицера разведки. Но главное его достоинство заключалось в том, что он был старым другом: Уотерман полностью доверял ему почти два десятилетия. Уотерману были отлично известны бюрократические запреты и строгие правила военной касты, делавшие практически невозможным даже для заместителя министра взять близкого друга на службу в должности своего главного помощника. Поэтому он расценил направление Паризи в его аппарат как дар богов.

— Так что же произошло?

— Фактически было два совещания, — ответил Уотерман.

И вкратце рассказал о заседании Группы планирования национальной безопасности и вслед за ним — представителей ведомств. Он видел, как они кивнули и как на-

пряглись их лица, когда он дал понять, что готов сражаться до последнего против отказа от политической линии, которая доказала свою действенность, восстановила веру в Соединенные Штаты во всем мире и вынудила Советы защищаться, что и было ее целью. Он изложил рассказ Уинтропа об Уэстоне и его тайном канале связи (не упомянув, разумеется, имени профессора), а также аргументы государственного секретаря в пользу согласия на встречу лидеров.

— Как на это отреагировал наш министр?

— Дал ясно понять, что *не испытывает восторга.*

— Но он изложил свою позицию? — спросил Брекен.

— Было очевидно, что он знал о решении президента ответить согласием еще до начала заседания. Он понимал, что возражать бессмысленно, поэтому постарался улучшить наши позиции для влияния на процесс подготовки к встрече. Госдепартамент в конце концов предложил осуществить полный пересмотр отношений Восток—Запад, к чему они стремились так долго. Встреча на высшем уровне предоставляет им такой шанс, и они попытаются извлечь из него все, что возможно.

Уотерман оглядел своих помощников.

— Наша задача, в случае официального согласия на предложение русских, — сказал он, — не позволить нашим госдеповским коллегам отказаться от всего достигнутого, — он выдержал паузу. — Конечно, если мы проиграем, министр должен будет дезавуировать наши действия, а в «Вашингтон Пост» появится глубокомысленная статья о том, что в воздухе пахнет нашей отставкой.

Брекен и Паризи мрачно кивнули. Они знали, что Уотерман не шутит.

— Итак, какие указания? — спросил Брекен.

— Всеми силами добиваться возвращения инициативы в важнейших вопросах, — сказал он, нацелив авторучку на Брекена. — Твоя задача, очевидно, наиважнейшая. Мы приняли решение создать специальное подразделение для изучения проблемы контроля над вооружениями. Я буду

настаивать на твоем включении в эту группу, но тебе будет запрещено обсуждать ее работу с кем бы то ни было.

— Ну уж, извини-и-те, — нарочито растянув последнее слово, прервал его Брекен. — Ты хочешь сказать, что я должен без всякой поддержки рассматривать во всех аспектах проблему контроля в некоем подразделении с кодовым названием? Ты же отлично знаешь, Майкл, что госдеп сумеет провести туда десяток своих людей. В последний раз, когда возникла подобная ситуация, перевес их надо мной был шесть или семь к одному. И плевали они на все ограничения с допуском, а мы как идиоты играли по правилам. Мне не выдержать такого давления. Я готов умереть за свою страну, но только не быть погребенным под бумажной макулатурой госдепартамента.

— Подожди минутку, — сказал Уотерман. — Я хотел пояснить — у тебя будет версия прикрытия. Ты можешь сказать, что мы занимаемся планированием на тот случай, если Советы изменят свою нынешнюю позицию. Как бы мы откликнулись — примерно в таком роде. Это официальная версия, и мы должны всемерно ее держаться, в том числе и в этом здании. Ты можешь подобрать команду экспертов, но только скрыв от них истинное положение вещей. Итак, вот что мы должны делать, — продолжал Уотерман, постукивая левым указательным пальцем по правой ладони. Эта привычка выработалась у него еще в Тафтсе, в дискуссионном клубе, и с тех пор стала лишь изощренней.

Стук.

— Я хочу, чтобы вы вместе просмотрели этот так называемый план. Я хочу, чтобы мы предложили министерство обороны в качестве автора *всех* документов особой важности — это даст нам более твердую позицию для торга с госдепартаментом.

Стук.

— Мне нужен меморандум министру, излагающий нашу стратегию. Тут два существенных пункта. Нужно дать понять Объединенному комитету начальников штабов,

что мы будем полностью координировать все межведомственные рекомендации. Меморандум должен внушить министру необходимость его личного разговора по этому поводу с председателем комитета. Если ОКНШ станет действовать самостоятельно, Беннет мгновенно обведет их вокруг своего мизинца, и мы выпадем из всего процесса. А ведь нам нужно твердо выступить против сползания вспять к новому бессмысленному детанту. Вы же знаете: мы завалили Брежнева уступками и почти ничего не получили взамен, и так далее. Нам нужно сделать так, чтобы Пентагон и Райдер были задействованы не только в узкой сфере военных проблем и проблем контроля. Если мы не сумеем этого добиться, госдепартамент будет выступать соло по региональным проблемам, правам человека, торговле, программам обмена и всему прочему.

Стук.

— Мы должны ускорить работу над докладом о нарушениях договоров Советами. Беннет попытается спустить это на тормозах, чтобы доклад не был готов к встрече лидеров; мы должны сделать так, чтобы он был готов.

— Ну, теперь все становится на место, — задумчиво произнес Брекен. — Три раза за последние две недели Беннет отменял заседания рабочей группы по нарушению договоров русскими. А эти чертовы госдеповцы заливались ну точно как адвокаты Советов.

— Знаете ли, — сказал Паризи, — то же самое происходит в рабочей группе по Афганистану. Мне казалось, что мы приблизились к согласию о том, что Советы снабжают кабульское правительство химическим оружием, а затем вдруг госдепартамент пошел на попятный.

— Если бы вы знали, что приближается встреча на высшем уровне, стали бы вы спешить с обвинениями в адрес вашего партнера? — риторически вопросил Уотерман.

— Но мы имеем большую поддержку, особенно по вопросу применения химического оружия в Афганистане. Рабочая группа должна в ближайшее время заслушать перебежчика, который служил в советской учебной группе

по применению химического оружия. Мы шесть месяцев этого добивались — госдепартамент и ЦРУ всю дорогу чинили нам препятствия.

— Включите это в меморандум министру, — сказал Уотерман. — Подчеркните наши опасения, что госдепартамент, возможно, хочет замедлить текущую работу по критическим вопросам, вроде выполнения Советами подписанных договоров. Я хочу, чтобы он знал это, когда в следующий раз встретится с президентом. Кто этот перебежчик?

— Психиатр, которого направили в Афганистан для консультаций по поводу лечения пострадавших от чудовищного эффекта используемых там химикатов. В частности, они используют один химикат в форме бинарных снарядов. Вертолет пролетает над деревней и выбрасывает газ, который тяжелее воздуха; он проникает в дома и тоннели, которыми пользуются моджахеды. Затем, по прошествии времени, достаточного, чтобы они этим газом надышались, другой вертолет выбрасывает другой газ, химический воспламенитель. Все живые существа — мужчины, женщины, дети, скот, кошки и собаки, успевшие вдохнуть первый газ, взрываются изнутри. Чудовищная картина. Так вот, этого психиатра послали для оказания помощи солдатам, чтобы они могли пережить увиденное. В его обязанность входило и самому это увидеть. И он сломался, ему было хуже, чем пациентам. Он перешел пакистанскую границу, и пакистанцы передали его нам.

— Знает ли об этом Беннет?

— Черт возьми, конечно, знает. Уэллбек сказал мне, что Беннет хочет припрятать показания этого перебежчика.

— Хорошо, Джей, — по этому вопросу отдельный меморандум министру. Он пригодится ему при встрече с президентом.

Паризи оторвался от блокнота и посмотрел на Брекена.

— Скотт, — сказал он, — думаю, самое время сообщить Майклу о докладе ОКНШ относительно СОИ. Это имеет прямую связь со всем остальным.

Брекен откашлялся.

— Объединенный комитет завершил бестолковое резюме по поводу Стратегической оборонной инициативы, в котором утраиваются данные министром расчетные расходы и которое противоречит тому, что говорил министр полдесятка раз. Резюме составлено в основном их экспертами по контролю над вооружениями. Ими руководит некий осел с погонами полковника, он только недавно вернулся в Пентагон после годового пребывания в Нью-Йорке в Совете по международным отношениям. Наверное, либералы ему там промыли мозги. Почти все его оценки просто абсурдны. Я мог бы продолжать, но насколько это сейчас тебе интересно?

— Чертовщина! — взорвался Уотерман. — Учитывая все наши заботы, не хватало только, чтобы ОКНШ вышел из резервации в который уже раз. Сейчас у меня нет на это времени. Напиши мне докладную, отметив все существенное.

— Будет сделано, — сказал Брекен.

Уотерман встал. Подошел к трехстворчатому окну, выходившему на Приливный бассейн.

— Все это обрушилось на нас не случайно, — сказал он. — Вы должны отдавать себе отчет, что на встрече лидеров может случиться всякое. Знаете, как отходят опоры перед самым запуском космического корабля? Так и у нас. Весь механизм сдерживания разваливается. Когда встреча начнется, бороться будет уже невозможно. Да нас может там и не быть. Вот почему бороться надо сейчас. — Он посмотрел на виднеющийся вдали Белый дом. — Если мы справимся со своей задачей, то и президент справится со своей.

Он повернулся к кофеварке «Олимпия».

— Кто-нибудь хочет кофе?

Помощники промолчали.

— Послезавтра я целый день занят на заседании. Так что на подготовку всех обговоренных бумаг в вашем распоряжении два полных дня. — Не обращая внимания на шумные вздохи помощников, он добавил: — Так что не слишком переутруждайтесь.

Оставшись один, Уотерман наполнил металлическую чашечку тонко размолотым кофе, от которого поднимались римские ароматы, ложечкой сильно его примял, вставил в дно аппарата, нажал кнопку и ждал, пока камера наполнится паром и выдавит из себя густой крепкий эспрессо.

«Олимпия» благодарно хрюкала и шипела. «Дьявольщина», — беззвучно выругался Уотерман, внезапно вспомнив, что он так и не позвонил жене.

Глава четвертая

Государственный департамент,
16 сентября, 1:30 минут дня

Не потрудившись хотя бы бросить на ходу «добрый день», Дэн Беннет быстро прошел мимо секретарши в свой просторный, обшитый деревянными панелями кабинет заместителя государственного секретаря по европейским и канадским делам на шестом этаже. Прикрыв за собой дверь, он сел за большой письменный стол орехового дерева (стандарт Администрации общих служб, руководящий состав, группа первая) и вытащил из верхнего ящика папку.

Хранить секретные документы без соблюдения строжайших правил безопасности, вне контейнера, утвержденного для подобных целей, было запрещено — письменный стол не принадлежал к числу таких хранилищ. Но у Беннета вошло в привычку держать документы щекотливого свойства в выдвижном ящике стола, под слоем газетных и журнальных вырезок — статей, появившихся в печати под его именем.

Он раскрыл папку и некоторое время любовался секретными бумагами, точно это были редкие произведения искусства. Но для Беннета они таковыми и являлись: меморандумы, которые, верил он, когда-нибудь составят его

историческое наследие, важнейшие послания, формировавшие американскую внешнюю политику в последнее десятилетие двадцатого века. В должное время они составят набор ценных бумаг, который будет демонстрироваться на решающих перекрестках его карьеры, как мощи в дни церковных праздников.

Но пока эти меморандумы, телеграммы, докладные записки и предложения являлись частными трофеями, почетными свидетельствами побед, одержанных в битвах за формирование внешней политики Соединенных Штатов. Это были окончательные версии документов, соответствующим образом запротоколированные и оприходованные и помеченные соответствующей классификацией уровня безопасности — чаще всего *Секретно-конфиденциально,* — но все они были скопированы до того, как на них появилась печать с соответствующим грифом. Людям, которым они могли попасть на глаза, документы могли показаться вовсе не секретными, вполне годными для хранения в незапирающемся выдвижном ящике письменного стола.

Документ, который сейчас интересовал его больше остальных, лежал в папке первым. Последний раз он перечитывал его два дня назад. Но, вернувшись с заседания Группы планирования национальной безопасности, где было дано добро встрече лидеров Советского Союза и Соединенных Штатов — первой встрече такого рода с новым советским лидером, — меморандум, который сделал все это возможным, перечитать еще раз было лишь в радость:

Государственный департамент
Меморандум

Кому: Секретарю
От: ЕвроКан/Дэниел И.Беннет
Дата: Август 20
Тема: Ведение американо-советских отношений, второй срок президента

Очередные меры

Наши подходы к улучшению американо-советских отношений никуда нас не привели. Ваша миссионерская работа с немцами принесла обнадеживающие результаты: они пытаются побудить Москву к улучшению отношений с нами, но нас ежедневно шельмуют в советской прессе, на переговорах в Женеве нет никакого прогресса, президент по-прежнему произносит жесткие речи, которые вызывают возмущение Новикова, а наши союзники, особенно немцы, осуждают наш подход к отношениям Восток—Запад.

На прошлой неделе наше посольство в Бонне передало документ министерства иностранных дел, в котором наше отношение к Советам характеризуется как «неумное и любительское». Нам сообщили, что документ составлен по указанию министра иностранных дел Геншера после очередной речи президента.

Ничто на горизонте не свидетельствует о возможных поводах к изменению нынешних отношений.

Мы можем испытать одну идею. Стэнфордский профессор Эндрю Уэстон в течение многих лет поддерживает близкие личные отношения с заместителем министра иностранных дел Маренским.

Уэстон считает себя полудипломатом (кстати, он неоднократно намекал, что охотно принял бы пост посла, если бы ему предложили). Как вам известно, в прошлом мы с успехом использовали его как тайный дипломатический канал. Я только что узнал, что Уэстон завтра вечером вылетает в Москву. Он пробудет там десять дней. Президент заявлял дважды, что он хотел бы встретиться с Новиковым, но не будет инициатором такой встречи. Он считает, что Новиков должен сделать первый шаг.

Мы могли бы попросить Уэстона на условиях полной конфиденциальности сказать Маренскому, что президент хотел бы встретиться с Новиковым, но по политическим причинам не может выступить инициатором встречи. Президент, однако, ответит позитивно на предложение

о встрече — *если* это будет выглядеть как инициатива Новикова.

Уэстон мог бы сказать, что если Маренский поручит ему передать президенту, что Новиков тоже считает такую встречу полезной, то, по его, Уэстона, мнению, такая встреча могла бы быть организована по дипломатическим каналам.

Маренский должен будет предположить, что послание Уэстона хотя и носит неформальный характер, имеет официальный статус. И это хорошо. Потому что если он ответит (как я предполагаю, он должен ответить), то приведет в движение процесс планирования встречи, и *весь процесс приобретет официальный характер.* Если Маренский никак не откликнется, никому никакого ущерба причинено не будет. Мы не потеряем ничего в любом случае.

Если Уэстон вернется с сигналом о том, что они готовы встретиться, мы получим повод пересмотреть политику, на которой зациклились в первый президентский срок. Если вы согласны, я начну в скрытном порядке работу в этом направлении, чтобы мы были готовы быстро двинуться вперед, если все получится, как задумано.

Я не посылаю этот меморандум через секретариат ввиду его очевидной щекотливости. Ренальда обещала, что вы получите его в запечатанном виде, в каком я передаю его ей. Я прошу извинить меня за эту необычную процедуру, но предстоящий отъезд Уэстона делает важным вручение вам этого документа без задержки. Если вы согласны, Ренальда вернет мне меморандум с вашей резолюцией.

Согласен: _____
Иное мнение: _____

Закончив чтение, Дэниел Беннет ликующе сказал себе: Беннет, это просто невероятно, что тебе удалось все это провернуть. Он понимал, что в свои тридцать шесть лет он был явно слишком молод для поста заместителя

государственного секретаря. Тем не менее работа занимала главное место в его жизни. Его брак завершился горьким разводом; последующие связи ничего не дали — он был осторожен и не стремился к сближению. Удовольствие приносила только работа.

Он потянулся к телефону и позвонил секретарше.

— Элис, скажите Филу Ланиру и Бобу Уэллбеку, что я хотел бы их видеть.

Наутро после утверждения его в сенате Беннет обрушился на европейский отдел подобно Чингисхану, загнав людей, которых он считал малоэффективными или потенциально опасными, на дальние окраины империи — в Институт дипломатической службы на повышение квалификации или в незначительные посольства, — сохранив и пригласив группу жестких, амбициозных прагматиков, похожих на него самого. Ланир и Уэллбек были из тех, кто удержался. Оба принадлежали к тем чиновникам дипломатической службы, которые по идее должны были отвергнуть постороннего, пришедшего на должность, в нормальных условиях предназначенную старшим чиновникам внешнеполитического ведомства.

Однако оба быстро признали, что посторонний Беннет или нет, но он человек с широким кругом общения, сообразительный, умеющий добиваться своего, устремлен вверх и готов тащить за собой тех, кому хватило ума сразу оценить его достоинства.

Поэтому Ланир и Уэллбек пошли за ним. И не были разочарованы. Они быстро поднимались по иерархической лестнице к той высшей ступеньке дипломатической службы, что именуется рангом посла.

Ранг, достигнутый Ланиром к данному моменту, именовался «глава сектора по советским делам Европейско-канадского отдела». Как специалист по СССР, свободно говорящий по-русски и знакомый с культурой страны, он занимал этот пост по праву. И, стремясь подняться до поста заместителя госсекретаря — ЗГС на бюрократическом жаргоне, — был уверен, что в недалеком будущем

этот пост станет ему наградой за верную службу Дэну Беннету.

Как ЗГС, ответственный за европейские политические проблемы, Уэллбек был уже рангом выше. Он являлся непосредственным начальником Ланира.

Беннет распоряжался своими подчиненными, как командир роты, отдающий приказы командирам взводов. «Отправляйтесь туда и добудьте этот абзац!» — такую команду можно было себе представить, когда он посылает вверенное ему воинство захватить контроль над третьим подзаголовком второго раздела первого варианта некоего межведомственного документа.

Неотличимые друг от друга в смысле безграничной способности терпеть самые уничтожающие критические тирады Беннета, в других отношениях Ланир и Уэллбек являли собой полную противоположность. Уэллбек был высок ростом, худ, тонкогуб, капризен и склонен к вспышкам гнева. Будучи младшим консульским служащим во время первой командировки за границу, в посольство в Рабате, он получил строгий выговор за непозволительную грубость в отношении местного персонала посольства, так называемых «националов» загранслужбы, имевших несчастье быть к нему приписанными. Но в силу того, что он научился старательно себя контролировать, а также несомненного таланта, Уэллбек сумел высоко продвинуться на дипломатической службе.

Ланир был тщедушен, невысок, смугл и добродушен, отрастил усы под Фу Маньчжу* и носил рубашки в смелую полоску, что делало его похожим на карнавального зазывалу. И казалось невероятным, что он безукоризненно говорил по-русски.

Войдя в кабинет Беннета, Уэллбек и Ланир увидели заместителя госсекретаря откинувшимся назад на вращающемся стуле, с широкой ухмылкой на лице, в приспущенном галстуке и с закинутой на выдвинутый ящик

* Герой известного американского кинобоевика.

письменного стола ногой — то был бюрократический эквивалент охотника, наступившего ногой на шею сраженного им льва. С той только разницей, что лев в данном случае находился в своем кабинете в здании Пентагона.

Кабинет Беннета производил странное впечатление безличности, он не давал никакого представления о хозяине. Большой американский флаг красовался на опоре позади письменного стола, унылая коллекция картинок на стенах — плакаты компании Суисэйр с видами Гранд-плас в Брюсселе, фонтана Треви в Риме и дамбы в Женеве — висели в кабинете еще до появления в нем Беннета. Единственным свидетельством принадлежности кабинета Беннету был заключенный в рамку президентский указ о назначении его заместителем государственного секретаря.

— Такое впечатление, что мы победили, — сказал Уэллбек.

— А ты не можешь думать ни о чем другом, кроме победы? — спросил Беннет шутливо-покровительственно. — Не в том дело, победил ты или проиграл, важно, как ты играл.

Уэллбек и Ланир засмеялись. Тогда и Беннет тоже гнусаво загоготал. Если и был кто-то, кого меньше всего заботило, *каким образом* он победил, или больше всего — победил он или нет, чем Беннета, то ни Ланир, ни Уэллбек такого человека еще не встречали. Для Дэна Беннета, как и для Винса Ломбарди*, победа была *единственной* целью.

— Секретарь держался великолепно, — продолжал Беннет, — на группе планирования был невозмутим, спокоен, целеустремлен; он полностью владел ситуацией. В машине, когда мы возвращались в департамент, он рассказал о довольно ожесточенном разговоре, который был у него с президентом, Уоллесом и Райдером до заседания.

Холодные голубые глаза Беннета поблескивали от удовольствия.

* Знаменитый американский футболист и тренер (1913–1970).

— Эта встреча имела ключевое значение. Не будь ее, я не уверен, что мы бы своего добились. Уинтроп сказал, что президент сначала заупрямился; он считал, что ему будет трудно объяснить очевидный поворот от того, что он всегда говорил, без какого-то шага со стороны Советов, который мог бы такой поворот оправдать. Райдеру почти удалось убедить его, что встречей с Новиковым он порушит всякое доверие к себе.

— Так что же заставило его развернуться? — спросил Ланир.

— Уинтроп убедил старика, что просьбу Новикова о встрече можно будет подать как победу жесткой риторики и твердой политической линии президента. Уинтроп отлично понимал, что президент никогда не согласится на встречу лидеров, если ее нельзя будет объяснить как оправдание его политики — и именно так он это и разыграл.

— Готов поручиться, что Райдер обделался, — удовлетворенно брякнул Уэллбек.

— Вы могли бы сказать, что он не был этим обрадован, — Беннет улыбнулся. — Он все повторял свою излюбленную фразу — ну, вы знаете: «Если я скажу что-нибудь еще, это будет повторением того, что я уже говорил», — Беннет со стуком опустил ногу на пол. — К сожалению, ему удалось соорудить некий барьер, препятствующий моей поездке в Москву на предварительные переговоры. Вопрос о том, кто поедет, будет обсуждаться вместе с документами, которые лягут на стол президента, когда он вернется из отпуска. Митчелл на нашей стороне, но нам нужно будет подготовить ему документы, с помощью которых он выбьет решение президента.

— Хорошо бы нас не впутали в межведомственную делегацию. Пентагон всегда выступает за групповое изнасилование, — сказал Уэллбек.

— Ну, это не новость, — ответил Беннет. — Конечно, они бы этого хотели. Найти веские аргументы против отправки в Москву целой группы — вот наша задача.

К счастью, русские нам существенно помогли, пригласив делегата, а не делегацию...

Беннет сделал паузу и посмотрел в окно. Ни на чем определенном взгляд его не задерживался, выражение лица было отстраненным, задумчивым. Ланир и Уэллбек молчали, ожидая, что он скажет еще.

— Вот что, — сказал он. — Давайте представим себе документ, который нам нужен. Во-первых, мы должны сказать, что нам нет нужды немедленно вступать в спор с Советами по тривиальным процедурным вопросам. Во-вторых, Новиков подставил себя под удар, предложив встречу на высшем уровне; нам невыгодно загонять его в угол, предлагая кучу бюрократических придирок.

С самодовольством, присущим избранной касте белых протестантов англосаксонского происхождения, Беннет добавил:

— Надо особо подчеркнуть, что в наших интересах помочь Новикову, поощрить его продвижение по пути реформ. В Москве наверняка идет жестокая схватка относительно пути, который им следует избрать. Нам нужно всемерно поддержать умеренных.

— Да, да, — перебил его Ланир, — пусть Энгел сочинит бумагу в поддержку такого подхода. Со стороны ЦРУ это было бы естественным шагом. По крайней мере до сих пор они именно так и рассуждали.

— Хорошо, — сказал Беннет. — Это будет в-третьих. А в-четвертых вот что: мне нужна записка, излагающая все эти пункты еще до того, как вы, ребята, разойдетесь сегодня по домам, тогда вечером я смогу обсудить ее с Уоллесом. Мы с ним сегодня идем в Центр Кеннеди на новый мюзикл Эндрю Ллойда Вебера. Нам дали президентскую ложу.

Уэллбек энергично кивнул.

— Уоллес — это ключевой фактор. Это последний человек, которого президент видит в конце дня, и первый, кто информирует его с утра пораньше.

Беннет нахмурился. На Уэллбека его слова о президентской ложе не произвели должного впечатления. Ма-

ленькая черная метка появилась рядом с его именем в подкорке Дэниела Беннета.

Не ведая о своей оплошности, Уэллбек как ни в чем не бывало продолжал:

— Беда в том, что он плохо слышит. Провести столько лет рядом со стопятидесятипятимиллиметровой гаубицей — такое не проходит бесследно.

— Ничто в этой жизни не проходит бесследно, — наставительно сказал Беннет. — Может быть, Уоллес глухой, но это *наш* глухой*. Найдите парня, который будет играть на нашей стороне, которого президент назначит советником по национальной безопасности, который будет нас поддерживать в Совете национальной безопасности, и тогда мы обойдемся без Уоллеса. А пока будем посылать ему наши проекты. Будем вежливо и внимательно выслушивать его пустопорожние замечания и вносить поправки в соответствии с ними, — Беннет выдержал эффектную паузу. — И притворяться незрячими, когда он прищемит свой галстук выдвижным ящиком письменного стола.

Он пододвинулся ближе к столу.

— Потом мы должны заняться рабочей программой встречи лидеров. Уотерман поднял шум насчет контроля над вооружениями, и Уоллес вынужден был уступить. Этот документ будет вырабатывать межведомственная группа, где Уотерман один из сопредседателей. Это плохая новость, потому что...

— Минуточку, — прервал его Уэллбек. — Вы хотите сказать, что проблема контроля будет решаться в межведомственной группе, сопредседатели которой — Уотерман и Джуди Шеннон?

— Именно это я и имею в виду, — ответил Беннет, снова нахмурившись из-за того, что его прервали. Две черных метки на Уэллбека. — Когда Уотерман стучал по

* Обыгрывается знаменитое высказывание Франклина Рузвельта об одном из латиноамериканских диктаторов: «Это сукин сын, но это наш сукин сын».

столу и требовал передачи этого вопроса межведомственной группе, я не имел возможности ему возразить, поскольку госдепартамент в ней представлен. К вашему сведению, моя сестрица во Христе, чрезвычайный и полномочный посол Джудит Шеннон — *мисс* Джудит Шеннон для вас, свинтусов-женоненавистников, — заслуженный чиновник внешнеполитической службы Соединенных Штатов, сопредседатель межведомственной группы по контролю над вооружениями.

— Но ведь мы, — запротестовал Уэллбек, — никоим образом не можем положиться на Шеннон. Она ни черта не сечет в контроле над вооружениями. И сопредседателем всего месяц.

— Я это знаю, — Беннет скорчил болезненную гримасу. — Поверьте мне, если бы я мог разыграть это иначе, я бы это сделал. Но было очевидно, что Уотерман готов заставить Райдера сделать из этого проблему федерального значения, и Уоллес знал, что проиграет, если Райдер пойдет к президенту.

— Так что же делать? — спросил Ланир. — Вопрос контроля имеет ключевое значение. Советы по-настоящему интересует только одно это.

— Первое, что нужно сделать, — сказал Беннет, — обеспечить, чтобы участие в межведомственной группе было сведено к двум представителям госдепартамента, двум — министерства обороны и по одному от ОКНШ, ЦРУ, СНБ и Агентства по контролю над вооружениями и разоружением. Для этого потребуется некоторое маневрирование, поскольку на совещании сегодня утром мы сошлись на одном представителе от каждого ведомства. Но я уверен, что сумею убедить Митчелла расширить представительство до двух человек от госдепартамента и министерства обороны. И мы назначим Уэллбека вторым представителем. Вы вместе с Шеннон, — сказал он, многозначительно посмотрев на Уэллбека, — сумеете взять ситуацию под контроль, иначе вам лучше домой не возвращаться.

— Но Шеннон будет настаивать на ком-нибудь из своего окружения, — запротестовал Ланир.

— Ну, Боб, ты меня недооцениваешь. Я обеспечил создание нового подразделения межведомственной группы со строго ограниченным допуском. *Очень* строго ограниченным. Я скажу сегодня государственному секретарю, что европейское бюро должно быть представлено, особенно учитывая мои рабочие взаимоотношения с Уоллесом. Шеннон несовместима с Уоллесом, потому что он не карьерный чиновник дипломатической службы. Так что я спокоен насчет твоего назначения вторым представителем госдепартамента в межведомственной группе.

— Что это за подразделение? — спросил Уэллбек.

— То, чего следовало ожидать. Чтобы получить допуск к документам, подготавливаемым специально назначенной группой из членов межведомственной группы по контролю над вооружениями, вы должны знать новый зашифрованный код. Этот код — «Дартмут». Задание группы будет иметь прикрытие: «Какие новые предложения мог бы сделать Новиков, и как бы мы на них откликнулись, если бы он их сделал?» Никто и нигде не должен проговориться — в том числе и в стенах госдепартамента, что все это делается в порядке подготовки встречи на высшем уровне. Как я уже сказал, допуск будет ограничен лишь членами межведомственной группы. Разумеется, — продолжал Беннет с сардонической усмешкой, — это довольно быстро перестанет быть секретом в этом здании. Как если бы вывесили объявление в кафетерии.

— Дэн, у вас будут проблемы при таком подходе, — сказал Ланир. — Ладно, Шеннон — сука. Ладно, дура набитая. Но она заместитель государственного секретаря, как и вы. И вы отлично знаете, что она готова вцепиться в кого угодно, как бультерьер, если с ней обойдутся не так, как положено.

— Что ты предлагаешь? — сухо спросил Беннет.

— Джудит Шеннон — бюрократ в душе. Она ветеран дипломатической службы. Ее надо нейтрализовать служебным документом.

— Каким? — Брови Беннета выгнулись. Парень говорит дело.

Ланир щелкнул костяшками пальцев, Уэллбек усмехнулся.

— Меморандум госсекретаря в Исполнительный секретариат.

— Неплохая идея, — сказал Беннет. Он повернулся к Уэллбеку: — Боб, напишите проект меморандума в секретариат за подписью Уинтропа, указывающий: он хочет, чтобы в подразделении «Дартмут» были представлены *и* военно-политический отдел, *и* европейский, поэтому он назначает Шеннон и тебя представителями госдепартамента. Передай Филу до четырех часов — на этот час у меня назначена встреча с Уинтропом. Фил, как только получишь проект Боба, попроси Элис перепечатать на бланке госсекретаря, и я сумею получить его подпись, когда встречусь с ним. Так будет безопаснее.

— Шеннон будет писать кипятком, когда получит не согласованный с ней меморандум, — сказал Уэллбек. — Может быть, лучше поработать с ней — ну, знаете, посудачить о том о сем?

— Ни в коем случае, — сказал Беннет. — Фил прав: она захочет, чтобы тот болван, который будет с ней работать по контролю над вооружениями, находился у нее в подчинении. У нее не будет никакого желания видеть на этом месте тебя. Она и без того уже крупно пошумела из-за того, что сегодня утром ее не взяли на группу планирования национальной безопасности.

Он снова закинул ногу на выдвижной ящик стола.

— Кстати, знает ли кто-нибудь из вас, что собирается делать Уотерман на заседании послезавтра, которое, по его словам, важнее подготовки рабочей программы встречи лидеров? Нам нужно знать, чем он занимается.

— Это заседание о каких-то технических трансферах — вы знаете, о попадании высоких технологий в страны Восточного блока, — сказал Уэллбек. — КОКОМ — Координационный комитет по экспорту в социалистические страны — собирается в Париже и принимает решения, что можно и чего нельзя продавать в страны Варшавского договора...

— Я знаю, что такое КОКОМ, — нетерпеливо прервал его Беннет. — Я хочу знать, чем занимается Уотерман.

— Мне известно лишь, что министерство обороны проталкивает там какую-то инициативу. У нас это курирует экономическое бюро.

— Я хочу точно знать, что у него на уме, — настаивал Беннет, для пущего эффекта постукивая ногой по письменному столу. — Составьте детальный отчет о деятельности Уотермана — что он говорит, с кем встречается. И какие инструкции от него исходят.

— Я сразу же поручу это кому-нибудь, — сказал Уэллбек.

Беннет поднялся по ступенькам в конце холла и, задержавшись довольно долго возле щитка с пятизначным кодом, открыл дверь с зашифрованным замком, ведущую в коридор к приемной госсекретаря. Кабинет госсекретаря находился в конце холла и потайного внутреннего коридора. Позади основного кабинета располагалась маленькая частная комната, заполненная, как и большинство приметных кабинетов госдепартамента, предметами американской старины, пожертвованными богатыми спонсорами в фонд антикварной меблировки госдепартамента.

— Вы можете войти, господин Беннет. Секретарь ждет вас, — сказала Ренальда Острич, высокая, худая и рыжеволосая секретарша Уинтропа на протяжении последних двух десятков лет.

Беннет вошел в маленькую личную комнату. В камине пылал огонь, запах горящего клена наполнял комнату. Кроме американской мебели раннего периода были

еще два стула из кабинета, который занимал Уинтроп, когда служил в прежней администрации; они стояли перед маленьким письменным столом. На обоих стульях красовались медные таблички с датами государственной службы Уинтропа.

Государственный секретарь сидел на стуле с подголовником лицом к двери; его ноги, которые иначе болтались бы в воздухе, покоились на оттоманке в стиле Людовика XIII, покрытой куском гобелена. Уинтроп сменил пиджак на заношенный, ржавого цвета шерстяной кардиган. Кипа документов, ко многим из которых была пришпилена ярко-красная обложка для особо секретных документов, возвышалась на приставном столике сбоку. Он жестом предложил Беннету сесть напротив. Беннет уселся поудобнее. В такой обстановке он чувствовал себя как дома. И в самом деле, Дэниел Ишервуд Беннет из Честнат-хилл и Палм-бич привык наслаждаться тем, что принадлежало ему по праву рождения: его предки приехали в Америку еще до войны за независимость. Средства, предоставленные в его распоряжение, обеспечивали Беннету выбор работы по желанию и освобождали от необходимости зарабатывать на жизнь. Образование он получил в Экзетере и Дартмуте, где специализировался по политологии, параллельно увлекаясь лыжами и теннисом. Впоследствии избрал своей профессией журналистику, став низкооплачиваемым редактором в журнале «Нью Рипаблик». Там, в тесных комнатках в центре Вашингтона он выработал расплывчатое центристское мировоззрение, но писал и полемизировал в традиционной и модной либеральной манере.

Карьера Беннета в госдепартаменте восходит к добровольному сочинению речи для Энтони Уинтропа восемь лет назад, когда Уинтроп, в то время главный исполнительный директор чикагской страховой компании, был приглашен в Вашингтон для участия в форуме по международной денежной политике. Уинтроп собирался говорить о том, возможен ли гуманитарный подход к экономи-

ке, и текст Беннета, сдобренный эзотерическими ссылками на Иеремию Бентама, Уильяма Годвина, Томаса Пейна и Мальтуса, был стилистически отточен, остроумен — хотя был, в основном, почерпнут из малоизвестного французского сочинения «Возвышение философского радикализма». В общем, колоссальный успех.

После назначения его государственным секретарем Уинтроп вспомнил серьезного молодого человека с галстуком-бабочкой в горошек, благодаря словесам которого его имя появилось на следующий день после речи во врезке к большой статье в «Уолл-стрит Джорнал». Беннета вызвали в Туманное дно, где предложили должность специального помощника. К вящему изумлению Уинтропа он отклонил эту должность и предложил себя в качестве кандидата на другую, более заметную работу. После недельных тихих переговоров Беннет — к неудовольствию профессионалов дипломатической службы госдепартамента — был назван Уинтропом кандидатом на должность заместителя госсекретаря по европейским и канадским делам.

— Ну, Дэн, — заговорил Уинтроп, — забег начался. Прошло немало времени, но теперь мы вышли на беговую дорожку. Заслуга в основном ваша. Надеюсь, вы довольны.

— Столько еще всего впереди, — сказал Беннет, доставая из папки, которую держал под рукой, меморандум и протягивая его через стол государственному секретарю. — Это следующий шаг. Мне неприятно вам докучать тривиальными процедурными проблемами, господин секретарь, но если вы не сделаете этого прямо сейчас, боюсь, мы потеряем неделю в спорах о том, кто должен представлять госдепартамент в специальном подразделении межведомственной группы, которая создается для подготовки документов по контролю над вооружением. Я предлагаю, чтобы нашими представителями были Джудит Шеннон, сопредседатель совместно с Майклом Уотерманом, и Боб Уэллбек. Мне действительно нужен там Уэллбек для противодействия Уотерману. Вы знаете Джуди: она тверда, как камень. Но она, увы, не в материале — а предмет, как

вы хорошо знаете, временами носит чисто технический характер. Уэллбек хорошо знает суть дела и собаку съел во всех этих межведомственных склоках.

Лицо Беннета приобрело самое обезоруживающее бойскаутское выражение, и он продолжал:

— Есть еще одна причина направить туда Боба Уэллбека. Вы знаете, насколько все это время важным для нас и спокойным было сотрудничество с Уоллесом. Без него мы бы никуда не продвинулись. Уоллес мне доверяет. Но он без обиняков дал понять, что у него есть сомнения в отношении Джуди. И Джуди его тоже не любит. Мне будет неспокойно, если там не появится кто-то, способный обеспечить поддержку со стороны Уоллеса.

— Я верю вам, Дэн, — замахал руками Уинтроп. — Вы четко изложили ваши аргументы, — он поднял глаза на своего собеседника. — Итак, кто будет жаловаться, если я это подпишу? Вы же знаете, в подобных случаях предусмотрен полный процесс согласования.

— Откровенно говоря, именно этого я и хотел избежать. Это только всполошит полдесятка людей, они узнают, что создается новое подразделение, в которое им не дают допуска. Люди у нас в таких случаях просто теряют голову, особенно когда их не допускают к чему-то супер-секретному. У них у всех одна точка зрения: если допущен *хотя бы кто-то* из Пентагона, то в госдепартаменте должны быть допущены *все*, вплоть до дежурного по гаражу у въезда на Си-стрит.

— Тут вы правы, Дэн, — кивнул Уинтроп. Хорошо — я назначаю Шеннон и Уэллбека.

Достав перо из кармана, он подписал меморандум и передал его Беннету.

— Я вам очень признателен, сэр.

— Постарайтесь сделать так, чтобы Уэллбек сработался с Джуди. Иногда она... ну, как бы это сказать... она очень ревниво оберегает свое хозяйство.

— Я думаю, это еще очень мягкая характеристика территориальных притязаний Шеннон, — сказал Беннет.

Он тут же заметил, как вспыхнули глаза секретаря, и решил дальше не продолжать.

Более чем за пять лет работы у Уинтропа Беннет научился искусству обхаживать секретаря и ненавязчиво направлять его действия. Никаких шуточек. Никакого очернения. Никакого сквернословия. Всегда иметь презентабельный вид. В смысле учтивости и манер Уинтроп был старомоден. Он был человеком, думал Беннет, более всего напоминающим английского дипломата середины девятнадцатого века, который всегда облачен в черный твидовый фрак, ну разве что в тропиках сменяемый на белую фланель.

— Господин секретарь, — заговорил он, — можете ли вы рассказать мне еще что-то о встрече до заседания группы планирования? Когда заседание кончилось, вы обещали проинформировать меня более подробно. Мне было бы очень полезно знать, как реагировал Райдер, каковы были его аргументы. В конце концов я уверен, что мы услышим те же аргументы от Уотермана.

Фактически Беннету более всего была интересна внутренняя характеристика разговора между президентом, государственным секретарем, министром обороны и советником по национальной безопасности. Ему было плевать на аргументы Райдера. Но сведения о том, что говорил президент в узком элитарном кругу, — это Беннет мог использовать, чтобы произвести впечатление на сотрудников своей приближенностью к власти, показать прессе, что он принадлежит к узкому кругу избранных, а кое-кого в госдепартаменте, и других правительственных ведомствах запугать тем, что он знает лучше — и раньше других — предпочтения президента, которые, в конечном счете, и определяют национальную политику. Очень легко оказаться в центре всеобщего внимания на вашингтонском обеде, если у вас есть кое-что существенное из самого Белого дома.

Уинтроп был рад поделиться этим с Беннетом.

— Мне кажется, я уже говорил, — начал он, — то, как президент поставил этот вопрос, не оставляло Рай-

деру особых шансов как-то ему возразить. Он просто сказал, что получил по тайному каналу послание Новикова, что Новиков хочет встретиться, и он решил, что настало время получать дивиденды на сделанные нами вложения.

— Это были доподлинные его слова — «дивиденды на сделанные нами вложения»?

— Да. Он повторил их дважды. Ему, видимо, самому понравилось, как звучат эти слова. Я ждал, что он повторит их на группе планирования. Вы же знаете, как он привязывается к какому-нибудь выражению и повторяет его вновь и вновь.

Беннет кивнул.

— Думаю, нам следует усилить эту мысль насчет вложений — «сила нашей позиции усадила Новикова за стол переговоров», что-нибудь в этом духе?

— Это наша самая эффективная стратегия. Многие люди из нынешней администрации глубоко заблуждаются, полагая, что на президента можно воздействовать, сказав ему: то, что он делает — а ведь это согласуется с тем, что он отстаивал всю свою жизнь, — ошибочно.

Уинтроп самодовольно улыбнулся.

— Бывший государственный секретарь ходил на эти заседания — президент мне это сам рассказал, Дэн, — и говорил что-то вроде: «Вы не можете этого сделать, господин президент». Скажу вам, Дэн, говорить *такое* этому президенту — как и другому президенту — значит сказать «до свидания». Вы уже проиграли.

Беннет кивнул.

— А Райдер?

— О, — воскликнул Уинтроп, — он слишком умен, чтобы говорить президенту такие вещи. К тому же он очень давно с ним знаком. Гораздо дольше меня. Мне кажется, его беспокоит, что образ мыслей президента, возможно, меняется. Он внимательно следит за реакцией президента. Он не очень уверен в Новикове. Да и никто из нас не уверен, вообще говоря. Он все повторяет Мак-

кэндлессу: «Дайте нам больше информации о Новикове. Больше о Новикове».

— А что думаете вы, сэр? — спросил Беннет, стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно почтительнее.

Но госсекретарь был слишком увлечен своей темой и прямо на вопрос не ответил.

— Думаю, мы никогда этого не поймем, пока не встретимся с Новиковым лицом к лицу. Но я не уверен, что это так уж важно. Мы должны иметь дело с любым, кого бы они ни выдвинули. Когда существуют две страны, способные уничтожить друг друга, — а заодно и весь остальной мир, — нужно находить способы улаживать разногласия. Иного не дано.

— Могу я на минутку снова спросить о предварительной встрече? — спросил Беннет как бы мимоходом. — Было ли сказано что-нибудь, из чего можно было бы заключить, что́ собирается предпринять Райдер? Например, смирится ли он и будет сотрудничать, или попытается сорвать встречу? Я знаю, что Уотерман готов пойти на все, чтобы остановить нас. И это важно знать, потому что на него возложены большие обязанности в межведомственной группе. У них с Райдером твердая почва под ногами? Как вы думаете, что ждет нас впереди?

— Я полагаю, что Райдер пойдет до конца. Он будет сражаться с нами за каждый дюйм пути. Он будет рисовать Новикова в самом невыгодном свете. Он покажет статистику производства танков Советами, крупных капиталовложений в военное производство, от которых у них не хватает духу отказаться. Все это играет на его подход, который состоит в том, что мы должны противостоять им вооруженной силой.

Уинтроп наклонился вперед и взял каминную кочергу с медной подставки. Он пошевелил горящие поленья, выбросившие сноп искр. Огонь, уже было затухавший, разгорелся с новой силой.

— Я тоже считаю, что мы должны быть сильны. Если бы зависело от меня, я бы увеличил военный бюджет и

ввел для этого новые налоги. Лишь эта безумная оппозиция людей типа Бернера любому повышению налогов сдерживает, в конечном счете, наш военный бюджет.

— Но быть сильными — не значит поворачиваться спиной к Советам при каждом удобном случае. Эта встреча на высшем уровне представляет собой открытую дверь, и именно мы в госдепартаменте постарались ее открыть.

Госсекретарь посмотрел на тыльную сторону своих ладоней.

— И изрядно набили себе костяшки пальцев, а, Дэн?

— Вы изъясняетесь в высшей степени дипломатично, сэр, — кивнул Беннет.

— Ну что ж, — улыбнулся Уинтроп, — черт меня дери, если я позволю Райдеру снова захлопнуть эту дверь.

— Я надеялся, что вы скажете именно это, — одобрительно сказал Беннет. — И я хочу, чтобы вы не сомневались: на этот раз мы победим. — Он встал, собираясь уйти. — Спасибо, что нашли время со мной встретиться. Я оставлю меморандум о Шеннон и Уэллбеке у Ренальды.

Вернувшись к себе в кабинет, Беннет нашел на столе конверт, помеченный красным грифом. Он вскрыл его и сразу же начал внимательно читать.

Государственный департамент
Меморандум
Секретно и конфиденциально

Кому: ЕврЗамСек/Беннет
От: Евр/Боб Уэллбек
Дата: Сентябрь 16
Тема: Уотермана спустили с цепи на КОКОМ

У Уотермана недобрые планы в отношении КОКОМ. Я знаю ваше мнение, что КОКОМ — это бюрократическое болото, но если Уотерман сумеет настоять на своем, это

может сорвать встречу лидеров. Я навел справки в экономбюро, в секретариате Шеннон и у нашего представителя в КОКОМ Эндрю Мискелла, который прибыл для встречи с Уотерманом. Складывается следующая картина:

1. Уотерман готовится внести американские предложения на пленарном заседании КОКОМ послезавтра. Результатом может быть эффективный контроль министерства обороны над КОКОМ и безобразное столкновение с Москвой.

2. Министерство обороны взяло инициативу в свои руки несколько месяцев назад, после того как экономбюро пошло на сделку с Уотерманом. Суть сделки: Уотерман хочет образовать группу советников МИНОБа в КОКОМ для технической и разведывательной оценки советской стратегии хищения западных технологий. Он заручился поддержкой СНБ после того, как экономбюро спряталось в кусты — в основном, полагаю, потому, что в Париже у них не было никакой поддержки и они были уверены, что все равно ничего не добьются.

3. Теперь плохая новость: Мискелл говорит, что некоторые делегации ослабили противодействие. Французы фактически поддерживают и активно лоббируют англичан и немцев. Поскольку французы раньше были в резкой оппозиции, их поворот кругом может произвести сильный эффект.

4. Мискелл позвонит мне, как только узнает больше о планах Уотермана, — я сообщу вам незамедлительно. Тем временем обзваниваю французов и англичан, хочу услышать, что скажут они.

5. Итог: послезавтра Уотерман, вероятно, достигнет соглашения о создании группы КОКОМ, подотчетной МИНОБ. И мы потеряем контроль над деятельностью КОКОМ.

Кроме того, мы столкнемся с сенсационными статьями в прессе об операциях советской разведки, выкрадывающей наши технологии, — шпионские штучки, которые

так обожают средства массовой информации. Все это в целом создает плохой фон в канун встречи лидеров. Мы должны сделать все, от нас зависящее, чтобы это приостановить.

* * *

Беннет сразу же оценил назревающую угрозу. Никто никогда ничего не слышал о КОКОМ, отчасти потому, что эта организация была сферой госдепартамента и управлялась закулисно. Теперь, когда деятельность КОКОМ будет направлять министерство обороны, она выйдет из небытия — как раз вовремя, чтобы отравить атмосферу накануне встречи на высшем уровне. Итак, совершенно очевидно: Уотерман ловит рыбку в мутной воде.

Закончив чтение, Беннет схватил телефонную трубку и постучал по аппарату внутренней связи костяшками пальцев.

— Соедините меня с заместителем государственного секретаря по экономике и бизнесу. *Немедленно*! — рявкнул он.

Глава пятая

Вашингтон,
17 сентября, 4:45 пополудни

Сидя на заднем сиденье машины, тащившейся из Пентагона в заторах вашингтонского часа пик, Уотерман листал свой отрывной блокнот. Заседание, из-за которого ему пришлось в спешке менять некоторые пункты своего выступления, внезапно, в свете предстоящей встречи лидеров, приобрело особую важность. Он посмотрел на часы: делегаты пятнадцати стран—членов КОКОМ сейчас уже прибывают к дипломатическому подъезду госдепартамента на Си-стрит. Сегодня будет только прием. Настоящая работа начнется завтра, когда состоится рабочая встреча. Сегодня только выпивка и беседы с делегатами, а потом частный обед с Франсуа Арнодэ, аналогом самого Уотермана во французском министерстве обороны. Уотерман с нетерпением ждал обеда с французом, но терпеть не мог болтовню толпящихся бюрократов, вынужденный обмен любезностями с греками и бельгийцами, немцами и англичанами, большинство из которых он не знал в лицо, хотя все они отлично знали, кто он, и ждали от него того же. Когда с ним была Лаура, все было не так уж плохо. Она обладала удивительной способностью соединять имена и лица. Она давно научилась делать шаг навстречу

и представляться еще до того, как становилось очевидным, что Майкл не имел понятия о том, с кем он говорит. Прием был долгом, обед с Арнодэ — удовольствием.

В последний приезд Уотермана в Париж Франсуа повел его в ресторан Тэлеван, где они отлично пообедали колбасками из морепродуктов с трюфелями, за которыми последовала гусиная печень на гриле под аккомпанемент вин Монтраше и Шамбертен. Сегодня Уотерман ответит домашним обедом собственного приготовления. Уотерман был хорошим поваром, хотя вряд ли равноценным парижскому. Выигрышная сторона КОКОМ, подумал он, пытаясь сосредоточиться на скучном отчете о последнем заседании, состояла в том, что он базируется в Париже.

Задача КОКОМ сводилась к тому, чтобы поддерживать эмбарго, призванное оградить западные технологии от попадания в руки Советов. С этой целью организация собирала в довольно запущенной штаб-квартире представителей стран-участниц для обсуждения списков технологий, которые нельзя продавать Советскому Союзу и его союзникам.

Годами министерство обороны пыталось заставить страны—члены КОКОМ эффективнее соблюдать эмбарго. Но в Париже царила летаргия — и безразличие во всех прочих столицах. Советские агенты свободно сновали повсюду и скупали технологии, нужные их военной промышленности. Западные правительства закрывали глаза на эти закупки, осуществляемые чаще всего через подставные фирмы. А когда Советы не могли купить то, что им было нужно, они это просто выкрадывали.

Затем, в начале восьмидесятых, Директорат по надзору за территорией, или ДНТ — ветвь французской разведки, ответственная за противодействие шпионажу и терроризму, — завербовала в Москве агента. Агент под кличкой «Чао» был старшим офицером Управления «Т» в КГБ, отвечавшего за хищения передовых технологий в странах Запада.

Чао сообщил, что похищенные западные технологии используются более чем в пяти тысячах советских

программ. Он назвал также советские организации, сведенные воедино для этой цели под вывеской ГКНТ, Государственного комитета по науке и технике. Не столь известный, как КГБ, ГКНТ собрал под своей крышей двадцать тысяч профессионалов, в том числе агентов разведки, служебной обязанностью которых было приобретение передовых западных технологий. Чао передал французам — и через них Соединенным Штатам — тысячи страниц документов, хранившихся в штаб-квартире ГКНТ. Это были доклады, запросы о выделении денег для проведения операций в Германии, Франции, Японии и Соединенных Штатах. Чао передал даже названия специальных инженерных групп и имена технических работников в западных компаниях, разрабатываемых ГКНТ.

Когда главу французской разведки Алена Маррона ввели в комнату, где для него были разложены соответствующие досье, он просто обомлел. Такого улова он еще не видел за все тридцать лет своей службы.

Документы читались как каталог заказов «Товары—почтой». В них перечислялись названия и порядковые номера военных проектов, а также организации, которым поручено их осуществление, — КГБ, ГРУ, Московский университет, Совет по советско-американской торговле и так далее, бюджет в рублях и твердой валюте, номенклатура и номера деталей западного обрудования, даты, к которым они требовались, в том числе заменители, если нельзя достать оригиналы, оценки финансовой эффективности операции.

Директор ЦРУ Маккэндлесс и глава ДНТ Маррон сообщили президенту о Чао во время драматического брифинга в специальном помещении штаб-квартиры ЦРУ, защищенном всеобъемлющими мерами безопасности. Президент был ошеломлен. Шокированный размахом и успехом этой советской операции, он немедленно отдал распоряжение о всестороннем ужесточении эмбарго КОКОМ. Миллионы долларов были перечислены из бюджета министерства обороны в таможенную службу, что-

бы задействовать новый корпус специально подготовленных агентов для выявления советских технобандитов.

Уотермана обрадовала эта новая решительность. Но никакое эмбарго не может быть эффективным без содействия всех стран, способных поставлять Советам секретные технологии. Поддержка одной или двух — и даже большинства — не может этого обеспечить. Работать может только серьезная программа, успех возможен, *только* если удастся воздействовать на усталых дипломатов-торговцев, заправлявших в КОКОМ, отстаивавших в основном коммерческие интересы при полном пренебрежении безопасностью. В течение двух лет Уотерман летал в Париж и обратно, настаивая на консультациях, призванных сплотить союзников в проведении жесткого эмбарго и пытаясь создать в этом Комитете военный подкомитет, способный вдохнуть жизнь в КОКОМ в целом.

Он трудился, не покладая рук. Аргумент в пользу создания военного подкомитета вставлялся в выступления министра каждый раз, когда он встречался с министрами обороны стран—членов КОКОМ. Его вписывали не только в речи Райдера — это был постоянный сюжет Уотермана на брифингах для прессы. Когда груз подлежащих эмбарго американских компьютеров высокой производительности был перехвачен по пути из Швеции в Москву, Уотерман позаботился о том, чтобы «Вашингтон Пост» получила сенсационные подробности. Он при каждом удобном случае поднимал вопрос о подкомитете. Когда чиновники союзников обращались к нему за помощью, они должны были знакомиться с его мнением о КОКОМ. Когда они приезжали с жалобами, прежде чем их изложить, им приходилось выслушать лекцию о КОКОМ.

Постепенно Уотерману удалось добиться согласия коллег по Пентагону на то, чтобы запросы членов КОКОМ выполнялись только в случае, если союзники поддержат идею военного подкомитета. Союзники громогласно жаловались на это, особенно в госдепартаменте, но постепенно начали отступать. Споры наконец прекрати-

лись, когда Чао выложил тысячи страниц секретных документов, а французы обнаружили, что почти пятьдесят советских агентов во Франции похищают французские технологии. Позиция Франции в отношении КОКОМ в целом — и в отношении военного подкомитета в частности — резко переменилась. Вскоре Чао разоблачили и тайком расстреляли.

Уотерман немедленно попытался побудить французов обнародовать материалы Чао. После нескольких месяцев противодействия они в конце концов согласились. Более того, ему удалось этого добиться через посредство Франсуа Арнодэ, да так, что госдепартамент об этом даже не услышал. Теперь, впервые оснащенный неопровержимой информацией, он собирался приступить к следующему шагу операции по оживлению КОКОМ.

Его первой задачей было известить Эндрю Мискелла, новоназначенного американского представителя в КОКОМ, о своем плане использования материалов Чао на завтрашнем заседании, чтобы этот шок побудил КОКОМ к действиям так же, как раньше он ошеломил президента.

Мискелл был новичком в КОКОМ. Он занимал свой пост всего шесть месяцев. Месяц ушел на поиски подходящего — и не очень дорогого — жилья, покупку машины и на ознакомление с ворохом бумаг, который французская бюрократия обрушивала на всех дипломатов-резидентов. Поэтому он все еще лишь набирал скорость, все еще осваивался с особенностями делегаций различных стран — не говоря уже о том, что пытался уйти в сторону всякий раз, когда государственный департамент, министерство обороны и министерство торговли схватывались друг с другом по поводу того, как следует решать связанные с КОКОМ проблемы. Он был еще новичком, не способным твердо выступать против ужесточения эмбарго — во всяком случае, Уотерман на это рассчитывал.

В материалах для брифинга никаких сюрпризов не оказалось, он успел их перелистать как раз к тому моменту, когда машина подъехала к госдепартаменту.

Мискелл встретил его в вестибюле, он пожимал руки и приветствовал своих коллег по Парижу, по мере того как череда лимузинов высаживала их у стеклянных дверей дипломатического подъезда государственного департамента.

— Добро пожаловать в Вашингтон, — сказал Уотерман, протягивая ему руку. — Мне жаль, что я не смог приехать с утра. Я был занят с министром, — солгал он с улыбкой. Он отвел дипломата в сторонку. — Энди, я хотел бы обсудить нечто очень важное перед заседанием. Можете уделить мне сейчас несколько минут? Быть может, нам удастся найти пустой кабинет.

— Разумеется, я знаю такой в экономбюро: они держат его для заезжих пожарников вроде меня.

Оба прошли в коридор на пятом этаже, где располагались рабочие комнаты бюро по делам экономики и бизнеса госдепартамента, отдела, отвечающего за работу КОКОМ.

— Сюда, — сказал Мискелл, пропуская Уотермана в ближайший к двери кабинет.

— Энди, — начал Уотерман, — вы знаете, что мы все время пытаемся вывести наших партнеров по КОКОМ из летаргии. Мне не нужно вам объяснять, сколько крови мы потеряли. Когда мы говорили с вами в Париже, я понял, насколько тяжела ситуация. С тех пор все только усугубилось. Кроме того, у вас не было допуска к некоторым материалам с кодовым названием «Голубая граница», в которых полно кодовых слов длиной с вашу руку. Я не мог сообщить вам все, что мы знали. Но сейчас президент решил открыть эту информацию. Мы получили ее некоторое время назад от советского агента, завербованного французской разведкой. Недавно его разоблачили и расстреляли. Французы разрешили нам расширить круг людей, которым известно кое-что из того, что мы от них узнали. Фактически по своим внутренним причинам они хотят создать впечатление, что Чао — это кодовое имя агента — действовал под контролем американцев. Поэто-

му мы не должны открывать, что то была операция французской разведки.

— Я ждал чего-то в этом роде, — сказал Мискелл. — Слухи об агенте дошли до меня почти сразу по приезде в Париж.

И все же глаза Мискелла расширились, когда Уотерман обрисовал набор документов, переданных Чао, широту и размах советских усилий по добыванию западных технологий. Когда он перечислял системы вооружения, в которых использовались американская, японская, французская, немецкая и английская технологии, это показалось Мискеллу инвентарной описью вооружения сил Варшавского пакта. Он вспомнил часы, проведенные на пустопорожних заседаниях. Теперь все становилось на свои места.

— Французы, — сказал Уотерман, — дали мне добро на детальное обсуждение полученных от Чао материалов. Они поддерживают наши меры по усилению КОКОМ, в том числе предложение о создании комитета военных экспертов, что послужит дополнением к тем дискуссиям, которые ведутся на регулярных заседаниях КОКОМ.

Мискелл постучал по столу костяшками пальцев.

— Ну, наконец все объяснилось. Я уловил перемену. Но не знал, как это произошло и почему. На немцев и англичан это явно подействовало. Впервые после моего приезда в Париж они перестали поносить ваши предложения.

— Понимаю. Самое трудное было добиться сотрудничества со стороны французов — сначала чтобы они поддержали наши инициативы, а затем получить добро на использование материалов Чао. Остальное тоже нелегко, но выполнимо.

Слушая Уотермана, Мискелл был захвачен неким исходившим от него сознанием собственной миссии. Он проникся неподдельным энтузиазмом: открывалась возможность поднять роль КОКОМ и самому сыграть в этом не последнюю роль. Его коллеги по госдепартаменту по-

думают, конечно, что он переметнулся на другую сторону. Но, черт возьми, подумал он, Уотерман говорит дело.

— Вы идете на прием? — спросил Мискелл.

— Всего на несколько минут, — ответил Уотерман. — Я сегодня угощаю Франсуа Арнодэ домашним обедом.

— Кто это?

— Мой аналог во французском министерстве обороны. Фактически он офицер французской дипломатической службы, приписанный к министерству обороны. Без Франсуа позиция французов была бы не лучше немецкой. Он нам очень существенно помог.

— Может быть, он сможет использовать свои контакты в министерстве иностранных дел, чтобы чуточку подтолкнуть наш госдепартамент? — предложил Мискелл.

— Что ж, неплохая мысль, — сказал Уотерман. — Я поговорю с ним об этом за обедом.

Уотерман услышал, как жена плещется в душе, когда поднимался наверх в спальню, чтобы скинуть темно-серый костюм и облачиться в просторные домашние брюки и спортивную синюю куртку. Постель была завалена горой из свитеров — очевидно, Лаура извлекала шерстяные вещи из летней кладовки и перебирала стенной шкаф, который они делили по справедливости, как она ее понимала, — 80 процентов ей, остальное ему. Он быстро переоделся и открыл дверь в просторную ванную с лампой под потолком, заполненную клубами пара.

— Я дома, — попытался он перекричать шум воды и звуки струнного квартета Бетховена, лившиеся из водонепроницаемого радиоприемника в душевой кабине.

— Я через минуту, — отозвалась Лаура. Уотерман видел ее сквозь стекло двери душевой кабины, ее длинные черные волосы, белые от пены шампуня, гладкую смуглую кожу, слегка раскрасневшуюся от горячей воды — она всегда предпочитала самую горячую, ему такую не выдержать. Ее лицо с закрытыми глазами повернулось к открытому люку над дверью. Она говорила, ни на мгновение их не

приоткрыв. — Овощи для салата помыты, белки от желтков отделила, так что можно взбивать суфле, картошка почищена, но не порезана. Тебе два послания. Оба у тебя на столе. Франсуа звонил, сказал, что чуточку задержится, на полчасика. О, еще я накрыла стол. Взяла хороший фарфор. А Джейсон останется на ночь у Майкла Петровски.

— Отлично! Я буду в кухне, — крикнул он в ответ.

Уотерман завернул за угол в кухню-столовую и увидел стол. Лаура с ее безукоризненным вкусом постаралась на славу: розовая скатерть, лиможский фарфор цвета розы со сливками, поблескивающий хрусталь-баккара, вазы с розами и полевыми цветами.

Неправильно было только одно: стол был накрыт на три персоны. Очевидно, она его неверно поняла. Она должна была помочь с подготовкой обеда и исчезнуть. Это не светское мероприятие. Это деловой обед.

Уотерман знал, что при Лауре Франсуа постесняется говорить о делах. Лаура ему нравилась, но он будет чувствовать себя скованно при обсуждении в ее присутствии секретных вопросов. Так или иначе, остроумие Лауры — не лучший фон для выработки стратегии КОКОМ. Поэтому ей здесь места нет. Но она поняла иначе, и ему придется ее разочаровать. Черт. Приятного мало.

Уотерман вошел в кухню. Белок, желток и измельченная на терке лимонная цедра были в стеклянных мисках возле миксера для взбивания белка для суфле. Овощи для салата лежали на разделочном столе тремя аккуратными кучками. Три головки чеснока, которые потребуются для соуса, белели на маленьком листке вощеной бумаги возле электрической мясорубки. Все, что было связано с Лаурой, всегда находилось в идеальном порядке. И в самом деле, их совместное пребывание на кухне было непрерывной борьбой между *инь* и *ян**, порядком и беспорядком.

---

* Категории китайской классической философии, означающие крайние противоположности: тьму и свет, женское и мужское начала и так далее.

То была модель их взаимоотношений — напряжение между его легкими, небрежными манерами и ее щепетильным, подчиненным строгой дисциплине вниманием к каждой детали. Особенно в том, что имело отношение к кухне. Они встретились случайно на грязной кухне молодежного общежития в Шартре, на девятый месяц его шестнадцатимесячного бродяжничества по Европе. Ему было двадцать пять, принстонский АБД (на университетском жаргоне — аспирант без диссертации); ей было двадцать, из Северной Каролины, последний курс Американского университета в Вашингтоне, округ Колумбия, самое привлекательное создание с узкими бедрами, какое ему когда-либо доводилось видеть. Настолько привлекательное, что призер дискуссионного клуба буквально онемел и никак не мог завязать разговор.

Она наблюдала за ним из-под длинных ресниц, не ведавших туши, недоумевая, что он собирается сотворить из цыпленка, масла, свежих травок и овощей да еще бутылки *vin ordinaire** с помощью помятой сковородки на плите общежития с одной-единственной конфоркой. Он, конечно, видел, что она на него смотрит, и заплетающимся языком, заикаясь, выдавил из себя приглашение разделить с ним трапезу. Она согласилась. И после простой, но приятной еды и почти двух бутылок вина они проговорили всю ночь напролет в оптимистическом порыве простаков за границей — о себе, о мечтах и надеждах. Для Уотермана, который ни перед кем еще в жизни не раскрывался подобным образом, то было эмоциональное прозрение.

Это была связь, которая так легко возникает за границей у молодых американцев, никогда до того не путешествовавших в одиночку: внезапное единение сердец, душ и умов, которое приходит, подобно вспышке. Поэтому, еще до того, как на следующий день на рассвете они выпили *café au lait* с *petits pains***, их руки переплелись по

* vin ordinaire — немарочное столовое вино (*франц.*).
** café au lait — кофе с молоком; petits pains — булочки (*франц.*)

дороге в кафе; еще до того, как они поцеловались или прижались друг к другу, они — и оба это знали — абсолютно и полностью, без памяти влюбились.

Их чувства нисколько не остыли за оставшееся время европейской одиссеи Уотермана и последнего курса Лауры, подпитываемые бесчисленными письмами, открытками и телефонными переговорами, которые привели в полный хаос их личные бюджеты. Отношения сохранили прежнюю горячность и на расстоянии; вернувшись в Соединенные Штаты, он тут же полетел в Вашингтон и без предупреждения появился у ее порога в холодный и дождливый день. Она открыла дверь съемной квартиры и увидела его мокрым с головы до ног (с его плаща струйками сбегала вода), с сумкой через плечо, полузамерзшим букетом цветов в руке и любящей улыбкой на онемевших губах. Три месяца спустя они обвенчались у мирового судьи, не дождавшись, к огорчению ее родителей, окончания ею университета.

Но все как-то устроилось. Уотерман нашел свое призвание в аппарате сенатора Артура Уинтера. Лаура, получив диплом, устроилась на работу графиком-дизайнером в маленькое, но процветающее рекламное агентство в Росслине. Они наслаждались жизнью на две зарплаты и открывающимися перспективами. У них появились друзья, у каждого было свое дело, и оставалось время друг для друга.

В узенькой кухне-камбузе снимаемой ими квартиры неподалеку от Капитолийского холма он устраивал настоящий бедлам — они обычно приглашали друзей на обед раз в неделю. Отпуска проводили в Париже и Лондоне, Вене и Сиене, беззаботно наслаждаясь прелестями мира. В «Вашингтон Пост» о нем написали как о неоцененном пока талантливом поваре-любителе — этой статьей он так гордился, что повесил газетную вырезку в рамке на кухне. Затем — это случилось пять лет назад — он поступил на работу в министерство обороны, у них появился Джейсон, после чего их жизнь резко изменилась.

Три года они старались завести потомство и радостно купили дом в Чеви-Чейз, сделав подарок себе и еще не родившемуся ребенку, как только узнали, что Лаура беременна. Через шесть месяцев Уотермана пригласил к себе в заместители Райдер; он не добивался этой должности, но был польщен и взволнован, и еще до того, как сенат утвердил его кандидатуру, обычная, теперь казавшаяся пустячной еженедельная пятидесятичетырехчасовая нагрузка Майкла чуть ли не удвоилась.

В следующие пять лет он 72 раза ездил в командировки за границу, почти 100 раз — внутри страны, провел на работе 204 уикэнда и приходил домой к обеду 139 раз — реже, чем дважды в неделю. Ситуация становилась плачевной. Он практически превратился в чужака в собственном доме.

Тремя неделями раньше он оказался в Лондоне в день рождения Лауры. Он позвонил из посольства на Гровенор-сквер сообщить, что летит специальным военным самолетом на базу ВВС Эндрюс под Вашингтоном и, несмотря на разницу во времени, будет дома вовремя, чтобы успеть приготовить ей роскошный обед и распить вместе бутылку шампанского. Он не упомянул о вилках стерлингового серебра, которые нашел в антиквариате на Чансери-лейн в Лондоне.

Но самолет задержался с вылетом на десять часов. Он появился дома в два часа ночи, увидел, что жена легла отдельно, положив ему на подушку мятную конфетку и записку: «Завтрак в номер больше подаваться не будет».

Самым большим осложнением, с которым они столкнулись после ухода Уотермана в Пентагон с его костоломным рабочим графиком, были вовсе не родительские обязанности, а утрата Лаурой своего личного и профессионального «я». Она радовалась своей репутации подающего большие надежды дизайнера. Клиенты шли в агентство, привлекаемые ее оригинальными решениями и способностью вдохнуть жизнь в самые тривиальные сюжеты. Ее картины, написанные акриловой краской,

неплохо продавались в маленькой, но модной галерее на Пи-стрит.

Когда Уотерман начал работать у Джима Райдера, вся ее жизнь переменилась. Она решила остаться дома и воспитывать Джейсона, полагая, что гораздо важнее отдавать себя сыну, а не работе, и до сих пор верила, что поступила правильно. Но у Майкла как заместителя министра появились светские обязанности, которых не было в пору работы на Капитолийском холме. Когда он работал у Артура Уинтера, его не приглашали представлять правительство Соединенных Штатов на светских мероприятиях. Теперь это стало важной частью его должностных обязанностей. Новый взлет их общественного положения кончился тем, что Лаура довольно скоро с ужасом обнаружила, что к женам правительственных чиновников относятся как к нелюдям.

Раньше, когда Уотерманов — его как эксперта сенатского комитета по делам вооруженных сил, ее как дизайнера рекламного агентства «Сатьялока» — приглашали на обед, их представляли как «Майкл, работающий на Холме, и Лаура, подающая надежды художница». Теперь их представляли как «мистер Уотерман и миссис Уотерман».

Для Лауры светские мероприятия стали разновидностью изощренной пытки, и она всеми способами стремилась от них уклониться. Теперь ее день состоял из бесконечной череды бессмысленных визитов, чаев и пустопорожней болтовни. Она ненавидела протокол и не старалась скрывать это от мужа. Он защищался, уверяя, что ничего не может поделать.

В конце концов она отказалась сопровождать его во время официальных вояжей. Последней соломинкой была поездка по линии НАТО в Голландию в этом году. Все началось с кавалькады машин: благодаря серии бюрократических ляпов Лаура оказалась в штабном автобусе, а Уотерман стремительно отбыл в министерском лимузине. Потом сломался грузовичок с багажом, и штабной авто-

бус задержался в аэропорту почти на целый час, пока в него перегружали чемоданы. Уотерман тем временем расслаблялся в горячей ванне их гостиничного номера. Когда она наконец приехала, едва сдерживая раздражение, он объявил, что у нее есть двадцать пять минут, чтобы подготовиться к официальному приему с коктейлями, и напомнил, что ей предстоит исполнить свой долг, встречая гостевую очередь. В ответ она объяснила ему все, что он может сделать со своим приемом, в выражениях, которых, казалось ему, она не знала.

На следующее утро, когда Уотерман сопровождал Райдера — жена которого милостиво отказалась от поездки — на целую серию встреч в официальных кабинетах, Лаура, пребывавшая не в лучшем настроении, по необъяснимым причинам оказалась под холодным февральским ливнем во время экскурсии на ферму тюльпанов, расположенную на богом забытом острове в пятидесяти шести километрах от Гааги. Это была двухчасовая поездка туда и обратно на голландской военной машине, сконструированной, видимо, без учета пружин и амортизаторов. К тому же на этой ферме не оказалось никаких тюльпанов. Только бесконечные поля жидкой грязи. Она испортила свои лучшие туфли, вернулась сильно простуженная, и Уотерману пришлось выдержать взрыв ее плохого настроения и самочувствия. Слов для оправдания ему подыскать не удалось. Она была права. Официальные визиты — хуже ада.

Уотерман решил подняться наверх и сказать Лауре, что ее присутствие на обеде не предполагается, пока она еще не оделась. Всегда безукоризненно ухоженная и модно одетая, она тщательно подготовится к обеду, на который ее не приглашают. Надо во что бы то ни стало, подумал он, ее опередить.

Когда он вошел, Лаура стояла перед зеркалом в спальне с феном в руке. Платье, туфли и украшения, выбранные ею, лежали на постели. По его виду она сразу поняла — что-то не так.

— Все в порядке? — спросила она. — Тебе понравилось, как я накрыла стол?

— Прекрасно. Но... знаешь... э-э... это обед без женщин, — заикаясь, сказал он.

— Что?

— Дорогая, это деловой обед. Я бы пригласил Франсуа куда-нибудь, но я давно уже обещал накормить его едой собственного приготовления. Я думал, ты знаешь.

— Откуда, черт возьми, я могу это знать? — выпалила она. — Ты мне ничего не сказал. Мэгги звонила, спрашивала насчет даты, удобна ли она. Как прикажешь мне узнавать такие вещи?

— Милая, я очень виноват, — еле-еле выдавил он. — Я оплошал. Мне надо было проверить заранее. Но мне не приходило в голову...

— Разумеется, тебе не приходило в голову. *Я* просто больше *не прихожу тебе в голову.* В следующий раз, когда я буду *sous chef**, не приглашенным к обеду, попроси свой трахнутый секретариат прислать мне меморандум. — Она направила фен на Уотермана. — А теперь убирайся отсюда, пока я окончательно не вышла из себя.

Он открыл дверцу холодильника и услышал звук заработавшего мотора Лауриной машины. Подошел к окну.

И успел увидеть, как темно-бордовый «фиат» исчезает в конце улицы.

---

* Здесь: заместитель шеф-повара (*франц.*).

Глава шестая

Чеви-Чейз,
17 сентября, 8:55 вечера

Франсуа Арнодэ был enfant terrible французской дипломатической службы: умным, твердым, амбициозным и пятью годами моложе любого, имевшего на это право благодаря связям или образованию. Окончив Высшую школу управления в Париже, он получил возможность выбрать себе министерство, в котором мог приступить к восхождению на верхние ступеньки французской гражданской службы. К большому удивлению однокашников, Франсуа остановил свой выбор на министерстве иностранных дел. Напечатав длинную статью, излагавшую историю и принципы французской ядерной стратегии, он стал главным политическим советником министра обороны.

С первой же встречи у них с Уотерманом установились хорошие отношения. Арнодэ занимал ясную и откровенную позицию в отношении Советов. Он разделял точку зрения Уотермана, наблюдая, как они наращивали стратегические вооружения. Он писал пламенные речи министру, подчеркивая важность франко-американского сотрудничества, хотя эту позицию находили недальновидной многие занимавшие высокое положение официальные лица, которые отвергали американское ли-

дерство в Европе и постоянно стремились свести его к минимуму.

Сейчас он стоял под портиком дома Уотермана с пластиковым пакетом в одной руке (там была бутылка французского вина) и папкой Кэ д'Орсэ в другой. Папка с золотой монограммой *RF*, то есть *République Française**, на клапане была казенной; вино, Clos de Vougeot 1969 года, продукция небольших виноградников Жана Гриво, казенным не было ни в коем случае.

Уотерман отложил кресс-салат, с которого он только что стряхнул воду, вытер руки кухонным полотенцем, включил свет и направился к входной двери встретить французского коллегу.

— Добро пожаловать, Франсуа, — сказал он. — Рад тебя видеть. Надеюсь, легко нашел мое жилище?

— Без проблем, — ответил дипломат, глядя на Майкла сквозь очки в стальной оправе и протягивая руку. — Шофер знал эту улицу. Выяснилось, что один из наших атташе в течение многих лет снимал дом в нескольких кварталах от тебя.

Войдя в гостиную, гость принялся восхищенно рассматривать крупную узорчатую викторианскую облицовку камина, занимавшую бóльшую часть стены.

— Я бы не хотел жить где-либо, кроме Парижа. Но если вы не очень богаты, то денег хватает только на небольшую квартиру. Один твой камин размером с мою кухню.

Дом Уотермана ничуть не походил на те роскошные жилища, что расписываются в местных глянцевых журналах. Он ничем не отличался от других — обычный для Чеви-Чейз дом в колониальном стиле с холлом посередине, в переулке под названием Кекук, идущем от Ривер-роуд в трехстах метрах от шоссе. Но Уотерманы переехали сюда шесть лет назад и все свое свободное время отдали превращению этого дома в рай на земле.

* Обиходное название Министерства иностранных дел Франции, расположенного на одноименной парижской набережной.

Комнаты были очищены, половые доски заменены. Стены раздвинуты и потолки подняты. Пристройка сзади размером шесть метров на восемь образовала просторную, загородного типа кухню, где Уотерман мог предаваться своему хобби. Под ней располагались винный погреб и дегустационная комната, смежная с подвальным кабинетом, где он мог спокойно работать, не создавая помех членам семьи. За кухней в застекленной оранжерее была студия для Лауриных занятий живописью.

Если кухня отражала интересы Майкла, то остальной дом говорил о пристрастиях его жены к цвету, форме и фактуре. Одна стена в фойе ручной покраски создавала иллюзию мрамора, стена в гостиной напоминала фреску Возрождения в процессе реставрации. Мебель представляла собой сочетание со вкусом подобранного антиквариата и модерна — сувениры из заграничных поездок и результаты рысканий по блошиным рынкам, а также трофеи удачливой способности оказываться в нужном месте в нужное время.

Из фойе дверь вела в гостиную, где на угловом столике красного дерева с искусной резьбой стоял большой русский самовар, по стенам были развешаны миниатюры на слоновой кости из Исфагана рядом с литографией — портретом задумчивого Рембо в позолоченной рамке, а на темном деревянном полу лежал красно-синий турецкий ковер в тон обивке стульев и софы из провансальской ткани.

Уотерман провел Арнодэ через гостиную в кухню. Именно здесь, на кухне с кафелем терракотового цвета и обшитыми дубом стенами, Уотерман находил убежище от занимавших его мировых тревог. В отличие от всех других его занятий, готовка обещала быструю награду. Ни тебе долговременных проектов, ни затянувшихся войн, ни медленно складывающихся планов. Обед можно приготовить и съесть за несколько часов. Поразительно, как нарезка, рубка, терка и перемешивание, самые неинтеллектуальные из всех мыслимых занятий, отвлекают мозг от гнетущих забот.

— *Formidable*!* — воскликнул Арнодэ. Он разглядывал эту вполне профессиональную кухню, оснащенную домашним угольным грилем, плитой ресторанного типа, громадной разделочной доской и *batterie de cuisine***, достойным ресторана средних размеров. Чуть приглушенный свет галогеновых ламп играл на ярко начищенных медных горшках, свисающих с массивной дубовой балки, проходящей под потолком. Медный мармит журчал на плите, рядом с ним стояла белая фарфоровая супница, куда будет перелито его содержимое.

— Только это позволяет мне оставаться в здравом уме. Последняя полная отключка.

— Все создано как бы специально для этого дома, — сказал Арнодэ. Он достал из принесенного пакета бутылку бургундского.

— Фью-ить, — присвистнул Уотерман, прочитав этикетку. — Серьезное дело.

Он бережно поставил бутылку на разделочный стол и даже отступил на шаг, чтобы ею полюбоваться. Однажды, во время дегустационной поездки по Бургундии, он остановился в поместье Романе-Конти попробовать свежее «La Tache» из дубовых бочек в подвале. Он хотел купить бутылку этого темно-красного, ароматного, отменно сбалансированного короля всех бургундских вин. Но совершил ошибку, назвавшись американцем в ответ на вопрос, откуда он приехал. «*Je suis desolé, monsieur*, — сказал хозяин. — *Il existe un quota pour les Américains mais il est fini pour sette année****».

Уотерман критически уставился на этикетку.

— Мы не сможем пить это сегодня, — сказал он.

— Конечно, нет, — сказал Арнодэ. — Я привез ее для твоего погребка, Майкл. Оно растревожилось от поездки. Пройдет не меньше недели, пока оно успокоится. Как-ни-

* Потрясающе (*франц.*).

** Кухонное оборудование (*франц.*)

*** Я сожалею, месье. Для американцев существует квота, и на этот год она кончилась (*франц.*).

будь вы с Лаурой насладитесь этим в один прекрасный вечерок.

— Да, Франсуа, такое вино большая редкость, уж я-то это знаю. — Уотерман бережно взял бутылку в руки. — Извини, я отнесу ее вниз.

Пока француз искал что-то в своей папке, он спустился по винтовой лестнице, ведущей из кухни в винный погреб, и через минуту появился с бутылкой в руке. Он поставил ее на буфет.

— Наверное, нужно его перелить, дать ему шанс подышать.

Арнодэ искал штопор и как следует не разглядел бутылку.

— Но мы ведь не должны пока его пить, — повторил он. — Оно еще не отдохнуло.

— Вполне отдохнуло, — ответил Уотерман, расплывшись в улыбке. — Она целый день простояла в погребе в вертикальном положении. В прошлом году я нашел в Париже две бутылки Clos de Vougeot 1971 года из подвалов Гриво. Ты знаешь маленький винный магазин на площади Мадлен?

Арнодэ кивнул.

Уотерман протянул ему штопор.

— Посмотрим, хорошо ли они умеют хранить вино.

Француз аккуратно вытащил пробку и понюхал.

— Отличное, это подлинный и несравненный шедевр. И, — добавил он, — очень хорошо пойдет под это.

Он достал из пластикового пакета идеально зрелый сыр Вашрен и кусок поменьше козлиного сыра Сен-Марселин.

— Что у нас есть еще? — спросил он.

— Ну, — сказал Уотерман, — здесь тебе не Тэлеван. Но я приготовил *soupe de moules** по рецепту Поля Бокюса. Потом решил поджарить стейки с *gratin dauphinois***.

---

* Суп из мидий (*франц.*).

** Картофельная запеканка с сыром и яйцами (*франц.*).

Есть салат из валерьянницы и кресс-салат, выращенные моим соседом через дорогу. На десерт лимонное суфле — моя специальность.

Уотерман знал, что такой еды его гость не получил бы ни в одном вашингтонском ресторане. По мнению Уотермана, в Вашингтоне только один приличный ресторан — Жана Луи, и в последний раз, когда он получил представительские из кассы Пентагона на оплату обеда с итальянским чиновником, потрясенный сотрудник административного отдела даже снял копии со счета в 270 долларов и разослал их по всем отделам министерства как пример недопустимого расточительства. После этого случая он начал приглашать иностранных гостей в один из лучших ресторанов «Мекситекс», кухня которого ничем не напоминала классическую французскую и могла доставить удовольствие своей новизной.

Уотерман суетился на кухне, помешивая суп из мидий, переворачивая стейки, разжигая гриль и проверяя, как шипит на плите запеканка. Арнодэ восхищенно наблюдал за ним.

— Посмотри, — сказал Уотерман, передавая Арнодэ свои заметки к завтрашнему выступлению. — Именно так я намерен поставить вопрос о военном подкомитете вслед за обнародованием материалов Чао. Я понимаю, это выглядит длинновато, но я уложусь менее чем за тридцать минут.

Арнодэ сидел за кухонным столом и читал, когда раздался телефонный звонок. Уотерман убавил пламя под супом и поднял трубку.

— Это тебя, — сказал он и передал трубку Арнодэ. — Если хочешь, возьми трубку в кабинете, дверь налево.

Француз кивнул, встал и вышел из кухни. Через две минуты он вернулся помрачневшим.

— Франсуа, надеюсь, ничего плохого? — спросил Уотерман.

— Боюсь, новости плохие.

— Можешь говорить?

— Мы должны это обсудить, — ответил Арнодэ, усаживаясь. — Звонил *chef de cabinet** министра иностранных дел. Я ничего не говорил тебе раньше, думал, все утрясется. Но не утряслось. Плохие новости, Майкл. Тебе не дано разрешения использовать на завтрашнем заседании материалы Чао.

Уотерман обомлел.

— Но ведь все согласовано. Все согласились.

— *Было* согласовано, — задумчиво произнес Арнодэ. — Расскажу, что мне известно. Только не стреляй в гонца, приносящего дурные вести. В семь часов вечера мне позвонил начальник аппарата министерства обороны. Он предупредил меня, что вопрос об использовании материалов Чао пересматривается. Он не знал, в связи с чем, просто хотел поставить меня в известность, что что-то происходит. Когда я попытался доискаться причин, он сказал мне: «Франсуа, это выше моей компетенции». И сообщил, что тут причастна Кэ д'Орсэ.

— Кэ? — нахмурился Уотерман. — Кэ не имела к этому никакого отношения, как и наш госдепартамент. Мы засекретили все, что касается Чао. Как это могло случиться?

— Понятия не имею, — грустно сказал француз. — Но случилось. Решающий удар был нанесен по телефону. Мне сказали, что это ваш Энтони Уинтроп поддерживает французов в том, чтобы запретить тебе использование завтра материалов Чао.

Уотерман потерял дар речи. Наконец кое-как совладал с собой.

— Невероятно. Уинтроп именно так и сказал?

— Ну, может быть, не теми словами, — ответил Арнодэ, — во всяком случае, это подразумевалось.

— Черт возьми. — Уотерман стукнул рукой по столу. — Можем ли мы что-нибудь предпринять?

— Только ждать. Как сказал мне звонивший, это выше уровня нашей компетенции, во всяком случае — моей.

* Начальник канцелярии (*франц.*).

— Я мог бы позвонить министру обороны...

— Это не даст ничего хорошего, Майкл. Это свершившийся факт. Нам остается только ждать. Материалы Чао отложены до лучших времен. Но что касается завтрашнего заседания, это мертвое дело.

— Меня вывели из игры, — сказал Уотерман. — Без Чао мне остается лишь сказать «прощайте».

Уотерман вымучил из себя болезненную улыбку. Он покачал головой. Что же могло произойти?

— По крайней мере ты сохранил чувство юмора, — грустно заметил Арнодэ.

— *Merde!** — только и смог произнести Уотерман.

* Дерьмо (*франц.*).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава седьмая

Государственный департамент,
26 сентября, 11:30 утра

Когда Дэн Беннет сердился, его громкий резкий голос разносился по коридорам и кабинетам госдепартамента с тонкими гипсокартонными перегородками. Его секретарша привыкла принимать на себя звуковую ударную волну, два или три раза в день бившую из эпицентра в кабинете заместителя государственного секретаря менее чем в десяти метрах от нее. Однажды она даже нацепила наушники, которые ее муж, вашингтонский полицейский, надевал, отправляясь на стрельбище. Беннет этого даже не заметил.

Сейчас она слышала его совершенно отчетливо, хотя он держал телефонную трубку вверх ногами и кричал в нее, точно в микрофон на митинге. Разумеется, это был спектакль, тщательно отрежиссированное представление, имевшее целью принудить к повиновению как врагов, так и подчиненных. Главное заключалось в том, чтобы слышал не только собеседник-жертва, но видели и слышали другие, чтобы слух пополз по зданию. А по большей части аудиторию составляла беспомощная секретарша. Поэтому ей доставляло тихое удовлетворение сознавать, — судя, по крайней мере, по его репликам, —

что крик не приносит результатов. Он продолжал кричать, но Майкл Уотерман оставался невозмутим.

— Не говори мне этой ерунды, пошли кого-нибудь! Для чего, интересно знать, существуют заместители и помощники? Я не могу допустить, чтобы мир остановился только из-за того, что ты считаешь нужным самому ходить на все эти трахнутые совещания! Кем ты себя возомнил, в конце концов?! Ты считаешь, что без тебя ничто не сдвинется с места? Я скажу тебе, чем ты занимаешься... ты суешь палки в колеса!..

Максимум в двух с половиной милях объект беннетовских тирад держал телефонную трубку в руке, выгнутой в некоем подобии салюта, так, чтобы Джей Паризи, сидевший у противоположной стены, мог слышать крик. Уотерман подмигнул своему военному помощнику, прижал трубку к уху и, улучив момент, когда Беннет переводил дыхание, сумел отпарировать:

— Дэн, — возразил он ровным голосом, — я не сую палки в колеса. Мне следовало попросить месяц, а не два дня. Я уже ничего не вижу за горой бумаг на моем столе. Заседание посвящено самому важному решению, которое предстоит принять этой администрации, и я намерен убедиться лично, что это будет правильное решение. Мы просто еще не готовы к заседанию межведомственной группы, тем более по такому важнейшему вопросу, как ядерные силы средней дальности.

Несмотря на видимое спокойствие, Уотерман был разгневан. Сначала Беннет сорвал его инициативу в отношении КОКОМ. Месяцы усилий и долгие часы переговоров с французами об открытии материалов Чао пропали впустую. Он нажал кнопку глушения на телефонном аппарате, что давало возможность говорить и не быть услышанным.

— Знаешь, что огорчает меня больше всего? — спросил он Паризи.

— Что?

— После того, что он сделал со мной в КОКОМ, этот тип должен бы праздновать победу, лакая шампан-

ское с апельсиновым соком, но нет, он отмечает свой успех тем, что покрикивает на меня, как будто я один из его подручных.

— Прикрикни на него в ответ.

Уотерман покачал головой. На взрыв гнева надо отвечать хладнокровием и оставаться невозмутимым, чего бы это ни стоило. Все это вздор, Дэн, ори, если тебе нравится. Надорви себе кишки. Он представлял себе, как Беннет вцепился обеими руками в трубку.

Уотерман выключил кнопку глушения.

— Поверь мне, Дэн, есть тысяча вещей, которые я должен сделать, вместо того чтобы сидеть на межведомственной группе. В обычных обстоятельствах я сказал бы: валяйте без меня, раз уж я не могу присутствовать. Но сейчас я обязан быть там лично, потому что от того, какую позицию займет президент, зависит состояние сил средней дальности, а это слишком серьезно, чтобы доверяться заместителям.

Беннет не желал этого слушать.

— Черт возьми, второй раз за две недели мы вынуждены откладывать заседание по твоей милости, и я не потерплю...

— И не в последний, — прервал его Уотерман, и стальные нотки помимо желания зазвучали в его голосе. Он все же сам это уловил и сдержался, надеясь, что Беннет ничего не заметил. — Слушай, то, что мы теряем сегодня, мы наверстаем чуть позже.

— Ты изо всех сил стараешься сделать так, чтобы эти переговоры так и не начались, — обвинил его Беннет, чей голос снова стал повышаться. — Я... не... потерплю этого. Я созываю сегодня днем межведомственную группу, собираешься ты присутствовать или нет.

Уотерман больше не мог сдерживаться.

— Минуточку, Дэн, — холодно сказал он. — До сих пор мне казалось, что я пока еще сопредседатель этой межведомственной группы. Сопредседатель, Дэн. Равноправный. Я у тебя не служу. — Беннет начал что-то от-

вечать, но Уотерман оборвал его. — Давай говорить начистоту. Более четырех лет я позволял тебе председательствовать на заседаниях — на всех, мог бы я добавить. Я позволял тебе проводить их в госдепартаменте, что доставляет неудобства мне и моим людям. В большинстве случаев я предоставлял тебе возможность определять повестку. Я дал тебе такую свободу, на какую ты не имел оснований рассчитывать. Но если ты будешь настаивать на проведении заседания сегодня, я просто прикажу моим людям не присутствовать. Без представителей министерства обороны ты ничегошеньки сделать не можешь, сколько бы людей ты ни усадил за стол. Если мы не придем, не будет и заседания. Так какой смысл мне угрожать?

Уотерман услышал, как Беннет с грохотом швырнул трубку. Назойливые гудки заставили и его раздраженно бросить трубку на рычаг.

— Что его сегодня гложет? — спросил Паризи.

— Неподотчетность. Моя. Презрение. Снова мое. В том, что касается межведомственной группы, у него нет выбора, и это выводит его из себя. После того, как он заблокировал нас, меня радует, что он психует.

— Ты уверен, что нас заблокировал Беннет?

— Практически уверен.

— Почему?

Уотерман протянул Паризи записку.

— Мэгги принесла мне это от Мискелла, — сказал Уотерман. — Имени он не назвал, потому что не имел права, но никто, кроме Беннета, этого сделать не мог.

— Хм-м... — Паризи скосил глаза и начал читать. — Тут сказано, что сам государственный секретарь убедил французов не открывать материалы Чао. — Он почесал подбородок. — Ты прав, это чертов Беннет. Никто другой не мог так быстро пробиться к Уинтропу.

— И убедить его, что торпедировать нашу инициативу — в интересах Соединенных Штатов, — сказал Уотерман. — Не знаю только, какие он нашел аргументы.

Паризи вернул записку Уотерману, который достал из нижнего ящика стола толстый плотный пакет с надписью «ГГБ» и засунул в него записку. Пакет выскользнул у него из рук, упал на пол, и по ковру рассыпались бумаги. Уотерман опустился на колени и начал их собирать. Паризи наклонился, чтобы ему помочь. Возвращая документы Уотерману, он успел разглядеть, что это телеграммы, меморандумы, газетные вырезки, записки и написанные от руки заметки.

— Собираешь материалы для мемуаров? Или надеешься, что в один прекрасный день тебе поручат писать некролог? — весело спросил он.

— Это просто личный архив, — сказал Уотерман. — Какие там мемуары.

— А что значит ГГБ?

— Гвозди в Гроб Беннета, — засмеялся Уотерман.

Глаза Паризи округлились.

— Мне следовало догадаться.

— Все это кое-как терпимо только по одной причине. Беннет обыграл меня по КОКОМ, но я все же возьму верх. — Уотерман поднялся на ноги, взял папку из рук Паризи и спрятал в ящик стола. — Он может раз мобилизовать государственного секретаря, ну, может быть, два. Но он не может все время бегать к нему. Я поставлю Чао на обсуждение КОКОМ... просто на это потребуется какое-то время. В следующий раз он меня не заблокирует. Не может же он выигрывать постоянно.

— А что насчет межведомственной группы?

— Тут нам придется схитрить.

Уотерман знал, что это будет тяжелая схватка. В госдепартаменте вообще, и на взгляд Беннета в частности, он считался противником *любого* соглашения с Советами по контролю над вооружениями и, стало быть, готовым под любым предлогом притормозить переговоры. Поэтому даже когда у него были веские причины — Уотерман действительно не был готов к заседанию межведомственной группы, поскольку не выработал позицию

для переговоров, — это неизбежно создавало впечатление тактики затяжек.

— Как ты думаешь, мне нужно отзвонить Беннету? — спросил Уотерман.

— Пусть еще покипит немножко, — сказал Паризи. — Ведь это он швырнул трубку. Наверное, сейчас сидит и ждет, когда зазвонит телефон. Пусть подождет. Пусть думает, что ты побежал жаловаться министру обороны. Пусть поволнуется, вообразит, что Райдер помчался в Белый дом. Ты только представь себе сейчас его состояние.

— Разумно, — сказал Уотерман. — А мы пока поработаем, проясним себе ситуацию.

И в течение двух часов они с Паризи просматривали его входящую почту. Джей брал один документ за другим и объяснял, что требовалось. Майкл подписывал или делал пометки на первом листе для дальнейшего обдумывания или возврата на переделку. Когда корзинка входящих бумаг переполнялась, как это обычно бывало за время отсутствия Уотермана, одна мысль о необходимости заниматься документами приводила его в уныние. Недельная задержка означала отсрочку доброго десятка кадровых действий — выплаты наградных за выслугу, просьб о перемещении, кадровых характеристик, заявлений об отпуске в связи со сдачей экзаменов на тех или иных курсах, просьб других департаментов и тому подобных дел, полдесятка бюджетных проблем, заявок на командировки, двух-трех докладов Конгрессу, искусно составленных с целью затушевывания конфликтов, — их нужно было внимательно прочитать и подписать, несколько докладных министру для визирования или пометки в тех случаях, когда они исходили от другого отдела, просьб о брифингах или интервью для прессы, а ещё предложения о его поездках и их маршрутах, десятки писем, — количество и охват проблем бесконечны. К часу тридцати целая кипа документов перекочевала в корзину исходящих бумаг.

Уотерман взглянул на большие стенные часы.

— Ну, пора?

— Да, давай.

Уотерман поднял трубку настольного аппарата и попросил Мэгги соединить его с Беннетом. Паризи поднял параллельную трубку на столе совещаний и приготовил блокнот.

— Послушай, Дэн, — сказал Уотерман таким тоном, точно их разъединили всего секунду назад. — Не нужно бросать трубку. Я собирался сказать, что постараюсь успеть сегодня на межведомственную группу — *если* договоримся, что сейчас пока мы не станем обсуждать варианты предложений для переговоров.

— Зачем, черт возьми, тогда заседать?

— Нужно прояснить материалы переговоров с союзниками, помнишь?

— Это можно сделать без заседания. Откровенно говоря, Майкл, я думаю, что ты тормозишь, потому что у тебя нет своих предложений и ты боишься обсуждать наши.

Уотерман посмотрел на Паризи и прижал руку к груди. Попадание в яблочко. Он надеялся, что голос не выдаст его.

— Подумай, чего ты добиваешься, — я ведь просто стараюсь помочь. Я могу перекроить свой график и встретиться позднее сегодня днем. Мы можем пройтись по документам к встрече НАТО в Гленигл з. Мы можем обсудить переговоры по вооружениям в Женеве. Но мы не готовы внести предложения по переговорам в Женеве. Для этого время еще не пришло.

Последовала длинная пауза.

— О'кэй, о'кэй, — пробурчал Беннет. — Не будем обсуждать предложения и варианты. — Его голос вдруг зазвучал дружелюбнее. — Но мы должны направить предложения по ракетам средней дальности президенту до следующей недели. Времени ходить вокруг да около больше нет. Черт возьми, Майкл, переговоры в Женеве начинаются через несколько дней. Не недель, не месяцев — *дней*. Ты не можешь спорить.

— Да, Дэн. Не могу. Ради разнообразия готов с тобой согласиться, — подбородок Уотермана напрягся. Ему предстоит заседание по ракетам средней дальности, а у министерства обороны до сих пор нет позиции. — Пусть будет в пять. Я приду.

Он положил трубку. Паризи осторожно опустил трубку параллельного аппарата.

— Что будешь делать?

Уотерман пожал плечами.

— У меня один выход, Джей, — парламентская обструкция. Мы уменьшим потери некоторой структурной работой до заседания. Найди парня из министерства энергетики, который ходит на межведомственную группу. Это инженер из Лос-Аламоса. Зовут его Дуг — забыл как дальше. Скажи ему, что мы не хотим обсуждать предложения по ракетам средней дальности, и если он нас поддержит, мы выступим против предложений госдепартамента об ограничении ядерных испытаний. Министерство энергетики интересуют только ядерные испытания. Скажи ему, что вопрос ракет средней дальности для меня важен так же, как для него — вопрос ядерных испытаний. Потом позвони в Агентство по контролю над вооружениями. Поставь их в известность о том, что Беннет торопит нас с определением политики по ракетам средней дальности до того, как Агентство подготовит предложения по проверке, — это сделает предложения Агентства ненужными, пустой тратой времени. Это единственная важная работа, которая им поручена, и если ее положат под сукно, они просто взбеленятся. Скажи им, что мы не понимаем, как можно всерьез обсуждать какие-то предложения до того, как будет готова их бумага.

— Тонко, — заметил Паризи. — Что еще?

— Пока ничего.

Паризи повернулся, чтобы уйти. Он уже взялся за дверную ручку, но повернулся, скорчив хитрую гримасу.

— Майкл, когда я буду говорить с министерством энергетики, может быть, пригласить этого Дуга — как его

там? — поехать с нами в Брюссель на следующее заседание Группы высокого уровня? — Паризи расплылся в улыбке. — Его никто никогда не приглашал. Пусть прошвырнется.

— Великолепно, — сказал Уотерман. — Отлично. Знаешь, что мне тут больше всего нравится?

— Открой.

— Он будет так польщен, что обязательно поддержит нас на межведомственной группе. Конечно, он будет путаться у нас под ногами в Брюсселе. Но кое-что мы получим взамен. Самое приятное — Беннет будет вынужден пригласить его на *свою* брюссельскую встречу или наживет в нем врага. Поэтому, приглашая его, скажи, что мы просим Беннета включить его также и в состав делегации госдепартамента. Заслуга за оба приглашения будет принадлежать нам.

— Вдвойне великолепно, — сказал Паризи, прикрывая за собой дверь.

В конференц-зале госдепартамента, где должно было начаться заседание межведомственной группы по ядерным силам средней дальности, было людно и жарко. Узкое, без окон, помещение сбоку от внутреннего коридора плохо проветривалось маломощным кондиционером. Но сегодня было даже хуже, чем обычно. Указателям «не курить» противоречили полдюжины расставленных на столе пепельниц, и под низким потолком висело облако сизого табачного дыма.

В госдепартаменте были конференц-залы получше, но ни один из них не располагался так близко от кабинета заместителя госсекретаря по европейским и канадским делам. Дэн Беннет предпочитал проводить заседания в своем просторном личном кабинете. Но если собрание было слишком многолюдным и это становилось невозможным, он проводил его как можно ближе к своему кабинету — и к черту комфорт.

Поэтому тридцать человек набилось в комнату, отделенную холлом от беннетовского кабинета. Группа бы-

ла, конечно, велика для поставленной перед ней цели: выработать набор рекомендаций для Совета национальной безопасности, которые затем лягут в основу для обсуждения кабинетом министров, в результате чего, быть может, сформируется политическая линия для ведения переговоров с русскими по ядерным вооружениям средней дальности, давно уже развернутым Советами в больших количествах, тогда как Соединенные Штаты только собирались развернуть свои ракеты в пяти европейских странах.

Были представлены все заинтересованные агентства — Объединенный комитет начальников штабов, Агентство по контролю над вооружениями и разоружению, министерство энергетики, Центральное разведывательное управление, Совет национальной безопасности и управление делами вице-президента. Кроме того — команда переговорщиков по ракетам средней дальности, составленная из представителей тех же агентств, она всегда присутствовала на заседаниях межведомственной группы, если не находилась в Женеве.

Как заметил Уотерман со своего места в конце стола, госдепартамент был представлен бо́льшим количеством людей, чем любое другое агентство. Все относились к этому снисходительно, понимая, что внутренняя борьба между различными подразделениями госдепартамента была настолько острой, что все они настаивали на своем представительстве. Это раздражало — раздувало межведомственную группу, — но в этом были и свои преимущества. Не было смысла добиваться согласия представителя госдепартамента только для того, чтобы выяснить впоследствии, что это был *не тот* представитель. Более того, возможность расчленить госдепартамент на противостоящие фракции или, говоря более точно, расширить пропасть, которая между ними неизбежно возникала, была выгодна остальным, и особенно Уотерману. Он получал несказанное удовлетворение, когда ему удавалось углубить конфликт, вечно тлевший между Дэном Беннетом и его соперницей Джудит Шеннон.

По вопросу американских и советских ракет средней дальности в Европе в государственном департаменте существовали глубокие противоречия между бюро по европейским и канадским делам, с одной стороны, и бюро военно-политических проблем, которое возглавляла Джудит Шеннон, с другой. Нелегко было, однако, определить философские различия в позиции этих двух бюро. Говоря ясно и просто, это была борьба за сферы влияния.

Тот факт, что ничто существенное не разделяло эти бюро, никоим образом не делал соперничество между ними менее ожесточенным. Они ссорились по любому поводу: кто отвечает за тот или иной документ, кто пригласит французского или немецкого посла для консультаций или будет представлять госдепартамент на межведомственных заседаниях. Их постоянные разногласия со смаком обсуждались в кафетерии госдепартамента и в его бесчисленных коридорах. Шеннон однажды отправила своего заместителя в Лондон для встречи с высокопоставленным чиновником английского министерства иностранных дел, не заручившись предварительно согласием Беннета. Беннет не задержался с ответным ударом: он тотчас созвал в Брюсселе срочное заседание одного из комитетов НАТО, председателем которого являлся. Английскому чиновнику, возглавлявшему делегацию Англии в этом комитете, пришлось выбирать. Восемьдесят семь представителей пятнадцати стран собрались в Брюсселе, несмотря на позднее приглашение, и карта Шеннон оказалась бита.

Данное заседание, на созыве которого настаивал Беннет, имело целью выработать позицию Соединенных Штатов к тому моменту, когда через две недели возобновятся зашедшие в тупик переговоры с Советами. Тяжелейшая подготовительная работа шла многие месяцы — проводились бесконечные анализы, исследовались военные и политические последствия разных вариантов, разведывательные службы поставляли длинные и невразу-

мительные доклады о возможных советских подходах к переговорам, бесконечные совещания проводились с европейскими союзниками.

По настоянию министерства обороны детальная оценка военной угрозы НАТО со стороны советских ракет средней дальности была произведена комитетом НАТО, председателем которого был Уотерман. Государственный департамент, ведомый Дэном Беннетом, противился самой идее уотермановского документа НАТО.

Оппозиция Беннета натовскому анализу Уотермана вряд ли могла кого-нибудь удивить: документ стал основой подготовки союзников к переговорам. В результате основная работа оказалась в руках Группы высокого уровня (ГВУ) — как скромно именовал себя уотермановский комитет, а не госдепартамента, где она должна была, по мнению Беннета, сосредоточиться. Более того, как председатель группы, готовящей главный документ союзников по ракетам средней дальности, Уотерман взял на себя главную роль в делах, которые госдепартамент всегда считал своей священной территорией.

Собравшиеся в зале заседаний госдепартамента отлично знали, что разногласия, вызревавшие между министерством обороны и госдепартаментом — между Беннетом и Уотерманом, — скорее всего прорвутся наружу еще до того, как будет решен вопрос, с какими предложениями идти к Советам. Многим из них предстояло стать свидетелями этой стычки. Подобно зрителям, явившимся в Колизей, они жаждали крови.

В сопровождении двух безымянных стенографов Беннет вошел в комнату и занял свое место в конце длинного стола напротив Уотермана, небрежно ему кивнул, открыл папку, постучал авторучкой по столу и призвал собравшихся к вниманию.

— Мы собрались в более расширенном, чем обычно, составе. Некоторых присутствующих я не знаю. Я попрошу всех написать свою фамилию в блокноте, который я пущу по кругу.

Он передал блокнот соседу справа и поправил галстук.

— У нас в повестке две главные темы. Межведомственная группа в течение нескольких месяцев изучала различные аспекты проблемы ракет средней дальности. Мы приближаемся к тому моменту, когда наши предложения должны лечь на стол Совета национальной безопасности. Сообразуясь со временем, которое потребуется для формулирования переговорных инструкций, и состоянием наших дел на сегодня, я полагаю, что данное заседание должно дать окончательное одобрение документу Группы высокого уровня относительно оценки угроз и требований НАТО с тем, чтобы Майкл Уотерман, — он кивнул в его сторону, — смог получить окончательное добро ГВУ. На это не потребуется много времени, поскольку рабочая группа уже рассматривала этот документ и серьезных проблем в связи с ним не возникло. Затем мы сможем приступить к формулированию каких-то предложений для Совета национальной безопасности. Сегодня я хотел бы получить представление о том, какую позицию занимают заинтересованные агентства относительно предложений на переговорах в Женеве.

Уотерман пришел в бешенство. Беннет нарушил данное слово. Он обещал не обсуждать предложения для женевских переговоров. Он попытался его прервать:

— Дэн...

Но Беннет не сбился с ритма.

— Минуточку, Майкл, — покровительственно бросил он. Его глаза оглядели собравшихся. — Мы начали работу над документом, излагающим основные проблемы. Тот его раздел, в котором предусмотрены специфические предложения, не будет рассматриваться, конечно, пока над ними не поработает межведомственная группа. Но я полагал, что больше нет смысла откладывать работу над теми разделами документа, которые обрисовывают общую картину. Если мы отложим это на последнюю минуту, мы не уложимся в отпущенный нам срок. Есть ли

какие-нибудь замечания? — Беннет сделал паузу, оглядывая стол и ряды стульев вдоль стен.

С другого конца стола послышался голос, произносящий слова в слегка протяжной манере.

— У нас есть специфические замечания по документу, посвященному проблемам оценки грозящих нам опасностей. Можем ли мы их сейчас изложить?

Брови Беннета выгнулись. Снова оглядев стол, он заметил поднятую руку представителя министерства энергетики, сотрудника с большим стажем иностранного отдела министерства энергетики, фамилии которого он не мог вспомнить. Это был дотошный инженер, который лет двадцать работал на ядерных испытаниях в Неваде до переезда в Вашингтон. Как и многие другие сотрудники министерства из лабораторий в Нью-Мексико, он носил галстук «боло» в виде шнурка — кожаный шнурок висел у него на шее и удерживался крупным черепаховым зажимом, оправленным в индейское серебро.

— Я сейчас дам вам слово, — оборвал его Беннет, предоставляя Шнурку отсрочку. — А пока я хотел бы знать, приемлемы ли повестка и план работы для всех присутствующих.

— Я безусловно согласен обсудить документы ГВУ, — процедил Уотерман сквозь зубы. — Рабочая группа проделала большую работу и, мне кажется, пришла к согласию. — Он заглянул в свои бумаги. — Как вам известно, мы готовим серьезные материалы министрам обороны стран НАТО на заседании группы ядерного планирования в следующем месяце. Я хочу быть уверенным, что все довольны результатами. Очевидно, нам нужно одобрение межведомственной группы. Но мне не вполне ясно, Дэн, что вы имеете в виду, говоря, что хотите получить представление о позиции различных агентств в отношении переговорных предложений. Каких предложений? Что именно вы имеете в виду?

Просьба прояснить была, конечно, не вполне искренней. Уотерман хорошо понимал, что стоит за вопро-

сом Беннета. Он хочет разнюхать позицию министерства обороны и исподволь собирает о ней сведения. Более того, он наверняка знает, что позиция еще не выработана министром обороны и Объединенным комитетом начальников штабов и согласие между гражданскими и военными руководителями Пентагона еще не достигнуто. Настаивая сейчас на обсуждении, Беннет, по-видимому, надеялся выявить существующие разногласия и сыграть на них. В любом случае он сможет назвать Уотермана медлительным типом, присовокупив эту характеристику к его уже сложившемуся реноме противника контроля над вооружениями. А это в какой-то момент подорвет позиции Уотермана. Майкл же намеренно старался поменьше говорить о позиции на переговорах до тех пор, пока она не будет четко сформулирована в министерстве и согласована с Объединенным комитетом начальников штабов. Если ОКНШ воспротивится министру, Пентагон будет нейтрализован, и государственный департамент сам сформулирует предложения. Вопрос Беннета имеет целью раньше времени заставить людей высказаться. Уотерман не мог этого допустить.

Беннет соединил пальцы и сложил их башенкой.

— Я просто хотел сказать, что нам нужно получить некоторое представление о позиции ведомств, Майкл, — сказал он спокойно, — чтобы начать вчерне готовить решение, которое позже пойдет в Совет национальной безопасности. Я не требую изложения окончательной позиции.

— Я правда не понимаю, зачем нужно сейчас рассуждать на эту тему, — возразил ему Уотерман. — Логичный порядок вещей, по-моему, — провести документ через ГВУ и министров стран НАТО, или хотя бы только ГВУ, а затем получить согласие Агентства по контролю над вооружениями и разоружению. Затем можно было бы выработать предложения для переговоров, основанные на этом документе. Мы не можем сейчас заниматься комментированием, поскольку позиция пока не сформулирована.

— Черт возьми, — взорвался Беннет, — это просто обструкция! Тебе отлично известно, что формулировать предложения невозможно, не имея представления о разбросе вариантов.

— Я не припоминаю, что когда-нибудь соглашался с тем, что работа должна начинаться с обсуждения предложений, — упрямо стоял на своем Уотерман. — И я вовсе не готов передать подготовку проекта документа, который должен быть результатом многомесячных усилий, в руки одного агентства. Что касается желания знать «разброс вариантов», то документы ГВУ и Агентства по контролю и разоружению дают об этом представление, и эксперт министерства энергетики минуту назад хотел, видимо, их как-то прокомментировать.

Уотерман оглядел присутствующих, следивших за их с Беннетом перекидкой мяча через сетку. Он знал, что менее значительные ведомства — министерство энергетики, Агентство по контролю — тяжело воспринимают жесткое руководство госдепартаментом межведомственного процесса. Он надеялся, что кто-нибудь из них вмешается, чтобы, прервать его с Беннетом перепалку, с одной стороны, и поддержать его позицию, с другой. Он повернулся к представителю энергетиков, словно отзываясь на его реплику.

Наступила тягостная тишина. Затем медленно, словно неохотно и колеблясь, представитель министерства энергетики заговорил, теребя свой галстук-шнурок:

— Министерство радо возможности помочь сформулировать позицию. Все-таки именно мы производим и испытываем боеголовки, которыми оснащены упомянутые ракеты средней дальности.

Глаза Беннета сузились. Он смотрел на Галстук-шнурок, как бы вопрошая: «Кто пустил сюда этого типа?» Но прежде чем он смог что-то сказать, он заметил боковым зрением, что представитель Агентства по разоружению и контролю над вооружениями, сухопарая дама с ярко-рыжими волосами, откинула назад голову и открыла

рот с очевидным намерением сделать Важное Заявление. Беннет бросил на нее взгляд, несший в себе такой сгусток массы и скорости, что слова, которые она собиралась произнести, вырвались из нее хрипловатым писком, едва слышимым и почти не разборчивым. Однако она сумела совладать с собой и, заикаясь, выдавила:

— Мы поддерживаем позицию министерства энергетики.

Ее поддержали и другие агентства. Становилось очевидным, что усилия Беннета, нацеленные на сбор разведывательной информации о подходах разных агентств, провалились. И, что еще хуже, его план передать своим подчиненным по госдепартаменту задачу подготовки проекта решения межведомственной группы для Совета национальной безопасности тоже срывается. Прочие агентства выразили желание участвовать в его подготовке. Нужно было отступать. Но прежде чем Беннет успел протрубить отбой, генерал-майор ВВС, представлявший ОКНШ, поднял руку, желая высказаться.

— Я не хочу ничего говорить по поводу того, как должен составляться первый проект решения межведомственной группы. ОКНШ готов рассматривать проект госдепартамента, если так решит межведомственная группа. Но я хочу объяснить, почему мы не имеем возможности высказать свое мнение о том, какой должна быть наша позиция на переговорах. Это должно быть решено начальниками штабов и министром обороны, и я не получил каких-либо инструкций, которые позволили бы мне выступать. Поэтому я воздержусь от обсуждения этого пункта повестки.

— Ну что ж, хорошо, — поспешно сказал Беннет. — Мы отсрочим пункт повестки о переговорной позиции... то есть, я хотел сказать... — его лицо залилось краской, когда бюрократическая аудитория буквально взорвалась от хохота. — Ну конечно, я хотел сказать: отсрочим обсуждение этого вопроса... — Сам Беннет тоже не смог удержаться от смеха.

— О'кэй, — сказал он, когда смех в комнате начал стихать, — давайте обратимся к документам Группы высокого уровня.

Часом позже заседание закончилось без новых колкостей с чьей-либо стороны. Уотерман почувствовал, что смертельно устал. Он сложил папку с бумагами и направился к лифтам. Он надеялся, что машина ждет его. Майкл нажал кнопку «вниз», и в этот момент представитель ОКНШ с фамилией «Ирвинг» на нашивке вышел из туалетной комнаты в другом конце вестибюля и тоже направился к лифту.

Уотерман кивнул ему.

— Долгое заседание.

Генерал Ирвинг кивнул ему в ответ.

— И не говорите.

Дверцы открылись, и они вошли в пустую кабину лифта, Уотерман шагнул вправо, генерал Ирвинг — влево. Они стояли, прижавшись спинами к деревянным панелям, и смотрели на мелькавшие над дверцей цифры. Наконец Уотерман заговорил:

— Нам надо быстрее выработать позицию по ракетам средней дальности, которую мы могли бы отстаивать на межведомственной группе, — сказал он. — Нельзя бесконечно ссылаться на то, что предложения все еще изучаются начальниками штабов.

— Точно, — сказал генерал.

— Я искренне надеюсь, что мы будем действовать заодно, генерал.

— Я тоже, — ответил Ирвинг. — Вопрос в том, как далеко вы собираетесь зайти. Не можем же мы писать рецензию, не посмотрев пьесу.

— У меня пока ничего нет, — признался Уотерман. — Это действительно проблема. Мне предстоит выработать нечто такое, что даст нам некоторую передышку после всех этих демонстраций и маршей протеста, требований вообще отказаться от размещения ракет в Европе, нечто такое, что подействует на воображение, заставит Советы

защищаться и будет отвечать нашим интересам, если они эти предложения примут.

— Вы предъявляете к себе немыслимые требования, — сказал генерал, когда дверцы лифта открылись и они двинулись каждый в свою сторону. — Когда у вас что-то появится, позвоните, — сказал он, повернув через плечо голову. — Мы будем ждать.

Конечно, они будут ждать, подумал Уотерман. Уж конечно, сейчас не их ход. По дороге в Пентагон он принял решение, что к утру понедельника ему — чего бы это ни стоило — надо что-то подготовить. Его не прельщала мысль об уикэнде в рабочем кабинете, но брать домой документы высшей степени секретности — об этом не могло быть и речи.

Хуже всего будет, когда он сообщит об этом Лауре.

Глава восьмая

Пентагон,
27 сентября, 11:00 утра

В одиннадцать часов субботнего утра Пентагон был похож на морг.

Уотерман оглядел кипы документов на своем письменном столе. Повсюду вокруг — на полках вдоль стен, кучами на полу и на всем остальном, что попадает под понятие поверхность, были навалены книги, бумаги, показания комиссиям Конгресса, старые номера научных журналов. Тут были конверты, содержавшие бог знает что, досье переписки, папки с газетными вырезками, заметки, сделанные на давно забытых заседаниях, стенограммы конференций с ободранными краями — по сути говоря, отходы, среди которых невозможно было найти что-нибудь нужное, но приносящие некоторое спокойствие людям, не находящим в себе сил что-нибудь выбросить на свалку.

Уотерман громко застонал. Неизвестно где, но существует предложение, неопровержимый довод, который можно выдвинуть Советам. С первого дня вся проблема ракет средней дальности представляла собой сплошную головную боль. Решение разместить американские ракеты средней дальности «Першинг-2» и крылатые ракеты в

Европе с болью и неохотой было принято предыдущей администрацией под давлением европейских союзников. Это было сделано после того, как Советский Союз отклонил призыв Запада приостановить размещение новых, высоко мобильных, особо точных ракет с тремя боеголовками — СС-20.

Это ставшее своеобразным водоразделом решение было принято на объединенной встрече министров иностранных дел и обороны стран НАТО в Брюсселе, в задачу которой входило подчеркнуть политические и военные аспекты ответа Запада на размещение ракет СС-20.

За решением НАТО немедленно последовали массовые протесты, активно поддержанные Москвой. Так называемое движение за мир в Европе, как это было известно Уотерману, широко финансировалось Советами. По мере того как протесты ширились, выплескиваясь на улицы Западной Германии, Голландии, Италии, Бельгии, даже тэтчеровской Британии, Уотерман видел, как те самые партии, которые голосовали в пользу решения США разместить ракеты, теперь единодушно требовали от него отказаться. Размещение «першингов» и крылатых ракет стало символом политики президента, направленной на воссоздание американской военной мощи. Как таковое, оно подготовило почву для важнейшего испытания воли и всей послевоенной структуры безопасности Запада и состоятельности союза НАТО.

Режим Новикова усилил давление на европейские правительства с целью заставить их отказаться от планов размещения ракет, хотя Советы продолжали размещать свои собственные СС-20. Стратегия Запада закачалась и находилась на грани краха. Начало переговоров могло дать отсрочку. Уотерман хотел извлечь из этого все возможное.

Найти позицию для переговоров, которая соединила бы в себе поддержку размещения с торгом по поводу нее, будет нелегко. Ситуация только усугубляется обстоятельствами, играющими на руку Советам. Они развер-

тывают новые СС-20 еженедельно. Соединенные Штаты к развертыванию еще не приступили. Более того, НАТО согласилась развернуть только 572 боеголовки на новых ракетах, не больше. Советы могут безнаказанно продолжать развертывание, вводя в действие столько ракет, сколько они сочтут нужным. Все рычаги находятся в их руках.

Для Уотермана переговоры представляли собой тонкое искусство, сложное комплексное соревнование, в котором задействованы многие элементы с конечным результатом в виде либо победы, либо поражения. Победа означала для него возвращение с переговоров с чем-то бо́льшим, чем предполагала собственная позиция, поражение — возвращение с чем-то меньшим. Можно победить, имея слабые позиции, — получив больше того, на что позволяла надеяться эта слабая позиция. Точно так же можно проиграть, имея сильную позицию, если не удастся получить все, на что эта позиция давала основания рассчитывать.

Сколько он себя помнил, его интриговало искусство ведения переговоров. В его понимании это была сложная смесь классических элементов искусства управления государством и применения власти — военной, экономической, политической, психологической, — все шло в дело в боевых условиях неопределенности и неточной информации в противостоянии с искусным противником. Это была игра на конечный результат, игра, которую нередко ведут крайне неумело. А ведь можно играть мастерски.

В бытность свою студентом Уотерман написал дипломную работу о переговорах в Генте, в Бельгии, которые положили конец войне между Англией и Америкой в 1814 году. Американскую делегацию на переговорах возглавлял Джон Куинси Адамс, человек глубоких знаний, классицист, впоследствии ставший президентом Соединенных Штатов. В делегацию входил и человек, ему не уступающий — Альберт Галлатин, один из первых амери-

канских министров финансов. Англичане, захватившие Вашингтон и в военном смысле одержавшие победу, совершили фатальную ошибку, недооценив американских переговорщиков. Они назначили главой своей делегации адмирала, незадолго перед этим вышедшего в отставку и имевшего хорошие связи при дворе; его главной заслугой была бомбардировка Копенгагена во время войны с Наполеоном.

Англичане не могли тягаться с американцами. По одному пункту за другим они уступали позиции. Американцы блестяще вели переговоры, им удалось перевернуть результаты войны с ног на голову. Фактически они выиграли мир.

Для государственного департамента, считал Уотерман, целью переговоров была не победа, а лишь *достижение соглашения*. Наградой было не удовлетворение тем, что сделано все возможное, при том, что пришлось выйти из-за стола без соглашения, а просто подпись, проставленная на листе бумаги.

Он был уверен, что президент, а также министр обороны разделяли его взгляды. Но он знал также, что если он не выдвинет предложений для переговоров, которые дадут возможность выиграть мир, то в Туманном дне найдется масса дипломатов, которые сделают это за него, лишь бы получить эти самые подписи.

Поэтому Уотерман потягивал крепкий черный кофе и перечитывал горы бумаг — военные оценки, политические анализы, оценки советской позиции и тактики, а также доклады разведки, начинавшиеся с закодированных слов в милю длиной. Ни один из документов не проливал света на то, каким могло бы быть искомое предложение.

К трем часам дня он уже выбился из сил. Еще одна бумага, подумал он, беря в руки из груды пыльных, отложенных в сторону анализов короткую записку под интригующим названием «Способность поражения натовских объектов силами Варшавского пакта».

В записке утверждалось, что в ведении НАТО всего 150 действительно важных объектов — складов ядерного оружия, основных аэродромов, военно-морских баз и оперативных штабов.

Советы, говорилось далее в записке, могут поразить эти 150 объектов с помощью всего пятидесяти СС-20, так как каждая ракета оснащена тремя боеголовками. Поэтому если Соединенные Штаты не добьются сокращения советских ракетных сил до цифры, которая будет меньше пятидесяти, то способность Советов атаковать и уничтожить все критические цели, от которых зависит оборона Европы, никак не будет поколеблена — вне зависимости от того, сколько ракет они согласятся демонтировать.

Уотерман позвонил авторам анализа домой и вызвал их в свой кабинет для детального брифинга. Они не выразили радости по поводу крушения своего уикэнда, но выполнили задачу вполне убедительно. Они снова проверили свои расчеты. Они еще раньше определили все натовские объекты критической важности. Они скрупулезно рассчитали эффективность боеголовок СС-20 для атаки этих объектов.

Их теоретический вывод остался без изменений: любое соглашение будет полезным в военном отношении, если число советских ракет будет сведено к минимуму.

Когда они ушли, Уотерман спустился в гимнастический зал в недрах Пентагона. Он долго стоял под душем, побрился, затем посидел в сауне, полчаса потея в ее сухом жару. Проблема с дипломатическими формулами, подумал он, устраиваясь поудобнее на кедровых досках, в том, что они ничего никому не говорят. Что может сказать дипломатическая формула с ее заумным языком голландским антиядерным протестантам, или немецким парламентариям, или итальянским журналистам, или домохозяйкам, автобусным кондукторам, фермерам, бакалейщикам и университетским профессорам по всей Европе, которым надо жить с тем решением, которое примут далекие бюрократы?

Это неправильно, подумал он. Мой отец, Сэм Уотерман — да упокоит господь его душу — понял бы позицию Соединенных Штатов в мгновение ока. Ему не потребовались бы объяснения телеобозревателя, или политолога, или инженера-ракетчика, или ученого, или кого бы то ни было еще. С какой стати стал бы мой отец беспокоиться по поводу «забрасываемого веса», или «вероятного отклонения от цели», или «дальности отклонения», или «мощности заряда боеголовки»? Отца беспокоило только одно — чувство безопасности. Да и всех нас беспокоит одно — чувство безопасности.

Это как телевидение, подумал он. Отца не интересовала технология телекоммуникаций: ему было плевать на мегагерцы и распределение диапазонов, на ультравысокие частоты, очень высокие частоты и волоконную оптику. Он хотел лишь знать, что, нажав кнопку, получит программу «Сегодня вечером» или викторину «Колесо фортуны».

Каковы все же противостоящие философские взгляды? Он растирал себя полотенцем и пытался их перечислить. Русские доказывают, что американцы нарушают баланс сил в Европе, размещая ракеты, способные вызвать войну и превратить Европу в ядерное пепелище. Это эффективная пропаганда, потому что Европа дважды в этом столетии становилась полем сражения, и европейцы боятся, что такое случится еще раз. Карикатура из немецкой газеты, которая попалась на глаза Уотерману вечером, как бы суммировала эту советскую кампанию. На ней был изображен американский президент, с мерзкой улыбочкой на губах, яростно жмущий на кнопки, а Лондон, Париж, Лиссабон, Рим, Вена, Франкфурт, Амстердам, Брюссель и Осло лежат в развалинах и объяты пламенем, а над ними вздымается в небо атомный гриб. Подпись гласила: «Я буду сражаться до последнего европейца».

Как можно сражаться с пропагандой при помощи пресс-релизов, в которых говорится: «Соединенные Штаты готовы достичь стабильного баланса ракет средней дальности на самом низшем уровне, приемлемом для Со-

ветского Союза»? Таков образ мыслей Беннета, излюбленная формулировка госдепартамента. Уотерман знал, что она не действует.

Когда она наконец пришла, та идея, которую он искал, это произошло так быстро, что у него буквально перехватило дыхание. Он стремительно оделся и, перепрыгивая через две ступеньки, помчался в свой кабинет, помедлил мгновение, прежде чем включить компьютер, словно собираясь с мыслями и давая им время пропитать мозг и одновременно испытывая страх, что при вторичном размышлении обнаружится ужасающий изъян, обстоятельство, которое он упустил из виду. Или же идея и вовсе исчезнет бесследно.

Ноль. Вот в чем решение. Ноль. Ноль — для обеих сторон.

Избавиться от них всех — СС-20, «Першингов-2», крылатых ракет наземного базирования, — от всего сразу.

Мы откажемся от размещения, если Советы уберут свои ракеты. Вот оно, идеальное решение. И справедливое. Сбалансированное. Простое. Элегантное. Очевидное. Чистое. Аккуратное. В изящной упаковке.

Как они могут сказать «нет»? Как может *кто-нибудь* не сказать «да»? Кто будет критиковать — и как? С помощью каких аргументов? Простота и безукоризненность. Утонченность. Изощренность. Тонкость. Это... *неотвратимо*.

Его пальцы забегали по клавишам, как пальцы пианиста-виртуоза. Слова звучали музыкой в его ушах.

Министерство обороны
Меморандум
Секретно и конфиденциально

Кому: Министр
От: ЗамМин междунар. безоп./Майкл Уотерман
Дата: Сентябрь 27
Тема: Предложение по ядерным ракетам средней дальности

Я разработал предложение по ракетам средней дальности, которое мы могли бы положить на стол переговоров, отвечающее следующим критериям:

1. Оно поставит Советы в положение защищающейся стороны и ослабит давление на американские планы размещения;

2. Оно открывает переговоры предложением высшей степени продолжительного действия;

3. Оно просто, ясно, эффектно, легко воспринимается как справедливое и равноправное, легко разъясняется самым простым языком;

4. Оно укрепляет нашу безопасность в случае принятия;

5. Минимизирует опасность мошенничества со стороны Советов.

Я полагаю, что предложение *уничтожить все ракеты средней дальности с обеих сторон, уже развернутые и предполагаемые к размещению,* отвечает этим пяти критериям.

Этот Нулевой вариант способен быстро остановить ухудшение американских политических позиций в Европе, продемонстрировав, что это Советский Союз, а не Соединенные Штаты, несет ответственность за размещение ядерных ракет средней дальности в Европе.

Нулевой вариант явится полной неожиданностью и поэтому произведет драматический эффект и застигнет врасплох как Советы, так и наших критиков в Европе.

В целях наибольшей эффективности мы должны предложить уничтожить все ракеты СС-20, СС-12, СС-22, СС-23, СС-4 и СС-5 с советской стороны и все «Першинги-2» и крылатые ракеты наземного базирования с американской стороны. На независимые силы сдерживания Англии и Франции предложение не распространяется.

Может быть выработан поэтапный график сокращения вплоть до уничтожения последней ракеты. Соединенные Штаты возьмут на себя обязательство отказаться от размещения ракет с момента достижения соглашения.

Далее следует подробная аргументация.

Поставить Советы в положение защищающейся стороны

Советская пропаганда утверждает, что размещение американских ракет изменит существующий устойчивый баланс сил в Европе ввиду появления ракет, способных в течение нескольких минут достичь советской территории. Нам нужно найти способ привлечь внимание к *их* ракетам, способным в течение нескольких минут достичь целей в Европе и *уже* размещенным.

Есть ли лучший способ привлечь общественное внимание к советским ракетам, чем предложить, что американских ракет не будет, если Советы просто уберут свои?

Уверен, это предложение поставит Советы в положение защищающейся стороны. В тупике окажутся и советские апологеты.

Левые в Европе — источник множества наших политических проблем в отношении планов размещения ракет — вынуждены будут принять Нулевой вариант. В конце концов, *именно этого они и добивались.*

Предложение длительного действия

Куда можно двигаться от Нулевого варианта? Одно из больших преимуществ Нулевого варианта состоит в том, что его невозможно улучшить. Трудно представить себе советское предложение, способное найти широкую поддержку, поскольку любое контрпредложение означало бы разрешение им сохранить по крайней мере некоторое количество ракет.

После того как это предложение будет внесено, кто может побудить нас согласиться на компромисс по Нулевому варианту? Конечно, не движение за мир, поскольку любой компромисс означал бы сохранение Советами некоторого количества их СС-20. И не сторонники размещения наших ракет, которые наверняка поймут, что такой

шаг необходим хотя бы в качестве аргумента в пользу размещения наших ракет.

Короче говоря, ни у кого не будет оснований двигаться в сторону от Нуля. Таким образом, предложение обретает ту продолжительность действия, какую редко можно найти в американских переговорных позициях. Нет сомнения, что на президента будет оказано давление с целью вынудить его пойти на компромисс. Нулевой вариант гораздо более устойчив к давлению, чем любое другое мыслимое предложение. Он обладает потенциалом привлечения сторонников и избирателей, поддерживающих не просто идею переговорного урегулирования, но переговорного урегулирования именно *этого* типа. Это важное качество, которого лишены другие предложения.

Оно просто, ясно и эффектно

Большинство выдвинутых в последнее время американских предложений по контролю над вооружениями отличались сложностью — подчас до такой степени, что разобраться в них могли только специалисты. Президент может объяснить Нулевой вариант одной простой фразой: «Сегодня я предлагаю господину Новикову, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз уничтожили весь класс ядерных ракет средней дальности». Это смогут понять все.

Нулевой вариант эффектен потому, что по иронии вещей советская пропаганда обрекла европейское общественное мнение на ожидание со стороны Америки агрессивных и вызывающих предложений, направленных к одной-единственной цели — размещению американских ракет на территории Европы. Эффект в данном случае обеспечивается по крайней мере резким сломом этих ожиданий.

Мы не можем утверждать определенно, но создается впечатление, что государственный департамент пред-

ложит что-то вроде сокращения «до самого низкого уровня, приемлемого советской стороне». Мне это представляется типичной дипломатической формулировкой: вполне разумной, трезвой и выдержанной — и напрочь неспособной получить общественную поддержку. Эффектные решения способствуют продаже кукурузных хлопьев, автомобилей и авиабилетов. Почему же не пакета предложений по сокращению вооружений? В конце концов мы стремимся привлечь на свою сторону не дипломатов, а общественное мнение стран, сотрудничество с которыми необычайно важно, если нам все же придется развертывать свои ракеты.

Укрепит ли это нашу безопасность?

Маловероятно, что Советы согласятся и откажутся от своих СС-20 и других ракет, подпадающих под выдвинутые нами предложения. Но если мы будем отстаивать Нулевой вариант так долго, как это потребуется, и если мы сохраним инерцию развертывания наших ракет, то есть шанс, что Советы все же пойдут нам навстречу. Поэтому в связи с данным предложением, впрочем, как и любым другим, нужно задать себе вопрос: укрепит ли нашу безопасность предложение уничтожить все ядерные ракеты средней дальности?

Некоторые полагают, что Соединенным Штатам нужно иметь ракеты, размещенные в *Европе* и способные глубоко приникнуть на советскую территорию. Они не хотели бы отказываться от размещения американцами ракет, даже если Советы уберут свои СС-20. Они будут утверждать, что принятие Нулевого варианта ослабит, а не укрепит безопасность Соединенных Штатов и их союзников.

Люди, придерживающиеся этой точки зрения, полагают, что ключ к миру в Европе — это обладание Соединенными Штатами надежным средством сдержива-

ния, которое будет использовано против Советского Союза в случае нанесения им удара по Западной Европе. Я с этим не согласен. Мой аппарат проделал анализ объектов НАТО, по которым могут нанести удар советские СС-20. В целом насчитывается около 150 таких объектов. Всего пятидесяти СС-20 с тремя боеголовками каждая будет достаточно, чтобы уничтожить практически все эти важнейшие объекты. Поэтому для достижения значительного с военной точки зрения результата за столом переговоров (то есть для укрепления нашей безопасности посредством подписания договора) мы должны ограничить количество советских СС-20 числом значительно меньше пятидесяти. Если мы в состоянии потребовать от них такого сокращения, то почему не пойти до конца и не потребовать Нулевого варианта?

Есть еще одно основание полагать, что уничтожение всего этого класса вооружения укрепит нашу безопасность. Тот аргумент, в соответствии с которым новые ракеты нужны для сдерживания, предполагает, что они способны уцелеть в случае нападения. Но ведь ракета, которая может быть уничтожена до начала войны или в результате первого удара, вряд ли может служить эффективным средством сдерживания. Однако «Першинги-2» и крылатые ракеты в опасной степени уязвимы. И, нечего говорить, в случае войны они станут первоочередной мишенью Советов.

Они крайне уязвимы, потому что в целях выживания должны быть выведены на полевые позиции, вдали от мест их базирования, при первых же признаках приближающегося нападения. Если в момент нападения они будут находиться на своих базах, они наверняка будут уничтожены. Укрытия, в которых они размещаются, ненадежны даже против обычных авиабомб.

Однако нет оснований надеяться, что они будут рассредоточены вовремя. Большинство правительств не позволит нам рассредоточивать их в мирное время. А в

случае надвигающейся войны последнее, что нам придет в голову, это усугубление ситуации посредством перемещения ядерных ракет. Таков наш прежний опыт. Ведь в действительности мы сокращали перемещения наших войск в периоды напряженности и кризисов — из опасения, что такие перемещения способны лишь ухудшить ситуацию.

Хорошо осведомленные об уязвимости наших ракет, Советы практикуются в нанесении тренировочных ударов по ним. Они построили лжебазу «Першингов» неподалеку от Кишинева, и замечено, что специальные части, именуемые *спецназом*, их уничтожают. В буквальном смысле тысячи солдат прошли подготовку нанесения ударов по ракетным установкам, местоположение которых хорошо известно.

В заключение: мы не отказываемся от слишком многого, выражая готовность приостановить планы размещения «Першингов-2». И напротив, Советы должны будут отказаться от огромных сил, для нас неуязвимых. Это выгодная сделка.

Как насчет мошенничества?

Одно из больших преимуществ Нулевого варианта состоит в том, что это решение легче всего поддается проверке, хотя достичь высокой степени доверия будет нелегко. Если ни одной из сторон не будет разрешено иметь ракеты средней дальности, то отсюда следует, что ни одной из них не будет позволено готовить войска к применению таких ракет, сохранить их производство, обслуживание и ремонт, как и их испытания. Наша способность отслеживать соблюдение Советами этих запретительных норм гораздо выше, чем наши возможности сосчитать их количество, если им будет разрешено обладание каким-то числом ракет. Более того, если не разрешено иметь никаких ракет средней дальности, то обнаружение *хотя бы един-*

ственной ракеты явится нарушением договоренности, причем явным нарушением.

Если вы согласны с тем, что Нулевой вариант — это правильная позиция, которую должно занять министерство обороны, мы выработаем стратегию убеждения в этом президента.

Одобряю.....
Одобряю в принципе.....
Зайдите ко мне.....
Секретно и конфиденциально

Глава девятая

Потомак, штат Мериленд,
28 сентября, 2:00 дня

Красную стеганую куртку Лауры он заметил в дальнем конце спортплощадки, еще когда ставил машину на перепаханном поле, каждую осень служившем автостоянкой для Молодежной футбольной лиги округа Монтгомери. Вдали он мог различить хаотические передвижения игроков, гоняющихся за мячом, но среди снующих пятилетних мальчишек в красных с золотом свитерах с рекламой «Пицца Домино» он никак не мог высмотреть Джейсона.

У него мутилось в глазах после восемнадцати часов, проведенных за экраном компьютера, и были напряжены нервы от чрезмерной дозы кофеина — шести чашек эспрессо. Однако он испытывал необыкновенный подъем, сочинив меморандум с потрясающим предложением по вооружениям, — как раз вовремя, чтобы приостановить падение реноме своего министерства. Менее часа назад он оставил его в запечатанном конверте дежурному по связи с тем, чтобы тот передал конверт министру обороны в момент, когда он утром в понедельник появится в Пентагоне.

Затем он помчался домой, постоял пять минут под самым горячим душем, какой только мог вытерпеть, по-

брился, натянул старые хлопчатобумажные брюки, потрепанные теннисные тапочки и фланелевую рубашку, от старости ставшую мягкой, как шелк, и помчался по Ривер-роуд к северу от Потомака, на спортплощадку, где «Домино—Динамо» Джейсона должна была сразиться с «Двоечниками из Монтегью». Он знал: Джейсон будет рад, что ему удалось поспеть хотя бы на второй тайм. Впервые за весь год он увидит, как играет его сын.

Уотерман спортом никогда не увлекался. Случайная партия в теннис, утренняя прогулка по аккуратно размеченным тропинкам в Швейцарии или Колорадо, часок-другой подводного плавания с аквалангом на Карибах — таковы были пределы его спортивных достижений. Лаура, напротив, играла в теннис на турнирном уровне, естественно и грациозно ходила на лыжах и неутомимо бегала каждое утро. Поэтому ей нетрудно было убедить самое себя: в том, что касалось спорта, Джейсон был сыном своей матери и к его несказанной радости оказался в составе детской футбольной команды, учился играть в теннис и баскетбол, состоял в детской бейсбольной лиге, начал заниматься каратэ и верховой ездой.

Он шел вдоль футбольного поля, безучастно вглядываясь в лица других родителей, наблюдавших за игрой; они болтали друг с другом и заливались хохотом при виде своих кувыркающихся детей. Он никого из них не знал, что служило неприятным доказательством пренебрежения обязанностями отца, шофера или заводилы в детских играх.

Это не его вина, конечно, убеждал он себя. Однако, когда надо было изрядно посуетиться, всю нагрузку взваливала на себя Лаура. Ставшее уже привычным манкирование им своими отцовскими обязанностями служило поводом постоянных трений между ним и Лаурой. Умом она хорошо понимала, насколько важна для него работа, и не только для него, но и для всей страны. Но совладать с эмоциями ей не всегда удавалось. Для Лауры, чье детство прошло в лоне большой, тесно спаянной семьи южан с

бесчисленным количеством двоюродных сестер и братьев, тетушек и дядюшек, живших в нескольких шагах от дома ее родителей, мысль о том, что для отца работа важнее собственного сына, была дикостью, святотатством в чистом виде.

Уотерман же вырос в доме, где ему не позволяли встать из-за стола, пока он не съест до конца ненавистные овощи, которыми его пичкали. Работа — будь то занятия в школе, игра на виолончели, посещение религиозной школы — всегда была на первом месте, выше всего остального — телевизора, кино и развлекательного чтения. Так воспитывали его отца Сэма Уотермана, и то же самое внушалось Майклу Уотерману. На Капитолийском холме он пользовался репутацией целеустремленного, настойчивого работника, несмотря на присущую ему склонность откладывать все на последнюю минуту. В качестве заместителя министра обороны он сохранил все эти качества и в Пентагоне, где он истово отстаивал свои и Райдера интересы.

Он добивался поставленных целей восьмидесятичасовой рабочей неделей за счет семьи, и Лаура при каждом удобном случае ясно давала ему это понять. Поэтому он был счастлив, когда вместо упреков за опоздание Лаура обвила рукой его талию и сказала:

— Я ужасно рада, что ты успел. Джейсон раз десять спросил, приедешь ли ты.

— Надеюсь, ты ему ничего не обещала. Такими обещаниями легко накликать беду.

— Я уже целую вечность ничего ему не обещаю, если дело касается тебя, Майкл. И меньше всего, когда речь идет о такой мелочи, как футбольный матч твоего единственного сына.

Она подождала, скажет ли он что-нибудь. Он мудро промолчал.

— Ну, — наконец спросила она, — ты все успел?

— Да. В час дня отдал дежурному по связи. Знаешь, — сказал он, все еще ощущая внутри нервный подъем, —

это просто невероятно. Я знал, что просижу всю ночь, но своего добьюсь... только так мне удается по-настоящему сосредоточиться. На сей раз я дотянул до роковой черты. И чуть не сломался. Такое мне нескоро удастся повторить.

— *На сей раз!* Ради меня и для разнообразия сделай хоть раз иначе, Майкл. Нельзя все откладывать на последний момент. Ведь это длится многие годы. Я уже примирилась, что ты женат не на мне, а на своей работе, — она отняла руку и отступила на шаг. — Но только не вздумай оправдывать свое вечное мешканье, уверяя меня, что в нем заключена некая цель, нечто, помогающее тебе сосредоточиться.

В ее голосе проскальзывали раздраженные нотки, и Уотерман, сознавая свою неправоту, был этим недоволен.

— Хорошая моя, дай мне хоть краткую передышку. Я не спал всю ночь. А затем примчался сюда, как угорелый, чтобы смотреть, как заплетаются ноги у пятилетних неумех, как будто это они восемнадцать часов подряд просидели за компьютером, и выслушивать твои упреки.

Она посмотрела на него, покачала головой и улыбнулась.

— Ты прав, конечно. И с чего это я взяла, что ты можешь стать другим?

— Я слишком стар, чтобы измениться.

— Не слишком, Майкл. Просто ты не желаешь стараться. Ты, как старый пес, холишь свои привычки. Но знаешь что?

— Что?

— Мы тебя все равно любим. Закрывая глаза на то, что ты несовершенен.

— Что?

— Несовершенен.

— Ты шутишь. Я воплощенное совершенство. У меня есть письменное подтверждение.

— От журнала «Образцовая семья»?

— Гораздо весомее. От сенатора Артура Уинтера. Помнишь совместную резолюцию, которую он прислал мне накануне моего ухода в Пентагон? Она висит в рамке в моем служебном кабинете.

Лаура засмеялась.

— Совместная резолюция сената и палаты представителей, объявляющая тебя национальным достоянием?

— Именно.

— Значит, я неправа. Прошу прощения. А не упускаешь ли ты из виду, что это была шутка?

— Резолюция остается резолюцией, даже если ее никто не ставил на голосование. — Он привлек ее к себе и поцеловал в губы. — Совершенный поцелуй для совершеннейшей из жен.

Она тоже поцеловала его.

— Вот с этим я согласна на все сто процентов.

Некоторое время они следили за неловкими перемещениями мальчишек, гоняющихся за мячом.

— Эй, — воскликнул он, вдруг вспомнив, зачем он здесь. — Какой счет?

— Мы проигрываем два гола. Слава богу, Джейсон нисколько в этом не виноват. Ты же знаешь, он терпеть не может проигрывать. Интересно, откуда это у него?

— Ты бы предпочла, чтобы твой сын любил проигрывать?

— В той же степени, что и его отец. Тот, кажется, любит.

Он усмехнулся.

— Что же ты не спросишь, до чего я додумался?

— Ты опередил меня буквально на мгновение. И до чего же ты додумался?

— До нуля.

— Нуля?

— Так точно. Нуль. Zilch. *Rien. Nada.*

— Чему же ты так радуешься?

— Потому что ноль — это совершеннейший ответ на наши проблемы.

Во взгляде Лауры читалось недоумение.

— Может быть, попробуешь объяснить мне еще раз?

— Но это же так просто! Я предлагаю уничтожить все ракеты средней дальности с обеих сторон — довести их число до нуля. Получается двойной ноль. Это выбьет у них почву из-под ног.

— Говоря откровенно, я сомневаюсь, что Райдер придет в восторг от этой идеи, — сказала Лаура, растерянно глядя на мужа. — Такого скорее можно было ждать от кого-нибудь вроде Джорджа Макговерна*.

— Именно поэтому мое предложение идеально, — ответил Уотерман. — Я же просто уверен, что Райдер запрыгает от восторга, прочитав мой меморандум.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Я рада, что все осталось позади. Совершенный ты, Майкл, или нет, но жить с тобой в последнее время стало просто невозможно. Сначала тебя прокатили с КОКОМ. Потом вся эта подготовка к саммиту. Ты постоянно напряжен и раздражен. А я просто отставлена в сторону. В этом все дело, Майкл, ты совсем перестал считаться со мной. Ты несешь на своих плечах тяжеленную ношу и ни с кем не хочешь ее разделить.

— Это нелегко, дорогая. Я...

— Конечно, нелегко, Майкл. Я ведь просто хочу тебе помочь.

— Ты не представляешь, как я это ценю.

Она отстранилась от него.

— Именно это я и хотела сказать. Ты это ценишь. Звучит так, ну, словно ты пишешь мне меморандум. Ради бога, Майкл. Говори со мной. Не отключай меня.

— Да, да, ты права. Я буду стараться.

— Обещаешь?

Он по-бойскаутски поднял вверх три пальца.

— Клянусь честью.

* Джордж Макговерн (род. 1922) — американский политический деятель, кандидат в президенты от демократической партии на выборах 1972 года, выдвинул либеральную платформу, пользовался поддержкой молодежи и ряда неформальных движений.

Она улыбнулась. Ему нравилось, когда Лаура улыбалась.

— Вот что. Давай отпразднуем этот Ноль. Отведем для этого весь следующий уикэнд. Я пристрою куда-нибудь Джейсона с ночевкой. Семья его приятеля Джекоба проводит уикэнды в хижине в долине Шенандоа. Мы вдвоем где-нибудь пообедаем. Потом вернемся домой и будем бесконечно заниматься любовью до возвращения Джейсона в воскресенье вечером. Все будет как в Италии. И даже не вздумай мешкать, говори «да».

В желудке Уотермана образовался ком.

— Я... я не смогу, — заикаясь выдавил он. — Милая, мне следовало сказать тебе раньше, я знал это уже два дня, но был так зачумлен. В четверг я на три дня улетаю в Париж.

— В Париж? Зачем?

— Кристина Каронн хочет взять у меня интервью.

— Боже мой, Майкл...

— Послушай, это будет публикация в «Фигаро» на целую полосу. Это потрясающий шанс изложить позицию Америки по ракетам средней дальности.

— Ты ведь только что рассказал мне о своем меморандуме, не так ли?

— Да.

— Так какого черта ты будешь давать интервью в поддержку развертывания американских ракет?

— Это сложно объяснять, и мне не хотелось бы делать это сейчас.

— Понимаю.

— Послушай, Лаура, мы не можем обсуждать детали, стоя среди людей на краю футбольного поля. Все, что я могу сказать, — это прекрасная возможность отстоять американскую позицию. Райдер очень заинтересован в этом интервью. К тому же все читают ее статьи. Это очень важное интервью.

— Особенно потому, что она задает вопросы вроде того, спите ли вы голым. Она — пустое место, Майкл.

— Она серьезная журналистка. Она интервьюировала всех, начиная с Каддафи и вплоть до самого Новикова. Поверь мне, для нас, для нашего министерства это уникальный шанс. — Словно защищаясь, он скрестил руки на груди. — Это просто необходимо.

Лаура посмотрела на него, и на ее лице явно читалась обида.

— Хорошо, — вздохнула она. — Я могу понять, что тебе надо в Париж. Если этого хочет Джим Райдер, то кто я такая, чтобы возражать? Но ведь ты можешь вернуться сразу после интервью. Зачем тратить на это весь уикэнд?

— Я лечу в четверг вечером. Интервью состоится в пятницу. Ночью его будут распечатывать, утром она его отредактирует, затем мы вместе пройдемся по тексту, чтобы заполнить возможные пробелы. А вечером в субботу назначен рабочий обед.

— И ты в ловушке.

— Что я могу поделать?

— Ну, если она так уж жаждет взять у тебя интервью, ты мог бы использовать свое всемирно известное искусство вести переговоры и выбить из нее согласие закончить все в субботу днем. Из Парижа есть вечерний самолет, и ты успеешь домой к обеду. И мы сможем вместе провести весь выходной.

— Ты забываешь про рабочий обед в субботу вечером.

— К черту обед, Майкл. Это не так уж важно.

— Важно, — настаивал он. — Это обед с ведущими редакторами «Фигаро», его устраивают в мою честь в редакции газеты.

По ее глазам он видел, что она не верит ни единому его слову.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал он после минуты молчания. — С утра в понедельник попрошу Паризи позвонить и попробовать изменить программу поездки. Но не думаю, что у него что-нибудь получится. Все твердо обговорено.

Пентагон, 3 октября,
5:00 дня

На столе Паризи зажужжал внутренний телефон, и Джея резанул взволнованный голос Мэгги:

— С вами хочет поговорить Лаура. Она чем-то недовольна.

Паризи поднял трубку городского аппарата.

— Привет, Лаура. Что-нибудь случилось?

Ему нравилась Лаура Уотерман в той степени, в какой вообще могла нравиться жена начальника. Она не была требовательна и не обращалась с ним, как со слугой.

— У меня высокая температура. Майкл в Париже из-за интервью, которое он называет материалом столетия, а телефон, что он мне оставил, неправильный.

— Неправильный?

— Неправильный. Я только что позвонила в «Интерконтиненталь», и мне сказали, что Уотерман у них не останавливался, — в ее голосе послышались умоляющие нотки. — Джей, я должна с ним связаться. Джейсон заперся в винном погребе и не желает вылезать, потому что я отняла у него нинтендо*. Я это сделала, потому что он отказался вылезать из машины, когды мы приехали к дантисту. Он стал просто неуправлямый, и все из-за того, что Майкла почти не бывает дома. Обычно я с ним справляюсь. Но сейчас он сидит там уже три часа. *Три часа!* И нет никаких признаков, что он собирается сдаться.

— Может быть, мне с ним поговорить? — нахмурился Паризи.

— Неплохая идея, если была бы осуществимой. Но в погребе нет телефона.

— Ох!

— Я не могу взломать дверь. Есть запасной ключ, Джей. Вы не знаете, где Майкл его держит?

* Нинтендо — японская электронная игрушка.

— Простите, Лаура, не знаю.

В ее голосе слышалось отчаяние.

— Где этот ключ, знает только Майкл, поэтому мне необходимо с ним связаться.

— Конечно, конечно, — Паризи выдвинул ящик стола, но ничего не нашел. — Но ведь он не в «Интерконтинентале», Лаура.

— Но в расписании, которое он мне оставил...

— Там не было свободных мест. «Фигаро» забронировала ему номер в «Мерис».

— У вас есть его номер?

— Я искал, пока мы говорим. Наверное, есть у Мэгги. Вот что: переключите свой аппарат на факс и мы пошлем вам все расписание его командировки. Там все расписано буквально по минутам, вплоть до леденца на подушку в гостиничном номере. Поэтому, если не застанете его в «Мерис», вы найдете другие номера телефонов.

— Сейчас спущусь вниз и включу.

Через шесть минут раздался звонок Лауры.

— Не произносите ни слова, Джей. Прошу меня не перебивать и не комментировать. Просто записывайте. И, пожалуйста, слушайте меня внимательно, потому что повторять я не буду. Ясно?

Паризи потянулся к карандашу и блокноту. Он никогда еще не слышал у нее таких гневных интонаций.

— Ясно, Лаура, но...

— Я просила меня не перебивать, Джей. На второй странице письма Кристин Каронн моему мужу, заместителю министра обороны, письма, которое только что было передано мне по факсу, есть такой абзац. Я цитирую: «Мы закончим в одиннадцать часов в субботу. Мы могли бы отвезти вас в аэропорт де Голля к беспересадочному рейсу компании ТВА в Даллас, вылетающему в час дня, или к трехчасовому рейсу Эр Франс. Однако, если вы можете выкроить время в своем перегруженном графике, я была бы рада видеть вас на обеде, на который я приглашу редакторов «Фигаро» и одного-двух чиновников, занимаю-

щихся проблемами обороны, а также Робера Мичума и Викторию Теннан, моих старых друзей, они сейчас в Париже на съемках фильма из истории второй мировой войны. Гарантирую, что если вы сумеете задержаться, то вас ждет очень приятный вечер». Конец цитаты.

— Да-да? — Паризи был в недоумении. Куда она клонит?

— Это, Джей, тот самый обед, который, как уверил меня мой муж, заместитель министра обороны, настолько важен для жизненных интересов Соединенных Штатов, что он отменил ради него уикэнд в моем обществе. Первый уикэнд за год, который мы могли бы провести вдвоем. Поправьте меня, Джей, если я ошибаюсь, но весь тон этого письма свидетельствует, что вышеозначенный обед относится к тому, что вы, военные, называете необязательными условиями.

Он замигал. И наконец понял.

— Лаура...

— Заткнитесь, Джей, — холодно оборвала его Лаура. — Помните, я просила меня не перебивать. А только записать. Во-первых, чтобы вызволить сына, я вскрыла погреб при помощи лома. Несколько бутылок вина заместителя министра обороны при этом разбились — бесценных бутылок, если хотите знать, но мы ведь не станем рыдать по поводу пролитого вина, правда? Во-вторых, я не собираюсь тратить собственные деньги на звонок в Париж. Поэтому воспользуйтесь деньгами налогоплательщиков и проинформируйте заместителя министра о том, что если у него нет ключей от дома, когда он вернется в Штаты с этого обязательного, критической важности, необычайной значимости обеда, который он предпочел уикэнду в моем обществе, то пусть прямо из аэропорта звонит слесарю. Потому что меня дома он не застанет.

Глава десятая

Военно-воздушная база Эндрюс,
8 октября, 7:30 утра

Стоя у двери кабины Си-135 специального назначения с надписью «Соединенные Штаты Америки» на фюзеляже, Уотерман, выгнув шею, следил, как последний из военных сундучков проплывает по ленте транспортера в багажное отделение. Это была сокровищница, так называемый протокольный груз, — подарки и сувениры, которые министр обороны лично или кто-то от его имени будет вручать партнерам. Для министров тут было стубенское стекло с выгравированным американским орлом. Для британской секретной службы — шариковые ручки с импринтом в виде министерской печати и факсимиле министра, а для всех остальных — позолоченные запонки, зажимы и булавки для галстука, а также брелки, украшенные хищным американским орлом, сжимающим в когтях пучки стрел.

Наконец команда задраила грузовую дверь. Вдалеке Уотерман увидел красные проблесковые огни министерского лимузина и машины сопровождения, проезжавшие ворота цепного ограждения безопасности позади вестибюля для пассажиров VIP. Скрипучие громкоговорители самолета уже передавали песню Уилли Нелсона «Снова в

пути», выбранную военным помощником министра Биллом Коллинзом в качестве стартовой мелодии во время всех заграничных полетов.

Автомобиль подкатил к передней двери. Райдер взбежал по ступенькам трапа, зажав под левой рукой пухлый портфель, как футбольный судья — мяч, и тотчас скрылся в своем личном отсеке. Самолет немедленно покатился в сторону главной взлетной полосы базы Эндрюс. Со своего кресла Уотерман видел вдали смутные очертания истребителей Ф-15. Огни вокруг побежали быстрее и быстрее, и, резко набрав мощность, Си-135 взмыл в ночное небо.

Он откинулся на спинку, погруженный в размышления. Возвращение из Парижа было малоприятным. Он приехал в аэропорт де Голля и выяснил, что на его рейс билетов нет. Поэтому, вместо того чтобы получить, как он надеялся, билет классом повыше, его занесли в лист ожидания. Получив наконец место за считанные минуты до вылета, он очутился на среднем сиденье между молоденькой матерью с орущим от желудочных колик младенцем на руках и стариком, храпевшим, как паровоз, с момента взлета и до посадки восемь часов спустя.

Да и сама поездка выпала на редкость неудачной. Кристин Каронн оказалась совсем не такой, как он себе представлял, усталой, рассеянной невротичкой и эгоцентричкой, которая знала о проблемах контроля над вооружениями куда меньше Лауры. Интервью было заурядным, без всякого проникновения в суть, без острых вопросов. Оно появилось в «Фигаро» в понедельник размером в треть страницы, похороненное посреди полдюжины историй об антиядерных протестах в разных европейских столицах.

Столь ожидаемый уикэнд с парижскими знаменитостями тоже оказался во всех смыслах заурядным. Разговор получился скучным и утомительным, компания банальной, еда чуть теплой и не слишком хорошо приготовленной, вино претенциозным, но посредственным.

Голливудские звезды так и не появились, сославшись на утомительную разницу во времени после перелета. На следующее утро он прочитал по дороге в аэропорт, что их видели в шикарном многозвездочном ресторане на площади Мадлен.

Еще хуже было возвращение в пустой дом. Майкл попробовал позвонить в Северную Каролину — раз десять за первый час, — но Лаура не взяла трубку, поэтому он слонялся по затихшим комнатам как лунатик, подбирая брошенные вещи и выравнивая картины на стенах. Он открыл дверь в комнату сына и едва не разрыдался, увидев его пустую застеленную кровать. Спустился вниз посмотреть на руины винного погреба и осколки стекла, еще недавно это были бутылки Шабли, Шатонеф-дю-Пап и, что совсем жалко, Ля Таш. Обе драгоценнейшие бутылки. В первую ночь он набросал подушек на Лаурину половину постели и метался на них всю ночь, худшую за всю его взрослую жизнь. Он чувствовал себя, и это еще мягко сказано, глубоко несчастным.

Споры бывали и раньше, иногда даже горячие. Иной раз она даже уходила из дома, хлопая дверью и бог знает куда уезжая на машине на два-три часа. Но никогда раньше она не забирала Джейсона из детского сада и не уезжала к родителям в Северную Каролину. Никогда она его не бросала. Уотерман все старался ей дозвониться, хотя было ясно, что она не собирается отвечать на его звонки.

Теперь он в самолете, угнетенный и расстроенный отъездом Лауры, обеспокоенный состоянием своей семейной жизни, ожиданием бессонной ночи и восемнадцатичасового рабочего дня на встрече министров обороны стран НАТО. Он попытался устроиться поудобнее на кочковатом сиденье. Это безумие — лететь всю ночь и потом работать весь день. Это безумие, что Лаура его бросила. Да и вообще, все это сплошное безумие.

Внезапно его мысли приняли совсем другое направление. Есть ведь еще его Нулевой меморандум, на кото-

рый он пока не получил ответа. Он знал, что министр прочитал его, но у Уотермана не было ни малейшего представления о том, понравился он Райдеру или нет, и если да, то как он думает положить Ноль на стол президента.

Когда самолет набрал высоту, министр появился в дверях первого салона, где по двое в ряд сидели Уотерман и старшие помощники. Он встретился с Уотерманом глазами, дал знак следовать за ним и повернулся кругом на пятках, не произнеся ни слова. Уотерман нащупал под сиденьем свой атташе-кейс и последовал за министром.

В самолетном кабинете Райдера напротив углового диванчика стояло потрепанное кожаное судейское кресло с высокой спинкой. В промежутке располагался трапециевидный кофейный столик с верхом из искусственной кожи, который можно было поднимать и опускать, нажимая на рукоятку на одной из хромированных ножек. Самолет министра когда-то был кораблем «ВВС-1», которым пользовался Линдон Джонсон. Уотерман представил себе долговязого президента, как он поднимает столик, чтобы разместить под ним колени, и, усадив на диванчик стайку помощников, проводит заседание двора.

Райдер плюхнулся в судейское кресло. Запустив руку в карман, он достал полуочки в черепаховой оправе и, нацепив их, поднял на лоб. Затем кивнул — едва заметно, просто давая Уотерману понять, что ждет, когда тот усядется на диванчик поближе к нему.

Джеймс Райдер, давнишний друг и наперсник президента, был первым, кого президент назначил членом кабинета. Все пять лет пребывания в должности министра обороны он пользовался поддержкой президента по всем важным спорным вопросам. Юридическая практика и успешная карьера в бизнесе, а также два десятилетия государственной службы отточили его мастерство убеждать. Эти качества, вместе с долголетними близкими отношениями с президентом, сделали Райдера самым могущественным министром обороны после Роберта Ловетта, служившего при Гарри Трумэне.

Райдер не без основания считал, что власть и влияние растут, если ими пользоваться, и он щедро пользовался тем и другим. Он воевал с министром торговли, отстаивая ограничения продажи передовых технологий странам советского блока, с Административно-бюджетным управлением против урезания военного бюджета и с министром финансов и по тому, и по другому вопросу. В Конгрессе его считали жестким и бескомпромиссным, потому что он наотрез отказывался назвать статьи военного бюджета, которые можно было бы сократить без ущерба для национальной безопасности, и ставил конгрессменов в положение защищающихся, когда они пытались навязать свою точку зрения.

Райдер терпеть не мог проигрывать. Он не любил проигрывать в Лайонс-клубе во время ораторских соревнований в старших классах в его родном Эпплтоне, штат Висконсин, — и неистово тренировался, пока не научился побеждать. Он не любил проигрывать, когда пришел новичком на соревнования по борьбе в Гарварде, и не щадил себя ради победы. То же самое можно было сказать об учебном судебном зале юридического факультета Гарварда, о сутяжничестве корпораций в Нью-Йорке, а впоследствии — о бесконечных стычках в комнате кабинета министров и Оперштабе в процессе формирования президентских решений. Однако, будучи высокоморальным человеком твердых этических принципов, он не считал, что цель оправдывает средства. Райдер играл в политический бейсбол в высочайшей лиге. Но верил, что игра должна быть честной.

Еще работая сенатским помощником, Уотерман в течение десятилетия был свидетелем появлений Райдера в Капитолии в качестве члена полдюжины президентских советов по различным проблемам, делегаций и наблюдательных комитетов. Его восхищала твердость этого человека, его способность открыто противостоять критикам, его приверженность усилению американской мощи и, наверное, прежде всего, его недоверие к Сове-

там, и Уотерман не раз признавался в этих своих чувствах Артуру Уинтеру. Поэтому, когда сенатор позвонил Райдеру через неделю после утверждения того в должности министра и предложил назначить Уотермана заместителем, он знал, что предлагает брак, уже заключенный на небесах.

И это оказался счастливый брак. Райдер быстро оценил способности Уотермана и эффективно ими пользовался. Он легко закрывал глаза на недостатки молодого человека и, ненавязчиво направляя его, сглаживал эти недостатки и слабости. Через пять лет совместной работы они научились понимать друг друга с полуслова и заканчивать начатую другим фразу, как это умеют делать в тандеме опытные радиоведущие, не допускающие неловких эфирных пауз.

Эти отношения многие в Вашингтоне находили поразительными. Мало кто из членов кабинета передавал своим помощникам такие полномочия, как Райдер Уотерману. Но ведь он был больше, чем помощником, — суховатый министр обороны относился к нему с необычайной теплотой, если не как к сыну, то как к любимому племяннику. Он давно уже называл его по имени. Что касается Майкла, то он чаще всего предпочитал обращение «сэр».

— Мы могли бы просмотреть инструкции, — сказал Райдер. Он искоса взглянул на Уотермана. — Я заметил, что ты в последние дни какой-то потерянный, Майкл.

— Право, сэр, ничего особенного.

Райдер сложил руки на груди.

— Не морочь мне голову. Ты выглядишь, как побитый щенок. Что случилось?

Уотерман шумно вздохнул.

Райдер ткнул в него пальцем.

— Ну, давай, выкладывай. Знать это — в моих интересах. Я не могу действовать в полную силу, если ты к этому не готов, а ты явно не готов.

Признание вырвалось из него бурным потоком, настолько стремительно, что Уотерман сам этому поразился.

— У меня возникли семейные проблемы. Последняя поездка очень не понравилась Лауре. Ей пришлось самой управляться с Джейсоном, и у нее случился нервный срыв. И это мое последнее интервью, ну, в Париже, Кристин Каронн, мне вообще не следовало туда ездить. Да еще оставаться на обед в субботу.

— Да?

— Лаура спланировала наш совместный уикэнд и была разочарована, когда мне пришлось его отменить.

— Не пренебрегай домом, Майкл. Стабильность. Вот что придает нам силы. Ты должен это утрясти. Мы слишком напряженно работаем, и облегчения не предвидится. Но каждую секунду, какую тебе удается урвать, ты должен отдавать жене и сыну. К примеру, почему бы не позвонить Лауре прямо сейчас, по моему бортовому телефону?

— Она не дома, сэр. В этом все дело: она забрала Джейсона и уехала к родителям в Северную Каролину, — в его голосе слышалось отчаяние. — Она даже не берет трубку.

— Похоже, она не просто слегка «разочарована», Майкл. Если бы я знал, я не позволил бы тебе лететь вместе со мной, — мрачно сказал Райдер. — Слушай внимательно: первым делом по возвращении ты на несколько дней берешь отпуск. Ты едешь прямо к ней и улаживаешь ваши отношения. Я не противник тяжелой работы. Но запомни мои слова — на первом месте должна быть семья. Работа не будет длиться вечно. А твоя жизнь — это твоя жена и твой сын. Поезжай к ней, Майкл. Поговори с ней. И привези ее домой.

Уотерман заморгал. Конечно, он должен поехать в Ривертон к Лауре, убедить ее вернуться с ним вместе. Тот факт, что возможность ее отъезда в Северную Каролину даже не приходила ему в голову, говорил о том, до какой невеселой точки докатилась его семейная жизнь. Он был благодарен министру.

— Спасибо, сэр. Именно это я и сделаю, сразу по возвращении.

— Хорошо, — сказал Райдер. — А теперь за дело, — он подался вперед и кивнул в направлении атташе-кейса, — с чего начнем?

Уотерман открыл атташе-кейс и достал инструкции. Одна предназначалась для самой встречи НАТО, другая для отдельных двусторонних встреч — *двустов* на бюрократическом жаргоне, которые будут проходить в промежутках между пленарными заседаниями. Он достал также желтый линованный блокнот, подборку последнего обмена факсами и два карандаша-маркера — красный и черный.

Если Уотерман любил что-нибудь больше всего остального, то это было информирование Райдера и совместная работа над инструкциями. Именно в этом ему удавалось полнее всего проявить свои ученые таланты и именно это бросало ему интеллектуальный вызов, как редко что-либо еще в Пентагоне. Министр мгновенно поглощал огромные объемы информации, но он ждал, даже требовал большего — чтобы Уотерман свободно оперировал всем материалом, за который нес ответственность; вполне понятно, что он мог чего-то не знать, забыть чье-то имя или какие-то цифры, но ясно, что такое надо было стремиться свести к минимуму. И ни в коем случае не делать вид, что знаешь, когда этого на самом деле не было.

Девяносто минут без перерыва, пока они просматривали инструкции, Уотерман не думал о своих заботах, делая разноцветные пометки в блокноте, когда у Райдера возникал тот или иной вопрос. По некоторым проблемам Райдер нырял глубоко, в связи с другими ограничивался коротким кивком, полуприкрыв глаза, пока Майкл уныло перечислял всевозможные тривиальности, которые могли всплыть во время встречи с кем-то из министров в Глениглз. Он закончил изложением расписания Райдера, затем прочитал вслух заявление министра по прибытии, которое будет передано в печать. Райдер внес некоторые поправки и вернул заявление Уотерману. Майкл вложил его в папку инструкций и шумно ее захлопнул.

— Это все.

— Ты уверен? — глаза министра замигали. — Проверять меня не будешь?

— Не вижу необходимости. Мне кажется, вы все это хорошо знаете, — Уотерман заглянул в блокнот. — Мы ничего не упустили.

— Не совсем. — Райдер пододвинул к Майклу стопку бумаг. — Думаю, мы могли бы обсудить и это.

Уотерман сразу узнал эти бумаги — то был его Нулевой меморандум, ныне принявший форму меморандума Райдера президенту. Он жадно читал, глаза его стремительно пробегали страницы. То тут, то там он находил изменения, сделанные зеленой ручкой и поэтому легко замечаемые. Какие-то строчки были вычеркнуты, где-то вставлены новые слова, то же самое и фразы: одни вычеркнуты, другие вписаны, на полях пометки, вопросительные знаки, некоторые абзацы для привлечения особого внимания выделены чертой сбоку. В некоторых местах запутанные фразы упрощены и улучшены. Но — боже мой — предложение по Нулевому варианту осталось без изменений, а все редакционные поправки, в общем-то, были не очень существенны.

Читая, Уотерман почувствовал, как пульс забился у него в висках: он заметил очень важную поправку, внесенную Райдером. Это был блестящий ход, одна короткая фраза, добавленная к концу абзаца, где речь шла о возможной международной реакции на Нулевой вариант. *Вас наверняка выдвинут, и вам скорее всего присудят Нобелевскую премию Мира, если это предложение будет принято.*

Райдер наблюдал за Уотерманом, следя за его расширившимися глазами, когда они пробегали по вписанным от руки словам о Нобелевской премии.

— Это привлечет его внимание, — сказал Райдер. — И так и должно быть. Ему следует знать нечто подобное, когда дела примут крутой оборот, а они примут крутой оборот. Я посылаю ваш меморандум — с поправками — се-

годня в ночь с борта самолета. Утром он попадет в утренний доклад президенту. Я договорился с Гэри Бернером о том, что он передаст его президенту, когда увидит его завтра утром. Там будет также и Маккэндлесс, его я тоже предупредил. Жаль, что не будет Уинтропа, он находится в Бразилии, — Райдер хитро улыбнулся.

— Бернер нас поддерживает, — продолжал Райдер. — Он не ухватывает всех тонкостей, конечно. Но он достаточно проницателен, чтобы понять: это предложение станет пропагандистским триумфом, а это все, что его на самом деле занимает, — Райдер снова улыбнулся, на сей раз по-отечески. — Я надеюсь, что еще до нашего отъезда из Глениглз президент примет твое предложение. Это блестящее предложение, первоклассный меморандум, Майкл.

Уотерман вернулся на свое место в первом салоне, точнее, прилетел туда окрыленный. На какое-то, пусть и короткое, время проблемы, которые он оставил в Вашингтоне, были забыты. Он защелкнул свой атташе-кейс и задвинул его под сиденье. Широко открытыми глазами он смотрел на темное небо за иллюминатором. Вряд ли сегодня ему удастся заснуть.

Вспотевший и помятый, он, как от удара, пробудился от сна, которого не мог вспомнить, и услышал голос стюардессы, объявившей, что самолет идет на посадку. Он посмотрел в окно. Самолет быстро снижался над суровой местностью, покачиваясь от ветра и проваливаясь в воздушные ямы. Он не имел представления, где они. Когда сообразил, что они летят над Шотландией, закрылки опустились, и пилот начал последний вираж. С трудом он заставил себя проснуться.

Сразу после посадки министр и его старшие помощники, Уотерман в том числе, к его вящему облегчению, пересели в вертолеты, поджидавшие их возле подрулившего на стоянку самолета. Остальные помощники, охрана и журналисты погрузились в автобусы; до Глениглз было около часа езды. Уотерман смотрел вниз на зеленую шотландскую землю. На тыловое обеспечение министерских

конференций НАТО можно было положиться: все делалось с подчеркнутым вниманием даже к мелочам, средств явно не жалели. Всякая поездка, занимавшая более двадцати минут, совершалась на вертолетах. Наверное, все шотландские вертолеты были задействованы для доставки натовских министров обороны и их помощников.

Прижавшись носом к стеклу, он разглядел изумрудно-зеленую посадочную площадку на обширной территории отеля. Несмотря на то, что каждой национальной делегации предоставлялся офис, оборудованный телефоном, подключенным к безопасной линии, копировальными машинами и пишущими машинками, мелкая канцелярская работа фактически делалась во время совещаний министров. Повестка дня обычно включала в себя информацию о вооруженных силах НАТО и ее противников, последние данные о реализации основных проектов Союза, а также доклад верховного главнокомандующего союзными силами или генерала, в данный момент занимающего должность председателя Военного комитета НАТО.

Центральное место на каждой встрече министров занимало коммюнике, заявление, совместно принимаемое всеми странами-участницами; оно выпускается обычно к концу второго дня работы. Поскольку этот документ требовал единогласия, он чаще всего оказывался бессодержательным и путаным. Отчаянные сражения велись по таким поводам, например, сказать ли «желает», «надеется» или просто «хочет» в третьей фразе девятого абзаца.

Уотерман был преисполнен решимости сделать так, чтобы коммюнике встречи не стало источником разногласий. Учитывая, что Соединенные Штаты все еще не приняли решения о стратегии переговоров с Советами, а также интерес всего мира к тому, что предпримет Вашингтон, споры между союзниками могут только помешать, поскольку неизбежно станут достоянием общественности. Но тревожные симптомы проявились уже во время обеда.

В столовой был оборудован буфет, министры и их помощники свободно общались между собой, наполняя

тарелки копченой лососиной, холодным ростбифом, свининой, ветчиной, многочисленными салатами, муссами и соусами, сырами, овощами, хлебом, а также тяжелыми унылыми десертами, которыми англичане нагружаются во всех уголках империи, некогда им принадлежавшей. Уотерман устроился обедать с главами английской и немецкой делегаций в Группе высокого уровня, председателем которой он являлся. Вскоре к ним присоединился еще и итальянский делегат.

Как только они уселись за столик в углу, Уотерман, не теряя времени, перешел к делу.

— У нас почти кворум, — сказал он. — Кто-нибудь ожидает чего-нибудь более существенного в нашей программе, чем глазеть на волынщиков и гулять по полю для гольфа?

— Ну, завтра вечером нас еще ждет хаггис, — засмеялся Джон Макбрайд, английский аналог Уотермана, шотландец до мозга костей и ответственный от принимающей страны за конференцию в Глениглз.

— Что еще за хаггис, Джон? — спросил Карло Джанини. — Какой-то шотландский обычай, так?

Джанини превосходно говорил на оксфордском английском, но был рад прибегнуть к комическому акценту, обращаясь к чопорному, очень правильному и слегка меланхоличному шотландцу.

— Карло, — вмешался Уотерман, — вряд ли ваш патриотизм может быть когда-либо испытан более основательно, чем завтра вечером, когда вам на обед подадут овечий желудок, фаршированный требухой, который жарят, а может быть варят — точно не уверен — полдня.

— Минуточку, — запротестовал Макбрайд. — Я абсолютно убежден, что наш достойнейший председатель никогда не пробовал по-настоящему приготовленный хаггис. Поэтому хаггис из Глениглз запомнится вам на всю жизнь.

— Надеюсь, — сказал Уотерман. — Но прежде чем мы приступим к хаггису, нас ждет еще одно не совсем ап-

петитное, но главное блюдо — коммюнике или хотя бы его черновой вариант. Чего мне ждать?

Макбрайд помахал указательным пальцем.

— У вас одна проблема, Майкл. Голландцы готовят абзац, требующий, чтобы НАТО не развертывала ракеты средней дальности, если Советы приостановят размещение своих СС-20 и заморозят его на нынешнем уровне. Они называют это Нулевым замораживанием. Датчане, норвежцы, греки и, возможно, бельгийцы их поддержат, — он презрительно фыркнул. — Мой премьер-министр, конечно, решительно против этого. Мы будем против, потому что существует согласованный союзный механизм выработки переговорных позиций, и к коммюнике это не имеет никакого отношения.

Уотерман замер. Еще один Нулевой вариант явится смертельным ударом по его собственной идее, которая всего несколько часов назад была отправлена президенту. Того хуже, голландский план не создавал реальной позиции на переговорах — это был односторонний акт, способный убить развертывание союзных ракет, одновременно давая возможность Советам сохранить уже развернутые ракеты.

Уотерман повернулся к немецкому делегату.

— Ганс?

— Мы испытываем сильнейшее давление, от нас требуют, чтобы мы поддержали голландцев. Канцлер обеспокоен местными выборами, которые на следующей неделе состоятся в Вестфалии; недавно там прокатилась волна протестов.

Уотерман, сохраняя загадочное лицо игрока в покер, обратился к итальянцу.

— Карло, какую позицию занимает ваше правительство по вопросу о замораживании?

— Не знаю. Завтра утром за завтраком министр обороны Сардини встречается с голландским коллегой. Мне известно, что они будут обсуждать проблему замораживания. Это будет нелегко: голландцам предстоит выбор

между итальянской и французской пушкой для своих фрегатов. Контракт стоит двести миллионов долларов, к тому же с этим связаны триста рабочих мест в избирательном округе премьер-министра. Так что в руках у голландцев мощный рычаг воздействия.

У Майкла все оборвалось внутри. Не видно, каким образом можно отвергнуть голландскую инициативу, не прибегая к публичной стычке, которой по инструкции он должен был избежать. И в то же время любое проявление слабости может только вдохнуть новые силы в движение против размещения ракет. Он знал это, видя каждый день миллионы демонстрантов на улицах, и понимал, что правительства по всей Европе испытывают колоссальное давление и вынуждены что-то делать, дабы положить конец распространению ядерного оружия, независимо от того, считают ли они это правильным со стратегической точки зрения.

Он перевел дыхание.

— Давайте говорить начистоту. Мы будем категорически против упоминания в коммюнике голландского Нулевого замораживания или чего-то в этом роде. Американский министр обороны ни при каких обстоятельствах не примет формулировки, излагающие исход переговоров, которые даже не начались.

Немец нахмурился.

— Но, Майкл, суть в том, что голландцы выдвинули новую идею, они предлагают нечто, еще не испытанное. Послушайте, замораживание не затронет Америку. Но в нем большой смысл для многих из нас, которые живут там, где будут базироваться ваши ракеты.

— Ганс, голландское предложение слишком наивно и упрощенно. Смотрите, если двести русских СС-20 нацелены на Западную Европу — а они уже на нее нацелены, — а мы не развертываем наших ракет, то где вы видите равенство в этом уравнении? У них двести, у нас ни одной.

— Мы все это понимаем, мой дорогой, — прервал его Макбрайд. — Но нам нужны веские аргументы, доказыва-

ющие, что формулировки коммюнике очень важны для обеспечения развертывания ракет.

Это было безумие.

— Послушайте, — сказал Уотерман, пытаясь сохранить спокойный тон, — может быть, нам следует найти Хенка ван ден Берга и попробовать отговорить его? Гораздо лучше обсудить проблему в частном порядке за обедом, чем выносить ее на заседание с пятьюдесятью участниками.

— Я поищу его, — сказал Карло Джанини.

Уотерман посмотрел на двух оставшихся за столом собеседников.

— Я заключаю, что по крайней мере мы трое согласны с тем, что у нас не будет никаких средств воздействия, пока мы не разместим наши ракеты.

— Полностью согласны, — сказал Макбрайд. — Такова моя точка зрения... — Он посмотрел на немца, тот кивнул. — И Ганса тоже, и Карло, и, я полагаю, голландца.

— Скоро узнаем, — сказал немец, слегка кивнув головой в противоположный конец столовой. Уотерман увидел, что в их сторону движутся Карло и Хенк ван ден Берг.

— Добро пожаловать в Шотландию, Хенк, — приветствовал его Макбрайд. — Пододвиньте стул. Обед, похоже, превратился в минипарламент по обсуждению коммюнике. Я рад, что мы вас разыскали.

Голландец пожал всем руки и придвинул свободный стул от соседнего столика. Худой и высокий, с красным цветом лица и редеющей сединой, ван ден Берг через шесть недель должен был уйти в отставку с поста, который он в течение тридцати лет занимал в голландском министерстве обороны. Последнее задание не доставило ему радости: отстаивать развертывание ядерного оружия на голландской территории как раз в то время, когда пацифистские и антиядерные настроения буквально захлестнули Нидерланды.

— Хенк, — сказал Уотерман, — я говорил коллегам, что мы решительно против замораживания по ракетам средней дальности. Мы не можем согласиться на это.

— Майкл, Майкл, это не моя и-и-дея, — сказал голландец, как бы оправдываясь. Хенк ван ден Берг свободно говорил на шести языках, но так и не научился правильно произносить слово «идея». — Я ее, конечно, поддерживаю, потому что это политика моего правительства. Я знал, что для вас это неприемлемо, и сказал им об этом в Гааге.

— Ну и? — прервал его Уотерман. — И что же они?

— Наш министр иностранных дел, — объяснил голландец, разводя руками. — Они уверили нашего министра обороны, что вы сможете на это пойти.

Черт возьми, подумал Уотерман. Скорее всего эту мысль внушил им богом проклятый госдепартамент. Видимо, это с самого начала была «и-и-дея» Беннета. Он шумно вздохнул.

— И каков же итог, Хенк?

— Что вы хотите — политика. Мой министр считает, что, призывая к замораживанию, мы сможем контролировать идущие в Нидерландах дебаты. Иначе нас захлестнет оппозиция, полагает он.

— Советы разместили уже больше двухсот ракет.

— Я это знаю. Мы все это знаем. И если бы зависело от меня, я бы отозвал нашу и-и-дею замораживания. Но я не имею права отказываться от формулировки, которую поддерживает наше правительство, — он заговорщически подался вперед. — Но мой министр, Майкл, прежде всего реалист. Если он не сумеет получить достаточной поддержки, он свернет тент. Он не станет ломать копья. А я, разумеется, скажу ему, что вы решительно против.

— Не говорите «решительно», Хенк, скажите — «неизменно».

Возникла проблема. Борьба с голландцами приведет к появлению кричащих газетных заголовков. Дать им победить — заголовки будут еще более кричащими: НАТО ПРИЗЫВАЕТ К ЗАМОРАЖИВАНИЮ РАКЕТ — он представлял такое на первой полосе «Вашингтон Пост». Поэтому сразу после обеда он посетил Яна Джонса, человека с жестким характером и одновременно достаточно тон-

кого и проницательного, заместителя генерального секретаря НАТО. Если кто-то мог найти способ уничтожить голландское Нулевое замораживание, то это именно Джонс.

Сидя в кабинете Джонса с хрустальным стаканом мятного виски в руке, Уотерман решил говорить с полной откровенностью.

— Ян, — сказал он, — я должен вам кое-что рассказать. Но на условиях полной конфиденциальности.

— Ты можешь говорить со мной, как с исповедником, сын мой.

— Как вы знаете, президент еще не принял решения относительно американских предложений на переговорах. Однако Райдер настаивает на уничтожении всех ядерных ракет средней дальности. Мы называем это предложение Нулевым вариантом — ноль ракет средней дальности для обеих сторон. Мы не можем пока говорить об этом публично. Президент решения не принял, и если в коммюнике НАТО будет содержаться призыв к замораживанию по-голландски, хотя это совсем не то, что имеет в виду Райдер, это будет выглядеть как если бы он манипулировал заявлением НАТО в целях оказать давление на президента.

Натовский чиновник хитро улыбнулся.

— И это означает, что вы вынуждены противостоять всему, что хотя бы отдаленно напоминает Нулевой вариант, — сказал он.

— Абсолютно точно. Мне нужна помощь, откуда бы она ни исходила.

— Ладно, — Джонс потеребил свою бородку, — голландцы меня не беспокоят, потому что они никогда не жмут слишком настойчиво. О, немножко они поиграют, но потом дадут задний ход. Нет, Майкл, кто должен вас беспокоить по-серьезному, так это чертовы немцы. — Он отхлебнул виски и посмаковал его во рту. — Лучший способ решить эту задачу — включить голландцев в ваш узкий круг.

— Что вы имеете в виду?

— Расскажите им то, что сейчас рассказали мне, — шотландец сделал еще глоток. — Но будет лучше, если это сделаете не вы, Майкл. Позвольте это сделать мне. Хотя нет, пусть это сделает сам генеральный секретарь. Он встречается с немецким министром обороны за завтраком. Как только немцы узнают, что слишком сильное давление по вопросу о коммюнике может убить Нулевой вариант в Вашингтоне, у них появятся основания поддержать вас и разумные объяснения для боннской правительственной коалиции. Именно так и надо сделать.

Уотерман улыбнулся. Джонс наверняка прав. Он протянул свой стакан в сторону собеседника.

— Ян, вы неподдельное золото.

10 октября, 7:58 утра

Из глубокого сна Уотермана вырвал телефонный звонок. Он нащупал трубку и со стоном выдавил из себя «хэлло».

— Доброе утро, мистер замминистра, — приветствовал его Ове Андерс. — Если найдешь время, я хотел бы угостить тебя чашечкой кофе.

— Ове, я очень рад слышать твой голос, — Уотерман попытался стряхнуть с себя сон. — Который час?

— Восемь. Утро давно уже наступило.

Уотерман опустил ноги на пол и сел. Он проспал.

— Мы можем встретиться в холле минут через сорок пять.

У него будет время позвонить Яну Джонсу и убедиться, что Голландский Ноль мертв, как вареный хаггис.

— Это меня устраивает. Однако тебе придется позвонить в секретную службу, иначе меня в отель не пустят. Вход прессе запрещен.

— Пора брать вас, газетчиков, в ежовые рукавицы, — засмеялся Уотерман. — Давно пора. Я позвоню прямо сейчас.

Приняв душ, побрившись и получив заверения в том, что в утреннем коммюнике не будет ничего неожиданного, Уотерман в приподнятом настроении спустился на два пролета лестницы и увидел в холле Андерса, одетого в шерстяную темно-серую куртку, клетчатый шерстяной шарф, посасывающего изогнутую трубку. Они тепло поздоровались, вышли на улицу и направились по дорожке вдоль знаменитого поля для гольфа. Стояло холодное осеннее утро, необычно ясное для Шотландии, дул пронизывающий ветер. Уотерман был рад, что предусмотрительно надел пальто.

— В духе аборигенов? — спросил он, указывая на шарф норвежца. — Клан Андерса?

— Точнее — Мак-Андерса, — норвежец засмеялся. — Знаешь, Внешние Гебриды некогда принадлежали Норвегии. Если бы мы знали о залежах нефти... — Он замолчал, зажал трубку между зубами и ускорил шаг. — Прекрасная погода, Майкл. Освежающая. Норвежское лето. — Он посмотрел на своего более молодого друга. — Рад тебя видеть. Я все кружусь тут, пытаясь выжать из этой конференции что-нибудь, достойное читающей нас публики.

Уотерман надел перчатки.

— Желаю тебе полного провала. Для нас лучшая конференция та, о которой нечего писать.

— Похоже, так и будет на этот раз, — сказал Андерс. — Еще вчера я рассчитывал на фейерверк; я имею в виду голландское Нулевое замораживание и прочее.

— Ты знаешь о предложении голландцев?

— Мне сообщили об этом.

— Ты что-нибудь написал?

— Пока нет.

Слава богу, подумал Уотерман.

— Ове, давай я введу тебя в курс дела.

— Более чем согласен.

— Голландцы сегодня утром отозвали свое предложение.

— В самом деле? Час назад мне сообщили, что в коммюнике может появиться альтернативное заявление.

— Это уже не так, — сказал Уотерман авторитетно и носком ботинка отфутболил камешек в яму возле дорожки. — И как только тебе удалось узнать про голландскую формулировку? Они ведь согласились ее не обнародовать.

— Они этого и не делали, Майкл. Мне сказали ваши люди.

— Мои люди? — Уотерман не верил своим ушам. Он посмотрел норвежцу прямо в глаза. — Кто именно?

— Кое-кто из американской делегации, — уклончиво ответил Андерс.

— Кто именно из американской делегации?

— Да будет тебе, Майкл. Уж не думаешь ли ты, что я способен скомпрометировать свой источник информации?

— Нет, конечно, — сказал Уотерман. — Сообщи мне его имя, а скомпрометирую его я сам.

Он обозлился. Он найдет того, кто это сделал, и распнет его.

— Он должен остаться анонимом. Скажу только, что он работает в госдепартаменте.

Снова этот проклятый госдепартамент. Уотерман решил рассчитаться с Беннетом раз и навсегда сразу по возвращении в Вашингтон. Он убьет этого сукиного сына.

— И что же сообщил этот анонимный источник?

— Он сказал мне, что голландцы подготовили серьезное предложение для Женевской конференции — Нулевое замораживание, гарантирующее, что НАТО не станет развертывать ракеты средней дальности, если Советы заморозят свои СС-20 на существующем уровне. Он сказал, что голландцы настаивают на включении своей позиции в коммюнике, но Райдер, как всегда занимающий жесткую позицию, пытается убить любой компромисс с Советами. Говорят, что предстоит схватка по поводу коммюнике и что немцы, и не только немцы, поддерживают голландцев.

— Твой источник не вполне точен, — сказал Уотерман. — Голландцы сегодня утром отозвали свою формулировку.

— Тогда, значит, никакой истории нет, — сказал Андерс, посасывая трубку.

Они подошли к пабу. Все было идеально, как на открытке, приземистое двухэтажное оштукатуренное здание под соломенной крышей с маленькими окнами и низкой тяжелой деревянной дверью, над которой красовалась намалеванная от руки вывеска «ЛЕБЕДЬ 1758». Паб расположился чуть в стороне от дороги за крохотным прудом, в котором плавали утки. На двери красовалось объявление «Закрыто», формальность, установленная законом о лицензировании питейных заведений. Но, разумеется, паб был открыт, и это хорошо знали все в Глениглз, в том числе и местная полиция. Уотерман толкнул дверь, и на него пахнуло запахом торфяных брикетов, дымно тлевших в громадном камине в конце главного зала.

Они заняли столик возле камина и заказали кофе, который официант принес вместе с небольшим глиняным кувшином густых сладких сливок и маленьким стаканчиком с порцией мятного виски местного производства для Андерса. Уотерман бросил завистливый взгляд на стакан Андерса и заказал виски и для себя.

Они подняли стаканы, легонько чокнулись и отпили по глотку. Уотерман поставил стакан.

— Как тебе показалась Москва?

Андерс щедро добавил сливок в кофе.

— Неспокойно. В ранние дни *гласности* все завороженно следили за переменами. Развенчание Сталина начало задевать и Ленина, реабилитация Солженицына, все эти критические статьи о партии и государственном аппарате, расширившийся поток людей за границу. Каждый день происходило что-то новое. Теперь обстановка изменилась. Большинство наших источников держатся настороженно. Никто не знает, в какую сторону все повернется.

— Перемены требуют времени, особенно в такой неповоротливой стране, как Россия.

— Многие люди напуганы, — кивнул Андерс. — На прошлой неделе я виделся с Алексеем...

— Маренским?

— Да. Мы ночь напролет составляли что-то вроде характеристики Новикова, пытаясь определить, насколько далеко он готов пойти. Мы прошлись по всему списку: частная собственность, совместные предприятия с правом вывоза иностранной валюты, конвертируемый рубль и все прочее. Но в конце концов мы сошлись на том, что главное — готов ли он похоронить коммунизм. Спустить его в унитаз. Алексей надеется на это, но он не уверен.

Андерс затянулся трубкой и его голова скрылась в облачке дыма.

— Я провел много часов в его квартире, слушая, как он представлял себе новый мир, который создает Новиков. Он был полон энтузиазма в отношении *гласности* и *перестройки* и не желал слышать никакой критики в адрес Новикова. Для Алексея Новиков был тем человеком, который шел по воде как посуху. Теперь он в этом не столь уверен.

— Но ведь многое он может узнать от своего отца. Лучшего источника внутренней информации не найти. По крайней мере, так утверждают наши эксперты.

— Не знаю, — сказал Андерс. — Во время последней поездки у меня возникло ощущение, что Алексей в равной степени не уверен ни в отце, ни в Новикове.

— Они близки? — спросил Уотерман.

— Я всегда так думал. Но на этот раз мне показалось, что я ощутил некоторую натянутость. Правда, ничего впрямую я не услышал.

— Может быть, это пропасть между поколениями, — предположил Уотерман. Он осушил свой стакан. — А каковы отношения Новикова с военными и с КГБ?

— В КГБ его считают своим. Именно это и беспокоит Алексея: это обстоятельство он занес на черную сторону нашей характеристики. Военные, похоже, довольны. Ничто из того, что сделал Новиков, не доставило им беспокойства.

— Разумно, — сказал Уотерман. — Он лишь слегка подрезал военные расходы, и, учитывая плачевное состояние экономики, они должны быть довольны, что отделались такой малостью.

— Я бы не употребил слова «довольны». Все-таки от военных во многом зависит, кто управляет страной.

Уотерман кивнул. Он допил свой кофе.

— Мне пора возвращаться, — сказал он. — Нужно еще подготовить Райдеру массу бумаг до начала сегодняшнего заседания.

Он хотел поговорить по безопасной линии с Паризи и попытаться узнать, что предпринимает Беннет, пытаясь саботировать усилия Райдера. Черт его возьми. Он посмотрел на Андерса и улыбнулся. Журналист ему помог, сознавал он это или нет.

— Работа никогда не кончается, правда?

Андерс покачал головой.

— Крайний срок — сможем ли мы когда-нибудь избавиться от этого понятия?

— Сомнительно, — сказал Уотерман. — А как иначе поддерживать боевую форму?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава одиннадцатая

Кардерок, штат Мериленд,
12 октября, 1:00 дня

Когда Уотерман вошел, Дэн Беннет уже сидел за угловым столиком возле камина в деревенской придорожной гостинице, каменном здании под шиферной крышей. Он виновато посмотрел на Беннета, потому что опоздал почти на полчаса. Погруженный в грустные мысли о состоянии своего брака, он проскочил мимо приземистой, не известной ему гостиницы, частично скрытой от глаз на узкой извилистой дороге, бежавшей параллельно каналу. Он проехал добрых восемь миль, прежде чем понял свою ошибку.

У Уотермана были самые лучшие намерения. Он планировал появиться у порога Лауры в Северной Каролине сразу по возвращении из Шотландии. Но вмешались обстоятельства, и, как часто бывало, личная жизнь отошла на второй план, уступив профессиональному долгу. Результат, которому Уотерман был вовсе не рад, свелся к тому, что вместо развязывания зашедших в тупик отношений с Лаурой он попытался развязать тугой узел в сложных профессиональных отношениях, встретившись за тихим, неформальным обедом со своим вечным противником, чтобы очистить атмосферу и даже — как знать? — улучшить их рабочие связи.

— Извини за опоздание, — сказал он, подойдя к столику. — Я проскочил поворот и мне пришлось возвращаться.

Беннет в этот момент допивал очередной коктейль «Кровавая Мери». Он слегка привстал.

— Я очень рад, что ты приехал, — сказал он. — Я уже начал подумывать, не разыграл ли ты меня. — Он повернулся к официанту, который в этот момент подошел к столику. — Мне еще один, — сказал он. — И один моему другу.

Уотерман сел за столик.

— Я рад, что ты предложил встретиться, — сказал Беннет. — Давно пора.

Он помешал свой напиток длинным корешком сельдерея.

— Согласен. Не думаю, однако, что мы с тобой договоримся, Дэн, но по крайней мере лучше поймем друг друга.

— Ничто не может обрадовать меня больше, чем сужение наших расхождений, — ответил Беннет довольно формально.

Уотерман решил идти напрямик и без колебаний вступил в схватку.

— Нет разногласий, которые нельзя было бы преодолеть с помощью госдепартамента, — если бы вы поддержали СОИ, например, или нажали на Советы, вынудив их согласиться на Нулевой вариант по ракетам средней дальности. Вот что нам нужно. Но получаем мы от госдепартамента почти всегда — zilch. Мы не получаем помощи от союзников, не получаем помощи от Советов, не получаем помощи на Капитолийском холме. Не хотел бы ссориться с самого начала, Дэн, однако я не вижу смысла в уклончивых выражениях. Фактически, — мрачно продолжал Уотерман, — отсутствие помощи — это еще самое меньшее. Мы противостоим советской военной машине с пустыми руками — арсеналом, устаревшим за годы нерадивости и недостаточного финансирования. Наконец мы выбрали президента, который понимает всю тяжесть

положения, но вы в госдепартаменте озабочены лишь переговорами о новой разрядке.

Официант, появившийся, чтобы принять заказ, замер, выжидая естественной паузы в тираде Уотермана. При слове «разрядка» он шагнул вперед, поставил на столик коктейли и вручил обоим меню в толстых кожаных переплетах. Замолчав, мужчины быстро пробежали глазами меню — выбор едва ли давал повод для длительных размышлений — и сделали заказ. Отдав меню официанту, Уотерман собирался продолжить с того места, на котором остановился, но Беннет его опередил.

— Послушай, мы оба хорошо понимаем, что у нас разные задачи. Ты не можешь ожидать, что мы будем действовать по программе Пентагона, как и мы не можем рассчитывать, что вы будете следовать нашей программе. Но я не вижу причин, почему мы не можем работать единой командой.

— Ты хочешь сказать, что мы выстраиваем нашу оборону, а вы сдаете ее Советам? — с нескрываемой иронией спросил Уотерман.

Лицо Беннета скривилось в вымученной улыбке.

— Я имел в виду разумное сотрудничество с учетом наших разногласий. Никогда это не будет легко и гладко. Но это не должна быть тотальная война.

Он замолчал, выжидая, пока официант поставит на стол большие тарелки с чем-то, напоминающим макароны, и откупорит бутылку вина.

— Подожди, — опередил его Уотерман. — Давай говорить конкретнее. Возьмем Нулевой вариант. Ты против него. Ты и Уинтроп сделали все, чтобы его потопить. Еще не высохли чернила на президентском решении, как вы по всему городу начали говорить, что оно загоняет Новикова в угол.

— Подожди секундочку, — запротестовал Беннет, — для того, чтобы убедить прессу в том, что вы загоняете Новикова в угол, не нужен был госдепартамент. Это мог вычислить шестилетний мальчонка.

— Ты считаешь, что мы заинтересованы в тупике?

— А что? — сказал Беннет, положив вилку и недоуменно разводя руками. — Ты станешь это отрицать?

— Еще как буду, — сказал Уотерман. Он поднес стакан ко рту, но остановился. — Наши мотивы — президента, Райдера, мои, — не о них сейчас речь. Решение принято. Наша позиция — Нулевой вариант, причем это не моя позиция, не Райдера, это позиция президента, который принял такое решение. Теперь ваша задача поддержать его, или... или выйти в отставку.

Он отпил глоток «Кровавой Мери» и постучал стаканом по столу, как бы подчеркивая следующие слова.

— Что меня действительно бесит, так это то, как ваши ребята начали подрывать это предложение с момента его принятия.

Беннет даже покраснел от возмущения.

— Что это должно означать?

— Это означает, что несмотря на то, что сказал президент в своем заявлении, вы тут же нашептали репортерам, что Нулевой вариант отнюдь не является предложением, на принятие которого мы рассчитываем. Черт возьми, вы могли бы сказать, что если Новиков упрется, то мы уступим. Иным образом твои слова интерпретировать невозможно.

— Легко тебе говорить, — ответил Беннет. — На нас обрушился поток жалоб со стороны союзников. Все они требовали, чтобы мы проявили гибкость — все до единого.

— Ты имеешь в виду своих коллег из министерств иностранных дел?

— Это люди, с которыми я работаю.

— Хватит. Не надо меня уверять, что это просто ответ на давление со стороны союзников. Ты так же страстно стремишься к соглашению, как и они, а может быть, еще сильнее.

Беннет наставил на Уотермана вилку со свисающими с нее макаронами.

— Знаешь, чем больше ты говоришь, тем более я убеждаюсь, что ты по-настоящему счастлив только тогда, когда наши отношения с Советами замораживаются.

— Это ерунда, — фыркнул Уотерман.

— Так ли? Ты прямо расцвел, когда президент назвал Советский Союз «империей зла». Ты давал одно интервью за другим, одно провокационнее другого, словно намеренно бросая вызов Советам. Побуждать кого-то к борьбе — это не лучшая идея, Майкл. Ты выглядишь как громила.

— Дэн, это...

— Громила. А ты знаешь, что бывает с громилами? Рано или поздно они получают по заслугам. Поверь мне, политика конфронтации не действует. В конечном счете она должна кончиться провалом. Ты постоянно принижаешь государственный департамент. Ты должен быть благодарен нам за то, что мы собираем осколки, пока ты не успел перебить всю посуду. Никакого вреда нет в словах о том, что это не был ультиматум Новикову. Это заявление удержало единство союзников. И мы все не вышли из игры.

— В том-то и дело — ты играешь в другую игру. Ты согласен на ничью. Черт возьми, Дэн. А я хочу выиграть.

Он налил им обоим вина.

Беннет мягко сказал:

— И Новиков тоже. Но ты этого не можешь добиться. И Новиков тоже не может. Ни одна сторона не может все время играть грубо.

Он поднес вилку ко рту и набил рот макаронами.

Уотерман положил вилку и отпил вина.

— Тут мы никогда не придем к согласию, — сказал он. — Поэтому позволь мне переменить тему. Когда ты собираешься поддержать СОИ? Русские решительно осуждают программу нашего президента. Новиков поминает ее в каждой речи. Ты должен был бы ее защищать. Половина наших союзников ничего не знает о советских программах. Они грандиознее наших. Они работают над этим многие годы. Они нарушают в этих целях договор ПРО.

Почему бы тебе не использовать малую толику своих дипломатических фокусов для продвижения нашей точки зрения?

— Но ведь тебе известна наша точка зрения, — сказал Беннет назидательно. — СОИ — это наш коронный номер. В конце концов мы должны будем от него отказаться, потому что иначе Новиков ни за что не пойдет на сокращение своих ракет. Все сведется к торговле. Сам увидишь.

Он осушил стакан и подлил себе еще.

Уотерман кивнул.

— Хорошо, я принимаю эту посылку. Согласен, все кончится торговлей. Но разве это не значит, что тебе следовало бы с еще большей силой поддерживать СОИ? Тебе ведь нужен самый большой козырь на руках для торговли. Но если ты ослабишь нашу позицию сейчас, то при торговле мы ничего не получим.

Беннет отхлебнул вина и пожал плечами.

— Козыри при торговле приходится сбрасывать обеим сторонам. Если ты ими чрезмерно дорожишь, то ничего не сможешь сделать, когда придет время. Вот почему нас так беспокоите вы, ребята из МИНОБ. Вы зацикливаетесь на чем-то, и ни шагу в сторону, независимо от последствий. Хорошо, ты говоришь, что госдеп проводит слабую политику. А вот мы считаем, что МИНОБ несговорчив. Вся хитрость демократии в том и состоит, чтобы устанавливать между нами верный баланс. Я знаю, ты не считаешь, что мы делаем это правильно, но я хочу, чтобы ты мне верил, когда я говорю, что мы всецело за СОИ.

— Или до тех пор, пока не настало время торговаться, — цинично заметил Уотерман.

— Скажем так: до тех пор, пока не удастся использовать эту программу для защиты нашей страны разумными способами, — ответил Беннет, плеснув остатки вина в свой стакан. Он махнул рукой официанту. — Кофе?

Уотерман улыбнулся.

— Эспрессо, пожалуйста.

Беннет кивнул.

— Два эспрессо, — он улыбнулся. — По крайней мере в этом мы пришли к согласию.

— Может быть, мы заключим еще одно соглашение.

— Я тебя слушаю.

Уотерман выдержал паузу. Сложил пальцы в форме крыши.

— Если ты перестанешь делать за Новикова его работу, пытаясь утопить СОИ раньше времени, если ты поддержишь нас на Капитолийском холме, если уговоришь союзников попридержать оппозицию СОИ, — если ты все это сделаешь, то тебе легко будет сотрудничать с Пентагоном. Что скажешь, Дэн?

— Мне кажется, самое время попросить официанта принести нам счет.

Глава двенадцатая

Государственный департамент
Меморандум
Секретно и конфиденциально

Кому: Государственный секретарь
От: ЕВРОКАН/ Дэниел Беннет
Дата: Октябрь 14

В мои руки попал меморандум председателя Объединенного комитета начальников штабов министру обороны, из которого ясно следует, что министр обороны в значительной степени занижает стоимость программы СОИ и переоценивает как ее осуществимость в ближайшее время, так и необходимые для этого технические возможности. Это уничтожающая критика всего того, что говорил Райдер на Капитолийском холме и на заседаниях Совета национальной безопасности. Меморандум подкрепляет скептицизм, который вы выражали по отношению к СОИ, и, по крайней мере косвенно, поддерживает нашу точку зрения о том, что мы должны использовать СОИ как рычаг на Женевских переговорах и перестать притворяться, что она когда-нибудь заработает.

В меморандуме ОКНШ указывается, что стоимость первой фазы этой программы будет почти *в три раза* вы-

ше, чем когда-либо это оценивалось в полугодовых отчетах Конгрессу. В нем также утверждается, что самый ранний возможный срок ее развертывания занижен на целых *три* года в сравнении с тем, который называл Райдер. Более того, в нем перечисляется ряд проблем разработки технологий невысокой стоимости, что критически важно для осуществления экономически эффективной программы.

Как вы знаете, мы испытываем большие трудности, пытаясь убедить министерство обороны принять предложенный нами критерий развертывания стратегической оборонительной системы. Райдер отказывается согласиться с нашими критериями экономической эффективности и жизнеспособности СОИ, которые мы выработали с целью сдержать навязываемый Райдером президенту неоправданный оптимизм. До тех пор, пока он верит, что СОИ лежит за углом, президент по-прежнему будет негибким и жестким.

Это, разумеется, вполне устраивает Райдера. Будучи стойким противником любого соглашения с Советами, он не испытывает никакого беспокойства по поводу такой негибкости. Кстати говоря, я полагаю, что он намеренно преувеличивает потенциал СОИ, тем самым сковывая президента. И в этом, думаю я также, смысл его последней уловки, так называемого Нулевого варианта, который он за нашей спиной положил к ногам президента. Он знает, что этот вариант ничего не даст. Но он предложил его, чтобы президент не принял наше более реалистичное, осуществимое — и более дипломатичное — решение.

Райдер получил хорошую прессу за свой Нулевой вариант. Почему-то средства массовой информации не задают критические вопросы, которые обнажили бы суть занимаемой им позиции. Однако в следующий вторник Райдер будет давать показания перед сенатским комитетом по международным отношениям. Он намеревается изложить критерии развертывания СОИ. Наконец-то он выйдет на открытое пространство и окажется уязвимым — если члены комитета зададут правильные вопросы.

Я был бы признателен, если бы вы уделили мне сегодня пять минут для дальнейшего обсуждения этой проблемы с глазу на глаз.

Согласен: .....
Иное мнение: .....
Секретно и конфиденциально

* * *

Электронная почта «Нью-Йорк Таймс»
Конфиденциально

Кому: Билл Кантор, глава вашингтонского бюро
От: Майкл Грей, корреспондент при Совете национальной безопасности
Дата: Октябрь 15

Я получил сенсационный материал! Вчера вечером меня пригласили в кабинет надежного источника на уровне заместителя государственного секретаря. Мне разрешили прочитать (но не снять копию или взять с собой) официальный доклад под грифом «Совершенно секретно».

Мне показали меморандум председателя Объединенного комитета начальников штабов министру обороны Райдеру. В меморандуме содержатся резкие возражения тому, что говорит Райдер о программе стратегической обороны.

Билл, это меморандум взрывной силы, потому что хронология показывает, что Райдер получил его *до* своих показаний комитету по делам вооруженных сил на прошлой неделе — и полностью его проигнорировал! Я присутствовал на этих слушаниях, и ему был задан ряд вопросов, на которые он должен был ответить иначе, учитывая документ ОКНШ.

Специфические моменты, по которым, судя по меморандуму, ОКНШ не согласен с министром обороны, это

и стоимость, и сроки осуществления первой фазы программы «Звездных войн», а также прогресс в выработке производственных технологий, которые сделали бы возможным невысокую стоимость изготовления компонентов, а потребность в них для любого «космического щита» исчисляется в огромных количествах.

Я согласился на определенные предварительные условия ради ознакомления с этим меморандумом. Во-первых, я обещал, что ничто не будет напечатано до следующего вторника. Во-вторых, я согласился назвать источником материала Капитолийский холм. Я пытался отговориться от этого, но мой источник абсолютно уверен, что в противном случае утечка прямо укажет на государственный департамент. Он ясно сказал, что не покажет документ, если я не приму эти условия.

Сомневаюсь, что мне удастся увидеть документ еще раз, хотя я, вероятно, могу подтвердить, что он существует. Я попытаюсь получить опровержение его содержания от кого-нибудь из людей Уотермана. Будучи ярым сторонником «Звездных войн», он, возможно, станет возражать ОКНШ и тем самым подтвердит существование меморандума. Но поскольку я действительно видел оригинальный документ, то не думаю, что требуется еще один источник.

Я буду держать вас в курсе дела. Я надеюсь, что мы можем это разыграть. Райдер во вторник будет давать показания комитету по международным отношениям. Если мы выйдем с этим материалом в тот же день, могу гарантировать, что наша публикация будет доминировать на слушаниях.

Электронная почта «Нью-Йорк Таймс»
Конфиденциально

Кому: Билл Кантор, глава Вашингтонского бюро
От: Арнольд Голдман, ответственный секретарь, Нью-Йорк
Дата: Октябрь 15

Поздравляю с удачей Грея. Мы сильно ударим, сделав эту сенсацию центральной среди пакета из трех-четырех статей во вторник. У меня есть статья из научных кругов о технологиях, задействованных в СОИ. Еще мы прогремим с чем-нибудь из Ливерморской лаборатории, что придаст реальный вес меморандуму ОКНШ, — Ливермор, похоже, проникся скепсисом по отношению к рентгеновскому лазеру, на котором основаны «Звездные войны».

Меня не беспокоит возможный нажим в связи с секретностью этой темы. Конечно, мы должны выслушать аргументы правительства и не создавать впечатления предвзятости. Но мы, конечно же, никоим образом не обязаны принимать их аргументы, и, судя по тому, что я уже знаю, мы почти наверняка их не примем. Это одна из тех утечек, которые могут кое-кого поставить в затруднительное положение, но вряд ли помогут нашим противникам или обрадуют их.

Что касается союзников: я советовался с иностранным отделом. Они обеспечат комментарии из источников, близких к министерствам иностранных дел и так далее в Париже и Лондоне. Мы получим также материал из Брюсселя, где НАТО проводит анализ последствий развертывания СОИ для стратегии Альянса. Но не ждите слишком многого: в Европе это сейчас вовсе не предмет главных забот. Как вы знаете, европейцев волнует сейчас больше всего развертывание ракет средней дальности и плевать они хотели на СОИ.

Меня беспокоит, что новость может оказаться еще у кого-то. Грей должен убедиться, что его источник понимает, что мы согласны на его условия только в том случае, если мы пользуемся этим материалом эксклюзивно.

Внутриредакционный меморандум «Нью-Йорк Таймс»

Кому: Майкл Грей
От: Билл Кантор
Дата: Октябрь 15

Майкл.

Пожалуйста, свяжитесь со своим источником и убедитесь, что он не раздает эту историю направо и налево. Можете сказать ему, что мы намерены разыграть ее покрупному — дадим три или даже четыре связанных между собой материала. Но прежде чем заставлять четыре корпункта лезть из кожи вон, мы хотим получить заверение в эксклюзивности.

Телефонограмма: Сенат Соединенных Штатов Комитет по международным отношениям

Кому: Крис Вентвуд
От: Сьюзан Келли
Дата: Октябрь 16

Вам звонил Майкл Грей из «Нью-Йорк Таймс». Он сказал, что встретился с вашей подругой в ресторане «Нора», которая упомянула, что едет с вами на Файр-айленд и что вас не будет на месте в выходные.

Грей хочет сообщить вам, что слушания Райдера во вторник «не будут рутинными, как вам казалось», что бы это ни значило. Он сказал, что это может быть «материал на первую полосу».

Я сказала ему, что вас нет, но что вы, вероятно, просмотрите телефонограммы до вашего отлета. Когда придет моя очередь слетать на Файр-айленд?

Электронная почта «Нью-Йорк Таймс»

Кому: Билл Кантор
От: Майкл Грей
Дата: Октябрь 16

Вы просили подтверждения со стороны моего источника в том, что госдеп не раздает меморандум ОКНШ

направо и налево. Когда я попросил больше никому не показывать меморандум, он сказал, что и так уже изрядно подставился, разрешив мне его прочитать, и не намерен больше этого делать. Он сказал также, что никто в госдепе не знает о нашей с ним встрече. Я ему не верю — я знаю этого парня три года, и он *пальцем не пошевелит* без указания Дэна Беннета.

Белый дом
Канцелярия пресс-секретаря
Вашингтон
Конфиденциально

Кому: Заместитель госсекретаря по связям с общественностью
Заместитель министра обороны по связям с общественностью
Объединенный комитет начальников штабов, Управление по связям с общественностью
Директор по связям с общественностью Совета национальной безопасности
Глава аппарата Белого дома
От: Пресс-секретарь президента
Дата: Октябрь 20, 7:30 вечера

Мне только что позвонил Арнольд Голдман, ответственный секретарь «Нью-Йорк Таймс», и попросил дать комментарий к их завтрашней главной публикации. Судя по тому, что он сказал, завтра разразится ад, когда «Таймс» сообщит о совершенно секретном меморандуме ОКНШ министру обороны.

По словам Голдмана, в меморандуме, датированном 24 сентября, председатель ОКНШ Сломан сообщает министру Райдеру, что развертывание первой фазы программы СОИ запаздывает на три или четыре года в сравнении

с оценкой Райдера и будет стоить в три раза дороже, чем публично утверждал Райдер.

Более того, мне сказали, что в публикации цитируются показания Райдера комитету по делам вооруженных сил палаты представителей, в которых он привел цифры, оспариваемые ОКНШ. Согласно публикации, министр обороны не сказал Конгрессу, что его оценки абсурдно оптимистичны в том, что касается стоимости и сроков развертывания СОИ.

В публикации обильно цитируется меморандум ОКНШ. И, что еще хуже, источником, видимо, является Капитолийский холм, а это значит, что на нас обрушится поток негативных комментариев из капитолийских кабинетов.

Нечего и говорить, что я отказался это комментировать.

Что, черт возьми, происходит? Сейчас 7:30 вечера. В 10:30 в киосках появится утренний выпуск «Таймс», и мой телефон воспламенится. Единственный человек в городе, которому будет хуже, чем мне, это Бен Бредли*.

Чтобы не выглядеть завтра идиотом на утреннем брифинге, мне нужна следующая информация:

* Существует ли упомянутый меморандум?
* Был ли он отправлен?
* Получил ли его министр обороны?
* Был ли он подписан председателем ОКНШ?
* Это был окончательный текст или проект?
* Точны ли цитаты?
* Как мы должны относиться к тому факту, что «Таймс» печатает отрывки из совершенно секретного документа? (Как бы это ни казалось заманчивым некоторым из вас, мы не можем ограничиться заявлением, что мы не комментируем секретные документы.)

* Известный американский журналист, долгие годы — главный редактор газеты «Вашингтон Пост», то есть конкурирующего с «Нью-Йорк Таймс» издания.

Государственный департамент и министерство обороны тоже окажутся под ударом, как только «Таймс» появится на улицах. Пожалуйста, отправьте мне по факсу материалы для инструктажа газетчиков к 9:00 и приготовьтесь к встрече в Оперштабе в 10:00.

Я намерен в 10:30 выпустить заявление, которого должны будут придерживаться все министерства. Мне нужна также копия меморандума, если он, конечно, существует.

Я намерен известить об этом президента, удалившегося вечером в свои покои, сразу же после встречи в 10:00. Если он еще не ляжет, он увидит мою записку сегодня; в ином случае его ждет удовольствие проснуться и узнать об очередной безобразной утечке информации. Можете ли вы, ребята, *хоть что-нибудь* хранить в тайне?

Заместитель госсекретаря
по связям с общественностью
Государственный департамент
Вашингтон, округ Колумбия, 20520

Кому: Алан Киркуэлл, Белый дом
От: Г.А. Уортингтон, помощник заместителя госсекретаря по связям с общественностью
Дата: Октябрь 20

Заместитель секретаря недостижим во временные рамки, указанные в вашем факсимильном меморандуме (он где-то играет в теннис, но, очевидно, не там, где он, по мнению его секретарши, должен был находиться), поэтому беру на себя смелость ответить, учитывая очевидную срочность проблемы.

Я произвел проверку, переговорив с заместителем госсекретаря по военно-политическим вопросам и замес-

тителем директора группы политического планирования. Никто из них не слышал о документе, о котором готова сообщить «Таймс», и оба затрудняются что-либо сказать по этому поводу.

Я говорил также с заместителем госсекретаря по европейским и канадским делам Дэном Беннетом. Дэн обеспокоен возможным воздействием публикации на наших союзников по НАТО, которые, за исключением английского премьер-министра, в частном порядке критически отзывались о СОИ. Большинство европейских правительств испытывает давление со стороны оппозиционных социал-демократических партий, требующих от них отмежеваться от «Звездных войн».

Дэн предлагает проект инструкции, которую он уже передал в американские посольства в странах НАТО. Будет полезно, если следующий абзац будет включен также и в заявление Белого дома. В нем говорится:

«Как неоднократно подчеркивал президент, в последний раз — в своей речи на Генеральной ассамблее ООН, Стратегическая оборонная инициатива Соединенных Штатов представляет собой лишь исследовательскую программу, осуществляемую в полном соответствии с договором о ПРО. Никакого решения о развертывании стратегической обороны принято не было. А пока оно не принято, президента еще предстоит убедить, что такое развертывание жизнеспособно и экономически эффективно, и он проведет серьезные консультации с нашими союзниками и, как того требует договор о ПРО, с Советским Союзом».

Дэн сейчас на обеде в посольстве Испании. Он просил меня передать вам, что будет представлять госдепартамент на десятичасовом совещании. Он надеется, что вы включите вышеозначенную формулировку в проект заявления, которым смогут воспользоваться все ведомства.

Министерство обороны
Меморандум

Кому: Белый дом/ Алан Киркуэлл
От: ЗамМин. междунар. безоп./ Майкл Уотерман
Дата: Октябрь 20

Министр попросил меня заняться утечкой, о которой говорится в вашем меморандуме заместителю министра по связям с общественностью. Еще полчаса тому назад я не знал, что министр способен выйти из себя или грубо высказаться в чей-то адрес. Именно это и произошло, когда он получил ваш факсимильный меморандум в 8:15 вечера, когда он уже направлялся на обед в посольство Испании.

Министр, разумеется, знаком с меморандумом ОКНШ. Он прочитал его три недели назад, в прошлую среду, в день его поступления. Он считает все сказанное в нем чепухой. С тех пор он утвердился в этом мнении, получив записку заместителя министра по финансам и заместителя министра по политическим вопросам, а также менеджера программы генерала Уилсона; все они прочитали меморандум ОКНШ и не согласны с ним.

Это не первый случай, когда ОКНШ готовит меморандум, с которым не согласен министр. Хочу изложить для вашего сведения мои соображения о меморандуме ОКНШ и взаимоотношениях ОКНШ — МИНОБ.

Меморандумы ОКНШ отражают точку зрения руководителей всех видов вооруженных сил — армии, флота, авиации, морской пехоты и самого председателя ОКНШ. В них не бывает ни единого слова, с которым не были бы согласны все пятеро. Поскольку они нередко расходятся во мнениях, их меморандумы чаще всего бывают невразумительны, бессодержательны и ошибочны. Иногда присутствуют одновременно все эти три качества.

Какой бы ни была их цель, большинство меморандумов ОКНШ представляют собой заявления о бюджетных приоритетах в области обороны и являются частью

более широкой борьбы в процессе их утверждения. Поэтому меморандум, пытающийся вылить ушат холодной воды на Стратегическую оборонную инициативу президента, в действительности означает, что ВВС требует новых самолетов, флот — новых кораблей, а армия — новых вертолетов и танков.

Кому когда-нибудь доводилось провести день в «Танке» — комнате, где заседает ОКНШ (попивая чай со льдом и жуя сникерсы и шоколад от Гудбара), знает, что в течение последних двух лет каждый из начальников штабов маневрировал с целью урвать для себя ассигнования на СОИ, выделенные кому-нибудь из его коллег, а не ему — в идеальном случае через какой-нибудь мифический бюджетный счет вне финансирования министерства обороны. Сейчас перед нами пример подобных усилий замедлить программу СОИ, чтобы на нее не ушел изрядный кусок оборонного бюджета.

Есть и еще кое-что, что вы должны знать о меморандумах ОКНШ. Их готовит Объединенный штаб, сборище полуграмотных офицеров, которые ненавидят дело, им порученное, и ждут не дождутся, когда их снова направят на ту службу, откуда они пришли. Когда их командировка в ОКНШ подходит к концу, большинство офицеров ВВС и флота говорят, что они соответственно «возвращаются в авиацию» или «на флот». Они сравнивают Объединенный штаб с чистилищем, чувствуют себя оторванными от того, что им дороже всего, лишены командных должностей и вынуждены заниматься постылой штабной рутиной.

Они вообще презирают штабную работу, но более всего ненавидят составление документов, и надо сказать, что они совершенно для этого не приспособлены. Мне приходилось слышать более разумные аргументы в бракоразводных судах и более трезвые суждения в телепередаче «Колесо фортуны». Девятилетние школьники подчас пишут гораздо грамотнее.

Я отправил к вам курьера с «утекшим» документом. Позвоните мне, когда продеретесь сквозь чащобу акрони-

мов, сокращений и фраз, в которые забыли вставить сказуемое. Это ерунда — именно так к этому и следует относиться.

Теперь о взаимоотношениях министра обороны и ОКНШ: предполагается, и это соответствует духу министерства, что они должны работать в тандеме. Однако министр уже обалдел от бесконечных пререканий с ними и от их паралитической нерешительности. Он слишком джентльмен, чтобы сказать им, что он о них думает, но недавно мне довелось наблюдать за ним в «Танке». И если знать его так хорошо, как знаю его я, то видно, что для него встречи с ними — сущая пытка.

Министр настроен весьма *решительно* и считает, что в данном случае нам нечего вилять. Ему плевать, оскорблен ли ОКНШ открытым отклонением меморандума, и он на этом настаивает.

Он попросил меня передать вам нижеследующий проект инструктажа, который он продиктовал секретарю в моем присутствии:

«Президент видел документ, на который сегодня ссылается «Нью-Йорк Таймс», и он не согласен с расчетами стоимости и сроков, проделанными офицерами Объединенного штаба. По просьбе министра обороны старшие эксперты министерства проанализировали этот документ; они полагают, что эти расчеты неверны во многих важных аспектах. Объединенный комитет начальников штабов, отправивший меморандум министру без тщательного анализа, теперь занят детальным пересмотром затронутых в нем вопросов».

Алан, вы хорошо знаете, что Джим Райдер никогда не позволяет себе говорить в таком назидательном тоне. Тот факт, что он лично продиктовал этот проект инструктажа и настаивает на нем, говорит о том, как глубоко его задела вся эта история. Я приду в 10:00, но не ждите от меня большой гибкости. Если вы сочтете, что нам трудно будет прийти к согласию, пусть Джим идет прямо к президенту.

Управление делами Объединенного комитета начальников штабов
Пентагон
Вашингтон, округ Колумбия, 20301
Меморандум

Кому: М-р Алан Киркуэлл, Белый дом
От: Полковник А. Макнаутон/ Директор по связям с общественностью
Дата: Октябрь 20
Тема: Ответ на факсимильный меморандум м-ра Киркуэлла

Упомянутый выше меморандум получен нашим управлением в 20:00 по восточному поясному времени и передан председателю и каждому из начальников штабов или уполномоченным ими лицам. Сейчас мы ожидаем от них ответа.

Установлено, что документ, на котором основан материал «Нью-Йорк Таймс», представляет собой ОКНШ 1027, подписанный председателем 24 сентября в 14:45 по восточному поясному времени и направленный министру обороны на следующее утро в 08:30 по восточному поясному времени. Мы начали проверку журнала движения секретных документов, чтобы определить количество экземпляров и их адресаты.

Мы не можем сейчас определить, получила ли «Нью-Йорк Таймс» доступ к окончательной редакции документа или к одному из промежуточных вариантов, составленных в процессе подготовки ОКНШ 1027. Мы не в состоянии также сказать вам, отличается ли окончательная версия ОКНШ 1027 от промежуточных вариантов и/или рабочих черновых вариантов.

ОКНШ не свойственно вступать в контакт со средствами массовой информации, поэтому мы полагаем, что «Таймс», возможно, оперирует одним из ранних вариантов или рабочих черновиков.

Мы не можем в настоящий момент предложить проект инструктажа, поскольку начальники штабов и/или уполномоченные ими лица еще не имели возможности обсудить данную проблему. Мы направим представителя на заседание в 22:00 по восточному поясному времени, который, возможно, к тому времени получит инструкции, если начальники штабов и/или уполномоченные ими лица придут к согласию относительно проекта инструктажа.

Председатель отдал распоряжение провести полное расследование аспектов безопасности, связанных с данным инцидентом.

Министерство обороны
Меморандум
Секретно

Кому: Министр обороны
От: ЗамМин/межд. безоп. Майкл Уотерман
Дата: Октябрь 20

Как вы знаете, я присутствовал сегодня вечером в 10:00 на заседании в Оперштабе Белого дома, которое проводил Алан Киркуэлл. Ниже следует мой общий отчет о заседании, вы получите его с курьером рано утром, к тому времени вы наверняка уже увидите завтрашний номер «Нью-Йорк Таймс».

Киркуэлл открыл заседание словами о том, что в нашем распоряжении всего час, чтобы согласовать его заявление для печати. Следующие десять минут он потратил на путаную и бессмысленную тираду против утечек информации.

Это в любых обстоятельствах способно вызвать раздражение; однако, учитывая, как Киркуэлл добивается расположения аккредитованных при Белом доме журналистов посредством утечек каждого слуха, каждого шепотка, любой клеветы и инсинуации, которые ему удается

выловить со дна своего пресс-болота, этот парад лицемерия выглядел особенно отвратительно.

Киркуэлл думает, что утечка документа ОКНШ в большей степени ставит в затруднительное положение президента, нежели представляет угрозу для его программы, до которой Киркуэллу нет никакого дела. Когда я заявил, что ОКНШ действует неадекватно и ошибочно, он сказал: самое важное состоит в том, что это печатается на первой полосе «Нью-Йорк Таймс». Он подчеркнул — и тут он прав, — что телекомпании начнут охоту на председателя ОКНШ в надежде, что он будет отстаивать свой меморандум и тем самым продлит конфликтную ситуацию.

Во время обсуждения инструктажа для прессы стало ясно, что госдепартамент намерен использовать утечку с тем, чтобы усилить ее отрицательное воздействие на СОИ. Это со всей очевидностью следует из проекта инструктажа, предложенного госдепартаментом, в котором подчеркивается, что СОИ «представляет собой лишь исследовательскую программу», которая не будет развернута, пока президент «не убедится в том, что развертывание жизнеспособно и экономически эффективно». Далее они предполагают углубленные консультации «с нашими союзниками и, как предписано договором о ПРО, с Советским Союзом».

Я возразил, заявив, что проект госдепартамента слишком смахивает на попытку оправдаться и порождает новые сомнения в приверженности администрации программе СОИ. Более того, настаивал я, наш ответ на утечку должен отражать то, что мы думаем о меморандуме ОКНШ. ОКНШ *почти вдвое преувеличивает советскую угрозу в сравнении с прогнозами разведки на означенный период*. Это объясняет раздутые оценки количества советских ракет, исходящие из того, что Советы будут *безотносительно к стоимости* массивно наращивать свое наступательное оружие в ответ на программу СОИ. У ОКНШ нет доказательств, подтверждающих эту оценку, потому что их вообще не существует.

Я настаивал, что поскольку вы лично продиктовали проект инструктажа, мы должны исходить из него, а не документа, предложенного госдепартаментом. В течение полутора часов мы занимались согласованием и родили следующий текст:

«Президент проинформирован о документе, о котором говорится в сегодняшней «Нью-Йорк Таймс». Он знает, что его рассмотрели старшие сотрудники министерства обороны, считающие, что критические оценки, на которых основываются выводы документа, должны быть пересмотрены. Он попросил Объединенный комитет начальников штабов пересмотреть свои оценки, исходя из тщательного анализа, основанного на надежных прогнозах разведывательных служб».

Если президент согласится с эти текстом, когда сегодня утром получит его от Митчелла Уоллеса, то он будет зачитан Киркуэллом на полуденном брифинге для журналистов, «если его об этом спросят». Госдепартамент будет адресовать все вопросы Белому дому, давая понять, что они не видели меморандум ОКНШ.

Представитель ОКНШ сказал, что он доложит начальнику штаба военно-морского флота, исполняющему обязанности председателя ОКНШ.

Такова ситуация до одобрения текста шефами присутствовавших, поэтому вы, если захотите, можете настаивать на изменениях.

Ваши слушания, по-видимому, не выйдут за рамки меморандума ОКНШ. Я бы рекомендовал не дожидаться вопросов, превентивно заявить об этом в вашем вступительном слове, да с такой определенностью, чтобы отбить у сенаторов охоту возвращаться к этому вопросу.

Если вы предпочтете начать показания с опровержения выводов ОКНШ, комитет будет вынужден объявить слушания закрытыми, потому что вы не можете углубиться в проблему, не затронув материалов разведки. Это нам на руку. Вы могли бы в своем заявлении указать, что вы не согласны с ОКНШ, что их выводы ошибочны и

необоснованны, и что подробнее вы готовы говорить на закрытом заседании.

Комитет не захочет проводить закрытое заседание, потому что вся их цель сводится к тому, чтобы отвергнуть СОИ, выдвинув неприемлемые критерии развертывания, и превратить слушания в грандиозный спектакль перед телекамерами.

Сенат Соединенных Штатов
Комитет по международным отношениям
Меморандум
Секретно

Кому: Председатель, сенатор Альберт Мартин
От: Директор аппарата комитета Крис Вентвуд
Дата: Октябрь 20

Я прилагаю меморандум, который я распространяю сегодня среди всех членов комитета. Поскольку он попадет членам комитета — республиканцам, в нем лишь в общих чертах обрисовывается проблема, вынесенная на слушания.

Вам следует знать, что проблема содержит нечто большее, чем предполагает меморандум. Наши друзья из госдепартамента в течение ряда месяцев пытались вынудить Райдера поддержать позицию администрации в отношении критериев развертывания СОИ. До сих пор им это не удалось. Райдер просто отказывается принимать «президентскую точку зрения» о том, что СОИ должна быть жизнеспособной и экономически эффективной.

Вопрос важен, потому что каждый, кто задумается хоть на минуту, поймет, что СОИ никогда не будет отвечать этим критериям. Как только это будет осмыслено, станет возможно воздействовать на президента, упорно поддерживающего СОИ, прямым следствием чего является блокирование любых гибких подходов американцев на Женевских переговорах.

Завтрашние слушания могут дать уникальную возможность решить эту проблему раз и навсегда. Майкл Грей, корреспондент «Нью-Йорк Таймс» при Совете национальной безопасности — мой старый друг. Он позвонил мне домой и сообщил, что «Таймс» завтра публикует в качестве ведущего материала статью о том, что по расчетам ОКНШ стоимость СОИ в три раза превышает оценку Райдера, а срок реализации отодвигается по меньшей мере на три года.

Я подготовил прилагаемый список уместных вопросов для слушаний. Они громко прозвучат в телевыпусках новостей. Если вы отметите те из них, которые пожелаете использовать сами, я прослежу, чтобы остальными воспользовались сенаторы Граммант, Флэгг и Рискинд.

P.S. Мои отношения с Греем, разумеется, должны остаться в тайне.

Сенат Соединенных Штатов
Комитет по международным отношениям
Канцелярия партии меньшинства
Меморандум

Кому: Сенаторы меньшинства
От: Джефф Роббинс, Директор аппарата партии меньшинства
Дата: Октябрь 20

Глава фракции меньшинства сенатор Хардести и несколько других членов запросили помощи аппарата для слушаний министра Райдера. Я приготовил прилагаемый меморандум для сенаторов меньшинства. В нем дается анализ программы СОИ, доказывающий ее полезность.

Завтрашние слушания министра обороны представляют собой часть кампании председателя против СОИ. Нет сомнения, что председатель и большинство членов комитета — демократов объединили усилия с противни-

ками СОИ в госдепартаменте. Они хотят совместно убить всякие перспективы стратегической обороны, сделав ее предметом торговли на переговорах по стратегическим вооружениям. Они хотят задушить бюджет СОИ, пока переговоры продолжаются, чтобы не дать ей развиваться быстро и не дать ей превратиться в козырную карту на переговорах.

Мы полагаем, что сенаторы-демократы со всей силой обрушатся завтра на министра обороны. Поэтому надо призвать сенаторов меньшинства принять участие в этих важнейших слушаниях, чтобы продемонстрировать поддержку администрации и отразить атаку большинства на программу СОИ.

Глава тринадцатая

Административное здание сената США,
21 октября, 9:00 утра

Получив утренний выпуск «Нью-Йорк Таймс» с заголовком «НАЧАЛЬНИКИ ШТАБОВ ОПРОВЕРГАЮТ РАЙДЕРА: СОИ СТОИТ ДОРОЖЕ И ПОЯВИТСЯ ПОЗЖЕ, ГОВОРИТСЯ В СЕКРЕТНОМ МЕМОРАНДУМЕ», главы вашингтонских бюро, выругав себя за то, что упустили такой материал, принялись планировать широкую подачу в иных обстоятельствах рутинного появления министра обороны перед комитетом по международным отношениям.

Когда в девять с минутами приехал Уотерман, комната слушаний на четвертом этаже здания, носящего имя покойного сенатора Дирксена, уже была полна зрителей, корреспондентов и сенатских служащих. Он шел по мраморному холлу, постукивая каблуками, мимо контрольных телемониторов на консолях по всей длине коридора, прислушиваясь, как режиссеры спорят с операторами о том, с какого угла комнаты лучше снимать общий план.

У входа образовалась очередь зрителей, регулируемая женщиной-полицейским Капитолия. Уотерман подошел к ней и показал свое министерское удостоверение.

— Я сопровождаю министра.

— Я знаю — вы господин Уотерман. Я помню вас еще с тех пор, когда вы здесь работали, в аппарате сенатора Уинтера, верно?

Уотерман кивнул.

Она открыла ему дверь.

— Так его жалко. А для вас это наверняка большая потеря.

— И для страны, — сказал Уотерман.

Два года назад роковой сердечный приступ Артура Уинтера явился тяжелым ударом для Уотермана. Это значило, что он уже больше не вернется в это здание, которое так любил. До самой смерти Уинтера Уотерман считал свою работу в министерстве обороны временной. Он знал, что для него всегда есть место в аппарате сенатора. Работа в Капитолии давала специфическое ощущение стабильности, принадлежности к чему-то знакомому и близкому, чего он никогда не знал раньше и чего никогда уже больше не будет.

Он осмотрел комнату натренированным взглядом. Все было так знакомо. Свидетелем скольких слушаний он был в этом самом месте? Пятидесяти? Ста? В данный момент вращающиеся кожаные кресла членов комитета за полукруглым столом на небольшом возвышении были пусты. Длинный стол и кресло свидетеля тоже были пусты, как и ряд стульев позади свидетельского стола, где будет его место.

Полдесятка служащих комитета раскладывали бумаги на столе на том месте, где будет сидеть сенатор, в аппарате которого они работали, болтая с репортерами или раздавая копии вступительных заявлений, приготовленных для членов комитета. Клерк комитета расставлял таблички с именами сенаторов по мере получения информации о том, кто будет присутствовать на слушаниях. При этом он постукивал по микрофонам, чтобы убедиться в их исправности. В противоположном конце комнаты операторы трех ведущих телекомпаний —

Си-Би-Эс, Эн-Би-Си и Эй-Би-Си, — а также Си-Эн-Эн и Си-Спэн и дюжины местных станций, а также иностранных компаний, толкая друг друга, устанавливали рядком свои треножники. Радиорепортеры, которым отвели отдельный стол, протягивали провода к «Мульту» — микрофону, установленному на возвышении возле столика свидетеля. Корреспонденты газет стремились занять место получше. Зрители толклись повсюду и шумно шуршали газетами, ожидая начала спектакля. Во всем чувствовалось то нервное ожидание и кинетическое волнение, которое предшествует обычно матчу чемпионов по боксу.

Уотерман обошел возвышение и направился в канцелярию комитета. Он прошел по узкому коридору и постучался в кабинет Джеффа Роббинса. Рано поседевший советник меньшинства оторвал глаза от экрана компьютера.

Он встал и крепко сжал руку Уотермана.

— Привет, беглец. Добро пожаловать домой. Я думал, ты придешь вместе с министром.

— Я решил провести разведку. Как идут дела?

— Думаю, с нашей стороны будут присутствовать пятеро. Но все очень зыбко. Ну, ты знаешь, как это бывает — «Таймс» говорит, что Райдер протух, и члены комитета не очень-то хотят нюхать этот запах.

Уотерман почувствовал, что советник напряжен и взволнован.

— Только не говори мне, что ты сомневаешься, Джефф. У нас и не такое бывало.

— Я нисколько не сомневаюсь, Майкл. Я знаю, что он будет держаться молодцом. Но вот убедить в этом коекого из наших людей...

— Знаю, знаю. Что там заготовил Вентвуд?

— Достопочтенный директор аппарата большинства хочет загнать Райдера в угол. Смею предположить, что он раздобыл меморандум ОКНШ или хотя бы некоторые отрывки из него. Я думаю, что он готовит вопросы, основанные на ряде положений этого текста.

— Разумное предположение. Мы к этому готовы.

— И Крис тоже. Он часами сидит с председателем за запертыми дверями, натаскивая его. Это нелегкая задача — ты ведь знаешь, что наш председатель еле тянет на трех цилиндрах.

Уотерман засмеялся. Роббинс говорил правду. Сенатор Альберт Мартин, уже десять лет возглавлявший комитет по международным отношениям, не просто постарел, но одряхлел и слегка поглупел. Подготовить его к стычке с Райдером было чертовски трудной задачей.

— Предупреди своего шефа, — продолжал Роббинс, — Мартин жаждет крови.

Уотерман сжал губы.

— И мы тоже, Джефф, — сказал он.

Уотерман вернулся в комнату слушаний. Агент безопасности из охраны министра уже занял свое место, он шептал что-то в микрофон переговорного устройства, спрятанного в правом рукаве пиджака. По указанию Уотермана лимузин министра едва тащился из расположенного неподалеку Пентагона, чтобы Райдер не появился до того, как председатель займет свое место. Это была уловка, которую Уотерман освоил во время работы в сенате. Победитель приходит последним.

В десять с минутами телесофиты засияли на полную мощность. Словно по заранее условленному сигналу, сенатор Мартин, румяный и сухопарый старший сенатор от штата Калифорния — давнишний кумир голливудских левых — появился из-за тяжелой деревянной двери позади возвышения и занял свое место в центре массивного резного стола. Неистово защелкали фотокамеры. Остальные сенаторы, всего их было одиннадцать, уже сидели на своих местах или торопились занять их за подковообразным столом. Пришли все восемь демократов, но только трое республиканцев восседали за своими именными табличками. Позади Мартина в обвислом сером костюме и рубашке с потертым воротничком сидел невысокий ростом и вечно лохматый директор аппарата

Крис Вентвуд, разложив рядом справочники и другие бумаги.

Если Мартин сегодня восторжествует, то это станет возможным в результате теневой работы Вентвуда: он доставал документы, способные доказать обвинение, он выстраивал в ряд вопросы и заранее распределял их между сенаторами большинства — противниками СОИ, администрации вообще, Райдера или того и другого и третьего вместе. По обе стороны от Вентвуда расположились остальные служащие комитета, нагрузившись документами, инструкциями, загодя подготовленными заявлениями и вопросами, которые огласят их шефы-сенаторы.

Послышался явственный шум: появился Райдер, сопровождаемый сотрудниками охраны, но без помощников; он уверенным шагом вошел в комнату, прошел мимо свидетельского стола и корреспондентов и прямо направился к председателю. Под щелканье затворов они обменялись рукопожатием. В этом не было какой-либо сердечности — просто ритуальный акт, напоминавший прикосновение перчаток боксеров перед матчем за вожделенный титул.

Уотерман оглядел комнату. Присутствие такого количества сенаторов-демократов было верным признаком того, что они жаждут крови. О том же говорило и красноречивое отсутствие семерых членов комитета — республиканцев. Неравновесие говорило о том, что бо́льшая часть слушаний, после альтернативных выступлений демократов и республиканцев, сведется к поджариванию министра демократами, причем каждый использует положенные ему десять минут и республиканцы уже не смогут вмешаться. Вентвуд явно поработал на славу.

Мартин ударил председательским молоточком.

— Эти слушания, — медленно читал по бумажке худощавый, лысеющий сенатор, — являются составной частью постоянных встреч с различными официальными лицами администрации, посвященных программам вооружения, занимающих столь важное место в дипломатических

отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Самая важная из этих программ — Стратегическая оборонная инициатива, широко известная под названием «Звездные войны».

Как хорошо знают члены нашего комитета, мы уже длительное время стремимся понять основания, на которых администрация строит развертывание новейшей стратегической обороны. Мы стремились также способствовать завершению переговоров, результатом которых мог бы стать договор с Советским Союзом, договор, который резко ограничит как наступательные, так и оборонительные стратегические программы. Чтобы прийти к такому договору, полагаем мы, необходимо ограничить СОИ.

Мартин перебирал разложенные перед ним листки, когда через центральную дверь за его спиной вошел и занял свое место за столом младший сенатор от Вайоминга Роберт Беккер. Беккер встретился глазами с Уотерманом и кивнул ему. Уотерману стало легче на душе: еще один республиканец пришел на помощь, да к тому же умница и хороший говорун.

— Министр обороны, — продолжал Мартин, — человек высшей квалификации, способный дать пояснения комитету по обоим названным вопросам. Особенно в свете предстоящей встречи на высшем уровне взгляды министра обороны представляют для нас громадный интерес.

Мартин не упомянул публикацию в «Нью-Йорк Таймс» или меморандум начальников штабов, хотя большинство присутствовавших были уверены, что этот меморандум станет доминантой слушаний, и почти все знали, что публикация в «Таймс» была специально к ним приурочена.

Мартин впился глазами в Райдера.

— Господин министр, я понимаю, что у вас имеется заготовленное заявление. Но прежде чем вы его огласите, я предоставлю слово ряду членов комитета, которые про-

сили дать им слово для вступительных заявлений. А вслед за ними предоставлю возможность высказаться и вам.

Слушая речи членов комитета (каждый из демократов критиковал одну из сторон СОИ, а каждый республиканец ее защищал), Уотерман проникся убеждением, что Вентвуда действительно ознакомили с меморандумом ОКНШ. Эти заявления, конечно, были приготовлены не сегодня — очень уж насыщены конкретными данными и слишком хорошо скоординированы.

Через сорок минут после начала слушаний председатель наконец обратился к Райдеру.

— Вы можете сделать заявление, — пробурчал он.

Министр сидел, словно окаменевший, когда комитетские демократы нападали на СОИ. Сейчас он нацепил очки и склонился над столом, твердо сжимая в руках текст своего заявления.

— Господин председатель, члены комитета, позвольте мне начать со слов благодарности за предоставленную мне возможность появиться перед вами. Я предпочитаю, однако, отложить в сторону мое заранее подготовленное вступительное слово, которое в некоторой степени содержит ответы на два вопроса, поднятые председателем. Я попросил бы приобщить его к стенограмме целиком.

— Нет возражений, решение принято, — сказал Мартин.

— Позвольте мне вместо этого, — сказал Райдер, сложив бумаги и спрятав их в карман пиджака, — обратиться к проблеме, связанной с настоящими слушаниями, проекту анализа СОИ, подготовленного Объединенным штабом Объединенного комитета начальников штабов, о котором говорится в сегодняшнем номере «Нью-Йорк Таймс». Несколько сенаторов ссылались сегодня на публикацию «Таймс», и я полагаю, что господин Грей, автор пространного репортажа об этом секретном документе, сидит сейчас за столом прессы. Поэтому я рад возможности просветить как автора этой

грубой мистификации, так и его чрезмерно доверчивых жертв.

В течение получаса Райдер произносил свой монолог. Он говорил, не обращаясь к своим заметкам, и делал это, к вящей радости Уотермана, с такой силой и вниманием к деталям, что никто из сенаторов, восседавших за своим столом, ни разу не решился его прервать.

— Господин председатель, — сказал Райдер в заключение с подчеркнутой любезностью, — я готов ответить на любые ваши вопросы.

Председатель опустил глаза в свои бумаги. Вентвуд подался вперед и что-то показал ему в одной из бумажек. Мартин кивнул.

— Уважаемый министр, благодарю вас за ваше выступление. У меня есть несколько вопросов, но мой коллега сенатор Либби, самый добросовестный, бесценнейший член нашего комитета, предупредил меня, что ему вскоре придется уйти, поэтому я отложу свои вопросы и предоставлю право задать вопросы ему.

Один — ноль в пользу хороших парней. Опыт работы Уотермана на Капитолийском холме подсказал ему, что именно сейчас произошло. Выступление Райдера было настолько убедительным, что Мартин потерял уверенность в эффективности подготовленных Вентвудом вопросов. Ему нужно было время, чтобы посовещаться со своим помощником и подготовить новые. Если бы он был готов, он ни за что бы не уступил очередь кому бы то ни было.

С другой стороны, Билл Либби, второй по старшинству демократ в комитете, был гораздо более информированным и проницательным, чем Мартин. Бывший прокурор и профессор права, он умел быть трудным оппонентом.

— Господин министр, — начал Либби, — президент предложил стратегическую оборону, которую нередко уподобляют щиту над Америкой, невидимому непроницаемому щиту. Образ, создаваемый на телевидении, особен-

но в мультиках, призванный объяснить, что представляют собой «Звездные войны», обычно изображает советские ракеты, летящие в направлении Соединенных Штатов, пока они не натыкаются на этот щит и таким образом теряют способность причинить нам какой-либо ущерб.

Он выдержал паузу, и Райдер, делавший заметки, поднял на него глаза.

— Сенатор?

— Вы видели подобные изображения «Звездных войн»?

— Да, сэр.

— Тогда вы, вероятно, можете нам сказать, господин министр, так ли ваше министерство представляет себе СОИ? Считаете ли вы этот щит настолько надежным, что советские ракеты будут от него как бы отскакивать?

Теперь некоторую паузу выдержал Райдер. В частном порядке он не раз осуждал подобные мультики, создающие у публики ложные ожидания относительно СОИ. Но публично он сказать этого не мог. Он постучал ручкой по лежавшему перед ним блокноту.

— Прежде всего позвольте мне сказать, сенатор, что я не согласен с теми, кто полагает, что СОИ должна быть совершенной, чтобы приносить пользу, и я бы даже сказал — эффективной. Верно, что оборонительный щит, который позволит нескольким вражеским ракетам проникнуть сквозь него, не сможет предотвратить существенного ущерба для городов Америки. Но даже частично эффективная оборона — скажем, такая, которая перехватит половину устремленных к Америке боеголовок, — не позволит противнику уничтожить наши силы возмездия. Одно это обстоятельство резко повышает эффективность нашего ответного удара.

Уотерман прикусил губу. Это был очень хороший ответ. Если не считать, что в нем не содержалась поддержка политики президента. Он увидел, как Вентвуд поднялся со своего места за спиной председателя и прошептал что-то на ухо сенатору Либби.

— Из этого я заключаю, — сказал сенатор, как бы туже закручивая гайку, — что ваше ви́дение СОИ гораздо скромнее президентского. Верно ли такое заключение?

Министр поерзал на своем стуле.

— Я бы предпочел, сенатор, не делать каких-либо заключений, потому что мое заявление говорит само за себя. Я считаю, что частично эффективная оборона лучше, чем отсутствие всякой обороны.

— Считаете ли вы, — Либби продолжал настаивать на своем, — что совершенная оборона возможна в принципе?

— Нет такого понятия, сенатор, как совершенная оборона. Как нет и совершенного нападения. Я бы предпочел ограничиться этими словами.

— Я благодарю вас за это разъяснение, — улыбнулся Либби. — Я надеюсь, что в Белом доме внимательно прочитают стенограмму, — он подождал, когда смолкнут смешки, и повернулся к председателю. — Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

— Благодарю вас, сенатор, — председатель впился глазами в Райдера. — Несколько вопросов есть у меня.

Он произнес эти слова с подчеркнутой многозначительностью. Просмотрел листок бумаги, поднес его к глазам и начал читать.

— Могли ли бы вы сказать комитету, разделяете ли вы точку зрения, по-видимому принятую администрацией, о том, что СОИ, чтобы оправдать ее развертывание, должна обладать некоторым запасом экономической эффективности?

— Мне бы хотелось убедиться, что я правильно понял ваш вопрос, сенатор, — сказал Райдер.

— Разумеется, — кивнул Мартин. — Можете ли вы сказать комитету, разделяете ли вы точку зрения, по-видимому, принятую администрацией, что СОИ, чтобы оправдать ее развертывание, должна обладать некоторым запасом экономической эффективности? — повторил он.

— Могли ли бы вы пояснить мне, что вы подразумеваете под «некоторым запасом экономической эффективности»? — с невинным видом спросил Райдер.

Мартин беспокойно оглянулся на своих советников. Вентвуд быстро что-то писал. Он вырвал листок из блокнота и передал сенатору.

— Насколько я понимаю, — медленно читал Мартин, — система обладает некоторым запасом экономической эффективности, когда стоимость приращения средств обороны меньше, чем стоимость приращения средств нападения. — Он скорчил улыбку. — Могли бы вы, господин министр, подсчитать для нас и сказать, будет ли СОИ экономически эффективной.

— Как прикажете считать — в рублях или долларах? — спросил Райдер. — Это важно знать, потому что результаты получаются абсолютно разными. Или вы готовы назвать мне обменный курс? Насколько я понимаю, вы хотели бы представить себе то бремя, которое ляжет на советскую экономику, если Советы начнут разрабатывать средства нападения, способные проникнуть сквозь наши средства обороны.

Мартин побледнел. Он повернулся к Вентвуду, который снова передал ему записку. Он уже был готов ее зачитать, когда пятикратно задребезжал звонок над столом членов комитета. Это значило, что в сенате предстоит голосование. Уотерман улыбнулся: колокольный звон спас сенатора.

— Боюсь, господин министр, нас вызывают в зал заседаний сената для открытого голосования. Это займет не более десяти минут, — Мартин ударил молоточком. — Комитет объявляет перерыв ввиду вызова председателя сената.

Председатель комитета быстро вышел из комнаты. За ним последовали и другие сенаторы. Телевизионные софиты погасли. Райдер откинулся на спинку стула, улыбнулся и, подмигнув Уотерману, поднял вверх большой палец. Какой-то ловкий фотограф успел запечатлеть

этот жест. Уотерман улыбнулся шефу. Он был бы еще более доволен, если бы именно эта картинка появилась завтра на первой полосе «Вашингтон Пост».

От нечего делать он посмотрел, что делается за столом прессы. Майкл Грей что-то лихорадочно писал в перекидном блокноте. Он вырвал исписанную страницу и сложил ее вдвое. Затем надписал что-то сверху и махал бумажкой в воздухе, пока его не заметил директор аппарата большинства. Тот дал сигнал клерку, который подошел к столу прессы и взял у Грея записку. Вентвуд прочитал ее и улыбнулся. Он сложил кружок из указательного и большого пальца и показал его Грею. Уотермана возмутил этот явный сговор корреспондента «Таймс» и служащего комитета. Он подумал, не дело ли рук Вентвуда — или, кстати, кого-нибудь из сенаторов — утечка документа начальников штабов. Аппарат комитета и его члены частенько получали секретные документы, даже те, которые предназначались для распространения только в пределах министерства обороны. Недовольные офицеры, которым не приходило в голову организовать утечку секретных документов прямиком корреспонденту газеты или телевидения, вполне могли передать такой материал служащему сената, отлично при этом сознавая, что он в конце концов попадет в печать. Уотерман попытался припомнить, делал ли он что-нибудь в этом роде в бытность свою в аппарате сената. С уверенностью он ответить не мог даже себе. Наверное делал.

Сенаторы уже возвращались. Наконец появился председатель комитета, занял свое место и взял в руки молоточек. Пока он собирался объявить о продолжении заседания, Вентвуд развернул листок и положил его перед сенатором. Мартин прочитал записку. Он снова ее сложил и отдал Вентвуду, покачав головой и шепнув что-то на ухо своему помощнику.

Он дважды ударил молоточком.

— Заседание продолжается, — объявил он. — Господин министр, прошу извинить за задержку. Можем ли мы продолжить с того места, на котором остановились?

— Благодарю вас, господин председатель, — сказал Райдер. — Я готов. Мы остановились на том, как мы будем оценивать расходы — в долларах или рублях.

— Я думаю, что вопрос о том, как считать, мы оставим экспертам, — парировал Мартин. — Но я полагаю, что общий принцип — дешевле перехватить ракету, чем произвести еще одну, — вполне здравый. Иначе Советы вполне могут откликнуться на СОИ, просто развернув новые ракеты.

Райдер кивнул в сторону членов комитета.

— Честно говоря, сенатор, проблема экономической эффективности была самым позорным образом искажена критиками президентской программы. Я рад этой возможности ясно изложить истинное положение вещей.

Короткая, массивная рука Райдера извлекла из рукава пиджака манжет с тяжелой эмалевой запонкой, украшенной президентской печатью, и принялась ее теребить; все это заметили и оценили вложенный в этот жест смысл.

— Во-первых, президентская политика вовсе не сводится к тому, чтобы цена стратегической обороны для Соединенных Штатов оказалась меньше некой гипотетической цены противостоящей ей советской программы. Помните, я уже говорил, отвечая сенатору Либби, что оборона остается эффективной, даже если ей удастся перехватить хотя бы несколько ракет противника, не позволив атакующей стороне эффективно разоружить нас и не дать нам возможности нанести ответный удар.

Глаза Райдера блеснули.

— Но Советы должны обладать способностью причинить нашей оборонительной системе громадный ущерб. Громадный ущерб, — повторил он, стремясь ярче подчеркнуть свою мысль. — Это они, а не мы, должны стремиться к совершенству. Я не знаю, как они станут оценивать стоимость совершенной системы преодоления СОИ. И не вижу, каким образом они могут себе это позволить.

Голос министра зазвучал громче, как бы призывая сенаторов слушать его с обостренным вниманием.

— Это подводит меня ко второму соображению: различию в нашей способности платить. Советы сейчас тратят двадцать пять процентов своего ВВП на военные цели. Сколько еще могут они отдать военным? Разумеется, если вы воспринимаете выражение «запас экономической эффективности» буквально, мы могли бы сравнить наши и их затраты, отвлекаясь от их способности на такие расходы пойти. С другой стороны, если вы мне скажете, что глупо с нашей стороны развертывать дорогостоящую стратегическую оборону, если противоядием ей могут служить дешевые меры, то я, конечно, охотно с вами соглашусь.

Председательствующий тупо кивнул. Он хотел что-то сказать, но Райдер опередил его; Мартин не успел даже набрать воздух в легкие.

— Вот почему, сенатор, я полностью отметаю выводы, содержащиеся в меморандуме Объединенного комитета начальников штабов, о котором сегодня утром так много говорят. Объединенный штаб не принял во внимание технические и финансовые путы, которые связывают Советы, — а ведь это то самое давление, что прежде всего и усадило их за стол переговоров в Женеве.

Затем Райдер по пунктам не оставил камня на камне от меморандума ОКНШ. Он сделал это так основательно, что в переполненной комнате явственно возникло некое ощущение антиклимакса, спада, разочарования. Уотерман бросил взгляд на стол для прессы. Корреспондент «Таймс» Майкл Грей, который утром вошел в комнату под восхищенное перешептывание коллег, выглядел растерянным. Его триумф превратился в однодневку, в мыльный пузырь.

— Я надеюсь, господин председатель, — сказал в заключение Райдер, — что мы удовлетворительно ответили на ваши вопросы. Как вы знаете, грядет встреча на высшем уровне. Нам нужна вся помощь и поддержка, кото-

рую мы могли бы получить. Стране оказывается плохая услуга, когда нашу политику загоняют в абстрактные формулы, которыми Советы могут воспользоваться и обратить их себе на пользу.

Райдер откинулся на спинку стула и широко улыбнулся. Операторы выключали камеры. Еще не был задан следующий вопрос, но новостная ценность слушаний подошла к концу. Уотерман почувствовал радостное облегчение. Он знал, что все дальнейшее будет детской игрой. Завтра утром он поедет в Ривертон, в Северную Каролину.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава четырнадцатая

Северная Каролина,
22 октября

Уотерман свернул на юг с главного шоссе в Лоринберг на извилистую двухполосную дорогу со щебеночным покрытием, которая начиналась прямо в центре Ривертона, штат Северная Каролина. Он находился милях в сорока от Граннисфилда, муниципального аэропорта Файетвилля, к югу от бесконечных колонн армейских грузовиков и автобусов, направляющихся в Форт-Брэгг, и к западу от последних потоков машин с курортниками, направлявшихся в Уилмингтон. Он проезжал ту часть штата, которую считал самой красивой: сосновые леса, примыкающие к границе с Южной Каролиной, низкие перекаты холмов, покрытых вечнозелеными деревьями, воздух, напоенный их нежным, ни с чем не сравнимым ароматом; скрипучая под ногами земля, устланная мягким ковром из старых хвойных игл, столетиями наслаивающихся друг на друга и превращающихся в мульчу.

Официально поводом поездки служило давнишнее приглашение выступить на семинаре по внешней политике в Аспене, штат Колорадо. В нормальных обстоятельствах Уотерман, конечно, отказался бы от этой затеи. Слишком много всего происходит вокруг, чтобы ис-

чезнуть на неделю и провести ее в кругу ученых. Но хотя подготовка к предстоящей встрече глав сверхдержав отнимала у него все время и все силы, ему предстояло урегулировать другой, еще более важный кризис — свой личный, семейный.

Уотерман не был склонен к самокопанию. Он был прежде всего человек дела, а не созерцатель. Его талант заключался в умении направить всю свою энергию на решение проблем и не прекращать усилий, пока это не будет достигнуто. Теперь он критически смотрел на свою семейную жизнь, почти так же, как на проблему ракет средней дальности. Он кинулся ее решать с тем же напором, с каким делал все остальное. И увидел возможность ее решения.

Его брак, понимал он, отнюдь не безнадежен. Количество и темп работы в Пентагоне обесцветили его семейную жизнь. Он забыл о домашних радостях и, обдумывая то, что произошло, понял, что принимал Лауру как нечто само собой разумеющееся. Он привык к тому, что она его ждет всякий раз, когда он, неважно в котором часу, возвращается со службы; что она дома, когда ему нужна помощь — например, в том, чтобы упаковаться перед поездкой за границу, чтобы организовать его и без того заорганизованную жизнь. Приходила она на подмогу и эмоционально, когда им овладевало ощущение задавленности бесконечной работой и отчаяние от утомительного погружения в детали непрекращающейся бюрократической возни, вынужденного бездействия или неизбежных неудач. Ни от кого нельзя было бы ждать большего. Он это знал. И знал, что он давно уже не так заботлив и внимателен, как раньше.

Он спросил себя, когда в последний раз покупал Лауре цветы. И не мог вспомнить. Когда они в последний раз ходили в кино? Больше года назад. Когда они вместе беззаботно ужинали вечером при свечах? Он вообще забыл, что это такое — ужинать при свечах. Медные кастрюли и сковородки покрываются пылью на кухне. Он, который до перехода на работу в Пентагон любил стоять у

плиты, перестал готовить для своей семьи. Но — и это было очень большое «но» — он знал, что она его по-прежнему любит. Он почувствовал это, когда говорил с Глорией, даже несмотря на то, что Лаура отказалась подойти к телефону. И он любит ее. Любит беззаветно. Правда, понимал он, в последнее время он редко давал ей это понять.

В конце концов, решил он, проблема в том, чтобы больше быть в обществе друг друга, и тогда удастся поправить то, что еще не рухнуло окончательно.

Когда настало время ответить на приглашение, он решил все же поехать в Аспен. У него был еще один, скрытый — впрочем, совсем не скрытый — мотив. Они с Лаурой провели в Аспене несколько замечательных уикэндов, когда он работал на Капитолийском холме. Лаура, отличная лыжница, вволю наслаждалась спусками с гор. Что касается Уотермана, то он так никогда и не смог понять, зачем люди платят деньги для того, чтобы мерзнуть, и предпочитал устроиться в кресле у камина с хорошей книгой. Поскольку с Аспеном у обоих были связаны приятные воспоминания, он решил взять ее с собой, побыть вместе и тем самым приступить к восстановлению пошатнувшихся семейных отношений. А поскольку она отказывалась говорить с ним по телефону, он решил объявиться в Ривертоне без предупреждения. В последний раз, когда он так поступил, дело кончилось свадьбой. На этот раз, быть может, кончится примирением.

Уотерман вглядывался в петляющую дорогу через ветровое стекло. Он любил этот уголок Америки. Мать Лауры выросла здесь в крошечном поселке Ривертон, который представлял собой всего лишь десяток или чуть больше домов — бревенчатых, с необыкновенным тщанием сложенных своими руками обширным семейством Лауры. Глория Фэй была единственной дочерью супружеской пары миссионеров методистской церкви. Она родилась в Китае и свободно говорила на мандаринском наречии еще до того, как выучила английский. Когда японцы вторглись в Маньчжурию, ее отправили в Ривертон,

родители же остались присматривать за школой и миссией, и кончилось тем, что японцы казнили их как шпионов. Оставшаяся сиротой Глория оказалась на попечении четырех теток и трех дядей в этом тесно спаянном каролинском сообществе, где когда-то поселились шотландцы, оставшиеся верными принцу Чарльзу по прозвищу Бонни*.

Глория, ее муж Чарли, черный лабрадор Тит и кот Лао Цзы жили в доме, который Чарли построил, а Глория заполнила сокровищами, купленными на барахолке, и тем, что осталось от родительских китайских антикварных вещиц, приплывших с ней в Америку в 1937 году. Это был приветливый дом, полный приятных воспоминаний. Лауре он всегда казался раем, и она приезжала сюда с Джейсоном при первой возможности; сын обожал кататься верхом на дедовских лошадях, играть в просторном саду и слушать, как бабушка говорит по-китайски, — она практиковалась ежевечерне, перед тем как лечь спать. В этом месте время как будто остановилось. В сарае за домом в погребе висели деревенские окорока, превосходившие лучшие пармские. Чуть дальше, за дорогой текла речка Ламбер с такой чистой водой, что ее безбоязненно можно было пить.

Уотерман въехал на узкую подъездную аллею, протянувшуюся на полмили от дороги. Когда он подкатил к дому Уильямсонов, послышался лай Тита. Громадный черный лабрадор подбежал к машине, положил лапы на окно и приветствовал гостя собачьей улыбкой. Уотерман вылез из машины, остановился на мгновение, чтобы потрепать пса за ушами, и направился к дому. Пес бежал с ним рядом и лизал ему руки. Он постучал в китайскую ширму.

Дверь приоткрыла Лаура. На ней была короткая фланелевая юбка в клетку стиля «черная стража», джин-

* Принц Чарльз, по прозвищу «Бонни» (1720–1788), — шотландский принц из династии Стюартов, неудачливый претендент на английский престол.

сы и высокие веллингтоновские сапоги. Волосы были зачесаны назад и прихвачены зеленой косынкой, и Уотерман понял, что никогда в жизни не видел женщины прекраснее Лауры. Он был настолько ошеломлен этим открытием, что стоял, словно громом пораженный, как и в тот раз, когда впервые встретил ее в шартрском молодежном общежитии.

— Я люблю тебя, — выдавил он еле-еле, не зная, что еще сказать; зато это была чистая правда.

— Майкл, — глаза ее расширились. — Что ты здесь делаешь?

— Я... Я... был здесь поблизости, — сказал он заикаясь.

Она так и застыла в дверном проеме.

— Ты не пригласишь меня войти?

— Кто там, Лаура? — изнутри дома донесся голос Глории.

— Это Майкл, мама.

— Ну, так не заставляй же его стоять у порога, — послышалось после довольно длинной паузы.

Лаура открыла дверь настежь. Уотерман вошел в дом. При малых своих размерах это было очень удобное жилище. Он миновал маленькую кухню с электроплитой тридцатилетней давности и аппетитными запахами и вошел в гостиную.

— Где Джейсон?

— Он с дедом, — сказала Лаура. — Отправились на рыбалку.

Глория Фэй появилась из-за ширмы, как всегда стройная и подтянутая. Они с Лаурой были похожи, как две капли воды, и именно от матери Лаура унаследовала то, что Уотерман называл «дизайнерскими генами».

— Рада тебя видеть, дорогой, — сказала она, расцеловав его в обе щеки и тепло обняв. — Вырвался между заседаниями?

— Сказать по правде, Глория...

— Не давай мне повода на тебя сердиться. Я рада тебя видеть, рада, что ты приехал, — она направилась в кух-

ню. — Я поставлю чайник с прелестным жасминовым чаем и оставлю вас одних. Меня ждет работа в саду. Не думай, Майкл, что я ухожу намеренно и все такое. Я с нетерпением жду рассказов о твоей жизни среди богачей и прочих знаменитостей, но моя желудевая каша не может ждать, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Глория игриво улыбнулась, и Уотерман понял, что теща на него вовсе не сердится, просто расстроена всей этой историей.

— У тебя наверняка горели уши, Майкл, вот уже целую неделю только и разговоров, что о тебе.

Он сел на диван.

— Охотно верю.

Уотерман посмотрел на жену; она скинула сапоги и, скрестив ноги, устроилась в громадном видавшем виды кресле. Внезапно он почувствовал себя крайне неловко, неуклюжим подростком с виолончелью из старых времен.

— Как ты?

Она пожала плечами.

— Кое-как. Одиноко. А ты?

— Кое-как. Одиноко.

Они проговорили час или больше — Уотерман потом не мог вспомнить, сколько, — попивая ароматнейший чай из китайских фарфоровых чашек столетней давности. Сначала слова давались им с трудом и часто воцарялась неловкая тишина. Но постепенно находились все легче и наконец хлынули потоком. Потом они прогулялись до реки. Уотерман чувствовал себя довольно нелепо в темном костюме и городских туфлях, поскрипывающих на покрытой сосновыми иголками тропинке. Они сели на дерево, несколько лет назад поваленное бурей и превратившееся в естественную скамейку, и снова говорили. То, что они говорили друг другу, особой глубиной не отличалось, но это были честные, идущие из сердца слова, та особая нежная супружеская скороговорка, что понятна только им одним. В этот день Уотерман осознал, что чуть не лишился не только жены, но и лучшего друга. Этой потери он бы не выдержал.

Когда стало смеркаться, они вернулись в дом, держась за руки, примиренные его клятвой поднять статус семьи в вечной борьбе за время и внимание и Лауриным снисходительным согласием поверить в то, что он говорил. А правда была в том, что они любили друг друга, и государственная служба Майкла явилась испытанием, которое они должны были выдержать. Когда они подошли к дому, их встретили в дверях Джейсон с Чарли, и сын с гордостью показал первую пойманную им рыбу.

Они с Лаурой спали в гостевой комнате в задней части дома. А на следующий день вместе отправились в Аспен.

Аспен, штат Колорадо,
27 октября

Уотерман откинулся на спинку стула и принялся лениво разглядывать вечнозеленый пейзаж, открывавшийся за застекленной стеной конференц-зала. Какой-то ученый муж сугубо теоретически разглагольствовал о политическом выборе, который любой клерк или машинистка в Пентагоне сразу сочли бы абсолютно неприемлемым. Цена, которую приходилось платить за осеннюю прогулку в Аспен, состояла в необходимости выслушивать, как кучка профессоров раскручивает всевозможные теории о мире, о котором они не имеют ни малейшего представления. Вынести все это помогало лишь то, что заседания проводились только утром, а днем они с Лаурой могли радоваться прохладному и ясному горному воздуху.

У них в номере был камин, и Уотерман не поскупился на пол-ящика шампанского Краг *première cuvée**; они держали его в холодильнике вместе с сыром бри и козьим сыром, которые он нашел в деликатесной лавке. Распорядок отличался простотой. По утрам Уотерман сидел на семинаре. Затем под каким-нибудь предлогом бросал уче-

* Première cuvée — вино годичной выдержки (*франц.*).

ную компанию и они с Лаурой отправлялись на ланч в один из лучших ресторанов города, днем бродили по горным тропам, а затем возвращались в номер к шампанскому и вздремнуть, как называл это Уотерман, хотя чаще всего он засыпал самым настоящим сном. Вечером за ужином они смотрели в глаза друг другу, как молодожены. Утром четвертого дня Уотерман уже в третий раз за последние пятнадцать минут посмотрел на часы, не в силах дождаться момента, когда прилично будет исчезнуть, и тут ему вручили записку, которую передавали вдоль длинного стола из рук в руки.

Он развернул ее. *«Позвоните на работу КМБ»*. Иными словами — как можно быстрее. Стараясь не скрипеть стулом по цементному полу, он тихо вышел из-за стола, прикрыл за собой дверь и спустился вниз к телефонной будке. Подождал, пока Мэгги подтвердит звонок за счет вызываемого абонента.

— Простите, что пришлось вас потревожить, но Скотт Брекен настойчиво просил связаться с вами.

— Чего он хочет?

— Он у себя в кабинете. Я переключаю звонок туда.

Уотерман подождал, пока на другом конце подняли трубку. Послышался голос Брекена. Чем-то очень расстроенный.

— Что случилось, Скотт?

— Мне придется выражаться иносказательно, потому что это открытая линия. Переговоры, которые ведет наш седовласый друг, приняли неожиданный оборот.

Седовласый друг — это, конечно, посол Эллис Мур, главный переговорщик администрации по проблемам вооружений.

— О'кэй, я понял, о ком ты. Что же произошло?

— Десять дней назад он сделал далеко идущее предложение, не имея на то инструкций из Вашингтона. Никто об этом не знал. Теперь он явился в Совет национальной безопасности, чтобы получить формальное одобрение. А тем временем он ждет ответа с другой стороны.

— Он сделал существенное предложение самостоятельно?

— Верно. Именно так.

— И какое же?

— Эта линия не защищена от подслушивания, Майкл.

— Я знаю, Скотт. Черт возьми, ну как-нибудь постарайся его обрисовать хоть в общих чертах.

— Наш седовласый друг только что присутствовал на двух конференциях, одна в Бонне, другая в Берлине. На обеих сторонники нашей позиции были буквально задавлены растущей оппозицией в бундестаге — особенно со стороны партии министра иностранных дел, свободных демократов.

— Так, и что же?

— И наш друг был просто потрясен накалом этой оппозиции и неэффективностью правительственных чиновников, поддерживающих развертывание. Он вернулся на переговоры по ядерным силам в Женеве в самом мрачном расположении духа. Он чувствовал, что надо что-то предпринять, но понимал, что межведомственная группа в Вашингтоне, которая читает его телеграммы и вырабатывает каждодневные решения-инструкции, почти наверняка не сумеет оценить всю тяжесть сложившейся ситуации. И тогда он сделал то, что, казалось ему, он обязан был сделать — составил список проблем, разделяющих стороны, и предложил компромисс.

— Исключительно самолично? — Уотерман не верил своим ушам. Мур нарушил правила. Это было непростительно.

— Если кто-нибудь и был в курсе дела, то никогда не признается, — сказал Брекен.

— И какая же последовала реакция? — Уотерман взволнованно запустил руку в шевелюру.

— Я не могу говорить об этом по открытой линии. Но события очень серьезные. Тебе нужно побыстрее возвращаться, Майкл.

— Это невозможно. Я обязался пробыть здесь еще два дня и ничего не могу изменить.

Особенно, подумал Уотерман, учитывая прогресс в отношениях с Лаурой. Даже монументальный сдвиг в переговорах о вооружениях не мог заставить его раньше времени вернуться в Вашингтон.

— Тогда мне нужны инструкции.

— Дай мне минутку подумать.

Уотерман был сбит с толку и расстроен. Выработав Нулевой вариант, администрация обрела позицию на переговорах в Женеве, такую, которая, с его точки зрения, может привести к подлинному соглашению. Что же вселилось в Мура, раз он на такое решился? Это казалось Уотерману просто невероятным.

А ведь Эллис Мур не был ординарным послом. Он служил как демократам, так и республиканцам, в администрациях, восходящих еще к Франклину Делано Рузвельту. Подтянутый, седовласый, он обладал уверенностью в себе, свойственной человеку, который в раннюю пору жизни сделал себе состояние и, поступив на гражданскую службу, работал на старших должностях в важнейших правительственных департаментах. Мур свободно вращался среди банкиров Уолл-стрита, руководителей корпораций, членов Конгресса. Он был холоден, отстранен, спокоен и удивительно тщеславен. Мур впитывал лесть, как губка, но только если уважал льстеца. Уотерман всегда им восхищался и относился к нему с почтением — в той степени, в какой Мур готов был это почтение поощрять.

К тому же Мур был человеком такой интеллектуальной строгости, что даже те, кто не был в состоянии следить за его подчас усложненными аргументами, готовы были принимать на веру его правоту. Он пользовался огромной популярностью среди пишущей братии, имел довольно свободный доступ к высшим чинам администрации, и его мнение всегда считалось авторитетным. В то же время он держался довольно независимо, поэтому от него

можно было услышать нечто большее, чем просто правительственную точку зрения. Уотерман умел обнаруживать муровскую отсебятину уже во второй фразе его высказываний газетчикам, которые обычно начинались с такого примерно пассажа: «Однако создается впечатление, что другие старшие чиновники администрации с этим не согласны. Они полагают...»

Президент назначил его послом на переговорах, сразу после того как Муру исполнилось семьдесят пять лет, по совету своего помощника по национальной безопасности Митчелла Уоллеса, на которого произвела большое впечатление оппозиция Мура договору о стратегических вооружениях, заключенному предыдущей администрацией.

Изъяном этого назначения было то обстоятельство, что Мур был совершенно убежден, что он лучше знал, как выполнить порученную ему миссию, чем те — в том числе и президент, — кто ему ее доверил. Более того, как было известно Уотерману, Мур считал Германию ключом к успеху американской политики и был уверен, что понимал немцев лучше, чем кто бы то ни было из других участников служебных дискуссий, посвященных переговорам с Советами.

Немцы были критически настроены к развертыванию американских ракет средней дальности, потому что первые ракеты предполагалось разместить на территории Германии. Без ракет невозможно урегулирование путем переговоров: Кремль отнюдь не был благотворительной организацией, и московские лидеры не собирались сколько-нибудь уменьшать количество советских ракет, пока американцы сохраняли твердое намерение развернуть в Европе свои ракеты.

Уотерман говорил с Муром. Он знал точку зрения посла: немцы не поддержат развертывание, когда до этого дойдет дело. Поэтому он и решился действовать на свой страх и риск и совершил нечто опрометчивое. Чертовски неприятная история.

Уотерман размышлял, глядя через стекло телефонной будки на обшитый деревянными панелями вестибюль института с большими окнами.

— Послушай, у меня возникла идея, — сказал он. — Я звоню из телефонной будки. Я не хочу давать тебе ее номер, потому что они сразу же внесут его в компьютер и подключатся к нашему разговору, как, видимо, пытаются сделать это сейчас. Но если ты позвонишь мне тоже из телефона-автомата, скажем, минут через тридцать, то я буду ждать твоего звонка в будке, соседней с той, из которой я сейчас говорю. Они не могут перехватить разговор между двумя автоматами, не зная ни того, ни другого номера. Слушай меня внимательно, Скотт. Я сейчас дам тебе номер. Это сумма телефонного номера соседней будки и домашнего телефона бывшего мужа Мэгги. Он не внесен в телефонные справочники. Однажды она мне его дала, и он до сих пор записан в телефонной книжке в моем бумажнике. Вот что тебе нужно сделать: вычти этот номер из цифры, которую я тебе сейчас назову. Позвони мне через полчаса. Дай мне секунду для решения этой арифметической задачи.

Уотерман отнял трубку от уха и заглянул в соседнюю будку. Он записал номер и проделал операцию сложения.

— Скотт, записывай: один-пять-один-восемь-шесть-восемь-ноль-ноль. Спроси у Мэгги номер, который тебе придется вычесть, и получишь мой номер. Только не впутывай в свои расчеты зональный код. Жду.

— Ты гений, — отозвался Скотт.

— Отнюдь нет. Просто мои нарушения режима безопасности отличаются большей изощренностью, чем твои.

Оба засмеялись. Уотерман повесил трубку, нацарапал «Не работает» на листке бумаги и воткнул в отверстие для четвертьдолларовой монеты в аппарате соседней будки.

Он вернулся на семинар так же тихо и незаметно, как раньше удалился, и занял свое место. Скоро конец за-

седания. Под звуки унылого доклада он продолжал размышлять о своем.

Телефон зазвонил в точно назначенное время.

— Если вы, сволочи, успели узнать телефон бывшего мужа Мэгги, не значащийся в телефонной книге, и успели за двадцать восемь минут перепрограммировать свои компьютеры, то вы заслужили право записать наш разговор, — сказал он в трубку. — Давай, Скотт.

— О'кэй, — отозвался Брекен. — Мур предложил пакет, в котором мы отказываемся от наших «Першингов-2». Мы можем сохранить некоторое количество крылатых ракет с воздушно-реактивными двигателями, а они могут сохранить некоторое количество своих СС-20. Получается по двести двадцать пять боеголовок с каждой стороны. Это еще не все, но это главное его предложение.

— Количество будет одинаковым для обеих сторон?

— Не совсем. Количество *в Европе* будет равным, но у них сохраняется право иметь до трехсот боеголовок на ста ракетных установках в Азии. У нас будет теоретическое право сравняться с ними. Но, господи Иисусе, Майкл, в Азии нам негде размещать ракеты средней дальности. Поэтому практически у них будет почти вдвое больше ракет, чем у нас.

— Разверзся ад. Как мы об этом узнали?

— Мур появился в кабинете Митчелла Уоллеса холодный, как огурец, и рассказал ему. По-видимому, он сделал это предложение Рогову в последний день этого раунда переговоров, десять дней назад. Они завершили ланч в каком-то альпийском ресторане, и Мур предложил Рогову прогуляться по лесу. Через час они остановились отдохнуть. Сели на поваленное дерево. Мур вытащил листок бумаги и начал излагать содержание пакета из одиннадцати пунктов. Он сказал Рогову, что предлагает это от своего имени и что условие — все или ничего. Хотите берите, хотите — нет, больше переговоров не будет.

Рогов переписал себе эти одиннадцать пунктов. Но заупрямился по вопросу об Азии. Мур предложил двести двадцать пять боеголовок для каждой из сторон в Азии. Рогов ответил, что у Москвы уже развернуты двести семьдесят. Мур сказал ему на это «о'кэй», он согласен на двести семьдесят.

Брекен выдержал паузу и хмыкнул.

— Затем Рогов сказал, что он должен передать этот пакет в Москву и что позвонит Муру в его летний дом в штате Мэн, где тот будет проводить отпуск, вернувшись в Соединенные Штаты. Мур уже неделю не отходит от телефона. А Рогов не звонит. И тогда Мур попросил встречи с Уоллесом.

— А что происходит сейчас? — спросил Уотерман.

— Сегодня днем, немного позднее, будет совещание в Совете национальной безопасности. Будут решать, что делать. Мур настаивает на утверждении его предложения, чтобы придать ему официальный статус. Госдеп, разумеется, на его стороне, хотя Беннет и неистовствует по поводу того, что Мур действовал самостийно и не поставил его об этом в известность. Уоллес раздражен самовольством Мура, но не хочет идти против него. Позиция ОКНШ нам пока не известна, они готовят какую-то бумагу.

Уотерман нахмурился.

— Послушай, Скотт, меня больше всего беспокоит не существо этой сделки. Вопрос в процедуре: Мур попытался всех обойти. Это запрещенный прием. Возможно, Мур действительно сказал, что это его личное предложение, но в Москве в это ни на минуту не поверят. Они воспримут это как авторизованное прощупывание. Они из этого заключат, что мы готовы сдать часть наших позиций. Худшее в том, что они подумают, будто мы сломались перед самым саммитом.

Новиков, конечно, отвергнет это предложение, но наша политика прежней уже не будет. И наше настойчивое стремление развернуть некоторое количество «першингов» и достичь глобального равенства — то есть те два

элемента, о которых мы всегда говорили, что они не подлежат переговорам, — будут выглядеть как возможные предметы торга.

— Помедленнее, Майкл, я пытаюсь за тобой записывать.

Уотерман перевел дыхание.

— Худшее здесь — политическая сторона, не стратегическая. Предположим, немцы узнают, что мы предложили отказаться от «першингов». Канцлер из последних сил поддерживает их развертывание, а Мур в Женеве идет на попятный.

— Что, с твоей точки зрения, я должен предпринять? — спросил Брекен.

— Пусть ребята проделают детальный анализ. Пусть рассмотрят военные последствия отказа от «першингов» при сохранении СС-20. А пока напиши министру записку и изложи в общих чертах то, что я сказал.

— Будет сделано.

— Скажи ему, что я вернусь в воскресенье во второй половине дня. Пусть знает, что я над этим работаю, — к своему возвращению я подготовлю что-нибудь про всю эту кутерьму. Когда получу ваш анализ, я в последнюю минуту вставлю его результаты в свою записку.

— Анализ будет ждать тебя в аэропорту, я передам с шофером.

— Хорошо. И если произойдут какие-то перемены, сразу же дай мне знать. Я должен быть в курсе дела. Я должен знать, что на уме у министра.

— Будет сделано.

Пора расставаться с Шангри-Ла*, подумал Уотерман, выходя из телефонной будки.

* Шангри-Ла — недоступный монастырь в горах Тибета, место действия романа английского писателя Дж. Хилтона «Потерянный горизонт» (1933). Название стало нарицательным как обозначение уединенного убежища. Франклин Рузвельт назвал так свою загородную резиденцию, которую годы спустя президент Эйзенхауэр переименовал в «Кэмп-Дэвид» (в честь внука).

29 октября

Уотерман повернулся на правый бок и посмотрел на цифровые часы, вмонтированные в ночной столик. Девять двадцать. Он один в постели королевских размеров. Лауры уже нет, она совершает свою ежедневную пятимильную пробежку.

Он поднял семинарскую папку, лежавшую на полу возле постели — туда он положил ее, ложась спать, — и заглянул в повестку дня. Последняя утренняя сессия начинается через десять минут, она посвящена контролю над вооружениями и противолодочной войне, сложному вопросу, о котором трудно сказать что-нибудь существенное, если не прибегать к материалам высочайшего уровня секретности. Конференция открытая, секретные материалы на ней не подлежат обсуждению. Да к тому же большинство участников не имеет допуска. Он решил пропустить заседание и начать работу над меморандумом министру обороны — обобщающим документом о предложении Мура. Кроме всего прочего, они выпили вчера вечером многовато шампанского, а также предались тому единственному виду спорта, который Уотерман считал стоящим, и в результате он проснулся с головной болью. Самое верное, решил он, отточить мозги, дав им передохнуть. Нет смысла писать, когда чувствуешь усталость. Поэтому он повернулся на другой бок и сразу же снова заснул. В этот поздний утренний час солнце над Аспеном ярко сияло в безоблачном небе. На высоте в две с лишним тысячи метров, в разреженном горном воздухе солнце было повсюду — на листьях, скалах, верхушках деревьев, — озаряя все вокруг необыкновенным сиянием. Воцарилось освещение, которое, на вкус Уотермана (наконец проснувшегося после девяти с половиной часов сна), просто заставляло приняться за дело.

Он устроился на балконе, положив перед собой на столике желтый линованный блокнот. Нужно осветить два вопроса, размышлял он, первый — существо дела — иными

словами, гайки и винтики того, что предложил Мур, и второй — процедура, то, каким образом Мур внес свое предложение и почему он это сделал. При всем уважении к существу вопроса, он решил заняться им позднее, по возвращении в Вашингтон, имея на руках анализ Брекена.

Вопрос процедуры был ему совершенно ясен. Он был убежден, что, изменив американскую позицию без соответствующих инструкций и скрыв сам этот факт, посол Мур решился подменить своим суждением политику президента Соединенных Штатов.

Делая это, Мур фактически присвоил себе полномочия президента. Это было воровство, узурпация чужих прав. Часть президентского мандата была у него похищена.

Чем больше он об этом размышлял, тем больший гнев закипал у него в груди. Рука его стремительно бежала по страницам блокнота.

Министерство обороны
Меморандум
Секретно и конфиденциально

Кому: Министр
От: ЗамМин междунар. безоп./ Майкл Уотерман
Дата: Октябрь 29
Тема: Воровская дипломатия

Мы долго и трудно убеждали президента принять Нулевой вариант и предложить его Советам. Эллис Мур с самого начала был его противником. Вопрос дебатировался, и мы одержали чистую победу. И вот теперь этот человек, имевший полную возможность отстаивать свою точку зрения на совещаниях в администрации, в одиночку изменил президентское решение и отбросил нашу политическую линию.

Внеся свое никем не санкционированное предложение официальным представителям Советского Союза, по-

сол Мур предал своих коллег, наплевал на их соображения, их доводы, их озабоченности, их надежды. Межведомственные группы часто собирались, чтобы решить, вносить ли изменения в американские переговорные позиции. Мур почти всегда был участником этих обсуждений. И пока точка зрения посла о том, что эти позиции должны быть изменены, обсуждалась, посол фактически выскользнул из зала заседаний под покровом темноты и сам изменил эти позиции.

Говоря о политических суждениях Мура, должен сказать, что при всем своем блеске Мур довольно поверхностен и непроницателен. Он склонен приписывать логику нелогичным ситуациям и порядок — тому, что, в сущности, представляет собой хаос. В течение ряда недель стало очевидно, что он чрезмерно реагирует на острые дебаты, ведущиеся в Германии по вопросу о развертывании американских ракет. Верно, существует сильная оппозиция их развертыванию. Верно, немецкий канцлер испытывает затруднения в связи с этим внутри своей партии и может на очередных выборах проиграть социал-демократам. Но крайне маловероятно, что Германия откажется от натовского плана разместить ракеты в пяти странах, плана, одобренного всеми странами—участницами НАТО и вдохновленного в значительной мере речами канцлера.

Сам интеллектуал, Мур допускает ошибку, прислушиваясь к другим интеллектуалам. Он делает это в Вашингтоне, а теперь точно так же поступил и в Европе. Интеллектуалы склонны к принятию решений, которые влекут за собой ужасающие практические последствия: если немецкие интеллектуалы, к примеру, сумеют настоять на своем, наши ракеты *никогда* не будут развернуты, а русские ракеты, разумеется, останутся на своем месте. Московская монополия сохранится и даже будет узаконена. А профессора, писатели и артисты будут радоваться триумфу здравого смысла и гуманитарного подхода к решению проблем человечества.

Мур к тому же склонен излишне доверять дипломатам. В этом его большая ошибка. Это очень глупо — при-

писывать слишком большой вес сотрудникам дипломатической службы. Удивительно, насколько профессиональные дипломаты бывают иногда заворожены непоследовательным маневрированием своих коллег.

Если послушать дипломатов, то у вас сложится совершенно превратный образ мира. Во-первых, они живут и дышат международными проблемами. У них вызывает слезы умиления хорошо срежиссированный демарш, их повергает в отчаяние неловкий отход от строгого протокола. Поскольку они каждодневно погружены в международные дела, в позиции правительств, партий и фракций, в парламентские голосования и смены кабинетов, в сочинение коммюнике и официальных заявлений, в тайные обсуждения и слушания в конгрессах, в дела всевозможных комитетов и всевозможные консультации, они полагают — совершенно ошибочно, — что мир вращается вокруг дипломатической оси, столь хрупкой, что малейший порыв ветра может ее повредить.

Ощущение срочности пронизывает все их действия, а дистанцирование, некоторая степень отстраненности, столь необходимые для здравого суждения, им совершенно неведомы. Я склонен предположить, что обходной маневр Мура явился реакцией на страхи интеллектуалов и дипломатов в отношении Германии. Он ожидал краха в том случае, если бы женевские переговоры не увенчались соглашением. Его действия были актом отчаяния. Так успеха не достичь.

Последствия могут быть очень опасными. Представьте себе заголовок в «Шпигель»: «СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПРЕДЛАГАЮТ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ПЕРШИНГОВ». Немецкий канцлер превратится в посмешище, отстаивая развертывание ракет, от которого американцы втайне готовы отказаться.

Тот аргумент, что развертывание «першингов» жизненно важно для обеспечения безопасности Запада, потеряет всякую убедительность. Весь сложный график развертывания американских ракет в Европе, начинающийся

с размещения «Першингов-2» в Германии, с последующим размещением их в Англии, Италии, Бельгии и Нидерландах, будет скомкан.

Я не понимаю, как может Мур рассчитывать на позитивный ответ Советов на любое предложение всего за пять месяцев до выборов в Германии. Ясно, Москва надеется, что немецкое движение за мир окажет достаточное давление, чтобы заблокировать развертывание ракет. Если на выборах победят социал-демократы, то на это и в самом деле можно будет рассчитывать. Поэтому никакое предложение, разве что о полной капитуляции, не вызовет радости у кремлевских руководителей. Особенно учитывая Нулевой вариант, мозолящий им глаза. Это...

Он услышал звук открывшейся двери и оглянулся. Лаура вернулась после утренней пробежки.

— Я думала, ты на семинаре.

— Я решил прогулять и вот пишу меморандум Райдеру.

— По какому поводу?

— В Вашингтоне очередная суматоха. Эллис Мур, наш посол на переговорах по вооружениям, пошел прогуляться в лес со своим русским коллегой и сделал предложение, на какое не имел права, — и Майкл объяснил ей всю проблему.

На ее лице отразилось сочувствие мужу.

— Ну и как, у тебя получается?

— Мне кажется, да. Но пока с меня хватит. Как насчет поплавать в бассейне?

— А как же семинар? Ты ведь не можешь им сказать, в чем дело. Как ты объяснишь свое отсутствие?

— Никак. Я приду на заключительный ланч, с тобой вместе, конечно, с таким загадочным и официальным видом, какой только сумею на себя напустить. И, поверь, никто ничего не спросит. Когда-нибудь наши академики все узнают — скорее всего, от Мура.

Он достал из шкафа брюки и натянул их.

— Знаешь, что огорчает меня сильнее всего? Большинство будет аплодировать Муру, одобряя не только его позицию, но и тактику. Им не нравится мой Нулевой вариант. Они все, как Дэн Беннет, убеждены, что целью моего предложения является переговорный тупик. А эти академики терпеть не могут переговорных тупиков. Мы что-то предлагаем, Советы это отвергают. Через полчаса те самые люди, которых я здесь выслушиваю, пишут в газеты и говорят, какую новую позицию мы должны занять, чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки.

— Тебе не нужно оправдываться передо мной, внося предложение поплавать. Пошли, кофе можно заказать и в бассейне.

Глава пятнадцатая

Вашингтон,
3 ноября, 8:30 утра

В понедельник Уотерман встал, по его понятиям, на заре и в восемь тридцать отправился на работу в свой кабинет на кольце «Е» внешнего коридора Пентагона. Рассчитывал, с учетом уличных заторов, к девяти быть на месте. Девять в министерстве обороны считали началом делового дня, но Уотерман так не думал, у него за многие годы выработалась привычка работать до глубокой ночи и поздно вставать. Такой рабочий график был исключением в Пентагоне, и время от времени министр обороны высказывался по этому поводу. Приезжая на работу по большей части к десяти утра, Уотерман почти неизменно пропускал ежедневное утреннее совещание у министра в 8:00.

В большинстве правительственных департаментов рабочий день начинается с совещания, проводимого его главой. Приглашение на такое совещание имеет престижный характер, означает принадлежность к кругу избранных. И в государственном департаменте, и в министерствах финансов, сельского хозяйства, торговли, и в Совете национальной безопасности утренние часы не отличаются друг от друга — самые верные собираются вокруг свое-

го лидера и стремятся обозначить свое присутствие отчетами о положении дел в сферах их ответственности и получить новейшие инструкции.

В Пентагоне утренние совещания проводились в кабинете министра, просторной комнате, похожей, скорее, на гостиную непомерных размеров. В отличие от государственного секретаря, у которого были церемониальный кабинет, обычный кабинет и потайной кабинет, у Райдера имелся только один. Правда, громадных размеров, годный как для церемониальных встреч, так и ежедневных совещаний сотрудников. Пять окон от пола до потолка смотрели на Приливный бассейн и крошечную лодочную флотилию и, конечно, на Вашингтон на другой стороне Потомака. Заглянув за занавески, можно было увидеть полихромвиниловые трубы — такими пользуются водопроводчики, — расположенные горизонтально над окнами. То была единственная видимая часть системы утонченной технологии, предназначенная для подавления недружественных подслушивающих устройств, снимающих информацию с вибрации оконных стекол с помощью лазерного луча.

Полосатый красно-белый диван с креслами по бокам располагался в одном конце комнаты возле кофейного столика, на котором неким дворецким были разложены патронный ящик, меч, ремень с пряжкой и другие реликвии Гражданской войны.

Ручной работы модели фрегатов восемнадцатого и девятнадцатого веков — от «Боном Ричард» до «Монитора» и «Мерримака», — о которых мог только мечтать Джейсон, стояли перед каждым окном на маленьких столиках в прозрачных футлярах.

Стены украшали произведения искусства на военные темы, иными словами, весьма посредственные картины батальной живописи в затейливых рамах, а также бронзовые пластины, подаренные какими-то воинскими частями или иностранными военно-воздушными силами. В центре комнаты доминировал массивный, девят-

надцатого века, стол для заседаний, сделанный из красного дерева и украшенный резьбой. На нем стояла коллекция... Уотерман не мог подобрать иного слова, кроме как «вещиц», подаренных министру разными зарубежными гостями. Эта странная смесь состояла из керамической фигуры испанского наездника, который, возможно, был Дон Кихотом, куска золотой филиграни, которую, создавалось впечатление, отодрали от алтаря в каком-нибудь таиландском храме, серебряной чаши с надписью от итальянских военных моряков, хромированной и используемой как цветочная ваза двадцатимиллиметровой гильзы снаряда — от артиллеристов бундесвера.

Нигде в кабинете министра обороны не было и намека на новейшие высокие технологии. Даже телефонная консоль с тридцатью шестью кнопками, система, способная обеспечить мгновенную связь по горячей линии с телефонами на столах других членов кабинета и глав всех видов вооруженных сил, была на удивление старомодной. Уотерману всегда казалось, что она очень похожа на коммутатор на столе администратора в гостинице Новой Англии сороковых годов.

На утренних совещаниях министр и его заместитель сидели лицом друг к другу на одинаковых креслах в окружении помощников и других старших служащих, занимавших стулья с высокими прямыми спинками, которые каждое утро перетаскивали от обеденного стола, размещавшегося в другом конце этого необъятного кабинета.

Четвертая власть незримо витала над утренними совещаниями. Редкий день в газетах не появлялась какая-нибудь вредоносная для министерства статья; вырезки к семи часам утра готовили близорукие помощники отдела общественных связей, с середины ночи выстригавшие отрывки из телеграмм и снимавшие копии с факсимильных сообщений. Эти публикации неизменно провоцировали горячие споры, в ходе которых министр готовил ответы для последующего использования.

Именно эта одержимость реагированием на газетные публикации и непризнанием ошибок давала прессе возможность оказывать преувеличенное влияние на государственных чиновников высокого ранга. Они дня не могли начать, не убедившись в своей готовности отразить вчерашний газетный выпад. Оскорбительный пассаж мог занимать крошечный квадрат на полосе Б-11 газеты «Де-Мойн Реджистер», но, помещенный должным образом в горку утренних вырезок, он воспринимался так, словно был напечатан на первой полосе «Нью-Йорк Таймс».

Затем разговор переносился на тему вчерашних событий в Конгрессе. Это давало возможность помощнику по законодательным делам продемонстрировать детальную осведомленность о продвижении бесчисленных законопроектов и поправок, которые в каждый данный момент пробивались на свет божий, преодолевая мучительные законодательные барьеры.

Его отнюдь не вдохновенное изложение могло длиться минут пятнадцать, оно представляло несомненный, хотя и преходящий интерес для министра и его заместителя по связям с Конгрессом. Остальные пропускали его сообщение мимо ушей.

Затем, поскольку юридический советник неизменно присутствовал на этих совещаниях, обсуждение касалось и его вопросов. На это уходило еще пять-десять минут.

Так это и шло по заведенному... Иногда, покончив с прессой, Конгрессом и юридическими проблемами, министр начинал описывать круги по кабинету, предлагая любому желающему поднять интересующую его проблему. При этом он смотрел в глаза всем по очереди и легонько кивал головой. Это почти незаметное движение головы министра приглашало подчиненных говорить, если им было что сказать.

В те дни, когда утренние совещания затягивались, голова министра двигалась как автоматическая телекамера, медленно поворачивающаяся слева направо, чтобы за-

печатлеть весь «выпускной класс», едва задерживаясь на ком-нибудь из подчиненных, даже если он действительно хотел высказаться. Никто не решался прервать движение этой камеры даже вопросом. Потому что это вызвало бы раздражение всех присутствующих.

В тех редких случаях, когда Уотерман успевал на утреннее совещание, министр неизменно задавал ему тот или иной вопрос, обычно ближе к концу, когда все уже с нетерпением ждали момента улизнуть в свои апартаменты. Ответы Уотермана всегда были образцом сжатости, в чем проявлялось его отвращение к тому, что он считал колоссальной тратой своего и министра времени.

Без двух минут девять Уотерман вошел в приемную. Мэгги оторвала глаза от экрана компьютера.

— Добро пожаловать домой, странник. Вы случайно не заглянули на совещание к министру?

— Конечно, нет, — ответил Уотерман. Он достал пачку бумаг из портфеля и, усмехнувшись, бросил их на стол. — Это сувениры для вас.

Она с отвращением посмотрела на бумаги.

— Как хорошо, что вы вернулись, Майкл. Здесь был сумасшедший дом. Господин Мур, кажется, плохо себя вел.

— Скажем так: он вздумал играть не по правилам.

— Скотт от него просто весь в мыле. Он перевернул все вверх дном, чтобы помочь министру. Я пыталась отговорить его от звонка в Колорадо, но он настоял.

— Он все сделал правильно, Мэгги, — успокоил ее Уотерман. — Скотт пошел на утреннее совещание?

Она кивнула.

— Он все еще там. Закончится с минуты на минуту.

— Позвоните его секретарю, скажите, что я жду его сразу, как только он освободится.

Уотерман включил в своем кабинете кофеварку и собирался уже смолоть горсть кофейных зерен, когда на его столе для совещаний зазвонил телефон горячей линии. Зеленый огонек подсказал, что это военный помощник министра генерал-майор Билл Коллинз, звонящий по

защищенной линии связи. Что за ужас, подумал Уотерман, наверное, совещание закончилось. Он поднял трубку.

— Доброе утро, Билл. Как ваша жизнь среди *аппаратчиков*?

— Именно с этим и связан мой звонок. Шеф хочет, чтобы вы пришли и кое-что прочитали. Было бы хорошо, если бы вы сделали это прямо сейчас. Разочарованы не будете.

— Иду, — без колебаний ответил Уотерман.

Он в среднем темпе одолел пятьдесят метров коридора до двери министерского кабинета, надеясь, что люди, присутствовавшие на утреннем совещании, уже разошлись. Было бы неловко появляться в момент окончания заседания, которое он прогулял; но поскольку кабинет Коллинза был смежным с министерским, избежать этого было затруднительно.

Оказалось, что все разошлись, и Уотерман вошел к Коллинзу, ни с кем из коллег не столкнувшись. Ему нравился генерал. Это был громадный, необычайно располагавший к себе мужчина, умевший сохранять удивительное спокойствие, даже когда вокруг бушевали бури, человек здравых, продуманных суждений, ровного нрава и, что казалось поразительным, наделенный тонким чувством юмора.

Когда Уотерман вошел, генерал посмотрел на него из-за горы бумаг на своем столе.

— Как мило, что вы нас посетили, господин министр. Как долго намерены вы пробыть в нашем обществе?

— Я провел несколько дней в Колорадо, и все это время на меня обрушивались оскорбления и прочие выпады объединенных сил Гарварда и Массачусетского технологического института, и все потому, что судьба связала меня с этим злосчастным министерством. Мои мир и покой были нарушены дипломатом-мошенником, которому пришло в голову, что президент обращался прямо к нему, когда призывал частный сектор проявлять больше инициативы. Меня вызвали сюда, едва забрезжил рассвет.

И вот теперь, когда я честно заслуживаю капельку сочувствия, меня разносят в клочья за мое отсутствие.

Уотерман взял маленький американский флаг, служивший прессом для бумаг на столе Коллинза, и начал помахивать им в сторону генерала.

— Я знаю, все вы уверены, что я гуляю, когда отправляюсь ночным рейсом в Брюссель, сразу по прибытии иду на заседание, вечером устраиваю обед, а весь следующий день председательствую на новом заседании. Единственное, чего я не могу понять, — почему этого еще не поняла компания «Американ экспресс» и не предлагает семидесятидвухчасовые туры в Европу, включающие посещение штаб-квартиры НАТО. Что случилось?

— Прочтите это, — сказал генерал, отобрав у Уотермана флажок и вручив ему коричневый конверт, — и прослезитесь.

Устроившись на диванчике с обивкой из искусственной кожи, Уотерман быстро просмотрел содержимое конверта. Внутри оказались две бумаги. Одну он сразу узнал. Это был меморандум Брекена. На первом листе рукой министра, которую нельзя было не узнать, было начертано: *«Я с этим совершенно не согласен!»*

Особенно неприятным Уотерману показался восклицательный знак. Джеймс Райдер — опытный стилист, когда-то был редактором журнала «Кримсон» и, конечно, не питал пристрастия к этому знаку. То, что он к нему прибегнул, могло означать только одно — накладывая резолюцию, он гневался.

Уотерман взглянул на второй документ. Это был совершенно секретный меморандум министру от председателя Объединенного комитета начальников штабов. Самым важным в этом меморандуме была начертанная на нем резолюция на первой странице: *«Я с этим полностью согласен. Это и есть политика министерства обороны!»*

Расширившимися от изумления глазами Уотерман начал читать. Для изделия ОКНШ меморандум был необычно прямолинеен: начальники штабов были «реши-

тельно против» любой сделки с Москвой, которая позволила бы Советам сохранить баллистические ракеты, их СС-20, в то время как Соединенные Штаты должны были бы ограничиться небаллистическими, то есть крылатыми ракетами. Меморандум представлял собой решительную трехстраничную отповедь предложению Мура, основанную на военных соображениях. Вывод подкреплялся изрядным количеством военного жаргона о покрытии целей, балансе сил на театре военных действий, операционных соображениях и тому подобных вещах, что придавало документу пущую авторитетность.

Уотерман оторвал глаза от бумаг. Коллинз расплылся в улыбке.

— Председатель обошел тебя с фланга, — генерал засмеялся. — Хочешь знать, что все это значит?

— Еще бы. Но говори помедленнее, Билл. Я слегка контужен. Каким образом председателю удалось протащить это мимо всегда готового возражать Объединенного штаба?

Коллинз хмыкнул.

— Они и не видели этого документа, пока он не появился на свет. Председатель бо́льшую его часть продиктовал сам. Единственное, что ему нужно было от штаба, — это несколько цифр и приложение.

— Но...

— Слушай: министр просто взвился, узнав о предложении Мура. Тебя не было, и он попросил председателя направить ему меморандум с изложением его точки зрения и одновременно попросил меня забрать меморандум Брекена. Оба документа мы направили ему в Вермонт. Как видишь, он предпочел позицию председателя ОКНШ.

Голубые глаза Коллинза блеснули на его румяном лице.

— С того момента Райдер находится в постоянном контакте с Уоллесом, который заверил его, что предложение Мура ни в коем случае не получит хода. Ни в каком виде. Оно умерло — или умрет, как только мы сумеем его

убить без излишнего шума. Во-первых, Уоллес согласен с председателем. Во-вторых, он взбешен тактикой Мура — он узнал о его лесной прогулке с Роговым, только когда Мур явился в Совет национальной безопасности и потребовал встречи с президентом. Теперь министр хочет получить от тебя меморандум, который он направит президенту. Приказ ясен: включить в него военные аргументы председателя и, конечно, твои. И сделай это тихо. Без помощников. Без утечек.

Уотерман понимающе кивнул.

— Ясно. Но ты должен кое-что знать заранее, Билл. И можешь, если захочешь, передать это министру.

— Выкладывай.

— Правда в том, думаю я, что это не столь уж плохая для нас сделка.

Глаза Коллинза расширились.

— Да?

— О, нет, я вовсе не думаю, что Советы способны на это пойти, особенно за пять месяцев до выборов в Германии.

— Это не должно помешать тебе подготовить меморандум, — наставительно сказал Коллинз.

— Я сделаю все, чтобы дать Джиму то, что он хочет. Но я никогда не считал, что «Першинги-2» имеют такое значение, каким их наделяют начальники штабов. Бо́льшая часть их военных соображений — полная чепуха. Развертывание ракет — это политическая проблема, а не военная.

Уотерман подошел к двери.

— Спасибо за помощь, Билл, — сказал он.

И подумал, что дела в Зазеркалье принимают все более забавный оборот.

Глава шестнадцатая

Чеви-Чейз
3 ноября, 9:00 вечера

Уложив Джейсона спать вместе с Лаурой, Уотерман спустился в свой подвальный кабинет, включил свет над письменным столом и открыл портфель. Там лежали анализы, проделанные его помощниками, копия меморандума ОКНШ, меморандум Брекена и еще ряд документов, касающихся ракетных систем средней дальности, которые могли дополнить общую картину. Ирония происходящего не прошла мимо него. Райдер поручил ему написать записку, уничтожающую предложение Мура, а он полагал, что в этом предложении содержалось рациональное зерно. Но что бы он лично ни думал, министерство — точнее говоря, министр — его не одобрил. Неодобрение и заставило пальцы Уотермана запрыгать по клавишам компьютера.

Проект меморандума
Секретно и конфиденциально

Кому: Президент
От: Министр обороны

В меморандуме Совета национальной безопасности вы просили меня изложить мое мнение относительно предложения, сделанного послом Муром партнерам по переговорам в Женеве. Данный меморандум является ответом на ваш запрос. Председатель Объединенного комитета начальников штабов участвовал в составлении ответа и согласен с его выводами.

Мы полагаем, что предложение посла Мура отмечено рядом серьезных недостатков. Любой договор, основанный на главных пунктах этих предложений, причинит невосполнимый ущерб нашей национальной безопасности и эффективности наших сил сдерживания в Европе. Предложенное Муром соглашение принесет большие выгоды Советам.

Того хуже, весьма вероятно, что НАТО не сможет осуществить запланированное развертывание ракет средней дальности; таким образом, последствием договора явится фундаментальное — а именно к этому и направлено предложение Мура — изменение планов развертывания сил НАТО.

Суть проблемы — в отказе от намеченного развертывания «Першингов-2» в Германии. Если это произойдет, то другие союзники, особенно голландцы и бельгийцы, наверняка запретят размещение ракет на своей территории. Таким образом, предложение Мура приведет к полному отказу от планов развертывания.

Председатель ОКНШ и я полагаем, что мы не можем сейчас поддержать предложение Мура. Сам факт существования подобного предложения Соединенных Штатов, чреватого столь пагубными политическими последствиями, даже в случае его отклонения ставит нас в чрезвычайно уязвимое положение. Поэтому мы убеждены, что это предложение следует отозвать как можно скорее.

Альтернативный вариант сводится к тому, чтобы дать предложению умереть естественной смертью, воздерживаясь от возвращения к нему в любой форме. Это связано с риском утечки информации, чреватой неблагоприятными последствиями для канцлера Германии, пыта-

ющегося преодолеть сопротивление социал-демократической партии Германии.

Предложение посла Мура: военные аспекты

Следует сразу же сделать два замечания военного характера: во-первых, предложение Мура оставляет Советам 495 боеголовок; Соединенные Штаты будут иметь максимум 300. Во-вторых, все советские ракеты будут баллистическими, способными поражать намеченные цели в течение шести-восьми минут. У нас останутся крылатые ракеты, способные достигать намеченных целей в течение двух часов. (Поскольку ракеты СС-20 высокомобильны, мы должны исходить из предположения, что даже 270 установок, размещенных в восточной части Советского Союза, могут в случае кризиса быть переброшены в зоны, откуда становятся достижимыми цели в Западной Европе.)

Во всех важных отношениях баллистические ракеты превосходят крылатые ракеты и будут их превосходить в обозримом будущем. Крылатые ракеты летят в пределах атмосферы с относительно небольшой скоростью. В принципе против них могут применяться обычные средства противовоздушной обороны. Советы в настоящее время разрабатывают противовоздушные средства нового поколения, предназначенные для борьбы с крылатыми ракетами. Через несколько лет они смогут перехватывать состоящие ныне на вооружении США крылатые ракеты.

Против баллистических ракет средней дальности, напротив, защиты нет. При самых оптимистических оценках, в ближайшие десять лет СОИ у нас не будет.

Предложение посла Мура: политические аспекты

Предложение было выдвинуто без санкции Вашингтона. Оно противоречит всем предыдущим инструк-

циям. С самого начала переговоров Мур имел инструкции настаивать на принятии главных пунктов вашего Нулевого варианта — то есть равного количества боеголовок с каждой стороны в мировом масштабе, причем каждая из сторон сохраняла свободу выбора соотношения крылатых и баллистических ракет.

Москва может принять предложение Мура в качестве стартовой позиции. Она может по желанию принять его частично или частично отвергнуть. Такая тактика извлечения изюминок из пирога — излюбленный прием советских переговорщиков.

Мы озабочены вероятным аргументом Советов, что предоставленное им большее количество боеголовок (в целом 595) служит доказательством того, что им полагается компенсация за независимые силы сдерживания Англии и Франции, хотя даже предложение Мура (и ваша политика) однозначно отвергает такую постановку вопроса.

К сожалению, аргумент о том, что Советам не полагается компенсация за силы Англии и Франции, при всей его вескости, очень трудно убедительно объяснить общественности, особенно в Германии, Нидерландах и Скандинавии.

Достижение единогласия в союзе НАТО относительно Нулевого варианта далось нелегко. Немцы постоянно пребывают во взвинченном состоянии и озабочены поисками «гибкости» в позиции Америки. Голландцы еще пока не высказались жестко за развертывание. Англичане определенно на нашей стороне, главным образом благодаря исключительно непреклонному руководству премьер-министра; итальянцы проявили последовательность и твердость. Норвежцев, похоже, беспокоит мысль о скрытном развертывании. Датчане, которые почти ничего не вносят в союз, выразили свои сомнения в сносках к натовским коммюнике.

Таким образом, картина складывается неоднозначная. Вопреки сомнениям, просматривается явная поддержка идеи полного уничтожения ракет средней дальности. Как только мы согласимся *на некоторое* количество,

противники развертывания американских ракет прекратят поддерживать развертывание *любого* количества американских ракет, даже такого, на какое согласятся Советы.

Поэтому мы не должны отказываться от Нулевого варианта — ясного, простого и понятного предложения. Это пока наша самая сильная переговорная позиция. Если на нее будет получено согласие, она послужит интересам нашей безопасности, так как приведет к уничтожению *всех* советских СС-20.

Наконец, мы глубоко обеспокоены тем, каким образом было сделано предложение Мура. Существует устоявшаяся межведомственная процедура внесения изменений в позицию Соединенных Штатов. Она включает в себя консультации с союзниками, особенно с пятью основными странами. Эти процедуры были обойдены. Не проводилось никаких консультаций. Ни вы, ни ваши главные советники не имели возможности взвесить разумность такого предложения в настоящее время. Мы настаиваем на принятии вами мер, которые не допустили бы в дальнейшем подобного отхода от установленной процедуры.

Пентагон,
4 ноября, 8:15 утра

Звонок Билла Коллинза, сообщившего, что министр хочет его видеть, раздался вскоре после утреннего совещания. Уотерман направился в кабинет министра, приветственно махнув рукой секретарю и нажав одновременно потайную кнопку на двери, отпиравшую электронный замок. Министр обороны стоял между письменным столом и консолью с телефоном. Райдер говорил по телефону, стоя спиной к двери. Услышав его шаги, он подал ему знак занять привычное место за круглым столиком, расположенным рядом со столом для заседаний.

Закончив разговор, Райдер сел напротив.

— Хороший меморандум, — сказал министр, убрав очки для чтения в нагрудный карман серой в тонкую по-

лоску мятой жилетки. — Во время вчерашней встречи стало ясно, что президент прочитал его и согласился с ним. Вам будет забавно узнать, что Уинтроп тоже счел его эффективным, поскольку всячески старался оспорить его. Его привело в ярость то обстоятельство, что я и председатель ОКНШ позволили себе рассуждать о политических аспектах, что он считает священной прерогативой госдепартамента. Но не волнуйся, Майкл, я не сомневаюсь, что мы взяли верх. Уоллес на нашей стороне. А также Маккэндлесс и вице-президент. Бернер гневался по поводу процедуры и не оказал Уинтропу ожидаемой поддержки. Ты можешь быть доволен.

— Сказал ли что-нибудь президент? — спросил Уотерман.

Райдер расплылся в улыбке.

— Что-то вроде того: мы не можем допустить, чтобы такое продолжалось; он имел в виду действия Мура без соответствующих инструкций. И, что тебе будет приятно услышать, он настойчиво говорил о достоинствах Нулевого варианта.

— Потрясающе.

— Совету национальной безопасности поручено подготовить к концу следующей недели директиву. Президент возьмет ее с собой в Кэмп-Дэвид, где поразмышляет об окончательных формулировках. После этого можно будет ожидать дальнейших шагов. Затем, полагаю, Высшая группа по контролю над вооружениями представит проект директивы, основанный на директиве Совета национальной безопасности, для следующего раунда переговоров.

Райдер встал и принялся покачиваться взад-вперед, как теннисист, ожидающий подачи партнера.

— Тебе нужно проследить за этой директивой — ты ее увидишь в следующий понедельник, — а потом за инструкциями, на следующей неделе.

— Я понимаю так, что вы и председатель ОКНШ потребовали отзыва предложения Мура. Оно мертво или только тяжело ранено?

В голосе Уотермана слышалась озабоченность. Ранено — этого мало.

— Я думаю, оно мертво, — убежденно сказал Райдер. — В худшем случае Мур получит инструкцию больше о нем не упоминать, и тогда Советы, вероятно, тоже сочтут его в бозе почившем.

— Хорошо бы его чем-нибудь проткнуть...

— Я несколько раз сказал об этом, Майкл, — не дал ему договорить Райдер.

Пентагон,
10 ноября, 10:15 утра

Утром в понедельник Уотерман пришел поздно. Когда он появился в своей приемной, Мэгги вручила ему конверт с красной наклейкой Совета национальной безопасности. Он вскрыл его и, не веря своим глазам, пробежал первые фразы; они заставили его буквально остолбенеть. Это было все равно как если бы индекс Доу-Джонса подскочил на восемьдесят пунктов, но когда вы нашли в списке свои акции, выясняется, что они упали на шесть долларов за штуку. Он снова перечитал страницу.

Решение Совета национальной безопасности
Директива 116
Вашингтон, округ Колумбия, 20002
Совершенно секретно
Система 2

Президент пересмотрел американскую позицию на переговорах в свете предложения, сделанного Советам послом Муром в прошлом месяце.

Президент решил, что хотя не все элементы предложения Мура отвечают интересам национальной безопасности США, дальнейшие переговоры с целью определения отношения Советов будут соответствовать амери-

канским целям на этих переговорах. Высшей группе планирования политики по контролю над вооружениями (ВГППКВ) надлежит выработать инструкции для следующего раунда, как она делала это раньше. В этих инструкциях не должно быть никаких ссылок на предложение Мура.

Однако главным членам ВГППКВ предлагается рассмотреть вопрос о том, какие элементы предложения Мура отвечают американским интересам и могут быть использованы в ходе дальнейших переговоров, должна быть также образована специальная группа, составленная исключительно из главных членов ВГППКВ, с целью отслеживания событий и выработки рекомендаций Совету национальной безопасности в установленном порядке.

Специальное подразделение с кодовым наименованием должно быть создано для всех видов связи и отправки документов в адрес специальной группы и исходящих из нее.

Президент просил меня подчеркнуть важность, какую он придает абсолютной конфиденциальности всего, что связано с этой проблемой.

ЗА ПРЕЗИДЕНТА США
Митчелл Уоллес,
Помощник президента по национальной безопасности

Не выпуская документа из рук, Уотерман позвонил Мэгги.

— Мэг, — сказал он, — попробуйте связаться по защищенной линии с Бобом Ридом из Совета национальной безопасности. Это очень срочно.

Мгновение спустя раздалось знакомое жужжание аппарата безопасной линии связи. Уотерман поднял трубку. И даже не поздоровался.

— Боб, я стою с экземпляром решения Совета национальной безопасности. Сейчас утро понедельника.

Министр обороны в Сан-Франциско по пути в Южную Корею. Сегодня вечером ожидается снежный покров в десять сантиметров и необычная для этого времени года буря. Система отопления в крупнейшем административном здании в мире по понедельникам работает из рук вон, и я могу отморозить себе задницу. А вы, ребята не нашли ничего лучшего, как послать мне смехотворное решение и подвергнуть испытанию мое чувство юмора.

— Когда ты его получил?

— Минуты две назад.

— Черт возьми, это будет мне стоить пять баксов.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я заложился с Крамером, что ты позвонишь через девяносто секунд.

— Ты забыл принять во внимание мгновенный паралич, вызванный изумлением и внезапной острой потерей сообразительности.

— Ты удивлен?

— Какого черта мне удивляться? Министр возвращается с заседания в Белом доме и говорит мне, что мы одержали заслуженную победу — в битве, которой в хоть чуточку организованной администрации вообще не могло быть. Единственное, что мне предстояло понять, это масштаб одержанной нами победы. Оставалось только разослать решение Совета национальной безопасности со смертным приговором предложению Мура, которое надлежало умертвить либо посредством его игнорирования, либо — как предложил я — посредством протыкания его шпагой в самое сердце. И что же из этого вышло? — Майкл помахал листком решения перед телефонной трубкой. — А вот это самое и вышло. И ты еще спрашиваешь, удивлен ли я. Нет, я не удивлен. Скажу тебе, Боб, почему. Потому что это проклятое правительство, которое всегда было некомпетентным, но оставалось хотя бы предсказуемым, теперь стало *и* некомпетентным, *и* непредсказуемым.

— Ну, ты *должен был* удивиться. *Я* удивился и так и написал этому паразиту.

— Так как же...

— Прежде чем ты спросишь меня, как это произошло, позволь мне сразу сказать, что я не знаю, как это произошло. Я наблюдал, как вертолет в пятницу взлетел с Южной лужайки Белого дома и взял курс на Кемп-Дэвид. Я знаю, что лежало в портфеле, который улетел вместе с президентом. А ты получил то, что прилетело обратно.

— Кто-нибудь еще ездил в Кемп-Дэвид? Кто был с президентом?

— Они были вдвоем — Старик и Уоллес.

— Какие у нас возможности что-нибудь поправить в тексте?

Рид деланно засмеялся.

— Можешь подумать о прилагательных. Но к существительным прикасаться нельзя.

— Что, черт возьми, происходит?

— Пожалуйста, не кричи на меня. Я здесь просто служу. Я посылаю тебе бумагу для визирования. Согласно этой бумаге, ты входишь в специальное подразделение с кодовым названием «Принц».

— Зачем мне это?

— Когда мы составим документ...

— Документ? Еще один богом проклятый документ? — Уотерман и в самом деле был вне себя. — Ваш последний документ так меня порадовал!

— Послушай, — сказал Рид, — может быть, президент принял твои аргументы. Может быть, он хочет, чтобы русские похоронили предложение Мура, и когда это наконец выйдет наружу, окажется, что это они несговорчивы.

— Ты оптимист, — хмыкнул Уотерман.

— А как иначе здесь можно работать? — Рид положил трубку.

Уотерман сделал то же самое, сердитый и расстроенный. Ничто никогда не получается, как надо. Ничто ни-

когда не становится ясным. Одну и ту же битву приходится вести снова и снова. Для внешнего мира все должно выглядеть убедительным и последовательным. Но те, кто находятся внутри, вынуждены вести постоянную борьбу, одна стычка сменяет другую.

Президент проявляет все бо́льшую нерешительность. Когда он принял решение поддержать Нулевой вариант, несмотря на отчаянное сопротивление госсекретаря, он выдержал все попытки оказать на него давление — что-то вымарать или изменить, — вопреки неустанным усилиям госсекретаря. Но в последнее время все, что казалось ясным, стало вдруг мутным, а решения, которые казались окончательными, стали вдруг промежуточными. Все меньше «да» и «нет», и все больше — «может быть».

Пентагон
14 ноября, 5:00 дня

Уотерман был уже в машине, когда Мэгги с криком выбежала из подъезда и замолотила по стеклу.

— Боб Рид сказал, что он... должен с вами поговорить, — она с трудом перевела дыхание. — Он в телефонной будке в аэропорту «Нэшнл», собирается куда-то лететь.

Уотерман добежал до своего кабинета и с удивлением обнаружил, что Боб терпеливо ждет на линии.

— Ты оторвал меня от дела, жизненно важного для моей собственной национальной безопасности, — сказал он в трубку.

— Что это означает?

— Я собрался в кои-то веки посмотреть футбольный матч с участием моего сына.

— Это что-то новенькое. Когда ты обнаружил, что у тебя есть семейная жизнь?

— Я собираюсь стать первым из заместителей министра по проблемам международной безопасности на про-

тяжении трех администраций, который сумел не развестись к моменту выхода в отставку, — сказал Уотерман, на сей раз без всякой иронии.

— Ладно, не хочу отрывать тебя от счастливых отцовских забот, но я предупредил Мэгги, что это очень важно, — сказал Рид. — Пришло сообщение в подразделение «Принц». Госдеп, чтоб ему провалиться, получил его еще два дня назад. Мне пришлось его оттуда буквально выцарапывать. Теперь, когда мне это удалось, ты получишь его без затруднений.

— Что там говорится?

— Мы говорим по открытой линии.

— Прости. Забыл. Как они объяснили задержку в два дня?

— О, напустили тумана насчет того, что запросили у Мура разъяснений и ждали ответа. Беннетовские штучки, конечно.

— Я позвоню прямо сейчас, Боб. Спасибо тебе.

Уотерман положил трубку и набрал номер генерала Коллинза по горячей линии. Послышался сигнал «занято».

— Черт возьми, — выругался он и позвал Мэгги. — Я опаздываю на матч Джейсона, я ему обещал, что обязательно приеду. Звоните Коллинзу. Когда соединитесь с ним, скажите, что есть сообщение, адресованное подразделению «Принц», которое мы еще не получили. Попросите его достать это сообщение в госдепартаменте. Я должен его прочитать, когда вернусь.

***

Ясно, почему они держали его два дня, подумал Уотерман, схватив со стола телеграмму. Бог знает, какие отчаянные маневры они пытались предпринять, чтобы спасти предложение Мура, прежде чем признать свое поражение. Он начал внимательно читать:

Секретно-Конфиденциально-Принц

Сегодня утром я встретился с послом Роговым. Я начал излагать пункты, содержащиеся в инструкции, давая понять, что готов продолжить обсуждение того, о чем говорилось в лесу.

Прежде чем я успел их изложить, Рогов меня прервал. «Вам не нужно продолжать, — сказал он. — В Москве меня осадили. Идея мертва. Я не уполномочен обсуждать ее дальше».

Мур

Секретно-Конфиденциально-Принц

«Доброй ночи, мой сладкий принц». Уотерман швырнул телеграмму в машину-бумагорезку и подождал, пока она не превратилась в конфетти.

Глава семнадцатая

Москва,
20 ноября, 8:00 утра

Завтрак в московской гостинице «Интурист» был маловыразителен, сервис неспешен и не слишком приветлив. Но чай подали на редкость ароматный, и йогурт оказался на удивление хорош. Уотерман, Беннет и Эллис Мур заняли угловой столик на шестерых в просторной столовой второго этажа. Один пустой стул отвели под портфели и папки с документами — они понадобятся делегации на встрече, которая по расписанию должна состояться на подмосковной даче министерства иностранных дел. На другой свободный стул они сложили свои пальто.

В Штатах этот визит остался практически незамеченным. Встреча на высшем уровне — вот то событие, к которому будет привлечено всеобщее внимание. Поэтому их отъезд был ничем не примечателен. Как рядовые бизнесмены, они вылетели экономическим классом в Лондон, где их ждал «Гольфстрим» ВВС США, чтобы за три с половиной часа доставить в Москву. Здесь их встретили сотрудники посольства и без лишних церемоний отвезли в «Интурист».

Вся эта анонимность была сорвана на следующее утро во время поездки из Москвы до мидовской дачи в сорока пяти километрах от города. За ними заехала каваль-

када «Крайслеров-К» из американского посольства, и, ведомые министерским «ЗИЛом», они направились по широким проспектам на запад от Москвы. Уотерман, оказавшийся в последней машине, заметил, что их преследует зеленый «мерседес». Он обратился к сидевшему рядом посольскому переводчику:

— Кто это сзади — КГБ?

Переводчик оглянулся.

— Нет, — сказал он, прищурившись, пытаясь разглядеть людей в приблизившейся зеленой машине. — Думаю, что это Си-Би-Эс.

И в самом деле, как только кавалькада выбралась на шоссе и начала набирать скорость, из люка на крыше «мерседеса» высунулся худой румяный телеоператор в зеленой вязаной кепке и с пышными рыжими усами. Машина то и дело шла на обгон, стараясь втискиваться в промежутки между посольскими машинами, оператора мотало из стороны в сторону во время этого слалома, но он упрямо запечатлевал продвижение делегации к месту переговоров.

Это был тот глупейший, на взгляд Уотермана, вид репортажа, который телевизионщики считали необходимым, чтобы избежать самой скучной из всех телекартинок, так называемой «говорящей головы». Телеведущие, читая выпуски новостей, зарабатывают миллионы. Но режиссеры ночных выпусков новостей наполняют каждую историю этими визуальными обоями, чтобы телезрители не устали от высокооплачиваемых ртов.

Когда кавалькада прибыла на место, преследование отнюдь не закончилось. «Мерседес», всю дорогу сопровождавший делегацию, обогнал кавалькаду у самых ворот поместья в русском стиле, большого здания дворцового типа, видневшегося в конце покрытой гравием длинной подъездной дорожки, бежавшей по парку — скорее итальянскому, нежели славянскому. Уотерман заметил, что охрана в форме приветствовала телевизионщика, который весело махал им рукой.

Заседание проходило не в главном здании, а в увитой плющом пристройке, сложенной из дерева и камня; видимо, когда-то здесь было помещение для слуг.

Американцам пришлось пройти мимо видеокамер, телевизионщиков охрана выставила за ворота только после того, как они вдоволь наснимались, и Уотерман подумал, что их наверняка кто-то предупредил. Шурша ботинками по мелкому, словно горох, гравию, они подошли к ступенькам. Там их поджидали советские партнеры — Калинин, Куликов и Кагарович (Ку-Клукс-Клан, мысленно окрестил их Уотерман), расположившиеся в соответствии с протоколом по старшинству в восходящем порядке.

Александр Кагарович в роскошной форме генерал-лейтенанта со множеством орденских планок стоял на нижней ступеньке крыльца, суровый Владимир Куликов, старый аппаратчик из министерства иностранных дел, занял среднюю ступеньку. На верхней стоял Виктор Калинин, протеже Андрея Громыко в сером костюме хрущевской эпохи; он хищно улыбался, обнажая искусственные зубы неважного качества. Все трое напомнили Уотерману советских вождей на трибуне Мавзолея в день майского праздника.

Американцы, поднимаясь тоже в восходящем протокольном порядке, пожимали руки хозяевам, оказываясь на соответствующей ступеньке. Первым шел Мур, за ним Беннет, далее Уотерман, за которым шествовали стенограф, посольский переводчик и офицер безопасности посольства, которому предстояло наблюдать за портфелями американцев, когда они будут выходить из комнаты переговоров на ланч или посовещаться.

Войдя внутрь, Уотерман оглядел главную комнату дачи. Стены были обшиты современными панелями под дерево, хрустальные люстры венецианского стекла свисали с потолочных балок — необработанных сосновых бревен. Чучело медведя стояло возле одной из стен, противоположную украшали оленьи рога. Русские показали аме-

риканцам их места с дальней стороны стола, покрытого зеленым сукном и уставленного тяжелыми стаканами и бутылками сульфатной минеральной воды с отклеивающимися этикетками. Стопки грубой бумаги для заметок лежали перед каждым участником переговоров.

С изрядным шуршанием обе стороны разложили на столе бумаги и блокноты. Когда подготовка завершилась, на какой-то момент воцарилась тишина.

— Теперь, — сказал Калинин, поправляя воротничок рубашки, — мы можем начинать.

Согласно протоколу, Советы должны были предоставить право говорить первыми американцам, и Эллис Мур, нацепив очки, приготовил свои заметки. Он набрал в легкие воздух и открыл рот. Но прежде чем он что-либо произнес, заговорил Калинин.

— Посол Мур, добро пожаловать на нашу дачу. Когда-то это было имение богатого помещика. Теперь оно принадлежит министерству иностранных дел и служит для приема почетных зарубежных гостей. Мы встретились здесь по очень важному поводу.

Калинин откинулся на спинку стула и, улыбнувшись, продемонстрировал свои протезы.

— Очень скоро впервые встретятся наши лидеры. Это будет событие исключительной важности не только для Соединенных Штатов и Советского Союза, но и для всего мира. Все человечество хочет мира. Оно беспокойно ждет. В течение многих месяцев мы находимся в тупике. Это не вина советской стороны, которая всегда была готова и сейчас остается готовой сдвинуть горы ради мира, — он ухмыльнулся во весь рот. — Итак, я и мои коллеги приглашаем вас, посол Мур, рассказать нам, что вы привезли с собой.

Уотерман пришел в бешенство. Самым грубым образом Калинин потребовал от американцев изменения их позиции, новых уступок.

— Ну что ж, Виктор, — заговорил наконец Мур. — Надеюсь, вы не будете разочарованы, если я скажу, что, на

наш взгляд, сейчас не время для новых идей. Это повод прояснить состояние наших дел, чтобы наши лидеры, прибыв в Хельсинки, хорошо понимали, что нас разъединяет и почему.

Мур для пущей выразительности постучал указательным пальцем по зеленой скатерти.

— Я хотел бы подчеркнуть это последнее слово — *почему*. Нам известна ваша позиция по ракетам средней дальности, например. Вы хотите уничтожить все наши ракеты и сохранить некоторое количество своих. Нам известно неприятие вами нашей исследовательской программы СОИ. Вы считаете, что мы должны прекратить все ядерные испытания и ликвидировать все наши военные базы за рубежом, и это мы тоже знаем.

Мур выдержал паузу.

— Но мы не знаем, *почему* вы занимаете такую абсурдно одностороннюю позицию. О, я знаю, что вы ответите. В эти дни в Вашингтоне я не могу включить телевизор и не увидеть, как вы или кто-то из ваших коллег излагает советскую позицию. *Ночная строка, Встреча с прессой, Лицом к стране, программа Бринкли.* Не удивлюсь, если увижу вас и в комедийной программе Джонни Карсона. Вы заполонили все американское телевидение, Виктор, — я хотел бы спросить: вас когда-нибудь видят советские телезрители?

Калинин напрягся и с трудом скривил губы в улыбке.

— Иной раз.

— Наверное потому, что здесь вас ценят меньше, чем в Америке. Но разрешите сказать вам, Виктор: вы действительно очень популярны в Соединенных Штатах, — Мур откупорил бутылку минеральной воды и наполнил свой стакан. — Проблема, однако, в том, что популярность не способствует пониманию.

Мур наклонил голову в сторону Уотермана.

— Мой молодой коллега, господин Уотерман, например, особенно озадачен вашей оппозицией программе СОИ. Он припоминает, что совсем не так давно Совет-

ский Союз выступал горячим сторонником стратегической обороны. Должен также сказать вам: мы не можем принять вашу точку зрения, что Соединенные Штаты несут ответственность за нынешний тупик в переговорах между нами. Говоря откровенно, мы видим причину этого тупика в том, что позиция господина Новикова по этим вопросам никому не известна.

Калинин неловко заерзал. Куликов скорчил гримасу и решительно задымил сигаретой «Мальборо». Кагарович сидел неподвижно, крутя между ладонями большую, похожую на дорогую сигару, авторучку «Монблан». Реакция советских дипломатов не была неожиданной. Удивительным было поведение Беннета. Он сидел с надутым видом. Прикусывал губу. Закатывал глаза к потолку, демонстрируя раздражение агрессивным тоном Мура.

Мур сделал паузу и отпил несколько глотков воды. По его лицу можно было понять, что́ он об этом думает, но при его выдержанности оно выражало не так уж много. Он поставил стакан на место и продолжал, как бы не замечая раздражения Беннета, нападать на Калинина по вопросам ядерных испытаний и СОИ. Закончив, он повернулся к Уотерману.

Уотерман заговорил, впившись глазами в генерала Кагаровича.

— Я всегда хорошо понимал советскую точку зрения, согласно которой защита отечества является священным долгом. И действительно, как генералу Кагаровичу это хорошо известно, все, что пишется о советских вооруженных силах, полнится упоминаниями о необходимости защиты матушки России.

От него не укрылось, что генерал утвердительно кивнул.

— Но теперь Советский Союз отвергает свою историю и традицию. Почему? Если вполне оправданно защищать собственную территорию от авиации противника, то почему нельзя защищать ее от ракет? Если обе наши стороны считают разумным прятать, перемещать и

укреплять свои ракеты, защищая их от нападения, то почему неразумно защищать их с помощью стратегической обороны?

— Я внимательно слушал, — начал генерал, — то, что говорили господин Уотерман и посол Мур. Как военный человек я должен согласиться со многим из того, что господин Уотерман сказал об истории развития вооружений и исторически сложившемся внимании к защите отечества. Но это абстрактные рассуждения.

Он выдержал паузу, потянулся через стол мимо Калинина к куликовской пачке «Мальборо», достал сигарету и прикурил от золотой дюпоновской зажигалки, которая лежала у него в нагрудном кармане мундира.

— Господин Уотерман, — он с силой выпустил изо рта струю дыма, — хотел сказать, что мы фактически согласились со стратегической обороной в принципе. Вы настаиваете на том, чтобы мы согласились с ограничением наших наступательных сил, в то время как сами разрабатываете программу «Звездных войн», которая изменит баланс не в нашу пользу.

— Но откуда такой подход? — спросил Уотерман. — Почему мы должны считать наращивание вами противовоздушной обороны законным, а наши антиракетные исследования угрожающими?

— Потому что ваши «Звездные войны» переносят гонку вооружений в космос, — сказал Калинин.

— Это лозунг, — парировал Уотерман. — Мы никогда не придем к согласию, если вы станете прикрываться лозунгами.

— Нет смысла говорить с нами, как со школьниками, — сердито ответил Калинин и возвысил голос. — Вы полагаете, что можете навязать нам технологическое соревнование, которое окажется нам не по карману. Но уверяю вас, что мы сделаем все необходимое...

— Для защиты отечества? — вторгся Уотерман.

— Для обеспечения... нашей... безопасности, — рявкнул Калинин, стукнув кулаком по столу.

Мур звякнул своим золотым пером по бутылке. Легкий звон прервал повышенные тона.

— Виктор, — сказал он мягко, — тут не о чем спорить. Мы исходим из того, что каждый стремится защитить свою страну. Мы здесь для того, чтобы выяснить: можем ли мы решить эту задачу в более конструктивном и менее конфронтационном духе. Думаю, что с этим все согласятся.

Беннет воспользовался наступившей тишиной и вступил в разговор.

— В прошлом мы научились находить практическую базу для соглашений, невзирая на расхождения в наших философских доктринах, — звучал его приятный голос. — Не думаю, что нам есть смысл вступать в философский спор, — он посмотрел на Уотермана. — Мы должны практично подойти к разделяющим нас проблемам.

— Согласен, — сказал Калинин. — Нужно искать практические решения.

— Мы прибыли в Москву в поисках общей почвы под ногами, — сказал Беннет. — Очевидно, нужны практические предложения. Мой коллега, — он кивнул в сторону Уотермана, — больше интересуется философской стороной дела, что прекрасно и даже полезно — если бы у нас для этого было время. Но, джентльмены, время истекает. Нам нужно подготовить встречу на высшем уровне.

Беннет оглядел присутствующих, все утвердительно закивали головами. Он посмотрел на советских делегатов и улыбнулся им самой располагающей улыбкой.

— Быть может, было бы полезно, если бы посол Калинин сказал нам, какие ограничения программы СОИ позволили бы нам двигаться вперед. Это и будет практический шаг.

Уотерман посмотрел на Беннета, не веря своим ушам. Мур тоже остолбенел. Он бросил на Беннета стремительный предостерегающий взгляд. Советы, явно обрадованные открывающейся перед ними возможностью, уже были готовы принять приглашение Беннета и обри-

совать ограничения, которые они хотели бы наложить на СОИ, но Мур предложил сделать короткий перерыв.

Протокол требовал, чтобы американская делегация осталась в комнате заседаний. Они молча ждали, пока русские собрали свои заметки и удалились в комнату с противоположной стороны вестибюля. Когда они остались одни, Мур тут же сурово отчитал Беннета за эту ничем не оправданную и шокирующую эскападу любительской дипломатии.

Уотерман поддержал Мура.

— Мы много часов обсуждали наши подходы к этому совещанию. Мне казалось, что мы пришли к согласию.

— Конечно, Майкл, — сказал Мур. — Но думаю, что в одном отношении Дэн прав: они уперлись. Пора прибегнуть к чему-то новому.

— Но ведь Дэн практически объявил им, что мы примем ограничения СОИ, — сказал он.

— Ты хочешь потратить два дня впустую или хочешь чего-то достичь? — спросил Беннет.

— Черт возьми, на чьей ты все-таки стороне? — спросил Уотерман, и у него непроизвольно сжались кулаки. — Ты говоришь как Калинин.

— А ты как Кертис Лимэй*, — отпарировал Беннет. — Мы здесь для переговоров, а не для того, чтобы вставать в позу.

— Не обманывайся, — сказал Уотерман. — Даже если они не слышат каждое слово, произносимое в этой комнате, они отлично поняли из всего сказанного, что мы готовы отступить от той линии, на которой стояли вчера. Они ни черта нам не уступят. Если тебе нужны два дня, чтобы в этом убедиться, пожалуйста. Но я ни за что и намеком не покажу им, что готов отказаться от СОИ или Нулевого варианта.

* Кертис Лимэй (род. 1906) — генерал американских ВВС, сторонник крайне жестких действий американской авиации, в том числе бомбардировки Кубы во время «кубинского кризиса» (1962).

Русские вернулись, и после четырехчасовых споров без малейших признаков подвижки с какой-либо стороны был объявлен перерыв на ланч. За длинным обеденным столом позиции американцев и русских остались теми же, какими были в Женеве. Утренняя встреча, понял Уотерман, закончилась ничем.

Москва,
20 ноября, 3:15 дня

После ланча был устроен получасовой перерыв перед началом дневного заседания. Когда они вышли в вестибюль из столовой, Уотерман отвел Беннета в сторону.

— Давай прогуляемся, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

— А Мур?

— Он что-то пишет. Хочет побыть один.

Они вышли из резных деревянных дверей и остановились у переднего крыльца.

— Хорошо. Я только сбегаю в комнату за сигаретами и возьму пальто.

— Я подожду тебя здесь.

Уотерман, накинувший стеганую куртку поверх костюма-тройки, показал на железную скамейку в парке у сплошной стены могучих берез и сосен.

Осенние листья давно уже легли на землю. Голые клены и золотые вязы попадались среди зеленых сосен и елей по обе стороны дорожки. Вдали кто-то устроил костер из опавших листьев, и сладковатый дымок плыл над густым лесом дачного участка.

Уотерман присел на скамейку и, прикрыв глаза, подставил лицо пока еще согревающим солнечным лучам. Затем огляделся вокруг, пытаясь отыскать глазами небрежно припрятанный провод, ведущий к скрытому микрофону. Ничего не увидел. Он снял перчатку и провел рукой под скамейкой. Там тоже ничего не оказалось.

Как часто, размышлял он, ничего не подозревающая иностранная делегация выходила прогуляться из комнаты заседаний на министерской даче, уверенная, что за ее пределами можно приватно посовещаться? Уотерман, конечно, знал, что КГБ устанавливал подслушивающие устройства не только в доме, но и в парке. Микрофоны были повсюду — в саду, на тропинках, на подъездной аллее, не только в столовых, вестибюлях, коридорах и туалетах.

Туалеты были особенно благодатным местом для сбора информации. В перерывах после напряженных переговоров делегаты бежали в туалеты. Как просто было беззаботно обменяться мнениями, иной раз довольно выразительно, о том, что было за столом переговоров. Отличительной чертой советской жизни были запущенные туалеты и первоклассная электроника, вмонтированная в их стены.

Уотерман увидел приближающегося Беннета. Он встал и зашагал с ним вместе по тропинке, стараясь попасть во взятый им темп.

— Слушай, — сказал Уотерман, когда они отошли от дачи, — нет никакого продвижения. Если и дальше все пойдет, как утром, мы уедем ни с чем.

— Нельзя рассчитывать на продвижение, если сам не готов ни в чем уступить ни дюйма, — ответил Беннет.

— Почему ни в чем? — запротестовал раздраженный Уотерман. — Кое в чем. В существенном, Дэн. Кроме всего прочего, нет смысла проявлять гибкость, когда другая сторона непреклонна и неуступчива.

— Но ведь абсолютно ясно, что они ни на что не согласятся, если мы не примем каких-то ограничений СОИ. Если мы будем стоять стеной, они будут делать то же самое.

— Дэн, ты же сам при этом присутствовал. За все утро они ничего не сказали и проигнорировали все наши аргументы.

— Какие к черту аргументы. Там не было никаких аргументов. Майкл, это тебе не дискуссионный клуб в

колледже. Это переговоры, и у этих ребят свои инструкции...

— Суть этих инструкций, — сказал Уотерман, — в том, чтобы любым способом убить СОИ, ни словом не обмолвившись, что у них есть аналогичная программа. Разве это переговоры?

— Тебе не нужно мне объяснять, в чем изъян их позиции, Майкл, — сказал Беннет раздраженно.

— Судя по утреннему заседанию, это не так.

— Что, черт возьми, ты этим хочешь сказать?

— Ради бога, Дэн, во время вступительного слова Мура ты закатывал глаза, прикусывал губы, всем своим видом давая понять тем, кто сидел напротив, насколько тебя не устраивает наша позиция...

— Да ты просто параноик.

— Есть жесты и мимика, которых нельзя не понять, — сказал Уотерман. — Твои жесты, твоя мимика говорили им ясно и отчетливо: не обращайте внимания на ерунду, которую несет этот тип.

— Бред собачий.

Уотерман остановился и, повернувшись к Беннету лицом, ткнул ему указательным пальцем в грудь.

— Я могу тебе рассказать, что такое бред собачий, Дэн. Это когда отвергают политику президента, если она тебе не по душе. Да будет тебе известно, что я поддерживаю программу СОИ, — продолжал Уотерман, — но предположим, что не поддерживаю. Я все равно был бы обязан отстаивать его позицию. Ведь выбрали его, а не меня. Он несет ответственность за победы и провалы. Мандат у него, а не у меня и не у тебя.

Беннет отбросил уткнувшуюся ему в грудь руку и снова зашагал по тропинке.

— Прекрати эти глупости, Майкл. Это поза — говорить «я обязан поддерживать президента». Вот ты займешь такую позицию и что будешь делать, когда он выдвинет какую-нибудь дурацкую невыполнимую идею?

— Нужно постараться его отговорить, — сказал Уотерман. — Но коли речь идет о невозможности поддерживать его позицию, то надо уходить в отставку. А не подрывать позицию президента, служа в качестве его представителя.

— Да брось ты, Майкл, ты говоришь не с учеником начальной школы. Когда в последний раз ты что-нибудь обсуждал с президентом? Хорошо еще, если позовут на заседание Совета национальной безопасности и усадят в заднем ряду.

Уотерман покраснел. Беннет был прав. Слова о том, что можно пойти к президенту и обсудить с ним тот или иной политический вопрос, были глупостью. Но сам принцип, говорил он себе, незыблем.

— Кроме того, — продолжал Беннет, слово «подрывать» возмутительно, оно переводит наш спор не в то русло. Давай пользоваться нейтральным словом, вроде «менять», или «поправлять», или «воздействовать». Почему уйти в отставку морально предпочтительнее, чем пытаться влиять на президента? Уйти — значит капитулировать, это может поднять настроение, потешить личное чувство чести и независимости, но что будет со страной, с интересами общества?

— Я не против попыток влиять на президента. Мы все это делаем, — согласился Уотерман. — Но должна быть разграничительная линия между влиянием и обманом. Вы в госдепе трудитесь сверхурочно, пытаясь склонить президента к новому детанту. Вы изображаете Новикова либералом западного толка, не имея на то доказательств. Вы сварганили разведданные, говорящие о том, что, поскольку Новиков хочет реформировать экономику, он готов расстаться с коммунизмом и глобальным советским влиянием. Он все время повторяет, что он коммунист, а вы вымарываете такие слова из документов, которые вы готовите для президента.

Уотерман остановился. Солнце ярко сияло, его лучи пробивались сквозь серебристые березы. Запах дыма стал сильнее, ароматнее.

— Черт возьми, Дэн, ты читаешь те же разведсводки, что и я. Несмотря на всю риторику, Новиков отказался урезать военное производство. В прошлом году Москва произвела больше танков, чем за любой год брежневского правления.

— Подожди, Майкл, — перебил его Беннет. — Новиков вывел пятьдесят тысяч солдат из Восточной Европы и демобилизовал еще полмиллиона. Ты просто не хочешь отдать должное тому, что он делает или пытается делать.

— Это совсем не так, — ответил Уотерман. — Мы оглянулись на прошлое и честно проанализировали все, что делает Новиков. Поражает то, чего он *не* делает. Он не снижает советскую военную мощь. Он ее консолидирует. Даже сокращение численности не противоречит тому, что я говорю: он модернизирует советские вооруженные силы, заменяет разбухшую армию меньшей по численности, но лучше вооруженной. И он не урезал военные расходы.

— Мы отклоняемся от темы, — сказал Беннет. Он наклонился, поднял сосновую шишку и швырнул ее в белку, мелькнувшую на ветхом заборе. — Мы говорили о СОИ. Факт, который невозможно отрицать, состоит в том, что Новиков ее настолько боится, что готов заблокировать любое продвижение к соглашению о контроле над вооружениями, пока мы настаиваем на непреложном праве развернуть стратегическую оборону. Если мы хотим достичь соглашения, мы должны сдвинуться с места — сейчас.

— Но ведь нам нужно не *любое* соглашение, а хорошее соглашение.

Беннет снова поднял шишку и швырнул ее вдаль.

— Черт, — выругался он. Он остановился и повернулся лицом к Уотерману: — Хватит валять дурака. Ты не хочешь никакого соглашения. Ни плохого соглашения. Ни посредственного. Ни хорошего. Ты не стремишься ни к какому затраханному соглашению. Точка.

Беннет повысил голос.

— Все знают, что Нулевой вариант — это позорище, уловка, препятствующая любым серьезным перегово-

рам. Ты отлично знал, что Советы его отвергнут. Именно поэтому ты его и придумал. Многие годы ты веришь, что любое серьезное соглашение о контроле над вооружениями приведет к психологическому разоружению Запада. Ты считаешь, что любое соглашение произведет усыпляющее действие. Почему бы тебе не сказать об этом прямо и не делать вид, что ты хочешь добиться более выгодных условий?

— Я мог бы вывернуть твои рассуждения наизнанку, — сказал Уотерман, — и заявить, что ты готов на любое богом проклятое соглашение, лишь бы его подписали Советы, вне зависимости от того, выгодно оно нам или нет. Я мог бы пойти и дальше. Вы, ребята, лишь на словах поддерживаете идеи, лежащие в основе серьезных аргументов. Вы полагаете, что все дело в политиканстве и дипломатии. И плевать вы хотели на военные последствия. Вам нужен листок бумаги. И что еще хуже, вы все время спешите. Вы просто устроили гонку, лишь бы дать что-то подписать на встрече лидеров.

— Но ведь в этом все дело, Майкл, — двигаться по пути к миру.

— Да будет тебе, Дэн. Вопрос не в том, кто за мир, а кто нет. Мы все за мир. Я, по крайней мере. И не сомневаюсь, что и ты за мир. Во мне нет пренебрежения человеческими жизнями или безразличия к ужасам ядерной войны. Джим Райдер отнюдь не потирает руки при мысли о близкой войне. Маккэндлесс тоже не рвется в бой. Вопрос в том, как достичь мира. Или, если сказать иначе, как избежать войны, не принеся в жертву наши убеждения, не предав наших друзей. Если мы пожертвуем нашими ценностями и бросим друзей на милость Советов, мы кончим войной, которой хотели избежать.

Уотерман повернул голову в сторону собеседника.

— Мне лично плевать на ту ерунду, утечку которой в прессу ты организуешь. Что меня беспокоит...

— Что!? — взорвался Беннет. — Я не устраиваю никаких утечек, черт возьми.

— Да ладно, Дэн. Конечно, устраиваешь. Некоторые вещи из тех, что мне недавно довелось прочитать в «Таймс», звучат точно как твои меморандумы межведомственной группе — вплоть до отдельных языковых нюансов. Ты хочешь, чтобы пресса видела во мне злодея. Ладно, это меня не трогает. Злодей так злодей. После пятнадцати лет работы в правительстве у меня задубела кожа, как кора на том дереве. Меня беспокоит то, как ты злонамеренно трансформировал наш спор в соревнование между добрыми и честными борцами за мир и переговоры, с одной стороны, и темными, злобными поджигателями войны — с другой. Я очень хорошо знаю, чем все это кончится.

Он положил руку в перчатке на грудь Беннета и слегка его подтолкнул.

— Завтра мы уедем из этой несчастной страны, — он подтолкнул Беннета снова, — а на следующий день я прочитаю в «Вашингтон Пост», как главный злодей министерства обороны, — снова толчок, — сидел на подмосковной даче и блокировал любое продвижение к соглашению, которое могло бы спасти мир от ядерного уничтожения.

Уотерман прижал Беннета к стволу клена и, стоя почти вплотную к нему, бросал в его закутанную в кашемир грудь отчетливо, едва ли не по слогам произносимые слова.

— И единственная причина, заставляющая меня принимать все так близко к сердцу, в том, что это откровенная ложь.

— Если ты закончил свою проповедь, — сказал Беннет, резким движением оттолкнув Уотермана, — позволь мне подвести итог: в том, что касается президента, ты проигрываешь. Было время, когда он с тобой соглашался. Но теперь его ждет встреча на высшем уровне, и он хочет быть уверенным, черт возьми, что она не кончится крахом. Я давно наблюдаю за ним. Когда-то он рассуждал примерно как ты. Но это в прошлом. С каждой встречей, с каждым документом он движется вперед.

На патрицианском лице Беннета отражалось самодовольство.

— Возможно, что ты этого не заметил, но президент и в самом деле *верит* в разоружение. Он хочет избавиться от ядерного оружия. И государственный департамент намерен помогать ему в осуществлении этой политики. Мы добьемся цели или здесь, или в Хельсинки.

Уотерман наподдал носком ботинка кучу опавших листьев. Больно было сознавать, что Беннет, по всей видимости, прав. В течение нескольких недель госдепартамент обрабатывает президента, бомбардируя его записками, меморандумами, обзорами. Госдеп подготовил даже видеофильм о Новикове, в котором искусно соединили все — и то, что считалось фактом, и то, что было только слухами, впрочем, лишь благоприятного толка. Создавалось общее представление о новом лидере, который готов положить конец враждебности к Соединенным Штатам и начать играть по американским правилам.

— Возможно, что на данный момент ты прав, — сказал Уотерман. — Но если кто-то и собирается капитулировать, то это не я.

— В конечном счете все сводится к вопросу о том, как оценивать Новикова. Ты уверен, что понимаешь его и знаешь, что у него на уме. Я сомневаюсь, что сам Новиков знает, куда он движется — он мечется, пытается нащупать дорогу. Я не сомневаюсь, что вокруг него есть люди, предпочитающие старую твердую линию, но...

— Вот именно, — перебил его Уотерман. — Его подталкивают со всех сторон. Как мы встретим его, как будем ему противостоять — ключевой вопрос. Дать ему то, на чем настаивают его твердоголовые, значит привести *их* к реальной власти. Противостоять ему сейчас — останется надежда на то, что мы сможем формировать его политику. Именно потому, что его подталкивают со всех сторон, как ты выразился, мы должны отдавать себе полный отчет, в какую сторону *его подталкиваем мы*. Мы можем хотя бы

толкать его *вместе* с реформаторами, а не против них. На чьей ты стороне, Дэн?

И не дожидаясь ответа от уже приоткрывшего рот Беннета, он повернулся на пятках и зашагал в направлении дачи.

Москва,
22 ноября, 4:00 дня

По московским стандартам у советника-посланника была квартира гигантских размеров. Для американца же это были скромные заурядные апартаменты в обветшалом здании, где размещалось также и американское посольство. После бесплодных трехдневных заседаний с задачей подготовить встречу лидеров казалось вполне естественным, что визит делегации завершается здесь, за чашкой растворимого кофе, подаваемого пожилым официантом, очевидно, старейшим агентом КГБ, не уволенным пока в отставку.

Делегация — Мур, Уотерман и Беннет, а также посланник Маклафлин Пулсби-младший, которого все называли Пул, мрачно сидели за обеденным столом в конце комнаты, служившей одновременно столовой и гостиной, выходившей окнами на улицу, обрамлявшую с внешней стороны посольский комплекс. Хозяйничавшая Ирина разливала кофе «Максвелл хаус» в кружки с эмблемой команды «Вашингтонские краснокожие». Из всех только у одного Уотермана не пропал аппетит, и он жевал русский черный хлеб, густо намазанный финским сливочным маслом.

— Хлеб просто потрясающий, — сказал он. — В остальном же русская кухня это просто набивание желудка.

— Не забывайте про икру, — заметил Пул. — Икра — это высший класс.

— Ее не так легко достать, — сказал Уотерман. — Я попытался купить с помощью моих знакомых в посольском баре, но клерк сказал, что им запретили ею торговать. Это ужасно — я был одним из его лучших покупателей, — он

слегка подтолкнул Мура. — Полагаю, что подобное искоренение духа предпринимательства означает конец реформ при Новикове, — пошутил он.

— Новиков тут ни при чем, — на полном серьезе отозвался Пул. — Это мы сами.

При упоминании о Новикове посол занервничал.

— Вы ведь знали, что икру продавали нелегально?

Уотерман покачал головой.

— Конечно. Но это длилось долгие годы. КГБ отлично об этом знал.

— Разумеется, знал. И смотрел на это сквозь пальцы. Но разве можно знать, когда власти захотят применить закон о частной торговле икрой, и посол не хотел узнать об этом последним. Однако, Майкл, вы могли мне сказать, что вам нужна икра. Есть другие каналы... — он отпил глоток кофе. — Вы не поверите, но икру найти легче, чем лимон, чтобы выжать на нее капельку сока.

Уотерман намазал маслом третий кусок хлеба.

— Надо было раньше к вам заявиться. А так приходится уезжать с четырьмя килограммами черного хлеба и деревянной моделью собора Василия Блаженного.

— Ужас. Когда вернемся, не забудь доложить об этом Совету национальной безопасности. Они будут рады узнать, что мы покинули Москву не с пустыми руками.

— Бог ты мой, Дэн. Не смотри на жизнь так мрачно. Верно, что мы ничего не везем домой, но мы ничего и не оставили. В целом, думаю я, все прошло успешно.

В дальнем конце комнаты зазвонил телефон. Пул подбежал и поднял трубку. Он поговорил с кем-то по-русски, затем зажал микрофон рукой.

— Придется чуточку задержаться, — он положил трубку. — Это из министерства иностранных дел. Они спрашивали, сколько еще мы здесь пробудем. Я сказал, что мы с минуту на минуту уезжаем в аэропорт, и они попросили подождать, пока не доставят какой-то пакет. Движение небольшое, я сказал, что мы подождем. Бьюсь об заклад, что это икра для всех вас.

— А я-то грешным делом подумал: что стряслось с традиционным предотъездным подарком? — сказал Мур, усаживаясь на единственное в комнате мягкое кресло. Он протянул кружку. — Пул, можно еще кофе?

Через четверть часа громко зазвонил внутренний телефон.

— Пакет, — сказал Пул. — Можно ехать в аэропорт.

Он подошел к двери, пока делегация облачалась в свои пальто и укутывала горло шарфами.

Через минуту Пулсби вернулся; Мур, Беннет и Уотерман собирали портфели и сумки. С извиняющимся видом он вручил Уотерману тяжелый пластиковый пакет.

— Это вам, — сказал он. — От генерала Кагаровича с лучшими пожеланиями.

Уотерман заглянул внутрь и попытался сдержать улыбку. Под сверкавшей золотыми рельефными буквами визитной карточкой генерала лежали четыре полукилограммовых банки свежей малосольной белужьей икры.

Глава восемнадцатая

Вашингтон,
25 ноября

Отправив Мура и Беннета в Вашингтон, Уотерман провел два дня на британском объекте неподалеку от Лондона, выступая в роли президента США на натовских военных играх, в ходе которых мир оказался на грани обмена ядерными ударами. Это была ошибка. В тот самый день, когда делегация вылетела из Москвы, из Нового Орлеана пришли сообщения о неуклюжих действиях американских властей в отношении советского перебежчика. К тому времени, когда Уотерман прибыл в аэропорт Даллеса, ситуация вылилась в полномасштабный кризис администрации, который усугублялся с каждым часом.

Водитель вручил ему полный документов портфель и включил зажигание, прежде чем Уотерман успел с ним поздороваться. Сверху портфеля была пришпилена записка Паризи:

Ты едешь прямо в Оперштаб на кризисное совещание. Внутри найдешь меморандум и газетные вырезки. МИНОБ там будет, но он просил, чтобы ты постарался приехать тоже. Даже если заседание уже начнется. Добро пожаловать домой. Джей.

По дороге в город Уотерман быстро пробежал глазами газетные сообщения. Его политический инстинкт подсказывал: что бы ни предприняла сейчас Группа политического планирования СНБ, речь может идти только о минимизации ущерба, причиненного президенту; контролировать потери, как всегда повторял его ментор на Капитолийском холме — сенатор Артур Уинтер, это самая трудная задача и самое редко встречающееся в политической жизни и деятельности правительства искусство. Правила Уинтера были просты и эффективны: если вы хорошо подготовились, если уверены в своих сотрудниках, а лавочкой управляют первоклассные специалисты, то вы сумеете пережить любой кризис.

Администрация, в которой он служил, как правило, нарушала все правила Уинтера, по крайней мере, на взгляд Уотермана. Президенту не было дела до штабной работы. Никто ни к чему не готовился. Глава аппарата Белого дома был человеком не слишком больших талантов, и понятно, что он окружил себя посредственностями.

Прибыв в Оперштаб одним из последних, Уотерман занял свое место за спиной Джима Райдера и осмотрелся. За исключением вице-президента, который представлял Соединенные Штаты на конференции ООН в Нигерии, собрался фактически весь Совет национальной безопасности. Он увидел только одно непривычное лицо: генерального прокурора, плотного сложения адвоката из Омахи, которого президент назначил исключительно в силу их тридцатипятилетней дружбы.

Уотерман поискал глазами дружеское лицо и увидел его лишь в директоре ЦРУ. Он кивнул Маккэндлессу, который в ответ задвигал челюстями в знак приветствия.

Затем вошел президент с необычно мрачным видом в сопровождении Митчелла Уоллеса и Гэри Бернера. У Уоллеса было опухшее от бессонной ночи лицо с красными пятнами на лбу и шее. Обычно жизнерадостный Бернер сел, не сказав никому ни слова. У него были на то причи-

ны: администрация пострадала на опросах, президентский рейтинг стремительно падал — на одиннадцать пунктов за последние сорок восемь часов.

Генерал Уоллес не стал тратить время на любезности.

— Вечером в понедельник, — начал читать свои заметки советник по национальной безопасности, — семнадцатилетний советский моряк из села Жовтневое по имени Микола Костев спрыгнул с палубы «Севастополя», советского судна, груженного зерном, стоящего в устье Миссисипи в десяти милях от Нового Орлеана. Его, дрожащего от холода и изможденного, нашла супружеская пара — Лютер и Эми Уоткинсы, чья маленькая лодка для ловли креветок стояла на якоре у деревянной пристани в нескольких метрах от того места, где Костев выбрался на берег. Они подняли его на борт, укутали одеялами и напоили горячим кофе. Они русского не знают, а Костев не знает английского, он лишь повторял снова и снова только два слова — «быть свободным».

Советник по национальной безопасности перевернул страницу.

— Эми осталась с Костевым, а Лютер отошел, чтобы вызвать полицию. Когда Костев увидел, что Лютер бросает монеты в платный телефон на пристани, он забился в истерике. И бросился бежать, спрятавшись среди пакгаузов и сараев на берегу.

Полиция прибыла на место почти сразу же, а через несколько минут к ним присоединились агенты Службы натурализации и иммиграции. Они вместе начали поиски и нашли Костева в углу пустого гаража.

Полицейские решили, что это дело иммиграционной службы. И удалились довольные.

— Так выходит, что не полиция, — перебил Райдер, — переправила парня на его корабль?

— Да. Это сделала иммиграционная служба.

— Непостижимо, — сказал Райдер. — Но почему? Почему они это сделали?

— Это пока неясно, — сказал Уоллес. — Кажется, агенты иммиграционной службы говорили только по-испански, и уж, конечно, не по-русски.

— Что весьма типично, — пробормотал Маккэндлесс.

Уоллес метнул на директора ЦРУ недовольный взгляд.

— Они попытались допросить Костева, сначала в гараже, где его нашли, затем в каюте лодки Уоткинсов. Это ничего не дало. Наконец, не зная, что предпринять, они позвонили региональному директору иммиграционной службы.

По его указанию один из агентов позвонил в штаб-квартиру в Вашингтон, где дежурный офицер пообещал, что русский переводчик вскоре им позвонит. Когда раздался звонок, оказалось, что за столь короткое время иммиграционники сумели найти молодую женщину, говорившую по-польски и знавшую пару слов по-русски. Говорила она с парнем почти час, голос Костева время от времени дрожал, и, как сообщил агент, он снова и снова повторял определенные фразы.

— Определенные фразы? — Райдер вопросительно посмотрел на Уоллеса.

— Как я уже говорил, — сказал Уоллес, осуждающе глядя поверх очков на генерального прокурора, в чьем подчинении находилась иммиграционная служба, — переводчица почти не знает русского.

— Ну, наверное, в тех обстоятельствах трудно было что-то сделать, — сказал генеральный прокурор раздраженно.

— Но ведь Костев — украинец, он не говорит по-польски, — объяснил Уоллес. — Да и по-русски не очень-то. Я сам беседовал с переводчицей. Она говорит, что у нее сложилось впечатление, что Костев просил политического убежища. Она говорит, что сказала об этом местным иммиграционным агентам. Но она сказала также, что не совсем уверена и что в этом виновата языковая проблема.

— Проблема, — пробормотал про себя Маккэндлесс, покачав головой.

Уотерман посмотрел на лица присутствующих. Они ничего не выражали: непроницаемые маски. Уоллес продолжил монотонно читать:

— Агенты снова позвонили местному директору. Каким-то образом — и никто из тех, с кем я говорил, не берет на себя ответственность за это, — вызвали патрульный катер. Костев, вероятно, понял, что его собираются вернуть на «Севастополь», потому что, прежде чем они его туда упрятали, он выпрыгнул и взобрался на набережную. Иммиграционные агенты его догнали, нацепили на него наручники и поплыли к «Севастополю».

— Чертовски глупо, — с отвращением сказал Райдер.

— Подождите, — сказал Уоллес. — Будет еще хуже. Когда они подплыли к «Севастополю» и оттуда спустили трап, советский капитан поднялся на борт катера иммиграционной службы, очень приветливый, в хорошем настроении. Он хорошо говорил по-английски и сказал агентам, что у Костева был нервный срыв еще по пути в Новый Орлеан, что его изолировали и заперли, и когда его отсутствие обнаружилось, то все решили, что он прыгнул за борт, чтобы избежать дисциплинарных мер, ждущих его в Одессе. Выслушав это, агенты вместе с Костевым поднялись на «Севастополь», сняли с него наручники и передали моряка Советам. Капитан их очень благодарил, извинился за проблемы, которые, возможно, доставил этот умственно нестабильный человек, и обещал, что ему будет обеспечен должный уход.

— Я уверен, что у агентов были лучшие намерения, — сказал генеральный прокурор. — Как они могли понять, чего он хочет? Я хочу сказать — он ведь не говорит по-английски.

— Говорит! — взорвался Маккэндлесс. — Он знал два слова — «быть свободным». А ваши люди лишили его этой возможности.

— Довольно, Билл, — сказал Уоллес, оборвав директора ЦРУ. — Виноватых хватает.

Он снова заглянул в свои заметки:

— Все это произошло вечером в субботу. Но телеграфные агентства узнали об этой истории, потому что они отслеживают переговоры на полицейском диапазоне, и полицейские рассказали репортеру про русского, пытавшегося сбежать с корабля. В воскресенье утром вся история уже была на лентах агентств. В воскресенье вечером взбесились телевизионщики.

— Просто безумие, — сказал Райдер.

— Вот именно, — сухо отозвался Уоллес.

Уинтроп, сидя за столом орехового дерева, изучал свои ухоженные ногти и молчал. Он не хотел выглядеть самодовольным. Но ему трудно было скрыть это. Госдепартамент, знал он, действовал безукоризненно. Даже если он не сможет задержать Костева в стране, он делал вид, что старается изо всех сил. Госдепартамент выйдет из этой истории чистеньким. Потому что он действовал решительно с самого начала.

Впервые он узнал о случившемся утром в воскресенье, когда стоял в халате от Ральфа Лорена на кухне своего особняка в Фоксхолле, наливая себе чашечку кофе без кофеина из серебряного кофейника и слушая голос Эми Уоткинс по новостной радиостанции: «Этот бедный мальчик не старше моего старшего сына Джесса. Он был бледен, напуган и едва не утонул, а госдепартамент просто бросил его на милость коммунистов».

В нем закипел гнев и поднимался с каждой минутой. Он понял суть проблемы, услышав обвинение, брошенное Эми Уоткинс: хотя иммиграционная служба — это сборище неумех, не сумевших понять, что перед ними беженец, вся вина ложится на госдепартамент. Понимают ли они там, на Потомаке, что такое ответственность должностных лиц?

Белый от гнева, он поднял телефонную трубку и позвонил Дэну Беннету.

— Свяжись с советским посольством. Овладей ситуацией, — потребовал он. — Верни этого парня или сообщи, почему это невозможно.

Уоллес подытоживал сказанное. Он повернулся к Уинтропу.

— Господин секретарь, вы бы хотели что-нибудь добавить?

Уинтроп кивнул, выдержал паузу и заговорил в очень спокойном тоне:

— Будет полезно, если я расскажу о последующих событиях. Много чего произошло. Когда курьер утром в воскресенье приехал ко мне домой, я прочитал отчет, подготовленный дежурными в оперативном центре. Несмотря на отсутствие деталей, ситуация в общих чертах была ясна. Я поручил Дэну Беннету информировать советского поверенного в делах, что «Севастополю» не будет позволено выйти из порта, пока с Костевым не проведут собеседование и власти США не убедятся сами, что он не искал политического убежища. В одиннадцать часов советский поверенный в делах принял ноту Беннета. Дэн сказал мне, что у него возникло ощущение, что Советы говорили с капитаном «Севастополя», так как сотрудник посольства слово в слово повторил объяснение капитана агентам иммиграционной службы, данное накануне. Костев нестабилен, он напал на другого члена команды, его изолировали и держали взаперти. Вопрос о его бегстве и политическом убежище не упоминался, с их точки зрения это проблема корабельной дисциплины и так далее, сами понимаете.

Уинтроп сделал паузу. Выражение его лица говорило, что он не верит ни одному слову посольских работников.

— Дэн сказал, что действует по моим прямым указаниям, и заявил поверенному в делах, что «Севастополь» не выйдет из порта, пока не будет организовано собеседование с Костевым. Тот сказал, что запросит инструкции из Москвы, одновременно выразив резкий протест за незаконное и необоснованное задержание нами советского судна. В конце концов они с Дэном пришли к согласию о том, что с Костевым проведут краткую беседу в иммигра-

ционном управлении Нового Орлеана, — Уинтроп оглядел присутствующих. — Я должен подчеркнуть, что если бы с нами связались сразу, ничего подобного не случилось бы. Наш департамент более других способен решать вопросы беженцев и политического убежища.

Уинтроп продолжил выступление. Сначала, сказал он, Беннет настаивал, чтобы во время собеседования никто из советских Костева не сопровождал. Однако Женевская конвенция недвусмысленно говорит об обязательности присутствия консульского работника, и хотя в ряде случаев задержания американцев в Советском Союзе такое правило соблюдено не было, советские власти всегда так или иначе это обосновывали, фактически они ни разу нам в этом не отказали. Поэтому, в конце концов, сказал Уинтроп, Беннет уступил, и служащему советского консульства по имени Олег Басов было дано разрешение выехать из Вашингтона в Новый Орлеан для посещения «Севастополя» и присутствия во время собеседования с Костевым. Чтобы обеспечить соблюдение буквы закона, добавил Уинтроп, он предпринял беспрецедентный шаг, распорядившись заснять собеседование на видеопленку.

— Продемонстрируйте ее, — приказал он.

В дальнем конце комнаты Боб Уэллбек включил видеомагнитофон и телевизор, установленный неподалеку от президентского кресла.

Запись была сделана в комнате совещаний регионального директора иммиграционной службы в Новом Орлеане.

В Оперштабе воцарилась тишина, когда камера показала сначала одну стену комнаты, оклеенной зелеными обоями, с плакатами в рамах, затем другую. Люди явно испытывали неловкость, оказавшись перед объективом. По одну сторону пластикового столика сидели два сотрудника госдепартамента, владевшие русским языком, один из которых, по всей видимости, управлял всей процедурой, а также региональный директор иммиграционной службы, стенографистка и два юриста из министерст-

ва юстиции. Переводчика из госдепартамента, свободно говорившего по-русски, по-украински, по-узбекски и по-грузински — Беннету велели подстраховаться, — срочно вызвали из института дипломатической службы в Вашингтоне. Он сидел в дальнем конце стола.

Парня — Костева — в синей спецовке, взлохмаченного, усадили на стул. У него была прозрачно-белая кожа, даже на видеопленке были видны синие вены на его руках. Лицо отсутствующее, лишенное всяких эмоций и, подумал Уотерман, детское, беззащитное. Глаза его обежали комнату и остановились, понял Уотерман, там, где не было устремленных на него встречных глаз. Напротив моряка сидел крупный черноволосый мужчина, одетый в модный темный двубортный костюм итальянского покроя, его атташе-кейс поблескивал на столе.

— Этот крупный мужчина напротив Костева — Олег Басов, советский вице-консул, — пояснил Уинтроп.

Светловолосый сотрудник госдепартамента представился и заговорил по-украински. Переводчик переводил для остальных присутствующих фразу за фразой.

— Вас зовут Микола Костев?

— Да.

— Вы спрыгнули за борт «Севастополя» в субботу?

— Нет.

— Если вы не спрыгнули, то как вы покинули судно?

— Я упал.

— Упал?

— Я был пьян.

Американец понимающе кивнул.

— Хотите ли вы остаться в Соединенных Штатах?

— Я хочу вернуться домой.

— Вы хотите вернуться в Советский Союз?

— Да.

— Господин Басов или кто-нибудь другой говорил вам, как отвечать на мои вопросы?

— Нет.

— Кто-нибудь говорил с вами?

— Мне сказали, что я имею право вернуться домой. Мне сказали, что меня не накажут за мой проступок.

— Разве вы не говорили женщине-переводчице, что хотели бы остаться в Соединенных Штатах?

Костев, ответы которого до этого следовали без задержки, заколебался.

— Я сказал переводчице... — Пауза. Его глаза оглядели присутствующих. Он выглядел усталым, сбитым с толку, напуганным. — Она меня не понимала, — сказал он. — Она не... я не понимал, что она говорит.

Заговорил юрист из министерства юстиции.

— Господин Костев, вы имеете право остаться в Соединенных Штатах. Вам будет предоставлено политическое убежище. Это право никто не может у вас отнять. Если вы скажете, что хотите остаться здесь, это будет организовано. Вам не надо будет возвращаться на «Севастополь». Команда вернется на судно. Господин Басов уедет обратно в Вашингтон. А вы сможете остаться здесь. Все, что от вас требуется, это сказать, что вы ищете политическое убежище в Соединенных Штатах.

Камера поймала взгляд Басова, устремленный на юриста. Костев слушал внимательно, но явно не мог сосредоточиться.

— Я упал за борт, — сказал он. — Я был пьян. Я хочу вернуться в Советский Союз.

Юрист из министерства юстиции шумно вздохнул и отодвинулся со стулом от стола, точно собираясь уйти. Это движение говорило о том, что все кончено. Но тогда решил вмешаться второй представитель госдепартамента.

Американец посмотрел на моряка с нескрываемым сочувствием и заговорил.

— Я буду говорить медленно, — начал переводчик, — чтобы абсолютно убедиться в том, что вы понимаете каждое слово, которое я скажу. Вы понимаете меня, господин Костев?

— Да, сэр.

— Хорошо, — американец встал. Он прошел в конец комнаты, где на подставке красовался большой американский флаг. — Это наш флаг, — сказал он, взяв в руку его золотой край и помахав им в сторону Костева. — Это не Советский Союз. Вы это понимаете?

Моряк закивал головой. *Да.* Он слушал обратный перевод на английский.

— Хорошо, — сказал сотрудник госдепартамента. Он выпустил флаг из руки. — Господин Костев, никто не имеет права говорить вам, что вы должны говорить или делать. Многие американцы знают о положении, в котором вы оказались. Вы будете встречены здесь с почетом. Если вы скажете, что вам каким-либо способом угрожали или внушали, что вы должны говорить, мы заявим резкий протест вашему правительству.

Чиновник госдепартамента стоял прямо за спиной Басова и смотрел на восковое лицо Костева сверху вниз. Он говорил медленно, вдумчиво, терпеливо ожидая, когда переводчик, сохранявший все его интонации, переведет его слова на английский для остальных присутствующих.

— Господин Костев, когда вас вытащили из реки, вы сказали Лютеру и Эми Уоткинс два слова. Это были слова «быть свободным». Вы можете стать свободным, господин Костев, если захотите. Поэтому спрошу вас еще раз: хотите ли вы остаться в Соединенных Штатах? Хотите ли вы быть свободным?

Уотерман внимательно следил за разворачивавшейся перед его глазами драмой. Он услышал первые слова, которые произнес президент в Оперштабе:

— Скажи «да», — президент еле слышно словно бы увещевал экран. — Скажи «да», мальчик.

Уотерман следил, как Костев пытается осмыслить то, что ему говорят. Ему казалось, что слова американца повисли в воздухе в пределах достижимости мальчика, обвевают его, подобно автомобильной воздушной по-

душке, или как спустившееся сверху спасительное медное кольцо. Но тут все заметили, как помутнели глаза Костева. Он поднял глаза на сострадающее лицо сотрудника госдепартамента. Потом посмотрел прямо перед собой на Олега Басова.

— Я хочу домой, — сказал он.

Видеофильм на этом закончился. В Оперштабе включили свет. Президент тер глаза платком.

— Господин президент, — вздохнув сказал Уинтроп, — хочу сказать кое-что еще. Незадолго перед этим совещанием мы получили по частным каналам послание генерального секретаря Новикова. Он протестует против задержания «Севастополя» и намекает — но не выражает словами, — что это может помешать встрече на высшем уровне.

— Как именно сформулировал это Новиков? — Гэри Бернер постучал по столу костяшками пальцев.

— Если корабль не выпустят, сказал он, он будет вынужден сделать — и дальше я цитирую его слова — «соответствующие выводы». Господин президент, — продолжал госсекретарь, — все сидящие за этим столом симпатизируют Костеву. Мы все хотим, чтобы он остался в Соединенных Штатах. Но из-за совершенно непрофессиональных действий иммиграционной службы трудная, но абсолютно ясная ситуация стала безнадежно запутанной. Мы не можем сейчас перевести стрелки часов назад, нельзя переделать уже сделанное. Костев на борту «Севастополя». Как известно Митчеллу Уилсону, едва об этом узнав, я распорядился устроить с ним собеседование. Мы заставили Советы пойти на это, хотя они могли и не согласиться, — Уинтроп выдержал паузу. — Этим мы обязаны Дэну Беннету, именно он вынудил их согласиться; он должен был бы присутствовать здесь сегодня, но он сейчас завершает улаживание этой истории. — Он повернулся в сторону президента и улыбнулся.

— Итак, — продолжал он, — Костева опрашивала группа сотрудников госдепартамента, иммиграционной службы и министерства юстиции. Вы сами видели, как

это происходило. Совершенно очевидно, что на Костева было оказано сильнейшее давление. Я думаю, что он сказал о желании вернуться домой под воздействием медицинских препаратов. Но он сказал это три раза — «я хочу домой».

Уинтроп открыл лежавшую перед ним коричневую кожаную папку и достал какой-то документ, закрыл папку и положил его поверх.

— Я попросил юрисконсульта госдепартамента подготовить меморандум о международно-правовых аспектах этого дела. Боюсь, что у нас нет оснований задерживать «Севастополь», — Уинтроп огорченно вздохнул. — Господин президент, видимо, у нас нет иного выбора, как разрешить «Севастополю» вернуться в Советский Союз. Я хотел бы, чтобы у нас была альтернатива. Но ее нет.

Он слегка откинулся к спинке стула, соединил ладони и положил их перед собой на папку.

Райдер заглянул в свои заметки и перед тем, как заговорить, снял свои узкие, предназначенные для чтения очки. Все шло по протоколу заседаний группы политического планирования национальной безопасности. Вел заседание советник президента по национальной безопасности. Первым выступал государственный секретарь, за ним — министр обороны, затем остальные.

— Как вам известно, Митч, — сказал Райдер, обращаясь к Уоллесу, — я предлагал провести это заседание раньше. В подобных ситуациях быстрота действий дает нам бо́льшую свободу выбора вариантов. Но мы приняли решение. Давайте постараемся извлечь из него все, что возможно. Я могу кое-что добавить к тому, что сказал Тони Уинтроп. Мы наверняка знаем, что Костев находился под воздействием медицинских препаратов, мы знаем, что они сообщили в Вашингтон. Мы знаем, что Басов вовсе не вице-консул, а офицер КГБ. Думаю, вы все слышали запись телефонного разговора — совершенно возмутительного, — я имею в виду звонок капитана «Севастополя» в советское посольство в Вашингтоне. Позвольте мне

процитировать: «Не допускайте никого к Костеву до прибытия сотрудника посольства на борт корабля, он окажет помощь и привезет инструкции». Вы все, как и я, понимаете, что это значит: некий головорез из КГБ прибудет на борт с запасом хлорпромазина или бог знает чего еще. К тому моменту, когда Дэн Беннет заставил Советы согласиться на собеседование, Костев уже был накачан химикатами.

Райдер повернулся к президенту.

— Вы видели пленку, господин президент. Мальчик был накачан лекарствами. Это очевидно. Заявления, сделанные в таких обстоятельствах, не имеют законной силы. Государственный секретарь пространно говорил о юридических аспектах дела. Я с ним согласен. Но я считаю, что с юридической точки зрения слова мальчика не имеют никакой цены. В самом крайнем случае у нас есть право, и пока мы можем помешать выходу «Севастополя» в море, мы должны этим правом воспользоваться — провести еще одно собеседование. На этот раз мы возьмем пробу крови Костева и определим, присутствуют ли в ней медицинские препараты.

Райдер посмотрел на главу аппарата Белого дома.

— Гэри, пока реакция Конгресса всецело отрицательная. Я видел на экране телевизора лидера меньшинства — а ведь это *наш* лидер меньшинства. Пока он подверг критике только иммиграционную службу, но это ненадолго. Грядет более широкая атака на администрацию. Слишком наивно думать, что все можно уладить, уступив Новикову.

Воцарилась тишина. Затем дважды откашлялся Маккэндлесс.

— Господин президент, — начал он. — Я нисколько не сомневаюсь, что Костев был напичкан медикаментами. Мы к тому же знаем Басова — как сказал Джим, он из КГБ, эксперт тонкого искусства убеждения. Теперь относительно желания Костева остаться здесь, — продолжал он. — Я попросил моих людей просмотреть отчеты поли-

ции и иммиграционной службы. Когда Костев прыгнул за борт, при нем был пакет с документами, запечатанный в водонепроницаемую пластмассовую коробку. Там было удостоверение моряка, семейные фотографии и двести рублей. Какой, скажите, моряк слоняется по палубе, таская с собой документы, запечатанные в водонепроницаемой коробке? Нам известно, что каждый советский еврей, эмигрирующий в Израиль, берет с собой рабочие документы, права на управление автобусом или трактором, диплом, дающий право работать в медицинской лаборатории или давать уроки музыки. Этим бумагам грош цена, но они не знают об этом. И везут их с собой. И потом эта патетическая история с его английским. «Быть свободным». Он не выучил ничего, кроме этих двух слов, но ясно, что ему пришлось постараться, чтобы они были у него наготове, вместо паспорта.

Директор ЦРУ стукнул ладонью по столу.

— У этого бедняги был с собой паспорт, а мы этого не поняли. Чаще всего русским удается настроить против нас Конгресс. Но на сей раз этого не будет. Я сегодня завтракал с несколькими членами комитета палаты представителей по разведке. Они с нами. Они возмущены действиями иммиграционной службы, но не нами — пока. Когда они готовы нас поддерживать, мы должны извлекать из этого все возможное.

Уинтроп покачал головой:

— Мы не можем ставить под удар встречу на высшем уровне, ради которой все мы так долго и упорно работали. Я не хочу, чтобы меня сочли бесчувственным, но стоит ли один украинец встречи на высшем уровне, которая может сделать наш мир безопаснее? Я говорю: спишите потери, смотрите в лицо реальности того переплета, в который попали, и пусть корабль уплывает.

Райдер пропустил риторику Уинтропа мимо ушей.

— Какой вред от еще одного собеседования?

— Это лишь продлит агонию, — сказал Уинтроп.

— Но по крайней мере это прояснит ситуацию.

— Сомневаюсь, — фыркнул Уинтроп. — Костев, вероятно, снова скажет, что хочет домой. Это будет выглядеть, будто мы намеренно нагнетаем кризис.

— Это *их* кризис, не наш, — сказал Райдер.

— Так это выглядит сегодня, — сказал Уинтроп, — но через три дня это будет и наш кризис.

— Господин президент, — резко ответил Райдер, — нам не следует на сей раз уступать. Если я скажу что-нибудь еще, то буду лишь повторяться.

— Я хотел бы поговорить об этом с Гэри, — сказал президент. — Что бы мы ни предприняли, важно не оставить людей в сомнениях относительно того, что произошло. Советы заслужили крепкую взбучку, и я бы хотел, чтобы они ее получили.

Он встал.

— Митч, — сказал президент, — давай сделаем все возможное и узнаем, что происходит на борту этого корабля.

Все остались на своих местах; президент направился к двери. Уже стоя в дверях, он обернулся и обратился к присутствующим:

— Знаете, столько разговоров о переменах в России. Расскажу вам анекдот про американца, пытавшегося объяснить своему гиду из «Интуриста» нашу систему. В Америке, сказал он, у нас полная свобода. Я могу подойти к Белому дому и крикнуть: «К черту президента Соединенных Штатов» — и ничего со мной не случится. У нас то же самое, сказал гид. Я могу подойти к Кремлю и крикнуть: «К черту президента Соединенных Штатов» — и со мной тоже ничего не случится.

Все вежливо посмеялись, президент удалился в свой кабинет этажом выше, над Оперштабом.

Комната быстро опустела. Уоллес ушел к себе. Уинтроп, Маккэндлесс, Райдер и генеральный прокурор в сопровождении своих помощников пошли по коридору мимо столовой Белого дома, свернули у столика, за которым сидел агент секретной службы, и вышли через двойные

двери подъезда на Ист Икзекьютив-драйв, где их поджидали служебные машины.

По пути генеральный прокурор отвел Райдера в сторонку.

— Я должен был бы поддержать вас, — сказал он, — но я попросил моих сотрудников свериться с международным правом и, к сожалению, Уинтроп прав.

— Все равно спасибо, — сказал Райдер с легкой иронией в голосе, быстро шагнув к своей машине и не обращая внимания на крики журналистов, собравшихся метрах в тридцати от подъезда.

День вполне был в духе заседания группы политического планирования — серый, мрачный, холодный, и прогнозы тоже не обещали ничего хорошего.

Канцелярия заместителя государственного секретаря по европейским и канадским делам
Меморандум

Дата: Ноябрь 25, 8:15 вечера

Дэн, я оставляю эту записку, приклеив ее к твоему стулу, чтобы ты наверняка ее получил. Если понадоблюсь, я буду на обеде в немецком посольстве (тел. 555-40-26).

Я присутствовал сегодня днем на заседании группы политического планирования национальной безопасности. Директива СНБ будет выпущена сегодня вечером. Президент, по-видимому, раздираем противоречиями.

У нас есть проблема. Я наблюдал за президентом, когда он смотрел видеопленку с записью собеседования. Он фактически прослезился. Боюсь, что пленка может уйти из рук. Это динамит. Если она попадет в средства массовой информации, о встрече на высшем уровне можно будет забыть.

Это плохая новость. Хорошая новость: та копия, что у меня — единственная.

Нужен твой совет. Уэллбек.

Заместитель государственного секретаря
Государственный департамент, Вашингтон, округ Колумбия

Дата: Ноябрь 25, 11:45 вечера

Боб, вернувшись в свой кабинет в 11:00, я увидел твою записку. Что касается домашнего кино: потеряй его. Дэн.

Директива по национальной безопасности
Номер 121
Совет национальной безопасности
Вашингтон, округ Колумбия, 20002
Секретно и конфиденциально
Система 2

Кому: Государственный секретарь
Министр обороны
Директор Центрального разведывательного управления
Генеральный прокурор
Директор Службы иммиграции и натурализации
Глава аппарата Белого дома
Дата: Ноябрь 26

Вслед за совещанием группы планирования национальной безопасности, состоявшимся во вторник, президент решил, что

1. Военно-морскому флоту надлежит и дальше блокировать «Севастополь», не допуская его выхода из Нового Орлеана до получения инструкции министра обороны. Военно-морскому флоту надлежит в приоритетном порядке продолжать отслеживание всех сообщений «Севастополя», как входящих, так и исходящих.

2. Государственному секретарю надлежит как можно быстрее организовать собеседование с Костевым, собеседование провести сотрудникам государственного де-

партамента совместно с региональным директором Службы иммиграции и натурализации.

3. В команду для собеседования включить врача государственного департамента. Он должен постараться взять пробу крови у Костева и провести анализы, которые определят, находится ли Костев под воздействием медицинских препаратов.

4. Пресс-службе Белого дома и пресс-атташе государственного департамента надлежит подготовить сообщение для печати, которое использовать во время полуденного брифинга и разъяснений журналистам. В нем не должен упоминаться вопрос об анализе крови, присутствии врача на собеседовании и о вероятности того, что Костев может находиться под воздействием медикаментов.

5. Службам Белого дома и государственного департамента по делам законодательства надлежит работать с лидерами Конгресса, чтобы предотвратить принятие Конгрессом резолюции, которая могла бы связать президенту руки в решении вопроса о Костеве.

За ПРЕЗИДЕНТА:
Митчелл Уоллес
Помощник президента по национальной безопасности
Секретно-конфиденциально

Государственный департамент
Меморандум
Секретно-конфиденциально

Кому: Секретарь
От: Евр/Кан Дэниел И. Беннет
Дата: Ноябрь 27

Следуя вашим инструкциям, я встретился с советским поверенным в делах вчера и два раза сегодня. Я ин-

формировал его о решении президента не допустить выхода «Севастополя» из Нового Орлеана до нового собеседования с Костевым. Он пришел в бешенство и, подогреваемый вице-консулом Басовым, устроил безобразную сцену, достойную самого посла. Поверенный обвинил нас в создании кризиса с целью выставить Советский Союз в неблагоприятном свете и сорвать встречу на высшем уровне.

Сегодня утром, все еще отвергая наше требование, он начал прощупывание с целью выяснения условий нового возможного собеседования. Он потребовал заверения в том, что если Костев подтвердит свое желание вернуться домой, мы немедленно разрешим отплытие «Севастополя». Поскольку мы не сможем задерживать корабль после второго собеседования, на котором Костев повторит, что хочет вернуться домой, я согласился на это условие.

Затем, оговорившись, что выражается гипотетически и неофициально, он сказал, что уверен в том, что если Москва согласится, она будет настаивать, чтобы Костеву был задан только один вопрос о том, хочет ли он остаться в Соединенных Штатах. Далее он сказал, что на собеседовании не должно быть журналистов, прессе не должны также быть сообщены условия проведения собеседования.

Он закончил, сказав, что уверен в том, что Москва будет настаивать на присутствии сотрудника посольства, возможно, Басова. Поскольку это условие не противоречит нашим планам, я ответил, что мы, на мой взгляд, с этим согласимся.

Сегодня днем поверенный в делах известил меня, что он получил инструкции. Москва, сказал он, хочет разрядить ситуацию. «Если суждено быть кризису, — сказал он, — мы хотим подчеркнуть, что он возник по вашей, а не по нашей вине. Поэтому мы согласимся на собеседование, если оно будет проходить на борту корабля и присутствовать будет не более двух американцев».

Я ответил, что мы согласны провести собеседование на борту «Севастополя», но американцев должно быть трое. Что касается моего мнения, то они могут послать в Новый Орлеан хоть весь штат своего посольства, но мы не можем пойти на то, чтобы американцев было менее трех. После часовой дискуссии он согласился. Он сказал в заключение, что пресса не должна присутствовать ни при посадке группы на судно, ни по возвращении с судна.

Я сказал ему, что мы не распоряжаемся нашей прессой, как они это делают со своей, и что я не могу гарантировать, что все это не попадет на страницы газет. Он в ответ упрямо заявил, что если пресса будет присутствовать при погрузке группы американцев в катер, они могут отменить собеседование.

С вашего одобрения я решил сам возглавить группу. Если мы пошлем должностное лицо невысокого ранга, это будет означать, что мы воспринимаем эту историю не всерьез, что может усилить их аргумент о том, что кризис создаем мы сами. С переводчиком и врачом все три места будут использованы, поэтому мы не сможем взять никого из иммиграционной службы. Впутав нас в эту историю, они все равно не достойны включения в команду. Однако директива группы планирования недвусмысленно требует их участия.

Я позвонил Уоллесу и объяснил ситуацию, и мы согласились на том, что попросим иммиграционную службу прислать нам своего врача. Если они не сумеют найти за столь короткое время дипломированного врача, я думаю взять с собой Боба Мэннинга из нашего отдела по борьбе с наркотиками; он будет наготове. Он квалифицированный врач и сумеет определить, находится ли Костев под воздействием медикаментов.

Мы с Уэллбеком внимательно просмотрели стенограмму собеседования с Костевым, которое проводили Гралник и Джозефсон из консульского отдела. Мы знаем, какие ему задавались вопросы, и постараемся на этот раз сформулировать их дипломатичнее.

Директива группы планирования называет вас в качестве ответственного. Я предлагаю проинформировать Уоллеса эксклюзивно. Не вижу необходимости консультироваться с Райдером. Директива этого не предполагает, он будет только мешать. Ситуация достаточно запутанная и без вмешательства Пентагона.

Согласен:
Иное мнение:
Секретно-конфиденциально

Глава девятнадцатая

Государственный департамент
Меморандум

Кому: Секретарь
От: ЕврКан/ Дэниел И. Беннет
Дата: Ноябрь 29

Собеседование прошло так, как мы этого ожидали. Нас ввели в маленькую кают-компанию, где ждали Костев, Басов, капитан судна и переводчик. Русские действовали с не свойственной им эффективностью. Мы решили подождать до конца собеседования и только тогда попросили взять кровь на анализ. Они, конечно, как я и ожидал, отказались. Но у Мэннинга была хорошая возможность понаблюдать за Костевым, и, по его мнению, хотя Костев, понятно, нервничал, не было признаков того, что он находится под воздействием медицинских препаратов.

Он выглядел усталым, но у него были незамутненные глаза, он говорил бегло, охотно отвечал на вопросы и вполне владел собой. Я несколько раз спросил его, прыгнул ли он за борт с целью остаться в Соединенных Штатах. Он возбужденно отвечал, что он не прыгал и что он хочет вернуться в Советский Союз. Он сказал, что в Кировограде у него семья и невеста. Он сказал, что доволен

своей жизнью моряка и жизнью в Советском Союзе, что он хорошо зарабатывает и думает только о том, чтобы вся эта история поскорее закончилась.

Ни я, ни Мэннинг, ни переводчик не почувствовали, что он лжет. Что бы ни было у него на уме на прошлой неделе, ясно, что сейчас он хочет вернуться домой. Не было никаких признаков того, что он подвергался физическому воздействию. Ни Басов, ни капитан не делали попыток вмешаться в наш разговор. Атмосфера была формальная, но не враждебная, хотя Басов даже свадьбу способен превратить в похороны.

Жизнь на советском судне, должно быть, даже хуже, чем я себе представлял. Костев выглядел старше своих лет, жилые помещения убогие (судя по офицерской кают-компании).

Мы нанимали небольшой катер, чтобы не впутывать в эту историю военно-морской флот или береговую охрану и скрытно попасть на «Севастополь». Басов вернулся в Новый Орлеан вместе с нами и всю дорогу требовал выпустить судно. Я сказал ему, что приказ должен исходить от президента.

Я могу рекомендовать выпустить «Севастополь». Отчет Мэннинга должен снять вопрос о медикаментозном воздействии, если он возникнет, хотя твердолобые вроде Маккэндлесса, Райдера и Уотермана и будут твердить, что мы не сумели взять кровь на анализ.

Вашингтон,
5 декабря, 10:30 утра

Вооруженный курьер из ЦРУ, доставивший Райдеру пакет высшей степени секретности, ждал в приемной на тот случай, если потребуется ответ. Он доставил двойной конверт (один запечатанный конверт внутри другого запечатанного конверта) с надписью «ТОЛЬКО ЛИЧНО – МИНИСТРУ ОБОРОНЫ» в руки министра в соответствии с полученной инструкцией. Министр взял нож для

разрезания бумаги и вскрыл один за другим оба конверта. И быстро прочитал содержимое.

На столе Уотермана зазвонил аппарат горячей линии связи. Он тут же поднял трубку.

— Майкл, зайдите ко мне в КМБ.

Уотерман отложил дела и почти бегом ворвался в кабинет министра, открыв потайной замок сейфовой двери нажатием скрытой кнопки.

Райдер стоял у одного из своих окон, точно в обрамлении оконной рамы. У него было пепельно-серое лицо. Он выглядел чем-то расстроенным. В руке он держал лист бумаги.

— Прочти, — сказал он сдавленным голосом.

Сегодня утром мне по защищенной от подслушивания линии позвонил Ален Маррон, глава французской разведывательной службы. У них есть агент в Кремле, сообщения которого надежны и поступают регулярно. Он заслуживает полного доверия.

Далее следует цитата из сообщения его кремлевского источника:

«На площади Дзержинского не могут унять хохот. Человек, которого опрашивали на борту «Севастополя» чиновники госдепартамента, был не Костев. Его подменили другим моряком, а американцы ничего даже не заподозрили».

Источник Маррона сообщает, что на пути в Одессу Костева заперли в складском помещении под палубой. Он находился под постоянным наблюдением. Но через день после выхода из Нового Орлеана корабельный доктор, который пичкал его медикаментами, очевидно, оставил в помещении, где содержался Костев, пустую ампулу, а может быть Костев ее сам припрятал. Он раздавил стекло и вскрыл себе вены. Они это обнаружили, когда из-под двери стала сочиться кровь.

Нас обвели вокруг пальца. Самая нелепая часть этой истории состоит в том, что Беннет, очевидно, не видел

видеофильма. Мы знаем это, потому что русские говорили об этом после отплытия «Севастополя». Источник Маррона говорит, что им было известно о видеофильме и они до смерти боялись, что Беннет обнаружит, что ему подсунули двойника.

Лучше всего оставить все это между нами. Президенту будет просто худо, если он об этом узнает, а сделать ничего не сможет. Маррон не даст хода информации, он не подставит под удар свой источник. Если вы вернете мне это послание с курьером, который вам его доставил, я лично прослежу за уничтожением послания.

Он был еще совсем ребенок, и заслуживал того, чтобы жить. Он заслуживал права обрести свободу.

МкК

Уотерман протянул листок министру. Министр обороны аккуратно сложил его и вложил обратно в конверт. Он медленно подошел к консоли с телефонами и включил кнопку вызова секретаря.

— Сандра, скажите курьеру из ЦРУ, что ответа не будет.

И сунул конверт во внутренний карман пиджака.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава двадцатая

Пентагон,
8 декабря, 9:30 утра

Джеймс Райдер поднял глаза над письменным столом и посмотрел на Уотермана.

— Майкл, — начал он, — президент решил, что представлять министерство обороны в Хельсинки будешь ты.

У Уотермана расширились глаза.

— Боже, — он слышал, как бешено застучал пульс.

Райдер продолжал, не обращая внимания на явный шок и изумление Уотермана.

— Никто лучше тебя не подготовлен для этой роли. Ты знаешь эти проблемы так же, как... — да нет, лучше, намного лучше, — чем все, кто будет там присутствовать. И я знаю, что ты окажешь президенту всю помощь и поддержку, какая ему потребуется. Это огромная ответственность.

Уотерман хотел что-то ответить, но смог лишь выдавить из себя невнятное:

— Я...

— Не торопись.

Он откашлялся.

— Я сделаю все, что смогу, господин министр. Но мне было бы гораздо спокойнее, если бы там были вы.

Райдер печально кивнул.

— Честно говоря, я тоже так думаю. Но это невозможно. Президент принял решение.

Мысли Уотермана от патетики переметнулись к стратегии. Ему предлагалось держать фронт против команд государственного департамента и Белого дома, то есть против десятков людей.

— Я буду один или у меня будут помощники?

— Это пока неясно, — сказал Райдер. — Я говорил с Гэри Бернером. Там будут, конечно, батальоны людей из госдепартамента. Я настаиваю на том, чтобы тебе позволили взять с собой хотя бы одного помощника, я предположил, что ты захочешь взять Скотта Брекена.

— Да.

— Я попросил также генерала Коллинза поддерживать постоянный контакт с военным атташе в Хельсинки по нашим скрытым каналам. Он окажет тебе всяческую тыловую и коммуникационную поддержку — я не хочу полагаться на посольские средства связи, потому что каждое твое слово будет запротоколировано и тут же станет известно всем. Я договорился об аппарате защищенной телефонной связи в твоем гостиничном номере.

Уотерман кивнул.

— Директор ЦРУ Маккэндлесс сказал мне, что у него тоже есть возможность наладить безопасную линию связи. Стоит ли мне этим воспользоваться?

Райдер на минуту задумался.

— Конечно. Он наш друг. Очень важно, Майкл, все время быть в курсе того, что происходит. Ты сможешь связаться со мной в любое время суток. Быть может, я смогу сделать немного, но уж точно ничего не смогу, если не буду информирован. Президент знает, что я могу захотеть переговорить с ним, когда он будет в Хельсинки, — сегодня утром он сказал, что он будет рад, если я позвоню. Так что, пожалуй, я еще на кое-что способен.

— Надеюсь. Он ценит ваши советы.

— Вот почему я хотел поехать сам. Ты отлично справишься, я тебе полностью доверяю, но все-таки мы с ним друзья... многие десятилетия.

Воцарилась неловкая пауза. Затем Уотерман спросил:

— Когда станет известно насчет Брекена, господин министр?

Голос Райдера стал снова привычно деловым.

— Думаю, сегодня, позднее. Идет страшная схватка за места.

— Могу себе представить, — сказал Уотерман.

— Соедините меня с Лаурой, Мэгги. — Уотерман прошел через приемную.

Через несколько секунд на его столе зажужжал аппарат. Майкл взял трубку.

Он никак не мог унять гулкое сердцебиение.

— Встреча на высшем уровне. Хельсинки. Один.

— Что?

Он глубоко вздохнул.

— Я единственный представитель министерства обороны на встрече в Хельсинки.

Для Лауры это тоже был шок.

— Ты хочешь сказать, что Райдер не едет?

— Нет. То есть, да. Он не едет.

— Майкл... что произошло?

— Уинтроп сумел его отодвинуть. — Зазвенел аппарат внутренней связи. — Мне нужно идти, милая. До встречи.

Уотерман левой рукой нажал кнопку телефона, правой рукой быстро делая заметки. Список, складывавшийся в его голове, был довольно длинным. Ему понадобятся справочные материалы — в Хельсинки не будет времени на поиски нужных досье. Наготове должна быть группа экспертов, если у него возникнут срочные вопросы. Кто-то из них должен дежурить круглосуточно, чтобы принимать запросы и координировать отправку ответов. Ему понадобится портативный секретный компьютер, лицензирован-

ный Агентством национальной безопасности для обработки засекреченных материалов. И запас продуктов — тот набор, что позволит заместителю министра спасать свободный мир: кошерная салями, сыр, крекеры, темный шоколад от Сьюзан с Коннектикут-авеню.

Столько всего надо успеть сделать.

— Мэгги, не падайте. Я еду в Хельсинки. — Он услышал, как она охнула, но не дал ей ответить. — Попросите Брекена срочно прийти ко мне. И позвоните Паризи, — он выдержал паузу, — и узнайте, сможет ли принять меня сегодня днем Маккэндлесс. Скажите его секретарю, что это очень срочно и что мне нужно всего десять минут его времени.

Он нажал кнопку на замигавшем аппарате личного телефона.

— Если ты приглашаешь меня на чашку эспрессо, чтобы отпраздновать твою поездку в Хельсинки, то я готов, — у Паризи был оживленный голос.

— Как быстро все становится известно.

— У меня надежные источники.

— Приходи побыстрее, Джей, нужно поговорить.

Уотерман положил трубку, включил кофеварку «Олимпия», смолол свежего кофе, и в его голове сложился план. Он наблюдал, как сочится кофе, наполняя сначала одну, потом вторую чашку. Вошел Паризи.

Паризи плюхнулся на диван и закинул ноги на кофейный столик.

— Ты бы хотел поехать в Хельсинки? — спросил Уотерман, передавая ему чашечку кофе.

Паризи замигал глазами.

— Ты имеешь в виду сумрачный холодный форпост западной цивилизации, расположенный рядом с Ленинградом? Страну белых ночей, зимней тьмы, бархатной водки, сочных раков, а также высоких блондинок?

— Давно заметил, что у тебя трудности с подбором слов.

На Паризи эта реплика не подействовала.

— Насколько я понимаю, речь идет, скажем, о конце июня?

— Вообще-то я имел в виду следующую неделю.

— Следующую неделю. Какое совпадение — тебе, кстати, известно, что на следующей неделе в Хельсинки едет президент?

— Что ты говоришь! — подыграл ему Уотерман. — Ты только представь себе, — он отпил глоток кофе и заговорил серьезно. — Джей, у тебя есть заграничный паспорт?

— Конечно, служебный паспорт.

— Не годится. Ты поедешь туристом.

— Да брось ты, Майкл. В чем дело?

Уотерман на мгновение задумался и продолжал:

— У меня нет возможности включить тебя в официальную делегацию, но если, паче чаяния, ты уйдешь в отпуск и захочешь посетить Хельсинки в дни встречи на высшем уровне, то никто не сможет тебе помешать.

Лицо Паризи стало серьезным.

— Джей, — сказал Уотерман, — мне понадобится помощь. Саммит — это многоярусный цирк, и я должен знать все, что в нем происходит, на всех ярусах. Я могу распорядиться и обеспечить тебя билетом на обычный коммерческий рейс. Согласен?

— Когда ехать?

— В конце недели. Я хочу, чтобы ты был там до вылета официальной делегации из Вашингтона.

— Понятно. — Брови Паризи выгнулись. — Нам придется долбать госдепартамент?

— При всяком удобном случае.

— Перед таким предложением невозможно устоять.

— Хорошо, — Уотерман поставил чашку на столик. — Я составляю план. Поговорим через два часа. А пока достань себе обычный паспорт.

Оставшись один, Уотерман вернулся к своему списку. Затем снова дал волю воображению. Он поднял телефонную трубку.

— Мэг, попробуйте найти Ове Андерса в Осло, — он поднял глаза на цифровые часы на стене. — Он еще должен быть в редакции.

Через минуту в трубке послышался голос Андерса.

— Ове, я так рад, что застал тебя на месте. Я хочу просить тебя о громадном одолжении. Подозреваю, ты собираешься в Хельсинки?

— Конечно.

— Я тоже.

— Ты едешь? — оживился норвежец. — Это потрясающе, Майкл.

— Я буду представлять свою контору.

— А-а, значит, Уинтроп все же заморозил Райдера. Мы подозревали, что так и будет. Советы оказывали огромное давление здесь, в Европе — масса антипентагоновских редакционных статей в газетах, в том числе и в моей, должен с грустью признаться.

— Ове...

— Да?

— Мне нужна услуга. Ты уже знаешь, где остановишься?

— Пока нет. Мы послали запрос, но еще не получили от финнов ответа.

— Наверное, у тебя есть в Хельсинки друзья?

— Конечно.

— У меня возникло некоторое затруднение. Мне нужна комната в Хельсинки на время саммита.

— Тебе?

— Нет, конечно, я буду с делегацией. Для друга.

— Я попытаюсь.

— Здорово. Мне, видимо, не удастся включить его в официальный список, и финны не дадут ему гостиницу. Вот почему ему понадобится комната, где остановиться.

— Когда тебе это нужно? — спросил Андерс.

— Завтра. Если у тебя не получится, я предприму что-нибудь еще.

— Послушай. Я еду во главе группы журналистов «Афтенпостен». Нас трое. Я могу попросить четвертую комнату — на тот случай, если твой друг ничего не найдет.

— Это было бы замечательно. Даже лучше, чем в частном доме.

— О'кей, Майкл. Позвоню, как только смогу.

— Ове, огромное спасибо. Привет.

Он повесил трубку, вернулся к своему списку и с грустью посмотрел на удлиняющуюся колонку. То, что ему нужно больше всего на саммите, он включить в список не мог. То было президентское желание выслушивать его и брешь в госдеповском ограждении президента, сквозь которую он мог бы прорваться к президенту и что-то ему сказать.

Он продолжал заниматься списком, когда в дверях с широкой ухмылкой на лице возник Скотт Брекен.

— Итак, ты едешь! — воскликнул он. — Грандиозная новость. На межведомственной группе сегодня утром Уэллбек намекнул, что Райдер отпадает. Я уж было испугался, что нас совсем отстранили. Но раз ты едешь, мы в гораздо лучшей форме.

— Ну, — сказал Уотерман, — нас не отстранили, но насколько мы будем причастны — еще предстоит увидеть. Мне будет гораздо легче на душе, если Бернер даст тебе добро.

— Мне? Ты хочешь сказать, что я тоже, возможно, еду?

— Я очень надеюсь на это. Ты можешь себе представить, что значит быть там одному?

— Могу, — засмеялся Брекен. — Лев в пещере Даниила, — он сел на уотермановский диван.— Какие у меня шансы?

— Честно говоря, не слишком высокие. Что касается Бернера, то, с его точки зрения, саммит — это то место, где делаются лучшие в мире фотографии. А все остальное только к этому прилагается.

— Мысль о том, что этот осел будет решать, еду я или нет, служит верным доказательством, что бога нет, —

сказал Брекен. — Окончательным доказательством была бы передача этого решения госдепартаменту.

Уотерман лишь хмыкнул.

— Только представь себе: Беннет решает, едем мы или нет. — Он встал. — Тебе там кое-что понадобится. Пожалуй, самое время приступать к сборам. Нет смысла сидеть на... как на иголках. Когда ты узнаешь обо мне?

— Сообщить должны Райдеру. Надеюсь, скоро.

Государственный департамент
Меморандум
Секретно-конфиденциально

Кому: Секретарь
От: Евр/Дэниел И. Беннет
Дата: Декабрь 8
Тема: Участие в саммите

Мне сегодня утром позвонил Гэри Бернер после того, как он разговаривал с министром обороны. МИНОБ просил дополнительное место в делегации на саммит для заместителя Уотермана Скотта Брекена. Райдер даже звонил ему вторично, настаивая на Брекене; Бернер хочет знать наше мнение, прежде чем ответить.

Бернер сказал мне, что осталось только одно место. Он сказал, что вряд ли может отказать Райдеру, не имея ясного объяснения. Затем он спросил, есть ли у нас дополнительные просьбы сверх уже утвержденных. Я считал бы правильным заблокировать Брекена, если только это возможно. Уотерман и один будет для нас проблемой. Но если он окажется в одиночестве, он вряд ли сумеет сделать многое. Кроме всего прочего, Брекен — жесткий боец, который прорвется в любую рабочую группу.

Я ответил Бернеру, что вы хотели бы взять с собой консультанта, имеющего хорошие контакты в Кремле и лично знакомого с Маренским.

Он сказал, что мог бы включить консультанта в декларацию и сообщить Райдеру, что мест больше нет. Я назвал ему Эндрю Уэстона.

Если вы согласитесь, то это будет лучшее решение, но нам потребуется совершить ряд формальностей по оформлению Уэстона консультантом госдепартамента. Это можно успеть сделать до конца недели.

Я знаю, что вы пока не ответили на мое предложение пригласить Уэстона в виде награды ему за ту роль, которую он сыграл. Но мне пришлось действовать быстро, чтобы заблокировать Брекена; я полагал, что вы не будете против, если мы в данных обстоятельствах продвинем Уэстона.

Если это создает проблему, я могу отзвонить Бернеру и сказать, что мы решили не брать Уэстона. Но я бы просил вас одобрить его поездку, потому что он этого заслуживает и к тому же может сыграть важную посредническую роль в случае тупика на переговорах.

Согласен: .....
Иное мнение: .....
Секретно-конфиденциально

Пентагон,
9 декабря, 2:30 дня

Паризи сидел за столом Уотермана, потягивая кофе, когда в кабинет вошел хозяин кабинета. Офицер военно-морского флота поднял на него глаза.

— Ты появился вовремя, — сказал он. — Я защищаю эту стоянку вот уже двадцать минут.

— Извини, — сказал Уотерман. — Я спешил, как мог. Из ЦРУ.

— Ты был у Маккэндлесса?

— Так точно. — Он согнал Паризи со своего стула. — Как идут дела?

Офицер помахал синим паспортом.

— Пока все в порядке.

— Слушай, Джей. Я позвонил своему старому другу из норвежской «Афтенпостен», который едет в Хельсинки, и попросил найти тебе место, где ты мог бы остановиться. Он попытался найти, но у него ничего не вышло. Тогда он сказал, что готов разделить с тобой свой номер в отеле «Пасила». Это почти самый центр города.

— Прекрасно. Как его зовут? Он часом не храпит?

— Ове Андерс. А храпит ли — расскажешь через неделю.

Уотерман подошел к шкафу, достал атташе-кейс и передал его Паризи.

— Министр обеспечил безопасную факсимильную связь. Повесишь на гвоздь в своем гостиничном номере — передавать сообщения ему придется тебе. Я должен буду держаться поближе к месту переговоров — если мне повезет, я смогу выскакивать на несколько минут в перерывах. Нам нужно выработать способ, как я буду подносить тебе мои записки, а ты в сжатом виде будешь их передавать.

Паризи открыл кейс и восхищенно покачал головой.

— Отличная вещица. И очень эффективная. А как насчет безопасного мобильного телефона?

— Поверишь ли — ни одного в наличии.

— Представь себе: вдруг начнется война.

— Интересно, кто их взял и отдал жене и детям?

Паризи поскреб подбородок.

— Интересно, будет ли там работать мой пейджер?

— Может быть. Проверь. Еще нам нужно придумать способ передачи сообщений мне. Просто прийти и вручить ты не сможешь — доступ к месту переговоров будет строго ограничен, а у тебя не будет пропуска, — Уотерман почесал голову. — Джей, ты ведь разведчик. Проработай всю эту проблему тылового обеспечения, так сказать. Мне нужны результаты, а не оправдания, что это, дескать, невозможно.

— Будет сделано, сэр.

— Есть еще одна проблема. Шифровальная система связана с телефонной линией. Это очень тонкая технология, но если телефонная линия занята, вы беспомощны. На помощь пришел Маккэндлесс. Как только окажешься в Хельсинки, позвони представителю ЦРУ. Он обеспечит для нас запасную скрытую линию связи.

— Слава богу, что Маккэндлесс на нашей стороне. Удалось включить Брекена в состав делегации?

— Нет. Бернер позвонил министру и сказал, что мест нет.

— Значит, остаемся мы с тобой.

Уотерман кивнул.

Паризи достал из кармана миниатюрную записную книжку.

— Давай обменяемся информацией, — сказал он. — У тебя есть график — места встреч, места брифингов и все прочее?

— Ничего у меня нет, — ответил Уотерман. — Я пытался выудить кое-какую информацию у группы, вылетевшей в Хельсинки заранее. Они не сообщили мне ничего.

— Я сделаю несколько звонков. Я знаю, где это можно узнать.

— Когда ты летишь?

— Рейсом «Нэшнл» в Нью-Йорк — в три тридцать завтра. Там пересадка. Я буду в Хельсинки в пятницу к завтраку. У меня остается запас времени, чтобы встретиться с представителем ЦРУ, убедиться, что средства связи на месте, и освоиться с общей обстановкой. — Паризи постучал пальцами по аппарату секретной связи, стоявшему на столе Уотермана. — Я позвоню тебе в пятницу в полдень по этому времени, и мы договоримся обо всем остальном.

— Прекрасно, Джей, — сказал Уотерман и обнял Паризи. — Такое впечатление, что ты предусмотрел все.

— Не нахожу ничего прекрасного, — Паризи задвигал бровями. — До встречи в Хельсинки вечером в понедельник.

Чеви-Чейз,
9 декабря, 9:15 вечера

— Я дома, — крикнул Уотерман и захлопнул за собой дверь. Но не услышал ответа. — Где вы все?

— Мы в комнате Джейсона, — отозвалась сверху Лаура.

— Я сейчас поднимусь к вам.

Перепрыгивая через ступеньку, он поднялся по лестнице и открыл дверь. Джейсон сидел на нижней койке красной металлической двухъярусной кровати в окружении зоопарка мягких зверюшек; Лаура расположилась на полу и читала ему сказку. Это была заключительная стадия ежевечерней процедуры укладывания сына спать.

Он швырнул свой портфель на ковер и обнял сына.

— Хотел вернуться домой к ужину, — сказал он. — Хорошо хоть успел, пока вы не выключили свет.

— Уже собирались, — сказала Лаура. — Мы читаем уже третью сказку.

Уотерман присел на койку рядом с сыном, на котором было его излюбленное ночное одеяние — майка с надписью «Краснокожие» и широкие штаны. Он притянул сына к себе, усадил его на колени и крепко обнял.

— Я буду скучать по тебе, гусенок, — сказал он. — Но когда приеду, я привезу много интересных историй. Историй про войну. Не про настоящих солдат, но все равно про войну.

— Когда ты уезжаешь, папа?

— В воскресенье. Так что сумею побывать на футбольном матче в субботу.

— Никакого матча не будет: мы проиграли в полуфинале, когда ты был в Москве.

Уотерман поймал лукавый взгляд Лауры.

— Ну, тогда просто поиграем в субботу. Я уезжаю на четыре дня, это означает, что тебе полагаются два подарка.

— Здорово! — обрадовался Джейсон.

— Судя по твоему туго набитому портфелю, сегодня предстоит бессонная ночь, — сказала Лаура.

— Бог мой, надеюсь, что нет. Мне нужно просмотреть десяток бумаг и подписать их. Хотелось бы сегодня выспаться.

— Ну, если Джейсон не прочь выспаться, давай пожелаем ему доброй ночи.

Уотерман поднял Джейсона, уложил его на верхнюю койку и укрыл одеялом. Наклонился над ним и поцеловал.

— Доброй ночи, гусенок. Я очень тебя люблю.

— Папа, оставь свет в чулане.

Они с Лаурой закрыли дверь в комнату сына и отправились на кухню.

— Как дела?

— Бывает и хуже. Я получил сегодня свой график. Мне отведено место на *ВВС-1*, значит, все будет у меня на глазах. Кроме того, я буду участвовать в большинстве важных совещаний. По крайней мере я так думаю. Есть в графике еще несколько совещаний, именуемых «оперативные». Каждое утро. Я не значусь в числе участников.

Он подумал: участвует ли в них Дэн Беннет?

Вашингтон,
14 декабря, 5:45 утра

«Седан» министерства обороны с работающим двигателем уже стоял возле дома, когда у изголовья Уотермана зазвенел будильник. Майкл быстро оделся, спустился вниз. В шесть с минутами он положил свои сумки с квадратными красно-сине-белыми ламинированными ярлыками в багажник машины и устроился на заднем сиденье.

Пока машина катила по пустынным в этот ранний час улицам в направлении военно-воздушной базы Эндрюс, Уотерман включил плафон внутреннего освещения и принялся листать толстую карманного формата брошюру с президентской печатью на обложке под на-

званием *Поездка президента США в Финляндию, Хельсинки.* Изданная группой подготовки визита, брошюра представляла собой детальный, по минутам, план передвижений президента, начиная с вылета на вертолете *Морская пехота-1* с южной лужайки Белого дома до возвращения в Вашингтон из Хельсинки. Этот график, на жаргоне именуемый «библией», будут раздавать членам делегации, когда *ВВС-1* поднимется в воздух. Однако Паризи удалось раздобыть экземпляр поздним вечером в среду.

Уотерман вглядывался в мелкий шрифт. События на саммите были расписаны вплоть до мельчайших деталей; на схемах показывалось, где президент будет стоять во время различных церемоний, в какую сторону повернется к камерам или к собеседникам, где будет подиум для прессы, как и где будут стоять машины и кто приписан к машине с определенным номером.

Каждое место, где предусмотрены встречи или иные акции, сопровождалось планом, где указывались помещения сотрудников аппарата, будки переводчиков, средства связи, закрепленные места за столами заседаний и списки участников. Время было расписано по минутам:

21:35 (местное время): *ВВС-1* прибывает на хельсинкский аэродром Вантаа. Прямой эфир.

21:42 (местное время): президент и первая леди в сопровождении посла США спускаются по трапу и поворачивают налево, перед тем как пройти мимо почетного караула на возвышение для краткого заявления. Президент стоит за кафедрой. Остальные — как указано значками. Прямой эфир. (Угол охвата от подиума для прессы — 150 градусов.)

21:50 (местное время): президент завершает выступление и в сопровождении первой леди направляется к машинам. Рассаживание по машинам. (См. диаграммы 3 и 4.)

21:54 (местное время): президент и первая леди выезжают из аэропорта Хельсинки Вантаа кавалькадой ма-

шин в американское посольство. (В сопровождении журналистов — группы 1-а.)

21:57 (местное время): кавалькада государственного секретаря отбывает из аэропорта в отель «Интерконтиненталь».

22:24 (местное время): автобусы с прессой отбывают из аэропорта в отели для прессы 1,2,3,4. (См. приложение со списком размещения прессы по номерам.)

Когда машина подкатила ко входу для особо важных персон аэропорта Эндрюс, сержант ВВС забрал сумки Уотермана, проверил его имя в списке и отнес багаж к терминалу для просвечивания и погрузки.

— Возьмите с собой то, что вам понадобится в полете, — сказал сержант приветливо. — Все остальное будет доставлено в ваш номер в «Интерконтинентале», — он отдал честь. — Там есть кофе, сэр.

Уотерман присоединился к толпившимся в салоне сотрудникам аппарата Белого дома, агентам Секретной службы, техническому персоналу и специалистам по связи, заявленным на рейс на *ВВС-1* и на *2800*, второй самолет. Самолеты с прессой на борту уже отбыли: ко времени приземления делегации в Хельсинки они будут уже готовы запечатлеть церемонию прибытия. Взяв чашечку кофе с некого подобия стойки бара, Уотерман нашел пустое кресло в углу и пробежал глазами смятый номер «Нью-Йорк Таймс».

Передовица, написанная Майклом Греем, рассказывала о расхождениях между госдепартаментом и министерством обороны в подходах к основным проблемам встречи лидеров. Ничего удивительного, хотя Уотерман и подумал, что неназванное «высокое должностное лицо», заявившее, что «Советы знают, что СОИ — это журавль в небе», очень смахивает на глумливого беннетовского заместителя Боба Уэллбека.

И словно подтверждая его подозрения, он увидел Дэна Беннета и Боба Уэллбека — который числился в пас-

сажирах *2800*, — гуляющих по салону в обществе Майкла Грея и о чем-то оживленно беседующих. Корреспондент «Таймс», создавалось впечатление, летит в Хельсинки на *ВВС-1* как член команды журналистов. Митчелл Уоллес держал в руке серый самсонитовый атташе-кейс и был похож на бухгалтера, ждущего на перроне свою электричку. Весьма показательно, подумал Уотерман, что его не взяли на вертолет *Морская пехота-1*, который доставит к самолету президента, Уинтропа и Гэри Бернера — прямо из Белого дома.

Точно в указанное в «библии» время офицер ВВС объявил, что вертолет *Морская пехота-1* вылетел с Южной лужайки.

— Леди и джентльмены, пожалуйста, пройдите в автобус для посадки в *ВВС-1*.

Вместе со всей толпой Уотерман вошел в синий школьный автобус ВВС, который доставил их к трапу в двухстах метрах от здания. Он посмотрел на огромный самолет в серебристо-бело-голубых тонах, президентскую печать чуть впереди от главного люка. На фюзеляже четырехфутовыми буквами красовалась надпись «Соединенные Штаты Америки». Все быстро расселись по своим местам. Президент должен прибыть меньше чем через семь минут и задержится лишь, чтобы его сфотографировали на ступеньках трапа «Боинга-707». Со своего места во втором салоне Уотерман наблюдал, как президент поднимался в самолет, махнув рукой фотографам. Не более чем через девяносто секунд после того, как президент пристегнулся к кожаному креслу в своем личном салоне в передней части самолета, машина плавно покатилась к главной взлетной полосе.

Вскоре после взлета помощник из секретариата госдепартамента начал раздавать детальное расписание визита, а тем, кто имел специальный допуск, президентскую инструкцию. Уотерман раскрыл «библию», чтобы посмотреть, не появились ли в ней какие-либо изменения в сравнении с полученным им ранее от Паризи кон-

трабандным экземпляром. Одно важное изменение сразу же бросилось ему в глаза: в отличие от его копии, в окончательном варианте приводился список участников утренних и вечерних оперативных совещаний — тех, что, по мнению Уотермана, посвящены техническим, а не содержательным вопросам. У него пересохло во рту, когда он увидел эти списки: президент, государственный секретарь, господин Бернер, генерал Уоллес, господин Киркуэлл, посол Беллмейер, господин Беннет, господин Уэллбек.

Отсутствовало только одно имя — его собственное.

Не успели они набрать высоту, а сражение уже началось: он не будет присутствовать на важнейших политических совещаниях, проводимых каждое утро и каждый вечер. Существенные заседания, в которых он будет участвовать, — два в первый день и одно во второй — были втиснуты между встречами с Новиковым. Это будут скоропалительные совещания. Он по опыту знал, что такие встречи могут быть стремительно свернуты, если президент скажет, что ему требуется время для чего-то еще.

Он отложил расписание и взял свой экземпляр главной инструкции, толстенный сборник в виде перекидного блокнота, в котором значились тезисы для переговоров по всем вопросам, которые могли возникнуть во время бесед с Новиковым. Это был итог бесконечных войн и бесчисленных схваток на межведомственном театре военных действий. Каждый абзац, каждая фраза, каждое слово, каждая запятая были выжаты как последняя капля влаги из практически уже сухой губки.

Перелистывая страницы, он не верил своим глазам: почти по всем главным пунктам были видны значительные изменения в сравнении с вариантом, который он не только видел, но в создании которого участвовал. Материал, давно удаленный межведомственной группой, появился вновь, материал, вставленный по настоянию министерства обороны, исчез. Все острые углы

сглажены. Все прицельные удары превратились, в лучшем случае, в сладкие пирожные. Пропуски зияли повсюду — по правам человека, по стратегической обороне, по ракетам средней дальности, по региональным проблемам.

Уотерман побелел от гнева. Если президент будет следовать этим переговорным тезисам, ничто из сказанного им Новикову не будет ни ясным, ни решительным. Но именно так все и было задумано — страница за страницей дипломатической манной каши.

Ситуация выглядела безнадежной. Черт возьми, пробормотал он, отстегивая ремень безопасности. Он прошел на три ряда вперед, где рядом с высоким незнакомцем в полосатом костюме, погруженным в «Вашингтон Пост», которого Уотерман заметил еще в салоне для особо важных персон, сидел Дэн Беннет.

Он помахал президентскими инструкциями перед глазами Беннета.

— Я просто не верю своим глазам, — сказал он.

— Нечего жаловаться мне, — притворно-вежливо сказал Беннет. — Я говорил тебе в Москве, что президент меняется. Жалуйся в Совет национальной безопасности — последний вариант писали они.

— Иными словами, ты удивлен тем, что здесь напечатано?

— Я сказал лишь, что окончательный вариант писали в СНБ. Они работали ночь напролет. А что касается удивления, то скажу, что я это предвидел. И пытался внушить это тебе.

— Я буду настаивать на возвращении к тезисам, которые значились изначально, — сказал Уотерман.

— Сколько угодно. Все равно Старик пользуется своими крохотными карточками, — ответил Беннет.

— Тем меньше придется трудиться.

Уотерман развернулся и отправился на свое место. Он вытащил из кармашка сиденья блокнот с надписью *ВВС-1* и начал быстро писать.

От: Майкл Уотерман
Кому: Генерал Уоллес

Целый ряд президентских тезисов, которые я сейчас увидел впервые, представляют существенный отход от формулировок, согласованных на межведомственной группе. Я был бы благодарен, если бы вы предоставили мне возможность обсудить их с вами до их окончательного утверждения. Если вы не возражаете, мы могли бы поговорить в самолете.

Он вызвал стюардессу и отправил эту записку. И не успел заказать чашку чая, как возле его места возник Уоллес.

— Я сам сейчас просмотрел брошюру, — сказал он. — И подумал, что надо выслушать вас. Я согласен — изменения зашли слишком далеко. Дальше, чем я бы одобрил. — Его водянистые глаза чуть оживились улыбкой. — Последние изменения вносились в большой спешке.

— Значит, это не окончательный вариант?

— Не *окончательно* окончательный, — сказал Уоллес. — Знаешь, я пройдусь по этим тезисам еще раз. Сделаем это в Хельсинки?

— Я думаю, что это надо сделать сейчас, — сказал Уотерман. — Если мы дотянем до Хельсинки, президент может успеть их прочитать.

— Сейчас он просматривает другие документы. Но ты прав — нельзя гарантировать, что он не ознакомится с этими тезисами во время полета. Но меня это не слишком беспокоит, Майкл. Ты знаешь, как он относится к толстым инструкциям — он скорее отложит их на последнюю минуту. Я обещаю, что у тебя будет возможность отстоять свой подход, но давай подождем до Хельсинки.

— Это будет поздно, — настаивал Уотерман. — Кроме всего прочего, никто из нас не может быть уверен, что в Хельсинки у нас будет для этого время. Если случится переворот в Танзании, или угон самолета в Афинах, или в

Ливане захватят заложников, времени на тезисы не останется. Давай сделаем это сейчас, Митч.

— Хорошо, — сдался Уоллес. — Дай мне час, я должен переговорить с боссом.

— За этот час я успею внести правку. Предупреди Беннета.

— Договорились.

Вобрав голову в плечи, точно сопротивляясь внезапному порыву ветра, Уоллес двинулся к своему ряду кресел, остановившись на минутку около Беннета. Уотерман улыбнулся: он представил себе его реакцию.

Три с половиной часа Уоллес, Беннет и Уотерман сидели в носовом отсеке самолета, перерабатывая тезисы. Они добавляли, затемняли, удаляли, пока наконец Уотерман смог сказать, что он удовлетворен. Он был вымотан, но сумел отвоевать две трети потерянного. Это было далеко не все, но и то хорошо, что это удалось сделать над Атлантикой, когда погасли надписи, требующие пристегнуться. Он рухнул в свое кресло, отказался от ланча и заснул сном невинного младенца.

Хельсинки,
14 декабря, 10:35 вечера

Церемония прибытия соответствовала сценарию. Весь день шел снег. Когда они приземлились, все было покрыто снегом, чуть ли не тридцатисантиметровым слоем; было очень холодно. Никто не потянулся к президенту, когда он завершил свое краткое заявление. Через несколько минут кавалькада машин уже двигалась в американское посольство, и цепи на шинах лимузинов поднимали при движении снежные вихри.

Кавалькада государственного секретаря — Уотерман был приписан к третьей машине — подкатила к хельсинкскому отелю «Интерконтиненталь», дом 46 по улице Маннергейма, в 10:20, как и предписывалось «библией». Невзирая на снег, гололед и темноту, с восхищением на-

блюдал Уотерман, эскорт заиндевевших мотоциклистов мчался во весь дух.

Он начал распаковывать свой багаж, когда зазвонил телефон.

— Добро пожаловать в Хельсинки, — сказал Паризи. — Я случайно оказался в этом городе во время отпуска и узнал, что ты, возможно, сопровождаешь президента. Давай встретимся.

Он засмеялся.

— Поднимайся ко мне, — сказал Уотерман, расхохотавшись. — Угощу тебя чем-нибудь на ночь.

— Иду.

— Когда ты будешь?

— Секунд через сорок пять.

— Где ты, черт возьми?

— В вестибюле.

Уотерман позвонил в обслуживание. Не успел он развесить костюмы, как Паризи уже стучал в дверь.

— Неплохо, — сказал он, оглядев номер. — Кто прислал цветы?

— Финское министерство иностранных дел.

— Прямо как на свадьбу.

— Или на похороны. — Уотерман задвинул чемодан в шкаф. — Я заказал выпить — какой-то ликер из полярных ягод со льдом. Здесь все от него балдеют.

Он оглядел Паризи в темном твиде, высоких сапогах и меховой длинной куртке с непромокаемым верхом. Тот скинул куртку и устроился в кресле.

— Что происходит, Джей?

— Это тебе, — сказал Паризи, положив на столик толстый конверт. — Обзоры советской прессы — от Ове Андерса. Он сказал, что ты обожаешь беллетристику.

— Пригодится вместо снотворного, — сказал Уотерман. — Что делается в посольстве?

— Военный атташе — личность никчемная. Шеф ЦРУ — другое дело. Он готов сделать все, что надо. Мы можем ему звонить в любое время суток, у него прекрас-

ные средства связи, — брови Паризи игриво выгнулись. — Мы можем связаться с кем угодно.

— Он может посылать безопасные факсы?

— Вполне.

— Потрясающе. Тогда пусть первым делом отправит это Райдеру, — сказал Уотерман, доставая пересмотренные переговорные тезисы из портфеля.

Паризи быстро пробежал документ глазами.

— Как полет, не считая того, что тебе пришлось из-за этого выдержать бой?

— Одно могу сказать: после *ВВС-1* трудно будет летать обычными рейсами.

— Мой полет тоже был превосходным, — не дождавшись вопроса, сказал Паризи. — Удалось пересесть в первый класс. Они подают «Дом Периньон» и отличный французский коньяк, а стюардесса была просто сногсшибательна.

— Джей...

— Не волнуйся, Майкл, с момента приезда в Хельсинки я превратился в монаха. Трачу все свое время, налаживая тебе линии связи. Кстати, твой друг Андерс — миляга.

— Это потрясающий парень, — сказал Уотерман.

— И потрясающий журналист.

— В этом смысле он не знает равных, — согласился Уотерман. — Он жесткий и справедливый одновременно, и у него такая профессиональная память, что люди вроде тебя и меня рядом с ним пигмеи. Хотел бы я, чтобы американские журналисты, освещающие саммит, знали хотя бы половину того, что известно Ове. Если бы это было так, я не волновался бы насчет того, что появится в газетах.

— И на экране. Телевизионщиков здесь больше, чем дипломатов. Если бы Ове меня не приютил, мне пришлось бы спать на улице, — Паризи даже передернуло при этой мысли. — У нас огромный номер, и Андрес достаточно деликатен и не спрашивает меня, чем я занимаюсь, хотя знает, что я знаю, что он так или иначе это знает. Он да-

же пригласил меня послезавтра на обед, хочет, чтобы я познакомился с его приятелем Алексеем Маренским, который приехал вместе с отцом на саммит. Кстати, он спрашивает, не хочешь ли и ты встретиться с ним за рюмкой, а заодно и с его коллегами из «Афтенпостен». Он понимает, что у тебя жесткий график, но будет рад, если ты сумеешь выкроить полчаса.

Уотерман нахмурился, что-то прикидывая.

— Я не могу сказать ему «нет». Передай Ове: завтра, в вашем отеле, приблизительно в пять тридцать. Кстати, это далеко отсюда?

— Сразу за углом.

— Джей, ты сказал, что Ове хочет познакомить тебя с Алексеем Маренским?

— Да. Послезавтра.

— Ты знаешь, кто это такой?

В дверь постучали. Паризи впустил официанта, взял у него поднос, сунул чаевые и закрыл дверь.

— Конечно, я знаю, — сказал он обиженно. — Акробат из московского цирка. Тот самый, кто произнес удивительную фразу: «Разберитесь, за что вы уцепились, прежде чем выпустить из рук то, за что вы в данный момент держитесь». Я хочу повесить ее на стене моего кабинета — практически это кредо военно-морской разведки. Кстати, он также сын главного советника Новикова.

Оба засмеялись.

— Я это заслужил, — сказал Уотерман. Он протянул Паризи стакан, другой взял себе. — Будь здоров.

— И ты тоже, — сказал Паризи.

Они чокнулись. Уотерман пригубил из стакана.

— Хорошо, — сказал он, поставив стакан на столик. — Джей, говорил ли Ове что-нибудь про Маренского или его отца?

— Только то, что Алексей — поклонник Новикова, он бросил работу в каком-то научном институте и основал проновиковское издание, написал кучу статей в защиту перестройки. Но Андерс говорит, что сейчас он разочаро-

ван в Новикове, он считает, что тот слишком многое уступает старой гвардии. У меня сложилось впечатление, что Алексей переживает нечто вроде депрессии.

— Послушай, быть может, сейчас все уже запоздало, но если ты узнаешь что-нибудь про Маренского-старшего, это может оказаться очень полезным. Он похож на хамелеона, мы никак не можем за него ухватиться. Если бы мы узнали больше, то лучше понимали бы Новикова.

— Займусь этим, — сказал Паризи.

— Как будем поддерживать связь? — спросил Уотерман. — Переговоры будут проходить в Айноле, бывшем доме Сибелиуса. Финны выбрали это место из соображений безопасности. Там, говорят, очень красиво — густой лес и все прочее. Проблема в том, что это изолированное место, двадцать три мили от города. Нужно придумать, как мне связываться с тобой, когда мне надо будет связаться с министром или если ты получишь что-то от него.

— Может быть, это поможет, — сказал Джей. Он достал из кармана маленький пейджер и протянул его Уотерману.

— Где ты это взял? — спросил Майкл.

— В управлении военно-морского флота по связям с Конгрессом. Они и не заметят пропажи. Когда я буду нужен, набери этот номер, — сказал он, протянув Уотерману листок. — Если мне понадобишься ты, то услышишь легкую вибрацию, без всяких бип-бип. Это будет означать, что я жду тебя на станции Ярвенпаа, это в десяти минутах ходьбы от дома Сибелиуса.

— Чей это номер? И где передатчик?

— Наш друг шеф отделения ЦРУ был столь любезен, что согласился установить его в своей квартире.

— Ну и ну, — восхищенно воскликнул Уотерман. — Я знал, кого взять для этой работы.

— Я потратил почти весь вчерашний день на поездку в Айнолу, — сказал Паризи. — Я боялся, что пейджер не возьмет такое расстояние. Но он отлично действовал.

— Джей, — снова восхитился Уотерман. — Ты превзошел самого себя.

Паризи усмехнулся.

— Смотри не перехвали, а то у меня закружится голова.

Хельсинки,
15 декабря, 5:45 утра

Уотерман встал за семнадцать минут до шести, когда раздался звонок-побудка, и, что было для него нехарактерно, встал легко и чувствовал себя выспавшимся. Все дело в адреналине, подумал он, быстро приняв душ. Одеваясь, он мысленно поблагодарил Лауру за шелковое нижнее белье, которое она не забыла положить в его чемодан. Было холодно, хотя номера в «Интерконтинентале» отапливались на иностранный вкус. Через несколько минут он уже позвонил Уоллесу, номер которого был этажом выше, и набросился на советника по национальной безопасности по поводу участия в оперативных совещаниях.

Уоллес рекомендовал ему поговорить с главой аппарата Белого дома, поэтому Уотерман разбудил помощника Гэри Бернера, который, как следует не проснувшись, довольно наивно сказал, что все будет в порядке, если на это согласен генерал Уоллес. Поэтому он снова позвонил Уоллесу.

— Бернер говорит о'кей, если вы говорите о'кей, — солгал Уотерман.

— Хорошо, Майкл, — вздохнул Уоллес. — В десять тридцать в номере десять десять.

Как только он положил трубку, принесли завтрак: замечательный свежевыжатый апельсиновый сок, корзинка черного хлеба и кружочки подслащенного масла, которым знаменита Финляндия, и очень большой кофейник с крепким ароматным кофе. Упоенный успехом, Уотерман жадно набросился на еду. Официант не успел уйти, когда

под дверь подсунули толстый пакет газетных вырезок, переданных по факсу из утренних выпусков «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост», систематизированных и перефотографированных информационным центром госдепартамента, расположившемся дальше по коридору. Ничего нового, подумал Майкл с облегчением, пробегая глазами газетные вырезки и потягивая кофе. Отсутствие новостей, как известно, хорошая новость.

Уотерман намазывал хлеб последним кружочком масла, когда под дверь его номера подсунули конверт, на этот раз из Белого дома. Он вскрыл его и начал читать:

Белый дом
Меморандум
Конфиденциально

Кому: Члены команды США на саммите
От: Пресс-секретарь Белого дома
Дата: 15 декабря
Тема: Контакты с прессой

Данный меморандум служит официальным предупреждением, что никто — повторяю, никто — не должен поддерживать никаких контактов с прессой без моего личного предварительного разрешения, а также разрешения главы аппарата Бернера или государственного секретаря.

Если к вам обратятся с просьбой об интервью или попросят прокомментировать любой возможный аспект саммита, вы должны ответить отказом и не должны что-либо комментировать хотя бы одним словом. Вы ДОЛЖНЫ сразу же отсылать подобные запросы пресс-секретарю Белого дома.

Я должен вам напомнить, что понятие «контакт» *включает в себя даже случайное общение с прессой.* Разговоры в баре или обмен сплетнями в автобусе во время поездки к месту переговоров или куда-либо еще абсолютно

запрещаются. Я намерен прочитывать все корреспонденции с саммита очень тщательно, и при первых признаках утечки я лично разыщу нарушителя и отправлю его (ее) домой с первым же рейсом.

Уотерман с отвращением скомкал меморандум. В другой части города русские как безумные обрабатывают прессу. Советский пресс-центр проводит огромную работу, организуя интервью, распространяя — неизменно на английском языке — бумаги по всем проблемам, которые гипотетически могут всплыть на саммите. Новиков должен был прибыть позднее в этот день. Но пропагандистский аппарат трудился уже несколько недель. Ни один американский официальный деятель не появился в утренних программах американского телевидения. Советы и их подголоски заполонили все программы, начиная с *Доброе утро, Америка* и кончая *Донахью*.

Уотерман презирал пресс-службу Белого дома и особенно Алана Киркуэлла за это бездействие. Он знал, что Киркуэлл только лишь по одной причине не переправил загодя свою эгоцентричную задницу в Хельсинки, чтобы обрабатывать прессу так, как это делали советский пресс-секретарь и его помощники. Киркуэлл хотел лететь на *BBC-1*, чтобы его увидели на телеэкранах по всему миру, как он сходит по трапу вслед за президентом. Как анонимный эксперт Капитолийского холма со стажем, Уотерман презирал такие спектакли, особенно если победа в пропагандистской войне в результате доставалась противнику.

Он посмотрел толстую, в дюйм, пачку релизов советского пресс-центра, лежавшую, благодаря заботе Ове Андерса, на столике возле его кровати. Он прочитал ее, ложась спать, рассчитывая, что она подействует как снотворное. К своему ужасу Уотерман обнаружил, что эти материалы написаны ловко и гладко; это был тот материал, какой журналисты охотно вставляют в свои ежедневные корреспонденции, превращаясь в невольных пропагандистов.

Уотерман стоял с приказом о затыкании рта в одной руке и последним ломтиком черного хлеба с маслом в другой, размышляя, получил ли Беннет то же самое послание, или, возможно, это был некий заговор, направленный лично против него.

Затем он расправил меморандум, разгладил его рукой, стараясь ликвидировать морщины. *Эту* бумагу он сохранит в своем досье. Она слишком хороша, чтобы полететь в корзину.

Все еще держа меморандум в руке, он позвонил в отель «Пасила» в номер Андерса. Трубку поднял Паризи.

— Хорошо спал?

— Пока разница во времени не подняла меня около пяти.

— Я отправил переговорные тезисы в Вашингтон, — сказал Паризи. — Билл Коллинз сказал, что сразу же передаст их МИНОБу. Билл сказал, цитирую, «быстрое обслуживание высоко оценено», конец цитаты.

— Очень рад, — он помахал презренным меморандумом. — Ове на месте?

— Под душем.

— Передай ему следующее сообщение, Джей. Скажи, что я должен просить формального разрешения встретиться с ним и его друзьями. Судя по тону документа, который я получил, я сомневаюсь, что мне его дадут. Скажи ему, что мне очень жаль, но я сделаю все возможное, чтобы такое разрешение получить.

Хельсинки,
15 декабря, 6:00 утра

В трех милях от «Интерконтиненталя» президент еще спал — в постели, которую доставили из Белого дома самолетом за пять дней до его прибытия — в жилом крыле американского посольства, нелепом кирпичном здании, занимавшем несколько акров красивейшего лесистого холма, откуда открывался красивейший вид на город.

В сотне ярдов от его спальни всю ночь кипела работа. И в самом деле, еще до того как *ВВС-1* приземлился в Хельсинки, в рабочих помещениях посольства был развернут оперативный центр Белого дома. Защищенные от внешнего воздействия компьютеры и копировальные машины, доставленные с военных баз в Германии, жужжали и ворковали, выдавая горы совершенно секретных графиков, конфиденциальных тезисов, секретных докладов и разработок, списки присутствующих на совещаниях и десятки других необходимых материалов, заполнявших тесные помещения посольства, где за год не наблюдалось такой активности, которая будет иметь место в следующие семьдесят два часа финской встречи на высшем уровне.

Повсюду были разнообразные средства связи. Ящики с оборудованием до потолка превратили коридоры посольства в смертельно опасные маршруты. Мотками лежали на полу толстые пучки связанных лентами изолированных кабелей, соединявших сеть из двадцати шести рабочих станций с тремя микрокомпьютерами. Другие, спутанные, как спагетти, соединяли сети телефона, телефакса и интеркома, что позволяло Белому дому поддерживать в Хельсинки тот же уровень связи, что и в Вашингтоне.

В «Интерконтинентале» аналогичная служба была развернута секретариатом госдепартамента. Пытаясь совладать со всемирным потоком информации, стекающейся в оперативный центр госдепартамента, примерно тридцать клерков, секретарш, связистов, сотрудников аппарата, управляющих автопарком, сотрудников протокола, шифровальщиков и агентов секретной службы трудились, как рабочие пчелы, соединяя один номер с другим, передавая нескончаемый поток телеграмм, факсов, телексов и папок с документами. В обоих местах работа шла круглосуточно. Нервный центр мира, казалось, переместился на седьмой этаж отеля и в рядовое посольское здание на холме, возвышающееся над центральной частью Хельсинки.

Действовал и третий оперативный центр, как это хорошо было известно Уотерману, — тайный аванпост, состоявший из одного человека, Джея Паризи, разместившегося в углу гостиничного номера Ове Андерса.

Хельсинки,
15 декабря, 6:15 утра

Уотерман пробежал глазами новый график, только что подсунутый ему под дверь. Первое оперативное совещание — он увидел свое имя среди приглашенных — было назначено на 10:30. Довольно поздно, — понимал он, — чтобы дать президенту отдохнуть и восстановить силы после трансатлантического перелета, оставляя одновременно достаточно времени для последних приготовлений к назначенной на среду встрече с Новиковым. Рабочий ланч назначен на полдень, а после него встреча со старшими советниками, куда Уотерман тоже приглашен. Именно там президент будет детально просматривать тезисы. Может быть, не столь детально, как хотелось бы Уотерману: нахмурившись, он увидел, что рабочее совещание будет сокращено из-за традиционного визита вежливости президента к руководителям Финляндии, который состоится днем.

По особой просьбе президента вечер был оставлен свободным. Он заказал, как указывалось в графике, ранний обед из вареных цыплят, рисового плова и зеленого салата с одним бокалом калифорнийского Шардоннэ; после обеда состоится частный просмотр кинофильма *На север через северо-запад*. Демонстрации фильма, как стало известно Уотерману, будет предшествовать короткий секретный киносюжет: двадцатиминутный психологический видеопортрет Новикова. Именно такой вечер нужен был президенту перед его первой встречей с советским лидером двадцатью тремя годами его моложе.

Как с огорчением обнаружил Уотерман, его попадание в число участников оперативного совещания было в

лучшем случае пирровой победой. Ничего существенного не обсуждалось, и вся группа (кроме президента, который в последнюю минуту мудро отстранился от участия) потратила сорок пять минут на административные тривиальности, на уклонение от которых в Вашингтоне Уотерман затрачивал неимоверные усилия.

Дневная рабочая сессия с участием президента оказалась короткой — всего час, бо́льшая часть которого пошла на повторение основных аргументов в защиту американской позиции по каждому из основных вопросов повестки дня: права человека — мы хотим их расширения; стратегическое оружие — мы хотим, чтобы его было меньше; ракеты средней дальности — мы хотим, чтобы их не было; региональные проблемы — мы хотим, чтобы Советы перестали поддерживать подрывные действия в третьем мире; торговля и вопросы экономики и так далее.

Майкл внимательно слушал, стараясь уловить, не занял ли президент другую позицию под влиянием то ли госдепартамента, то ли Гэри Бернера. Он был рад, ничего подобного не уловив. Особенно успокаивало, что президент, казалось, был по-прежнему столь же предан идее Стратегической оборонной инициативы как полезной политической линии. Затем, когда оставалось всего несколько минут, президент предложил всем собравшимся сделать любые замечания — кому какие хочется.

Уотерман использовал отведенное ему время для предупреждения против уверенности в том, что Новиков ясно и основательно привержен подлинным реформам. И несмотря на непристойные гримасы, которые он видел на лице Дэна Беннета, он попытался ступить на новую почву, объяснив президенту, что для советских переговорщиков весьма типична угроза прервать переговоры как способ вырвать уступки со стороны оппонента.

— Вы не должны удивляться, господин президент, — сказал он, — если в какой-то момент Новиков скажет или даст понять, что переговоры зашли в тупик; некое препятствие, дескать, сводит на нет все результаты встречи на

высшем уровне. Вам следует помнить, что когда он это скажет, это будет блеф — для него это игра в покер. А причина такого блефа, сэр, в следующем: он знает, что у вас на руках сильная карта.

Президент искренне его поблагодарил.

— Знаешь, Майкл, я провел огромное количество переговоров и в разное время постиг все переговорные уловки, какие только можно себе представить. — В уголках глаз президента собрались морщинки, когда он по-отечески улыбнулся Уотерману. — Самый трудный оппонент, какого я помню, достался мне в конце Пелопонесских войн. Боже мой, этот Перикл был тяжелейшим противником — хуже Брежнева.

Все захохотали, и Уотерман в том числе. Старик, определенно, умел шуткой снять напряжение.

— Сынок, — сказал он Уотерману, — ты должен знать обо мне кое-что еще: я очень смекалистый покерист, особенно когда начинается торговля.

Когда президент уходил, Уотерман смеялся со всеми вместе. Они задержались, чтобы чуточку поболтать, и Майкл наконец был согласен со всеми: президент настороже и в отличной форме. Он произвел на Уотермана большое впечатление, дав понять, что готов твердо противостоять любому давлению со стороны Новикова. Уотерман вышел из комнаты с уверенностью, какой не испытывал все последние дни.

Глава двадцать первая

Хельсинки,
16 декабря, 5:45 утра

В предрассветной тьме падал нежный снежок, выбеливая тротуары и приглушая звук немногих машин, которые можно было разглядеть на улице только благодаря пучкам света включенных фар. Едва проснувшись и чуточку отведя портьеру, Уотерман увидел полицейских в зеленой форме, выстроившихся вдоль барьеров безопасности, перекрывающих вход в отель. Он отпустил тяжелую бархатную портьеру, зевнул, потянулся и позвонил в обслуживание. Взял свой потайной портфель с телефоном и секретными документами и отнес в ванную. Когда он вышел оттуда полчаса спустя, приняв душ, побрившись и закутавшись в толстый ворсистый халат с гостиничным ярлыком на кармане, на столике его ждал кофейник горячего крепкого кофе и кувшин горячего молока с поднимающимся над ним паром.

Он налил себе кофе и устроился на диване — просматривать материалы, которые он возьмет с собой на совещание.

Когда он ложился спать, окончательная версия президентских тезисов для переговоров была размножена и вставлена под черную перекидную обложку с золотой пре-

зидентской печатью. По главным вопросам были подготовлены карточки размером три на пять дюймов. Уотерман не пожалел времени и проверил, совпадают ли они с более пространной версией. Не раз он одерживал победы на министерских заседаниях, отстаивая свои формулировки, а потом, увидев их в письменной форме, убеждался, что рано радовался победе. Тщательная сверка была единственным способом добиться того, чтобы позиция министерства обороны была отражена в президентских тезисах. С облегчением он увидел, что все они на месте.

Затем взял синюю маршрутную книгу — ежедневную «библию». Он приписан к машине номер шесть кавалькады, которая отбывает от гостиничного подъезда в Айнолу в девять пятнадцать утра.

К «библии» был приложен план сельского дома в Айноле. На плане первого этажа было помечено место, где встретятся президент и Новиков: в точке X они впервые поздороваются на ступеньках дома точно в 10:30. На плане была также показана гостиная, где будут слоняться советники обеих делегаций, пока лидеры будут беседовать и вести переговоры — согласно «библии», кофе и печеньем советников обеспечат; еще он увидел, как попасть в спальни второго этажа, переоборудованные во временные кабинеты, где делегациям тоже подготовлено временное рабочее пространство.

Президент и Новиков будут разговаривать в библиотеке — большой угловой комнате с массивными книжными полками вдоль одной стены, тогда как другая представляла собой громадное, до пола, окно. В центре стены между книжными полками — большой камин. Четыре стула — «очень удобных», если верить «библии», — предназначались президенту, генеральному секретарю, советскому министру иностранных дел и американскому государственному секретарю. Четыре стула поменьше тоже были помечены на плане: два для переводчиков и стенографов каждой из сторон. Просмотрев план, Уотерман вернулся к своим делам.

К тому моменту, когда он опустошил кофейник, столик перед ним был заполнен документами, разложенными в папки с цветными обложками: красная для тезисов, синяя для непредвиденных тем, которые могут возникнуть в ходе переговоров, желтая для вспомогательных материалов, зеленая — для биографических данных, белая — для телеграмм. Уотерман сложил все это в большую авиационную сумку с надписью «Собственность министерства обороны» вместе с пейджером и комплектом запасных батареек, принесенных Паризи, монетами на случай, если надо будет позвонить с платного телефона, а также блокнотами и ручками.

Собрав все необходимое, он быстро оделся и сел за письменный стол набросать записку Джиму Райдеру. Паризи, который немного позднее займет свой пост в кафе на станции Ярвенпаа, возьмет записку после отъезда Уотермана из отеля и отправит ее в Вашингтон через потайную линию связи шефа бюро ЦРУ в Хельсинки.

Это был беглый отчет. Уотерман рассказал о последних приготовлениях, о настроении президента, каким оно ему показалось, о рабочем совещании в посольстве с участием президента, о своей схватке ради включения в число участников оперативных совещаний. Главной целью записки было не столько информировать, сколько утишить боль министра, не включенного в делегацию, ввести его в курс дела.

В восемь пятнадцать он позвонил Паризи и поручил ему взять записку. Через пятнадцать минут ему позвонили из секретариата госдепартамента: отъезд из отеля переносится с девяти пятнадцати на восемь сорок пять, поскольку на шоссе в Ярвенпаа гололед и дорога займет больше времени, чем предполагалось. Он быстро проверил, не забыл ли чего-нибудь, вынул ключ из шифротелефона (без ключа его можно было оставить в номере) и спустился вниз к машине номер шесть.

Внизу у двери отеля агент секретной службы, сверяясь со списком, вручал эмалированные нагрудные знаки.

Уотерман проткнул красно-зеленую булавку сквозь ткань костюма на лацкане и защелкнул на обратной стороне замок. Без соответствующей булавки, менявшейся каждый день, пройти к месту переговоров не удастся.

От Уотермана при всей его озабоченности не укрылась красота окружающей природы. Выехав из города, кавалькада машин двигалась в сосновом лесу почти всю дорогу до Ярвенпаа. Даже в девять часов утра небо было темное, но падающий снег и покрытые снегом деревья были видны в свете фар и окон домов, стоявших по обеим сторонам шоссе. Нетронутая белизна снежного покрова вне города создавала впечатление первобытного пейзажа; снег на шоссе, на котором нельзя было разглядеть колеи, был ровным, шелковисто-гладким. Майкл откинулся на плюшевую спинку сиденья и погрузился в размышления.

«Что за леса вокруг? Они как будто мне знакомы», — продекламировал он, глядя на зеленую стену хвойных деревьев и прислушиваясь к мерному шороху дворников по ветровому стеклу. «И прежде чем я голову к подушке прислоню, мне надо много миль пройти и долг свой соблюсти», — продолжил он.

От Ярвенпаа, где кавалькада машин свернула с магистрали, до Айнолы оставалось всего два километра. Еще до того как вилла возникла перед глазами, Уотерман увидел северное сияние десятков телевизионных прожекторов. Когда они подъехали ближе, он заметил дымок, проникающий сквозь падающие хлопья снега. Шипованные покрышки автомобильных колес хрустели по твердо укатанному снегу; Уотерман прижался лицом к стеклу, чтобы лучше рассмотреть дом, в котором встретятся лидеры. Спроектированный на рубеже веков Ларсом Сонком, выдающимся финским архитектором и другом семьи Сибелиуса, он был окружен высокими деревьями; их голые стволы и заснеженные верхушки в безжалостном свете телекамер были похожи на призраков.

Уотерман настолько был заворожен зрелищем, что не сразу заметил, что машина остановилась. Генерал Уол-

лес, глава аппарата Белого дома Бернер и посол Мур, вслед за ними Уотерман, Беннет, Боб Уэллбек, Фил Ланир, а также два сотрудника Бернера, переводчики и стенографы вышли из машин и направились к двери дома. Проделали они это едва ли не воровато, стремглав, проигнорировав шквал вопросов, обрушившихся на них на полдюжине языков.

Очутившись внутри дома, Уотерман быстро огляделся. Айнола выглядела даже еще более деревенским жилищем, чем ему казалось, — под потолком тянулись длинные балки, почти все стены из необработанных бревен, приобретших с течением времени времени мягкий коричневатый тон. Он скинул пальто и вместе с Беннетом, Уэллбеком и остальными поднялся наверх, в спальни второго этажа, где расположился офис американской делегации.

Маленькая комната было до отказа набита оборудованием для саммита — два больших письменных стола с компьютером на каждом, телефон, маленький ксерокс и запас минеральной воды и прохладительных напитков: бутылки, плотно прижатые друг к другу, выстроились на пластмассовом столике. Делегация разложила свои секретные материалы под бдительным оком агента секретной службы и по широкой лестнице спустилась в гостиную первого этажа — поджидать прибытия президента и государственного секретаря.

Протокол был разработан до мельчайших деталей. В этот первый день американцы должны были прибыть на место первыми. Президент должен встречать Новикова на переднем крыльце. В этот вечер телезрители по всему миру будут смотреть, как президент выйдет из главной двери и пожмет руку Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза. Во второй день порядок будет зеркальным отражением первого дня. Вся эта процедура, на согласование которой ушли многие дни переговоров, напоминала проблему игры на своем и чужом поле, хотя и с некоторым преимуществом для американцев, и этим Гэри Бернер очень гордился.

Из окна гостиной Уотерман увидел мигающие красные огоньки. Сразу же вслед за ними показались две полицейские машины, полдесятка мотоциклистов, военный автобус секретной службы и — президентский «кадиллак» и две машины сопровождения секретной службы. Взрыв стробоскопических огней вспыхнул там, где стеной стояли фотографы, запечатлевавшие, как президент выходит из своей бронированной машины в сопровождении государственного секретаря. Оба они помахали руками журналистам — более двухсот мужчин и женщин, облаченных в длинные куртки или тяжелые пальто, занимали трехъярусную платформу шириной не более пятнадцати метров.

— Господин президент, что вы скажете Новикову? — крикнул один из корреспондентов, аккредитованных при Белом доме. — Сумеете ли вы найти с ним общий язык?

Президент, одетый в серое пальто, за отворотами которого виднелся лацкан темно-синего костюма, повернулся и на мгновение остановился.

— Я ждал этой встречи с той минуты, когда генеральный секретарь впервые высказал готовность побеседовать со мной, — сказал президент. — Нам нужно о многом поговорить.

И исчез за дверью.

Гэри Бернер провел президента в дом, взял его пальто и настоял на быстрой экскурсии по вилле для него и Уинтропа. Он был похож, подумал Уотерман, на коридорного в гостинице, включающего свет и демонстрирующего гостям предназначенный для них номер. Все остались в вестибюле, ожидая приезда Новикова.

Под новые перемигивания красных огней прибыла советская делегация. Стоя поодаль, Уотерман наблюдал, как два лидера позировали возле дверей фотографам, улыбаясь и обмениваясь рукопожатиями. Прямая высокая фигура президента без головного убора возвышалась над невысоким генеральным секретарем, на котором было длинное черное пальто и меховая шапка. Миниатюрность советского лидера поразила Уотермана.

За Новиковым следовали остальные члены советской делегации: министр иностранных дел шел первым, затем главный советник Новикова Юрий Маренский вместе с начальником советского генерального штаба, который был в полной генеральской форме, но без шинели. Последними на крыльцо поднялись полдесятка анонимных помощников, переводчиков, секретарей и сотрудников службы безопасности.

Фотографы и репортеры внимательно следили, как делегации смешались в вестибюле, пожимая друг другу руки, представляясь, здороваясь. Это напомнило Уотерману школьный бал, когда застенчивые подростки мучительно пытаются завязать разговор. Он протиснулся к Юрию Маренскому и протянул руку.

— Майкл Уотерман, — сказал он, чуть наклонив голову.

— Юрий Маренский, — он оглядел Уотермана ясными серыми глазами. — Я много слышал о вас.

— Как и я — о вас. У нас общий друг, норвежец Ове Андерс.

— А, Ове, — улыбнулся Маренский. — В общем-то он очень хороший человек, хотя бывает жестковат по отношению к нам. Хотел бы я, чтобы он столь же тщательно исследовал ваши мотивы, как он делает это с нашими.

— Мне кажется, что это журналист, придерживающийся паритетного подхода, — парировал Уотерман. — Он жесток к обеим сторонам.

Он замолчал, не зная, что сказать дальше.

Что-то привлекло внимание Маренского, и он отвернулся.

— У нас будет еще возможность поговорить, — сказал он.

— Надеюсь.

Уотерман понял, что бросилось в глаза Маренскому. Офицер протокола вел журналистов в библиотеку, куда уже раньше провели лидеров. Уотерман двинулся за ними и, вытянув шею, попытался увидеть, что там проис-

ходит. В камине желтого кирпича горел огонь, и запах сосновых дров заполнял комнату. Снег на подоконниках заставлял вспомнить рождественскую открытку; в комнате царила атмосфера тепла и уюта — именно этого и стремился достичь Гэри Бернер. Журналисты выстроились возле книжных полок и снимали, пока лидеры устраивались в креслах напротив друг друга, окруженные государственным секретарем, министром иностранных дел, переводчиками и стенографами. Журналистам разрешили задержаться, пока лидеры приветствовали друг друга, а затем их выставили за дверь. Двойная дверь в библиотеку закрылась, и четыре охранника — два советских и два американских — встали на пост. Встреча на высшем уровне в Финляндии началась.

Айнола, Финляндия,
16 декабря, 10:00

Президент поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Он взял с кофейного столика папку с тезисами и вынул из нее пластиковый конверт с карточками, приклеенный скотчем к внутренней стороне обложки. Поднял глаза на советского лидера, который тоже выбрал удобную позу, и заговорил.

— Господин генеральный секретарь, — начал он официально и широко улыбнувшись, — я рад, что нам удалось организовать эту встречу лицом к лицу. Наши советники усердно трудились, вырабатывая повестку дня. Они работали тяжело и долго, стремясь обеспечить нас всем необходимым для того, чтобы мы продвинулись вперед в поисках путей развития сотрудничества между нашими странами.

Выдержав паузу для перевода, президент посмотрел на пачку карточек размером три на пять в своей ладони, затем на государственного секретаря, который раскрыл папку с тезисами на первой странице. Глаза его пробежали расстояние размером с кофейный столик, отделяющее

его от советского лидера, посмотрели на него — худого, бледного, начинающего седеть, на министра иностранных дел, круглолицего, краснощекого и седого, одетого в безукоризненный, цвета антрацита, двубортный костюм итальянского покроя. Новиков подался вперед, чуть повернувшись правым ухом, чтобы лучше слышать перевод, нашептываемый ему лысеющим переводчиком, что сидел почти вплотную к нему. Два стенографа быстро писали в своих блокнотах.

— Я не верю, что есть проблемы — *любые проблемы*, — которые мы не могли бы решить, если будет на то политическая воля с обеих сторон, — он остановился, взглянул на свои карточки, взял верхнюю, переложил ее в самый низ колоды и продолжал: — Я заверяю вас, что с нашей стороны такая воля есть. Мы готовы решать любые вопросы — военные, политические, культурные, экономические, одним словом, все.

Президент снова переложил карточку.

— Мне известно, что вы критически относитесь к некоторым нашим действиям. Верно, мы перестраиваем нашу оборону. Мне не нужно за это извиняться — в течение ряда лет мы этим пренебрегали. Я знаю, что вы возражаете против нашего решения развернуть ракеты в Европе. Но они будут там, чтобы противостоять вашим ракетам, а ведь ваши были развернуты раньше, и их гораздо больше.

Переложена еще одна карточка.

— Я готов все это приостановить. Или же нам придется продолжать двигаться так, как это было на протяжении последних пяти лет, при ваших предшественниках, разумеется. Мы можем себе позволить продолжать тратить деньги, потому что наша экономическая система действует успешно: экономика растет, она производит невиданное ранее богатство, она подталкивает и расширяет границы технологий. Поэтому мы в состоянии продолжать... но мы готовы остановить военное соревнование между нами. Я приглашаю вас на танец. Для этого я и прибыл сюда. Но для танго нужны два партнера.

Президент выдержал паузу. Он взглянул на Энтони Уинтропа и едва заметно кивнул, как бы приглашая его присоединиться к разговору. Увидев, что Уинтроп не подхватил его реплику, президент продолжал:

— Я предлагаю, господин генеральный секретарь, пройтись по повестке, которую подготовили нам наши эксперты. У государственного секретаря есть предложения по поводу того, как мы могли бы это сделать.

Уинтроп уже готов был заговорить, когда Новиков, не дождавшись конца перевода, вступил в разговор.

— Господин президент, — начал советский лидер, — я тоже надеюсь, что мы можем преодолеть наши разногласия и положить конец непродуктивному соревнованию по части средств уничтожения. Вам известно, что мы намерены осуществить амбициозные перемены в нашей политической и экономической структуре. Очень многое уже сделано с тех пор, как я приступил к реформированию нашей экономики и внесению открытости в нашу политическую структуру. Но остается сделать еще очень много. Мы исходим из того, что окончание «холодной войны» составляет жизненно важный элемент наших планов. И мы готовы выполнить свою часть работы. Мы не можем действовать в одиночку. Вы только что сказали, что для танго нужны два партнера. Но это нечто большее, чем танец, — это партнерство. Вот почему я здесь сегодня — посмотреть, можем ли мы стать партнерами, раз и навсегда прекращающими «холодную войну». Это будет нелегко; радикальные перемены никогда легкими не бывают. Но мы должны попытаться это сделать. Мы *обязаны* попытаться.

Новиков говорил быстро, без всяких карточек, акцентируя свои слова каскадом жестов, в том числе ударами по воздуху открытыми ладонями.

— Теперь, — продолжал он, — теперь... давайте послушаем, что нам скажет государственный секретарь.

Советский лидер внимательно слушал, как Уинтроп обрисовывает переговорные тезисы в соответствии с ле-

жащей перед ним папкой, предложив утреннее заседание посвятить проблемам контроля над вооружениями и проблемам безопасности, а дневное заседание — региональным и двусторонним вопросам.

— Это для меня приемлемо, — сказал Новиков, когда переводчик закончил нашептывать ему перевод. — Я полагаю, что министр иностранных дел согласен с этим, да?

Федор Глазов откликнулся своим глубоким басом, выразил согласие.

— Это отличное предложение.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Новиков.

Он посмотрел на министра иностранных дел, затем прямо на президента и улыбнулся.

— Мы были бы рады, господин президент, выслушать новые идеи, которые вы, возможно, привезли с собой, способные преодолеть тот тупик, что возник по вопросу контроля над вооружениями, и особенно в связи с вашим стремлением добиться стратегических преимуществ размещением ракет в Европе, которые могут поражать цели в моей стране. И, конечно, я надеюсь, что вы захотите обсудить ваши планы создания стратегической обороны.

Президент подвинулся в кресле и перетасовал карточки. Он нашел ту, что относилась к ракетам средней дальности, прочитал ее, кивнул сам себе и заговорил.

— Как вы знаете, господин генеральный секретарь, мы предложили полную ликвидацию всех ракет средней дальности. До сих пор мы не получили на это предложение вашего согласия. Я знаю ваш аргумент о том, что размещение нами ракет в Европе нарушает стратегический баланс. Но вы говорите это уже много лет, и каждый год именно вы добавляете новые ракеты в Европе. Я надеюсь, что вы готовы пересмотреть эту позицию. Мир поддерживает американское предложение — Нулевой вариант. Это было бы конкретным показателем того, что каждый из нас готов предпринять существенный шаг...

Новиков не дал ему договорить.

— Мы могли бы согласиться на уничтожение всех ракет средней дальности в Европе. Но мы вынуждены настаивать на сохранении некоторого их числа — не очень большого, но некоторого — в Азии. Может быть, сотни. Было бы это приемлемо для вас, господин президент?

— Уничтожить *все* ракеты в Европе? — спросил президент.

— Да, все, — ответил Новиков.

— Ну, да... то есть, конечно...

Президент был ошеломлен. Он рассчитывал на большее сопротивление со стороны Новикова. Никакого спора не возникло.

— Значит, мы согласились? — спросил Новиков. — Я хочу быть уверенным, что мы правильно понимаем друг друга.

— Мы согласны, — ответил президент и, улыбнувшись, кивнул собеседнику. — Мы уничтожим все ракеты средней дальности...

— В Европе, — перебил его Глазов.

— В Европе, — повторил президент.

— Господин президент... — это заговорил Уинтроп.

— Тони?

— Господин президент... — в голосе государственного секретаря слышалась тревожная нотка.

— И каждой стороне будет разрешено иметь по сто ракет в Азии, — Новиков перебил государственного секретаря.

— Да, — сказал президент. — Конечно, мы должны прийти к согласию относительно проверки. Есть такая старая русская поговорка...

— Доверяй, но проверяй. Она мне очень хорошо известна, господин президент. Да, разумеется, мы столь же заинтересованы в проверке, сколь и вы, — сказал Новиков. — Но я предлагаю оставить проблему проверки нашим экспертам.

Президент посмотрел на государственного секретаря.

— Вы хотели что-то сказать, Тони?

— Только одно: нам предстоит проработать все аспекты проблемы проверки, господин президент.

Новиков снова его перебил.

— Значит, мы соглашаемся поручить нашим помощникам подготовить соответствующие формулировки коммюнике, закрепляющие эту историческую договоренность. Там может быть сказано даже, что вопрос проверки передается для решения экспертам.

Президент утвердительно кивнул.

— Есть еще проблема, которую вы, возможно, согласитесь рассмотреть, господин президент, — сказал Новиков. — Мы не видим причин, почему нам следует остановиться на уничтожении ракет средней дальности в Европе. Я предлагаю уничтожить и ракеты малой дальности тоже.

— Вы имеете в виду... *все* ракеты малой дальности? — спросил президент, не веря своим ушам.

— Именно, — сказал Новиков. — Если мы смогли прийти к согласию относительно уничтожения ракет средней дальности, почему мы не можем уничтожить и ракеты малой дальности? Давайте согласимся, здесь и сейчас, немедленно уничтожить *все* ракеты в Европе.

Генеральный секретарь вытащил из папки машинописный лист и передал его президенту. Уинтроп прочитал его через плечо президента. Это было коммюнике, говорящее о том, что два лидера в принципе пришли к согласию уничтожить в Европе *все* ракеты любой дальности в течение двадцати четырех месяцев. Новиков сидел молча, пока президент изучал документ, и следил, как его глаза движутся вслед за строчками.

Уинтроп быстро набросал записку и, наклонившись к президенту, вложил ее в его руку.

Господин президент, могли бы мы минутку над этим поразмышлять? Английское и французское правительства будут против. НАТО будет против, потому что это, очевидно, приведет к уничтожению ядерного оружия в Европе и уничтожит сами основы стратегии НАТО. И сот-

ня ракет в Азии — это тоже проблема. Нам негде их разместить.

Президент прочитал записку и повернулся к Новикову.

— Господин генеральный секретарь, я предлагаю сделать краткий перерыв, чтобы я мог проконсультироваться с государственным секретарем.

Американцы встали и отошли в дальний конец комнаты.

— Я не понимаю вашу записку, — прошептал президент. — Вы побуждали меня к гибкости. И вот Новиков выходит с предложением, которое приблизит нас к миру без ядерного оружия — и вы не склонны его принять.

— Господин президент, — тоже шепотом ответил Уинтроп. — Одно дело — отказаться от ракет средней дальности. НАТО согласна на это. Но они не согласятся на уничтожение всего ядерного оружия. И еще он требует сто ракет в Азии. Нам негде будет разместить сто наших ракет. И в конечном счете у нас не будет ни одной.

— Тони, — сказал президент. — Мне надоело, что европейцы меня постоянно шпыняют. В течение ряда месяцев вы шлете мне одну бумагу за другой, доказывая, что мы должны оправдать Новикова за недостаточностью улик. Это всегда была крайняя черта разговоров, которые мы вели по этому поводу. Райдер и Маккэндлесс доказывали обратное и с той же страстностью. Мы бесконечно спорили об этом — и верх взяли *вы*.

Президент недоуменно пожал плечами.

— Я не вижу разумных причин сказать Новикову «нет». Если он готов отказаться от *своих* ракет малой дальности, я не вижу, почему мы не можем отказаться от *наших*. Есть пределы того, насколько далеко я готов идти, чтобы ублажить европейцев. Черт возьми, что бы мы ни делали, они все равно недовольны.

— Но, господин президент, я...

— Недостаточность улик, Тони. Если в этом выражении заключается какой-то смысл, то я не могу сказать

ему «нет». Кстати, пожалуй, мы могли бы предложить им и кое-что получше. Подождите.

Он повернулся и бросил государственного секретаря с открытым ртом. Уинтроп последовал за ним туда, где сидели Новиков и Глазов.

— Господин генеральный секретарь, — сказал президент, — мы можем принять ваше предложение. Мы согласны на уничтожение ракет малой дальности, как и ракет средней дальности. Но у меня есть предложение получше этого, — президент засунул колоду карточек в карман. — Мы с вами говорили, как было бы замечательно избавить мир от всего спектра ядерного разрушения, если удалось бы сбросить с плеч человечества бремя арсеналов оружия массового уничтожения. Знаю, что это всегда казалось мечтой и утопией. Но зачем мы здесь встретились, если не для того, чтобы помечтать? Разве наша работа не состоит в том, чтобы претворять мечты в реальность? Вот я и говорю: почему мы должны остановиться на ракетах средней дальности и ракетах малой дальности? Мы предложили на пятьдесят процентов сократить и наши стратегические вооружения, с обеих сторон, разумеется. Но почему мы должны останавливаться на пятидесяти процентах?

Уинтроп побледнел. Американский стенограф остолбенел, перо замерло у него в руке над листом бумаги. Глаза переводчика расширились. Не подводит ли их слух? Неужели президент Соединенных Штатов предложил полное ядерное разоружение?

Новиков весь подался вперед, на его лице расплылась довольная улыбка.

— Господин президент, — произнес он медленно, — полное уничтожение ядерного оружия многие годы было политикой Советского Союза. Мы не верили, что вы или ваши союзники когда-нибудь на это согласятся. В течение многих лет мы выслушивали разные предлоги, из-за которых эта советская позиция отвергалась Соединенными Штатами. Теперь мир поймет, что мы были искренни.

Мы готовы избавить мир от ядерного оружия, приняв программу его немедленного радикального сокращения. Господин президент, мы считаем, что нужно стремиться к полному и всеобъемлющему ядерному разоружению к двухтысячному году. Мы могли бы действовать и быстрее. При доброй воле с обеих сторон я верю, что этого можно достичь за три—пять лет. Мы готовы, господин президент, мы готовы действовать.

Энтони Уинтроп сидел как окаменевший. Соглашение невообразимого значения обретало форму — соглашение, связанное с опасностями исторических пропорций, и он в глубине души это хорошо понимал. Одно дело — рисковать текущими соглашениями, чреватыми небольшими военными и политическими подвижками: еще несколько ракет здесь или на несколько ракет меньше там, воздержаться при голосовании в ООН, региональное соглашение где-то в Африке — все это не имело такого уж большого значения. А если речь идет о переменах космического масштаба? В этом случае уверенность должна быть полной. Но Энтони Уинтроп отнюдь не был уверен. Он листал страницы тезисов, но, перескакивая с одной на другую, понимал, что не найдет там ничего о возникшем повороте в переговорах, никаких предупреждающих меморандумов, способных отвлечь президента от взятого им курса. А что если — *что если Советы неискренни?* Что если они уже приняли решение обмануть? Он слишком хорошо знал, что не существует способа проверки соглашения о полном уничтожении ядерного оружия. Никакого. Миллион инспекторов не в состоянии этого сделать. Ядерные боеголовки настолько малы... некоторые можно даже положить в чемодан. Найти их все? Невозможно...

Он набросал еще одну записку: *Невозможно проверить полное уничтожение.* Вложил в руку президента.

Президент взял смятый листок и быстро пробежал его глазами. Затем смял в кулаке и сунул в карман пиджака.

— Господин генеральный секретарь, я хочу быть уверенным, что мы оба имеем в виду одно и то же, — сказал он, и слова его звучали быстро и взволнованно. — Мы соглашаемся уничтожить ядерное вооружение всех типов, наземного, воздушного и морского базирования, стратегическое и тактическое. И мы осуществим это в течение, скажем, трех лет. Согласны ли вы с этим?

Новиков утвердительно кивнул.

— Да, — сказал он.

Президент встал и подошел к продолжавшему сидеть советскому лидеру. Он протянул ему руку. Новиков неловко поднялся. Президент взял его руку и крепко сжал.

— Господин генеральный секретарь, мир не останется разочарованным проделанной нами работой.

— Нам надо будет проработать массу деталей, — очень серьезно отозвался Новиков.

— На это есть время, — ответил президент. — Есть время.

— Господин президент, — сказал советский лидер, — две тысячи лет назад великий китайский философ Сунь Цзы писал: «Первый фактор в войне — это моральное воздействие». Сегодня мы с вами можем уверенно сказать, что первый фактор мира это тоже моральное воздействие. Сегодня, господин президент, мы завоевали себе место в истории благодаря нашему моральному воздействию.

Сидевший неподвижно Уинтроп вздрогнул. Сунь Цзы... — он уже слышал это имя раньше. Это тот самый мыслитель, которого цитировал Маккэндлесс, речь шла о цитате в кабинете Новикова. Он никак не мог вспомнить, но, кажется, речь шла о войне. Или тактике. Или обмане. Черт возьми, он совсем забыл.

Новиков все еще держал руку президента в своей.

— Господин президент, — сказал он, — я предлагаю сделать краткий перерыв. Мы достигли столь многого столь быстро, что заслужили право обменяться мнениями со своими советниками.

— О, да, — сказал президент, — меня это вполне устраивает.

Со своей удобной позиции в гостиной Уотерман увидел, как открылись двери библиотеки и президент в сопровождении агентов секретной службы направился к лестнице. За ним шел государственный секретарь. Он был настолько бледен, что Уотерману показалось, что его сейчас хватит сердечный приступ.

— Быстро, — поторопил Уинтроп. — Наверх.

Комнату американской делегации быстро заполнили советники. Президент приветливо улыбался. Государственный секретарь держался напряженно, было видно, что ему не по себе, тем не менее на его лице блуждала вымученная улыбка. Они оба расположились в креслах возле окна. Остальные стояли перед ними с блокнотами в руках.

Заговорил государственный секретарь.

— Мы только что закончили из ряда вон выходящие переговоры с генеральным секретарем. Я перейду прямо к конечному результату: господин Новиков согласился с предложением президента уничтожить все ядерное оружие в арсеналах Соединенных Штатов и Советского Союза и сделать все это в течение трех лет.

Слышно было, как все охнули и воцарилась напряженная тишина. Никто не решался что-либо сказать. Кровь отхлынула от лица Уотермана. Генерал Уоллес стоял неподвижно, весь внимание. Даже Беннет, Уэллбек и Ланир, стоявшие рядком поближе к Уинтропу, были, похоже, как громом поражены тем, что в истории дипломатии можно было назвать беспрецедентным событием. Губы Алана Киркуэлла шевелились, точно он произносил про себя фразы, которые потом можно будет сказать корреспондентам.

Тишину нарушил Гэри Бернер — рыком, гулко отозвавшимся в маленькой переполненной комнате.

— Поздравляю, господин президент. Это фантастическое, невероятное достижение! В это трудно поверить.

— Ну, Гэри, мы еще не вернулись домой, — сказал президент. — Как выразился Тони, предстоит еще многое

подработать. Новиков предложил сделать небольшой перерыв. Я полагаю, ему подумалось, что все развивается с чудовищной скоростью. Да так оно и было в самом деле. Боже, мы многие годы бьемся с этим разоружением, и не сделали половины того, что удалось сегодня. Я хочу сказать, что за один час тридцать минут мы сделали больше, чем за все годы после второй мировой войны.

— Господин президент, — спросил советник по национальной безопасности, — как вы намерены двигаться дальше? От утреннего заседания остается всего двадцать минут. Намерены ли вы обсуждать детали, или вы предпочитаете, чтобы деталями занялись эксперты, пока вы с генеральным секретарем продолжите переговоры в более общем плане? Хотите ли вы, чтобы в коммюнике был провозглашен общий принцип и что дальнейшие переговоры продолжатся по обычным дипломатическим каналам? Нам нужны разъяснения.

Уотерман почувствовал, как у него в желудке образовался тяжелый ком. Во рту пересохло. Дышалось с трудом. Пожалуйста, боже, сделай так, чтобы Старик предпочел общие принципы. И не лез в детали.

— Тони, — президент повернулся к государственному секретарю, — как ты себе представляешь дальнейшее?

— Господин президент, я не думаю, что нужно идти дальше того, что уже сказано. Общего выражения согласия будет вполне достаточно. Времени отрабатывать детали нет, поэтому нет смысла выходить за рамки общей формулы.

— А что же стратегическая оборона, господин президент? — спросил Уотерман. — Пришли ли вы к какому-нибудь согласию по СОИ?

— СОИ не была упомянута, — сказал президент. — Или они отказались от старой позиции — что они не пойдут на ограничения ядерного оружия, если мы не откажемся от СОИ, или же выжидают и поднимут этот вопрос позднее. Я полагаю, это очень хороший признак, что Новиков не поднял этого вопроса.

— Я надеюсь, сэр, — сказал Уотерман, — что если Новиков поднимет этот вопрос, вы скажете ему, что возражений против продолжения нами работы в области стратегической обороны быть не может, потому что она послужит своего рода гарантией против обмана. В конце концов, если не будет средств нападения, то не надо будет бояться оборонительных систем.

Лицо президента просияло.

— Это именно то, что я собирался сказать, Майкл. Именно этот аргумент в течение многих месяцев приводил Джим. Он значится в переговорных тезисах, — он посмотрел на государственного секретаря. — Думаю, это равнозначно тому, что я получил разрешение этот аргумент огласить? — Президент засмеялся.

Уинтроп кашлянул.

— Господин президент, вы должны отдавать себе отчет в том, что у нас на руках колоссальная проблема проверки. Возьмите, к примеру, малые боеголовки. Нет способов проверить, уничтожили они их или нет.

— Но ведь, Тони, этот вид оружия пойдет в последнюю очередь. Мы начнем с больших ракет наземного базирования и подводных лодок. По мере укрепления доверия между нами мы перейдем к более мелким предметам. И, разумеется, у нас остается СОИ в качестве страховой гарантии, что жизненно важно.

Госсекретарь кивнул.

— Но даже если так, господин президент, риск...

— Знаешь, Новиков сегодня утром сказал нечто очень важное. Он процитировал древнего китайского философа Конфуция, который сказал: «Моральное воздействие это ключ к миру». И генеральный секретарь пошел даже дальше. Он оправдал мою сильную историческую позицию в отношении Советов, сказав мне, что именно *американское* моральное воздействие привело к этому повороту в мировой истории, — президент посмотрел на государственного секретаря. — Разве не так, Тони?

Уинтроп заморгал.

— Мне кажется, господин президент, генеральный секретарь хотел сказать...

Президент не дал ему договорить.

— Я знаю, что он хотел сказать. Он сказал, что потребовалось долгое время, чтобы мировые сверхдержавы могли реалистично говорить об избавлении от ядерного оружия, — он подался вперед и посмотрел Уинтропу прямо в глаза. — Я знаю, что такое риск, Тони. Но мы ничего не достигнем, если не пойдем на риск.

Внутри у Уотермана все горело. Цитата из Конфуция о моральном воздействии? Что, черт возьми, там происходило — они читали друг другу шаманские предсказания? Это был кошмар, от которого он не мог отвязаться. Он получил желанное место за столом, но оказался бессилен сбить президента со взятого им курса. Он всего лишь заместитель министра, волен комментировать, когда его об этом попросят, может быть, даже вмешаться, когда речь зайдет о технических проблемах, входящих в компетенцию Пентагона. Но это! Как может он сказать президенту Соединенных Штатов, что риск, на который он готов пойти, слишком велик? Уотерман застыл в неподвижности, кусая губы.

Он посмотрел на других. То, что Уинтропу не по себе, очевидно. Пухлое лицо советника по национальной безопасности не выдает никаких эмоций. Но то, как он потрескивал костяшками пальцев, точно вставляя пальцы на место, выдавало внутреннее напряжение. Только Гэри Бернер, чьи интересы ограничивались политической стороной дела, выглядел вполне довольным. Даже Дэн Беннет, стоявший молча, прижав руки к полосатой жилетке, казалось, был раздосадован происходящим.

Голос государственного секретаря вывел Уотермана из задумчивости.

— Сэр, — сказал Уинтроп, — нам пора идти вниз и заканчивать утреннее заседание. После ланча в посольстве мы должны вернуться сюда к трем тридцати для дневного заседания. Аппарат останется здесь — я думаю, у них есть над чем потрудиться.

Он посмотрел на советника по национальной безопасности.

— Митч, — произнес он сквозь стиснутые зубы, — надо составить справку очередных мер, которую президент просмотрит перед дневным заседанием. Многовато произошло на утреннем, больше, чем кто-либо ожидал.

Президент встал и, сопровождаемый Уинтропом, спустился вниз в библиотеку.

Генерал Уоллес заговорил сразу, как только дверь за ними закрылась.

— Невероятно, — он замолчал. — Ладно, задание государственного секретаря вполне ясно. Давайте-ка попробуем за несколько минут или полчасика переварить то, что мы только что услышали. А затем поработаем над очередными мерами. И позвольте мне особо подчеркнуть: никаких не то что брифингов, но и перешептываний, никаких упоминаний — никому, ни при каких обстоятельствах — о том, что вы сейчас услышали.

Уотерман тихо вышел из комнаты и спустился вниз. Направившись к входной двери, он остановился на мгновение, чтобы взять пальто, перчатки и тяжелый шерстяной шарф. На улице, почувствовав укусы мороза, он поднял воротник и двинулся мимо фаланги поджидающих репортеров к машинам, припаркованным вдоль ведущей к дому дорожки. Снег прекратился, небо начало проясняться. Утренняя тьма уступила место бледному северному зимнему свету. Майкл забрался на переднее сиденье машины под номером шесть. Водитель оставил двигатель включенным, чтобы работала печка.

— Мне нужно на станцию Ярвенпаа, — сказал Уотерман.

Глава двадцать вторая

Станция Ярвенпаа,
16 декабря, 12:20 дня

Современный концертный зал рядом со станцией был забит журналистами, его салоны и коридоры были превращены в международный пресс-центр. Стремясь избежать встречи с кем-либо, кто мог его узнать, Уотерман стремительно вышел из машины, подняв воротник пальто и низко опустив голову. Войдя в помещение, он поискал глазами временное кафе — это были несколько столиков, установленных в вестибюле. Там было полно репортеров и зевак. Присмотревшись, он увидел Паризи за столиком в углу, жующего бутерброды и запивающего их пивом.

— Я заказал бы тебе кое-чего пожевать, — сказал Паризи, — но не знал, что у тебя найдется время для светского общения.

— Джей, это не светский визит. Мы по уши в дерьме.

— Когда такое происходит, всегда есть место, где его не так много, — Паризи впился зубами в бутерброд. — Садись, Майкл.

— Черт тебя дери, Джей, перестань жевать, — Уотерман пододвинул стул и плюхнулся на него. Посмотрел на содержимое овальной тарелки, стоявшей на столике пе-

ред его другом, который упрямо продолжал работать челюстями. — Что это такое?

— Ты когда-нибудь слышал про «Рубен»? Жареный ржаной хлеб с сыром? А это — «Рудольф», оленина и сыр на ржаном хлебе с горчицей и майонезом. — Паризи заметил, наконец, осуждающее выражение на лице Уотермана и положил сэндвич на тарелку. — Что случилось?

— Ситуация там выходит из-под контроля, — сказал Уотерман. — Запиши то, что я сейчас скажу. Потом соорудишь из этого послание и отправишь его.

В быстрых и точных выражениях Уотерман обрисовал то, что произошло на утренней сессии. Паризи аккуратно записывал.

— Джей, это сообщение ты должен отправить министру обороны как можно быстрее. Используй канал связи Маккэндлесса. Позвони Биллу Коллинзу и предупреди его о послании. Копию отправь Маккэндлесу, с грифом «только лично», со следующим добавлением: я прошу его прислать мне немедленно цитату из Сунь Цзы, которую Новиков держит на своем письменном столе. Обеспечь, чтобы кто-то ждал этого сообщения у аппарата. И дай мне знать по пейджеру, что послание в Вашингтоне получено.

— Причем здесь цитата из Сунь Цзы?

— Президент сказал, что Новиков процитировал в разговоре с ним Конфуция. Я в это не верю. Кроме того, мы знаем, что на письменном столе в своем кабинете Новиков держит цитату из Сунь Цзы. Маккэндлесс однажды даже сказал об этом президенту и привел ее полный текст — на группе планирования национальной безопасности пару месяцев назад. Тогда Старик ее проигнорировал. А сегодня утром Новиков огорошил его другой китайской цитатой. Быть может, мне удастся освежить его память, приведя цитату, которую зачитал Маккэндлесс, — там речь шла о стратегическом обмане, и мне кажется, что в ней довольно точно отразилась советская позиция. — Уотерман встал. — Пора разбегаться в разные стороны.

— Ты возвращаешься в Айнолу?

— Да, я еле успеваю. До заседания, — он посмотрел на часы, — остается всего десять минут. Мне надо попытаться притормозить ход событий. Сегодня днем они, наверное, будут говорить о стратегической обороне. Молю бога, чтобы Старик не согнулся, иначе Новиков его обыграет. Надеюсь, поможет Уинтроп.

— Уинтроп?

Уотерман кивнул.

— Уинтроп. Я видел, что он потрясен; я никогда не видел его таким встревоженным. Он знает, что полное ядерное разоружение — безумная затея. НАТО просто свихнется. Китайцы сорвутся с цепи. Один бог знает, что сделает Конгресс. Это не поддается проверке. Советы станут мошенничать — в таких обстоятельствах даже мать Тереза смошенничала бы. Возникнет кризис, который не смогут скрыть никакие дымовые завесы госдепартамента.

Паризи покачал головой.

— Это ужасно.

Уотерман кивнул.

— И все это происходит сейчас в загородном доме финского композитора.

Уотерман встал. Наклонился, взял сэндвич и откусил изрядный кусок.

— Неплох твой «Рудольф», — сказал он, взял со стола салфетку и вытер губы. — Веселенькое нас ждет Рождество. Тут и Санта Клаус не поможет.

* * *

Когда Уотерман вернулся в Айнолу, утренняя сессия уже закончилась и президент отбыл в посольство. Последнее, что обсуждали лидеры, был вопрос о том, что из утренних переговоров может быть обнародовано. К великому облегчению Уотермана — и великому неудовольствию Гэри Бернера — они решили пока не предавать гласности ничего. Это подтвердил Алан Киркуэлл: несмотря на лавину вопросов, обрушившихся на них, когда они

уходили, оба лидера выехали из Айнолы, не сказав журналистам ни слова. В этом Уотерману виделся слабенький лучик надежды: соглашение такой важности в случае его обнародования нельзя будет отыграть назад.

По инструкции президента и государственного секретаря советники приступили к составлению документа, касающегося вопросов, которые должны быть решены до того, как общее «принципиальное соглашение» о полном ядерном разоружении может быть превращено в рабочий договор.

Список был длинный: определения, периодичность, проверка, гарантии, будущее неядерных сил, страны третьего мира, системы доставки ядерных и обычных боеголовок, наблюдение за выполнением договора, возможность выхода из договора, разрешение спорных вопросов и так до бесконечности. Одно дело принципиальное соглашение, и совершенно другое — полномасштабный договор.

Встреча с президентом, когда он вернулся в Айнолу с ланча и до начала дневного заседания, была хаотичной и длилась меньше часа. Вопросы, заслуживавшие серьезного обсуждения, свелись к десятисекундным софизмам и лозунгам. Это была не дипломатия, а сотрясение воздуха самого опасного свойства. Уотерману показалось, что президент не хочет слышать ничего, что могло осложнить приближение неизбежной катастрофы.

Хельсинки,
16 декабря, 8:20 вечера

К тому времени, когда кавалькада машин вернулась в «Интерконтиненталь», стало очень ветрено и холодно. Даже короткой пробежки от машины до подъезда — шестая машина уже не помещалась под навесом подъездной дорожки — было достаточно, чтобы у него заныли уши. Уотерман ждал лифт, когда в кармане завибрировал пейджер. Паризи хочет с ним связаться. Он непроизвольно нажал кнопку «вверх» второй раз, хотя это не могло уско-

рить прибытия лифта на первый этаж. Майкл зашел в контрольную комнату на восьмом этаже, чтобы взять ключ у агента секретной службы, следившего за ключами от номеров и секретными материалами. Тот вручил Уотерману внушительную пачку посланий. За исключением послания Лауры, просившей позвонить, все были от журналистов, освещающих встречу на высшем уровне. Они знали, что на информацию наложен запрет, но все равно хотели попытать счастья. Уотерман был уверен, что такая же пачка записок от журналистов ждет и других членов делегации. Его передернуло при мысли, что Беннет или Уэллбек нарушат запрет и «сольют» ту или иную информацию. Последняя надежда обратить ход событий вспять исчезнет с первой же утечкой о ходе переговоров.

Войдя в номер, он швырнул пальто, портфель и послания на диван и подбежал к телефону. Набрал номер и услышал голос Паризи.

— Джей, я только вернулся, — сказал Уотерман. — Ты не мог бы приехать и рассказать, как наши дела?

— Бегу. Закажи мне пива.

— Если у тебя есть копия отправленного письма, захвати с собой.

Меньше чем через десять минут Паризи вошел в номер с пачкой телеграмм в руке.

— Вот. Это ушло в пятнадцать пятьдесят пять. Билл позвонил в шестнадцать сорок и сказал, что бумага в руках у министра. Специальный помощник Маккэндлесса позвонил и подтвердил, что послание с грифом «только лично» вручено директору в шестнадцать пятнадцать. Все это по хельсинкскому времени.

Уотерман читал послания, пока Паризи доставал пиво из мини-бара.

— На столе в сумке есть банка паштета из гусиной печенки, — сказал Уотерман. — Открой ее, а я сейчас к тебе присоединюсь.

— Ты расскажешь мне про второй акт? — спросил Паризи.

Уотерман застонал.

— Ты не поверишь, — сказал он, — но фактически все стало еще хуже. Единственное, что нас спасло — им не хватило времени. Еще один час, и мы получили бы нечто в письменном виде. Все время они проговорили о СОИ, и атмосфера стала чуточку скисать.

— Ты хочешь сказать...

— Но только чуточку. Недостаточно, чтобы остановить поезд, который утром набрал изрядную скорость. Новиков потребовал, чтобы в соглашение был включен наш отказ от СОИ. Президент ему возражал, доказывая, что СОИ станет безвредной и послужит лишь страховкой на случай мошенничества. Так они и ходили кругами.

— И чем это кончилось?

— Пока ничем. Они согласились завтра утром возобновить разговор. С этой целью они пересмотрели завтрашнюю повестку. Новиков сказал, что он мог бы пойти на соглашение, запрещающее развертывание СОИ в течение десяти лет, если мы согласимся ограничить исследовательские работы и развертывание лабораторными экспериментами, а на испытания в космосе будет наложен запрет.

— Иисусе!

— Во время перерыва мы встретились с президентом. Он хотел услышать наше мнение о том, сможем ли мы в таких обстоятельствах осуществлять программу СОИ. Я сказал, что это будет невозможно. Он явно обеспокоился. Затем этот проклятый Беннет сказал, что они изучали этот вопрос и что *он* уверен в том, что программа СОИ может продолжаться и при тех ограничениях, на которых настаивает Новиков. Он, очевидно, уверил себя, что полное ядерное разоружение — это именно то, что сейчас нужно миру, и он готов биться, защищая эту точку зрения. — Майкл фыркнул. — Как раз то самое, о чем я мечтал, правда? Боже, ни Уоллес, ни Уинтроп не проронили ни слова. Кончилось тем, что я сцепился с Беннетом.

— Злодей Уотерман снова в седле, — сказал Паризи.

— Но не совсем один. Я получил кое-какую поддержку от Мура. Он не поклонник СОИ, но он — честный малый. Он сказал, что лично готов был бы отказаться от СОИ, но сомневается, что работу над программой можно продолжать, не имея возможности испытывать ее в космосе. В каком-то смысле Уинтроп и Уоллес помогли хотя бы тем, что оба не проронили ни слова. Это тонюсенькая тростиночка — но президентская мечта о стратегической обороне, быть может, спасет нас.

Паризи намазал крекер гусиным паштетом и отправил его в рот.

— А остальная часть повестки?

— Ясно, что они даже не подошли к правам человека или к региональным проблемам, вообще ни к чему больше.

Паризи покачал головой.

— Мы проигрываем в любом случае. Если сделка состоится, то мы просто в дерьме. Если проваливается, мы все равно в дерьме — мы подставляем себя под массированную всемирную пропагандистскую кампанию: как американцы, фанатично приверженные СОИ, отказались избавить планету от этого бича, ядерного оружия. И что еще хуже — советская армия и КГБ докажут, что взятая ими твердая линия приносит плоды. Они докажут, что американский президент готов к сделке ради уничтожения ядерного средства сдерживания.

— Знаешь, — кивнул Уотерман, — я думаю, что Новиков один из них, ему вполне комфортно в окружении старой гвардии, пока она сохраняет верность лично ему. При всех разговорах о перестройке он коммунист до мозга костей. Его реформы призваны спасти систему, а не заменить ее другой. Я вступил в спор с Беннетом по поводу того, с кем Новиков сердцем — с реформаторами, нейтрален к ним или против; сторонник ли он раздутого военного бюджета или против него. Но мне плевать, к чему лежит его сердце; меня не занимает и его голова: меня боль-

ше всего интересует его рука — рука, которая подписывает директивы и одобряет бюджет.

Он налил себе минеральной воды и жадно выпил.

— Одно светлое место посреди мрака — Уинтроп обеспокоен. Он знает, что разразилась беда. Он согласился встретиться со мной завтра в семь утра в его номере.

— Наверное, мне следует отменить обед с Ове и молодым Маренским и быть наготове, если тебе потребуется помощь.

— Ни в коем случае, — решительно возразил Уотерман. — Кроме всего прочего, за обедом тебе, быть может, удастся уловить что-нибудь полезное — вдруг Маренский что-нибудь расскажет.

Паризи посмотрел на часы.

— Тогда я пойду. — Он взял с постели свою зимнюю куртку. — Я загляну к тебе позднее, если будет что рассказать.

— Кстати, куда ты сейчас?

— В «Александр Невский». Ове говорит, что там подают лучшую русскую еду во всем Хельсинки.

— *Do svidanya*, — сказал Уотерман, когда Паризи уже закрывал за собой дверь.

Уотерман установил на письменном столе телефон. Затем достал шифроключ из внутреннего кармана пиджака и вставил его в это изощренное средство связи. Через минуту он услышал голос Билла Коллинза.

— Открытая линия, Билл, — сказал он, глядя на зеленую лампочку на панели управления. — Ты готов перейти в закрытый режим?

— Готов, — сказал Коллинз.

— Я сделаю это первый, — сказал Уотерман. Он повернул шифроключ на полоборота вправо. — О'кей, теперь твоя очередь.

Он наблюдал за лампочками. Через несколько секунд зеленая погасла и зажглась красная. Безопасная линия связи была установлена.

— Билл, ты меня слышишь? — спросил Уотерман.

— Эта подлюга работает, — раздался в наушниках голос Билла. — Мы в безопасности. Ты меня слышишь?

— Отлично слышу, — ответил Уотерман.

— Босс близок к апоплексическому удару. Он хочет с тобой поговорить — он ждет. Не вешай трубку, сейчас я его позову.

— Майкл?

— Здравствуйте, господин министр.

— Спасибо за послание. Что еще можешь сообщить?

Райдер молча слушал, пока Уотерман рассказывал ему о дневном заседании.

— Как ты оцениваешь настроение Уинтропа? — спросил министр. — Ты действительно думаешь, что он, быть может, посодействует притормаживанию?

В голосе Райдера слышалось недоверие.

— Нельзя сказать со всей уверенностью, — ответил Уотерман. — Я вижу, что ему явно не по себе. Например, президент проявил нетерпение и даже раздражение, когда мы вручили ему список вопросов, которые надо проанализировать и поставить на переговоры, прежде чем подписывать договор. Уинтроп явно вздохнул с облегчением. Мне кажется, что он опасается возражать президенту в одиночестве.

— Наверное, ты прав, — сказал Райдер. — Может быть, мы усложним картину, добавив кое-какие факты.

— Я собирался написать небольшую записку, на одну страницу, не больше, с перечнем ключевых вопросов — о технической невозможности продолжения программы СОИ на условиях Новикова. Очень бы помогло, если бы вы проследили, чтобы начальники штабов не выступили с отдельной оценкой. Это могло бы подорвать вашу позицию. А я не смогу пересилить госдеп, если они получат отличную от вашей оценку.

— Я поговорю с председателем, — сказал Райдер. — Послушай, Майкл, тебе пригодится сейчас любое оружие. Я пошлю тебе копию записки, которую я получил от Маккэндлесса, ту, что я дал тебе прочитать по безопасному факсу. Но ты должен пользоваться ею с крайней осторож-

ностью. Ты не должен ее обсуждать и ни в коем случае не проболтаться о ней. Я напишу президенту записку, что попросил тебя передать ему. Пусть прочитает. Будь осторожен, никому ничего не говори. Тут на кону жизнь, и мне не хотелось бы узнать, что комната, где это будет происходить, прослушивается. Мы должны напомнить президенту, что мы имеем дело не с клубом садоводов из Чеви-Чейз.

— Это должно помочь, — сказал Уотерман. — Президент так желал успеха тому мальчику. Он взовьется, узнав, что с ним сделали и как нас поимели.

— Этого, конечно, недостаточно, но это все, что у нас сейчас есть. — Райдер немного помолчал. — Знаешь, Майкл, президент уже многие годы держит в голове эту идею всеобъемлющего ядерного разоружения. Никогда не возникало повода с ним об этом поспорить, потому что это всегда казалось чем-то очень уж далеким от реальности. Сейчас жалею, что не сделал этого раньше... — голос его стал замирать, и на какой-то момент Уотерману показалось, что связь прервалась. Но вот Райдер снова заговорил. — И последнее. Если нам не удастся переубедить президента, если он будет преисполнен решимости двигаться в этом направлении, я хочу, чтобы ты попытался сделать следующее. Во-первых, постарайся придать всем заявлениям наивозможно более общую форму, чтобы мы потом спрятались за какие-нибудь детали. И во-вторых, я хочу, чтобы ты оказал президенту полную поддержку. Мы можем думать, что он поступает немудро, но он — президент. Мы используем все влияние, на которое только способны. Но если он принял решение... значит, его приняли и мы.

— Понятно, сэр.

— Когда снова свяжешься с нами?

— Завтра утром я завтракаю с Уинтропом. В Вашингтоне будет середина ночи...

— Позвони мне, как только с ним переговоришь. Достаточно ли он обеспокоен, чтобы помочь — это важно знать. Не бойся разбудить меня — все равно сегодня я вряд ли засну.

Глава двадцать третья

Хельсинки,
16 декабря, 9:55 вечера

Ове Андерс уже сидел за небольшим столиком на четыре персоны в маленьком частном зале, когда Джей Паризи протолкался сквозь толпу в главном зале «Александра Невского».

— Привет, Джей, — сказал Андерс, привстав. — Я рад, что тебе удалось прийти.

— Извини за опоздание, сосед.

— Не стоит. Другие тоже задерживаются. Алексей только что позвонил, сказал, что опоздает. Давай пока выпьем. — Он подозвал официанта, довольно чопорного на вид, но очень энергичного парня, который, как заметил Паризи, бегал в кухню и обратно с тяжелыми подносами, полными соленой лососины, маринованного чеснока, свеклы, бараньих языков, копченой рыбы, яиц, икры и черного хлеба — традиционных *zakusok* — вариация скандинавского шведского стола, завезенного в Россию Петром Великим.

— Вот это да! — воскликнул Паризи, оглядываясь вокруг. — В окнах — старые царские орлы?

— В витражах романовские двуглавые орлы с имперскими коронами. И лучшая русская еда в Хельсинки. —

Андерс сказал что-то официанту на беглом русском. — Посмотрим, оправдают ли они сегодня свою репутацию, — подмигнул он Паризи. — Знаешь, индийская еда в Лондоне лучше, чем в Дели, английская кухня лучше в Нью-Йорке, чем в Лондоне, и, уверяю тебя, русская кухня лучше в Хельсинки, чем в Москве. Это любимое место и Алексея Маренского, вот почему мы здесь. Дружеская вечеринка.

— Да?

— Алексей приведет старого друга, американца Эндрю Уэстона.

— Чем он занимается?

— Уэстон? Профессор Стэнфордского университета — специальные советологические исследования.

— Он приехал на саммит?

— Не знаю, — сказал Андерс. — Один или два раза я видел его в Москве: он руководит программой обмена, поэтому ездит туда часто.

Он осушил рюмку водки красного цвета. Паризи последовал его примеру. Водка обожгла горло.

— Потрясающе. Что это такое?

— Перцовка, — объяснил Андерс. — Водка, настоянная на красном перце.

Паризи снова наполнил рюмку из бутылки, стоявшей в ведерке со льдом.

— *Nazdrovya*.

Андерс последовал его примеру.

Они успели выпить по третьей рюмке, когда появился Маренский в сопровождении высокого румяного американца в русской меховой шапке, щеголевато сдвинутой набок.

— Эндрю, Алексей, познакомьтесь с Джеем Паризи, он приехал из Штатов, — сказал Андерс, встав из-за стола, чтобы представить своих гостей друг другу. Он вышел из-за стола, уставленного закусками, и обнял вновь пришедших. — Мы знакомы очень давно, — сказал норвежец, по-медвежьи сжимая Маренского.

— Насколько я понимаю, вы из Стэнфорда, — сказал Паризи Уэстону. — Вы приехали понаблюдать, как идет саммит?

Залпом опрокинув рюмку, Уэстон загадочно подмигнул.

— Вообще-то я здесь по приглашению государственного секретаря. Дэн Беннет, его старший помощник, — мой старый друг. Мы были однокашниками в Дартмуте и жили там в одной комнате. Поскольку я провел изрядное время в Москве, меня включили в американскую делегацию в качестве советника. А что вы?

Паризи почувствовал, что Андерс собирался что-то сказать о том, что они тоже делят гостиничный номер, и опередил норвежца.

— О, я просто здесь туристом. Мне всегда хотелось посмотреть эту часть мира, к тому же надо было использовать льготу авиакомпании для постоянных пассажиров. Знаете ли вы, что для полета сюда первым классом достаточно налетать всего тридцать тысяч миль? — Он посмотрел на Маренского. — А вы входите в официальную советскую делегацию?

— Мой отец член делегации. Я работаю редактором социологического журнала. В Советском Союзе это равнозначно политическому журналу. Я пишу о саммите.

— Не только ты один, — сказал Андерс. — Однако новости замедлили свой бег, они похожи на густую патоку. До сих пор ни слова из Айнолы. Нам остается лишь изучать видеопленку и смотреть, улыбаются ли президент и Новиков, входя в дом и выходя из него, — он с хитрецой взглянул на русского. — Вы случайно не прихватили с собой русского специалиста, умеющего читать по губам?

Маренский не заглотнул наживку.

— Стоило бы, — сказал он. — Но я знаю не больше твоего. Отец провел весь день в Айноле — я видел его в гостинице всего несколько минут, он готовился к официальному обеду и ничего мне не рассказал. Одно могу сказать: он улыбался, если это тебе как-то поможет.

— Дэн Беннет тоже улыбался, — сказал Уэстон. — Я видел его перед встречей с тобой, Алексей.

— А он что-нибудь сказал? — спросил Андерс. — Мои редакторы ждут в Осло у телефона, они готовы печатать любой хлам.

— Ничего. Сказал только, что день был продуктивным. Ну, вы знаете дипломатов — ни одного случайного слова.

— Это очень волнующе — присутствовать на саммите, — сказал Паризи.

— В это просто трудно поверить, — ответил Уэстон. — На твоих глазах творится история, — он хлопнул Алексея по спине. — Нам будет что рассказать внукам, правда, дружище?

Три московских приятеля завязали разговор об общих знакомых, о политическом климате в Москве, о проблемах повседневной жизни в советской столице. После часа, отданного закускам и водке, принесли нечто под интригующим названием «мясо в горшочке» и две бутылки крепкого азербайджанского вина «Мадраса». Паризи обратил внимание, что Маренский становится все более чем-то озабочен.

Андерс посмотрел на своего приятеля и налил ему вина.

— Скажи, Алексей, верно ли — я полагаюсь на весьма надежные источники, — что Новиков собирается включить в Политбюро группу сторонников жесткой линии?

— Если он это сделает, это станет ошибкой, за которую расплачиваться будет весь мир, — сказал русский.

— А что же Новиков? Что он за человек, в конце концов? — спросил Паризи.

— Когда-то он был нашей надеждой, — задумчиво произнес Маренский и осушил бокал. — Он знал всю глубину пропасти, в которую мы провалились, знал, как много предстоит сделать. Он дал нам первый глоток свежего воздуха после второй мировой войны, как вы назы-

ваете нашу Великую Отечественную. О, верно, о реформах больше говорят, чем делают. Но этого следовало ожидать. В конце концов, партийный аппарат и бюрократия боролись с ним с первого дня.

— Ты говоришь о нем в прошедшем времени. Ты хочешь сказать, что он стал другим?

— Хороший вопрос, Джей, — Маренский протянул бокал. Андерс налил ему вина. — Я не знаю. Наши проблемы настолько тяжелы...

— Знаешь, Эндрю, — сказал он, повернувшись к Уэстону, — вы совершили большую ошибку, не надавив как следует на Новикова при первых признаках, что инициатива ускользает из его рук. Это человек, который поддается давлению.

— Но, Алексей, — перебил его Уэстон, — и ты, и я хорошо знаем, что исторически Советский Союз никогда не поддавался давлению извне.

— Может быть, так было при Сталине, — сказал Маренский. — Но Кеннеди быстро учился. После того как Хрущев «наехал» на него в Вене, он выработал в себе твердость и проявил ее во время того, что вы на Западе называете кубинским ракетным кризисом. И Хрущев понял, что американцы отнюдь не блефуют. — Он опрокинул рюмку водки. — Могу привести точные ссылки, но не будем об этом. Мы сейчас говорим о Новикове. Новиков — это совсем другое дело. Есть люди, взгляды которых зависят от того, с кем они только что говорили. С Новиковым — другой случай: это вопрос, кто говорил громче всех. Боже, если бы вы только знали, какие мощные рычаги в ваших руках. Вы нужны Новикову. Ему нужен западный капитал, западные ноу-хау, западная технология. Ему нужно, чтобы Запад отвел глаза, пока он закручивает гайки, пытаясь унять растущий национализм.

— Ему нужно время, чтобы углубить перестройку и гласность, — сказал Уэстон.

— Ерунда! — Маренский стукнул кулаком по столу. — Новиков — политическое животное. Он вырос как проте-

же Андропова, человека, возглавлявшего КГБ. Он понимает, что если Запад действует мягко, он может позволить себе твердость, но если вы будете действовать жестко, он сделается податлив.

Паризи завороженно слушал. Сын высокопоставленного советского дипломата фактически призывает двух американцев и норвежца проявить жесткость к Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза. Понятно, он выпил немало вина и водки. Но все равно это просто потрясающе. Конечно, он напишет отчет Уотерману; ему это будет не только интересно, но и очень важно.

Уже было за полночь, когда Андерс предложил переместиться в бар отеля «Каластайяторппа». Паризи отказался, сославшись, что еще не превозмог разницу во времени.

— Если вы не против, я уйду к себе, — сказал он. — Я очень устал.

Он попытался принять участие в оплате счета, который, по его представлениям, должен был оказаться изрядным, но Андерс не хотел и слышать об этом.

— Вы гости газеты «Афтенпостен», — сказал он.

Норвежец оглядел стол, уставленный пустыми бутылками из-под вина и водки.

— В моем финансовом отчете это будет значиться как сбор материалов, — сказал он, подмигнув Паризи.

Хельсинки,
17 декабря, 1:00 ночи

Уотерман был озадачен. Он внимательно просматривал «библию». Никакого Уэстона. И к тому же никакого Эндрю.

— Но эта фамилия, Джей... Я ее знаю.

— Он сказал мне, что его пригласил государственный секретарь, — сказал Паризи. — И, кажется, в Дартмуте они с Дэном Беннетом жили в одной комнате.

— Ну конечно! — закричал Уотерман. — Это тот тип, что, вернувшись из Москвы, сообщил, что Новиков ищет встречи на высшем уровне. Это приятель Юрия Маренского и стойкий апологет Новикова. Разумеется, это он и есть.

— У-гу, — промычал Паризи. — Только он друг не Юрия, а Алексея, сына Маренского. Он постоянно ездит в Москву. Судя по их скороговорке, он вполне прилично говорит по-русски. Очевидно...

— Джей, — прервал его Уотерман. — Послушай, на заседании, когда президент согласился на встречу, в качестве потайного канала связи был назван Эндрю Уэстон. Но Уинтроп сказал президенту лишь, что это профессор и друг Юрия Маренского, который регулярно бывает в Москве и что его и раньше использовали как потайной дипломатический канал. А теперь выясняется, что они с Беннетом жили в одной комнате в студенческие годы. И вот он появляется здесь, но не значится в официальном списке нашей делегации.

— Ну, если он действительно друг Юрия, то он об этом ничего не сказал. Это закадычный дружок Алексея. Наверное, они познакомились, когда Юрий был послом в Вашингтоне, и с тех пор поддерживают близкие отношения.

— Ты ведь профессиональный разведчик, Джей. Неужели ты не видишь, что все было подстроено?

Паризи нахмурился.

— Я не понимаю...

— Объясняю: Беннет использовал Уэстона, чтобы организовать встречу на высшем уровне. Уинтроп сказал президенту, что идея исходит от Новикова. Бьюсь об заклад, что Уэстон сказал Маренскому, что идея исходит от президента.

— Конечно, — Паризи покачал головой. — Это был беспроигрышный номер для Беннета: если бы Новиков сказал «нет», никто ничего не узнал бы. Но он сказал «да» — и видишь, чем все это кончилось.

Хельсинки,
17 декабря, 7:55 утра

Уотерман перечитал написанную от руки записку на предмет ошибок. Не обнаружив таковых, он протянул ее Паризи, который стоял у двери с горстью батареек размером «АА» и уотермановским пейджером.

— Мне пора двигаться, — сказал Джей.

Он зажал записку под мышкой и положил батарейки и пейджер в карман куртки. Затем переложил записку в нагрудный карман, натянул меховые перчатки и открыл дверь.

— Буду ждать тебя в кафе на станции, — сказал он. — Забегу к себе переодеться, но сначала отправлю послание.

Ночь он провел на диване в номере Уотермана.

— Я вызову тебе такси.

— Не требуется. Меня на улице ждет машина.

— Какая машина?

— Самый большой «Мерседес», какой тебе когда-нибудь приходилось видеть. Как еще прикажете перемещаться в Финляндии бедному туристу в разгар зимы?

— Кто платит?

— Всего четыреста баксов в день плюс сверхурочные.

— Я же спросил, кто платит?

— Вы, сэр, — ответил Паризи. — Оплачиваю твоей Золотой карточкой.

Уотерман никогда не мог понять, каким образом Паризи узнал ее номер.

— Почему... ну, конечно... как это глупо с моей стороны. Когда придет счет и Лаура спросит: «Что это за две тысячи за наем машины?» — я скажу, что в Финляндии остановились поезда и не работают такси.

— Лучше скажи ей, что это твой вклад в спасение свободного мира.

— Свой вклад я вношу на работе. Убирайся отсюда к черту.

— Так точно, сэр. — Паризи распахнул дверь и помахал Уотерману папкой. — Кстати, я могу это прочитать?

— Если я скажу «нет», то что изменится?

— Я так тебя обожаю, дорогой.

Паризи увидел, что дверь лифта начала закрываться. Он успел подбежать и, нажав кнопку «вниз», перехватить его. Вошел в кабину и увидел Эндрю Уэстона с красными, опухшими глазами, небритого, стоявшего у задней стенки переполненной кабины рядом с иголочки одетым Дэном Беннетом. У Уэстона был такой вид, словно он спал, не раздеваясь. Он стоял, опираясь обеими руками о плечо Беннета. Паризи не слышал, о чем они говорили, и не хотел, чтобы его увидел Беннет. Он быстро вышел из лифта на первом этаже и стремительно направился к парадной двери и стоявшей за углом машине.

Устроившись на заднем сиденье, он включил свет и начал читать:

Министерство обороны
Меморандум
Секретно

Кому: Министр
От: ЗамМеждБезоп/ Майкл Уотерман
Дата: Декабрь 17
Тема: Ход саммита

Сегодня утром я встретился с Госсеком. Он сказал мне, что провел бессонную ночь, обеспокоенный вчерашним поворотом событий. Он не ожидал такой реакции президента на Новикова. Он сказал, что полное ядерное разоружение представляет собой «опасный прыжок во тьму». Он говорит, что «сожалеет» о том, что не предпринял попытки оспорить призыв президента к безъядерному миру в его речи в ООН и по другим поводам. Он говорит, что думал тогда, будто это поможет сбросить с плеч всех этих мирных демонстрантов без всякого ущерба в силу абсолютной нереалистичности этой затеи.

Я спросил, попытается ли он оттащить президента. В этот момент он дал мне знак последовать за ним в изолированное помещение в его номере — там находится его секретный телефон, размером оно не больше телефонной будки.

Когда мы оказались внутри, он сказал мне, что предпринял вчера такую попытку, но президент пребывал в «эйфории» от перспективы войти в историю в качестве человека, «удалившего ядерное оружие с лица планеты».

Я сказал ему, что получу документ, доказывающий, что СОИ не переживет ограничений, на которых настаивает Новиков. Он ответил, что Новиков может согласиться на меньшие ограничения СОИ, чтобы мы остались привержены отказу от ядерных вооружений. Он обещал сделать так, чтобы я позднее получил возможность изложить факты относительно СОИ на брифинге с президентом сегодня утром.

Уинтроп обеспокоен также реакцией НАТО на известие о том, что мы согласились отказаться от ядерного оружия. (Кстати, он думает, что вся эта затея все равно рухнет в связи с проблемой проверки, но не раньше, чем мы развалим этим НАТО.)

Я спросил, как он видит наши перспективы. Он назвал ситуацию «мрачной» и сказал, что «сомневается, удастся ли ее изменить, если только Новиков сегодня на утреннем заседании не совершит какую-нибудь серьезную ошибку». Он сказал мне также, что вчера вечером на официальном обеде Новиков отвел президента в сторонку и попросил «в качестве личного одолжения» согласиться на то, что он назвал мораторием по вопросу о правах человека. Советы говорят, что им нужна передышка, дабы совладать с политическим недовольством, вызванным разваливающейся экономикой и программой реформ. К неудовольствию Уинтропа президент согласился на это, и права человека исключены из повестки. (Кстати, это высвободит дополнительное время для

дальнейшего обсуждения проблемы контроля над вооружениями.)

Прошу извинения за столь мрачное послание. Единственная хорошая новость в том, что, как мне кажется, Уинтроп на нашей стороне, по крайней мере в данный момент.

Леса вокруг прекрасны. Жаль, что вас здесь нет.

Хельсинки,
17 декабря, 8:35 утра

Сообщения из Вашингтона уже поступили, когда Паризи прибыл в отделение ЦРУ. Он положил дважды запечатанный конверт в карман, передал меморандум Уотермана оператору и вернулся к себе в отель.

Записку он заметил, как только вошел в номер. Она была написана ручкой-маркером и приклеена скотчем к изголовью его кровати.

Джей — очень срочно!! Свяжись со мной немедленно в хельсинкском бюро «Афтенпостен», мой телефон 142-864. Ове.

Паризи тут же потянулся к телефону возле кровати и набрал номер. Услышал сигнал «занято».

— Черт возьми, — выругался он. — Ладно, Ове — видит бог, я старался.

Сунул записку в карман куртки, переоделся быстрее, чем Кларк Кент*, схватил электробритву и через три минуты вышел из отеля.

Хельсинки,
17 декабря, 8:45 утра

Отражения красных и белых огней мотоциклистов сопровождения и снежные вихри, вздымающиеся из-под колес, создавали впечатление театральных декораций

* Персонаж популярных комиксов и мультфильмов.

снежной бури; американская делегация быстро мчалась по пустому заснеженному шоссе.

Уотерман пробежал глазами газетные вырезки, присланные из Вашингтона. «Таймс» и «Пост» явно не хватало конкретных фактов, хотя в обеих было уделено большое внимание тостам, произнесенным на обеде у президента Финляндии. Уотерман облегченно вздохнул. Несмотря на присутствие пяти тысяч журналистов, пресса не сумела разнюхать удивительные события на встрече лидеров. По какой бы причине это ни делалось — быть может, они боялись, что преждевременная огласка приведет к тому, что на президента будет оказано давление и он отступит от позиции, которую занял во вторник, — Советы выполняли договоренность ничего о ходе переговоров не сообщать. И что еще приятнее, Дэн Беннет тоже держал рот на замке.

В 8:45 делегация прибыла в Айнолу и быстро собралась в офисе на втором этаже, чтобы обсудить стратегию заключительной беседы лидеров. Митчелл Уоллес в присущей ему крайне официальной манере объявил, что президент принял решение отказаться от любого обсуждения прав человека.

— Президент и генеральный секретарь беседовали приватно вчера вечером за обедом и согласились, что в середине следующего года будет проведен саммит, на котором будут обсуждаться права человека и другие проблемы, — сказал он. А затем взорвалась настоящая бомба: — Президент хочет оставить больше времени, чтобы завершить часть переговоров, посвященную контролю над вооружениями. Учитывая объем предстоящей работы, он и генеральный секретарь решили продлить встречу, собравшись еще и на дневное заседание.

Сердце Уотермана упало.

— А что относительно СОИ? — спросил он в оцепенении.

— Мы хотим обсудить эту проблему в десять часов. Он захочет услышать все за и против. Майкл, я просил бы

вас и Дэна дать обобщающие заключения. Каждому из вас будет дано по пять минут.

Пять минут, подумал Уотерман. Пять паршивых минут, чтобы похоронить самую важную оборонительную программу страны. Гнев его только усилился, когда он вспомнил бесчисленные часы, которые отдал этой проблеме — дни и ночи, которые он отнимал у жены и сына, встречи, конференции, показания, статьи, докладные, телеграммы, крайние сроки, в которые следовало уложиться. Все эти усилия, подумал он, пойдут насмарку в какие-то доли секунды.

— А что вы скажете о проблеме проверки? — спросил Уотерман. — Мы должны об этом поговорить. И еще НАТО. Ведь президент наверняка захочет услышать, какие будут последствия для НАТО.

Советник по национальной безопасности оборвал его.

— Здесь не место и не время для обсуждения микропроблем, Майкл. Мы здесь для того, чтобы поддерживать президента, а не осложнять его работу.

Уотермана охватило глубокое отвращение к Уоллесу. От советника по национальной безопасности президенту прежде всего требуются честность и ясность. А Митчелл Уоллес только и умел, что брать под козырек.

— Я скоро вернусь, — сказал Уотерман. Он развернулся на пятках и вышел из комнаты.

Станция Ярвенпаа,
17 декабря, 9:30 утра

Уотерман вышел из машины у станции Ярвенпаа и уже собрался войти в кафе, когда почувствовал, что на его плечо легла чья-то рука. Он повернул голову и увидел Паризи.

— Поговорим в моей машине.

Уотерман последовал за Паризи к пристанционной автомобильной стоянке, где длиннющий лимузин зани-

мал место, которого хватило бы на две машины. За их приближением наблюдал ливрейный водитель.

Уотерман даже присвистнул.

— Теперь, когда я его увидел, мне стало как-то легче — за такой автомобиль четыре сотни, да это просто задаром!

Они забрались в просторное пассажирское отделение. Паризи вынул из кармана три листка бумаги. Это был сжатый, ясный, хорошо продуманный анализ последствий новиковского предложения относительно программы СОИ. В нем выражалась выстраданная точка зрения Уотермана о том, что СОИ невозможно реализовать при ограничениях, предложенных Новиковым. Слава богу, Скотт Брекен хорошо постарался. На втором листе бумаги была цитата из Сунь Цзы, что стояла на письменном столе Новикова. Третий лист представлял факсимильную копию записки Маккэндлесса Райдеру о судьбе несчастного беглеца Костева. Три тонких стрелы в колчан Уотермана.

— Отличная работа, — сказал Уотерман.

— Я был потрясен. Я не имел представления... — начал Паризи.

— Никто из нас не имел представления.

— Что ты собираешься предпринять?

— Хотел бы я знать, — сказал Уотерман. — Боже мой, Джей, у меня очень скверное настроение.

— Раз уж ты заговорил про скверные вещи... Сегодня утром в лифте я видел Уэстона, он буквально висел на плече у Дэна Беннета. Он был в ужасном состоянии.

— Ему не могло быть много хуже, чем мне, — сказал Уотерман. Он сложил листочки и сунул их в карман. — Мне нужно вернуться, пока не перекрыли шоссе для президентского кортежа. Через двадцать минут мы будем его натаскивать.

Он постучал себя по груди, где лежали бумаги.

— Это наш последний шанс, Джей.

Айнола,
17 декабря, 10:00 утра

На этот раз была очередь Новикова встречать у двери президента, прибывшего в Айнолу ровно в 10:00 в сопровождении Уинтропа и Бернера. Прессу — около сотни репортеров и фотографов — охрана пропустила на отведенное им возвышение. Они так изголодались по новостям, что Уотерман, подошедший к окну с двойными рамами в спальне второго этажа, мог слышать шквал вопросов, обрушившихся на президента, когда тот вышел из машины, помахал орущим репортерам высоко поднятыми вверх руками — то было его излюбленное приветствие, — но не сказал ни единого слова. Он задержался лишь на мгновение, чтобы фотографы успели щелкнуть аппаратами, когда он обменивался рукопожатием с советским лидером.

В разговоре с Уотерманом Уинтроп охарактеризовал настрой президента как эйфорический. Сейчас, когда Старик буквально ворвался в комнату, чтобы выслушать последние советы, Уотерман понял, что эти слова еще слабо передавали его настроение. Президент весь буквально сиял и источал энтузиазм. Он нахваливал Финляндию, радовался, как хорошо они поговорили с генеральным секретарем во время обеда, дивился тому, что назвал «очевидной искренностью» Новикова, и ощущал подъем от того исторического поворота, который свершился накануне.

В течение получаса они пробегали по вопросам, которые могли стать главными на этой утренней встрече. Затем настал черед Уотермана: его пять минут в свете прожекторов.

Основываясь на меморандуме, полученном из Вашингтона, Уотерман ясно и четко изложил страшные последствия прекращения испытаний по программе СОИ. Итоговый вывод был однозначен: без испытаний в космосе невозможно продемонстрировать реальность стратеги-

ческой обороны. А без твердых доказательств того, что СОИ действует, Конгресс наверняка сократит и в конце концов прекратит ассигнования.

Он оглядел комнату. На него смотрели отсутствующие глаза. Никому нет никакого дела, подумал он. Они хотят только одного — соглашения, причем их устроит любое соглашение.

Он завершил свое сообщение аргументом, который считал наиболее сильным и способным подействовать на президента.

— Сэр, — сказал он, — если мы подпишем договор и возьмем на себя обязательство уничтожить все ядерное оружие, мы, конечно, его выполним. Но абсолютно ясно, что Советы кое-что припрячут.

Он заметил, что президент едва заметно кивнул, и продолжал:

— Вы или ваш преемник достигнете момента, когда все ядерное оружие в американских арсеналах будет уничтожено, и господин Новиков или его преемник проинформируют нас, что они сделали то же самое. Но предположим, что они пошли на обман. Предположим, что они утаили сотню или даже несколько десятков единиц ядерного оружия? Что тогда? Даже если мы достигнем паритета в обычных вооружениях, мы останемся безнадежно уязвимыми. На крайний случай, господин президент, — буквально взмолился Уотерман, — сохраните за собой право испытать и развернуть СОИ в качестве гарантии на случай мошенничества Советов.

Слова его, вполне очевидно, произвели впечатление. Президент слушал очень внимательно. На какой-то момент показалось, что все идет, как в былые дни, и президент кивает одобрительно в нужных местах.

Его пять минут истекли, и Беннет заговорил в пользу ограничений СОИ. Это было ловкое выступление, рассчитанное на то, чтобы разжечь аппетит президента и его мечту о мире, свободном от ядерного оружия, одновременно представив предложенные Советами ограничения

СОИ как «незначительные затруднения, которые подработают технические специалисты».

Беннет говорил, обращаясь прямо к президенту, голос его звучал настоятельно и даже повелительно.

— У меня нет сомнений, сэр, что мы идем на некоторый риск. У Советов есть возможность нас обмануть — технически говоря, у нас тоже есть такая возможность, разумеется. Но в сердцевине вопроса лежит то, о чем приходилось только мечтать с тех пор, как началась» холодная война», — мир. Подлинный мир. — Беннет обвел глазами присутствующих. На мгновение они остановились на Уотермане. — Я уверен, что мы в состоянии преодолеть технические трудности и достичь этой невероятной цели, ни на йоту не поступившись нашей безопасностью. Я верю, господин президент, что цель в данном случае оправдывает средства.

Уотерман увидел, что Беннет смотрит прямо на него. Он знает, подумал Уотерман, он знает, что выиграл. Он поднял руку, привлекая внимание президента, чтобы возразить Беннету.

— Господин президент...

Но Гэри Бернер не дал ему договорить.

— Президенту нужна минутка, чтобы собраться с мыслями, — сказал глава аппарата Белого дома. — Я не думаю, что мы сумеем разрешить этот технический спор здесь и сейчас. Если никто не хочет сообщить что-нибудь срочное, я полагаю, мы на этом прервемся.

— Есть кое-что еще, — сказал Уотерман, доставая из кармана две странички текста. — Это важно...

Бернер снова его прервал.

— Самое важное — чтобы президент собрался с мыслями перед тем сотрясением мира, которое сейчас произойдет.

Президент одобрительно кивнул.

Уотерман не верил своим глазам. Все кончено. Все погибло. Ему хотелось кричать, визжать.

Он этого не сделал. Когда комната опустела, он отвел государственного секретаря в сторону.

— Мне нужно одну минуту поговорить с президентом, — взмолился он.

— Уже нет времени, — сказал Уинтроп. — Ему пора идти вниз.

В левой руке Уотерман сжимал свои стрелы: три смятых документа. Он помахал ими перед Уинтропом.

— Господин секретарь, здесь сказано то, что ему необходимо знать.

— Извини, Майкл, — сказал Уинтроп. — Слишком поздно.

Глава двадцать четвертая

Станция Ярвенпаа,
17 декабря, 10:30 утра

Джей Паризи закутался, чтобы не замерзнуть, и вышел пройтись, убить время. Двадцать минут он изучал свои следы на снегу, низко наклонив голову от обжигающего восточного ветра, который задувал с открытой местности позади станции.

Становится слишком холодно, подумал он, повернув обратно. Спасая от холода руки в перчатках, он сунул их в карманы куртки и нащупал записку Андерса. Черт возьми, подумал он. Я совсем забыл про Ове.

Он быстро вернулся в станционный зал ожидания, сунул монетку в платный телефон около билетного окошка и набрал номер. Линия занята. Он набрал второй и третий раз. Наконец в трубке послышался голос.

— Хелло?

Он назвал имя Андерса и не успел сказать ничего больше, как трубку шумно положили на стол. До него доносились отдаленные голоса. Он ждал.

— «Афтенпостен», Андерс.

— Ове, это Джей.

— Слава богу, — норвежец заговорил быстро с заметным скандинавским акцентом. — Джей, я должен те-

бя видеть немедленно. Это вопрос необычайной срочности. Где ты?

— В телефонной будке на станции Ярвенпаа.

Андерс произнес что-то неразборчивое; Паризи был уверен, что услышал норвежский эквивалент слова «дерьмо».

— Оставайся на месте, — сказал Андерс. — Я буду так скоро, как только смогу.

— Ты можешь сказать, в чем дело?

— По телефону — нет. Но знаю, что нам очень нужно поговорить. Бегу.

На другом конце провода положили трубку.

Айнола,
17 декабря, 11:15 утра

Советские и американские советники бродили по гостиной, пили кофе и болтали, пока президент и Новиков с Уинтропом и советским министром иностранных дел заперлись в библиотеке.

Сидя в одиночестве в углу, Уотерман молил бога о перерыве, чтобы попытаться пробиться хоть на краткий миг к президенту. Его рука сжимала листок с цитатой из Сунь Цзы. Это заставит президента задуматься. И еще оставалось письмо Маккэндлесса Райдеру. Неужели оно его не тронет? Уотерман был уверен, что президент будет взбешен, узнав, что Советы и обманули его, и погубили мальчика, чья единственная вина заключалась в том, что он совершил прыжок в свободу. Но если перерыва не будет, то у него так и не будет возможности все это сообщить президенту.

Станция Ярвенпаа,
17 декабря, 11:30 утра

Паризи смотрел в окно, когда такси затормозило у главного входа на станцию. Дверца отворилась, и Ове Ан-

дерс, без пальто и шапки на таком морозе, выскочил на улицу. Паризи подбежал к краю тротуара. Они вместе вошли в помещение станции.

— Джей, — сказал Андерс, — ты должен передать записку Майклу. Нельзя терять ни минуты.

— Что происходит, Ове?

— Вчера вечером, когда ты ушел из ресторана, Маренский, Уэстон и я отправились еще выпить. Маренский очень нервничал. Не знаю, заметил ли ты.

— Да, ему явно было не по себе. Но после водки немножко расслабился.

— Честно говоря, Джей, Алексей не пьет.

— Нетипично для русского.

Лицо Андерса оставалось мрачным.

— Мы отправились выпить еще по рюмке. Около двух он совсем потерял контроль над собой, он то плакал, то смеялся. Пятнадцать минут он вообще нес что-то невразумительное. Мне показалось, что у него нервный припадок. Мы с Уэстоном еле его успокоили.

Паризи покачал головой.

— Сцена прямо из Достоевского.

Андерс достал из кармана трубку, раскурил ее, глубоко вобрал в себя дым и шумно выдохнул.

— Внезапно он взял себя в руки. И спокойно повел нас к выходу. Он рассказал нам, что перед самым обедом задремал во второй спальне гостиничного номера своего отца. Отец и генерал Зелинский, начальник советского генерального штаба, вернулись из Айнолы. Они, конечно, не знали, что Алексей в соседней комнате. Они включили радио, очевидно, чтобы их нельзя было подслушать. Но сели они около труб центрального отопления, и их разговор был слышен в спальне. Алексей слышал каждое слово. Он сказал, что они пили водку, поднимая друг за друга тосты, и с подъемом говорили о том, как складывается саммит. По его словам, Зелинский сказал Маренскому, что он никогда бы не поверил, что американский пре-

зидент согласится на ядерное разоружение. Затем Зелинский сказал его отцу, что армия и стратегические ракетные войска завершили операцию «Глубокая Спячка» на неделю раньше срока.

— Что это, черт возьми? — спросил Паризи.

— Это план сокрытия ядерного оружия. Четыреста единиц и компоненты еще для ста. Зелинский похвалялся, что их невозможно обнаружить.

— Иисусе!..

— Затем они поздравили друг друга с успехом, с тем, что убедили Новикова утвердить операцию «Глубокая Спячка». У Алексея сложилось впечатление, что Новиков сначала воспротивился, но если он хотел остаться генеральным секретарем...

— И в конце концов он уступил, — сказал Паризи.

— Похоже, против своей воли. Но вряд ли это имеет значение.

— В каком-то смысле именно это Алексей говорил и за обедом: Новиков идет на уступки, чтобы сохранить власть, — Паризи положил руки на плечи Андерса. — Ты веришь ему?

Андерс мрачно кивнул.

— Да. У Алексея нет оснований врать мне или Эндрю. Мы как одна семья, Джей.

— Кто еще знает? — с тревогой в голосе спросил Паризи.

— Дэн Беннет.

Паризи не поверил своим ушам.

— *Беннет?*

— Маренский был в отчаянии. Я знаю, что ты работаешь в аппарате Майкла, не знаю в какой должности, но зачем мне — как это у вас говорится — срывать твою крышу. Потом, Алексей тебе не стал бы доверять — он тебя не знает. Так или иначе, он попросил Уэстона рассказать Беннету. Но Уэстон настоял на том, чтобы Беннет получил эту информацию из первых рук, поэтому при-

мерно в три тридцать ночи они подняли Беннета с постели и Алексей снова рассказал эту историю.

— Тогда об этом знают президент и государственный секретарь.

— Я в этом не уверен, — сказал Андерс. — Беннет отреагировал очень странно. Я подумал бы, что он сразу побежит, ну, знаешь, «я должен немедленно разбудить государственного секретаря» или что-то в этом роде. Но он этого не сделал. Он сказал, что все уладит. Уэстон с утра первым делом снова пошел к Беннету. Потом он мне рассказал, что Беннет высказался довольно скептически — он, мол, не вполне доверяет Маренскому. Как он мог не поверить Алексею? Он пошел на смертельный риск: если об этом станет известно, он — труп. Как только я все это узнал, я попытался связаться с Майклом, но у него никто не отвечал, поэтому я связался с тобой. Слава богу, ты меня нашел.

— Я найду Уотермана, — сказал Паризи. — У него есть пейджер.

И вдруг побелел. В тот момент, когда он это сказал, он опустил руку в левый карман. Там был пейджер и четыре запасных батарейки — уотермановский пейджер. Он вспомнил, что взял его, чтобы сменить батарейки.

— Чертовщина.

— В чем дело?

Паризи достал пейджер из кармана.

— Это пейджер Майкла. — Он задумался. — Ове, у тебя есть корреспондентское удостоверение?

— Конечно, но это не пропуск на территорию Айнолы. Я могу пойти в пресс-центр, но при Айноле я не аккредитован.

— Как достать туда пропуск?

— Ларс Хаммарстад, это мой коллега, член скандинавского пула журналистов на сегодняшнем утреннем заседании. Я могу позвонить ему по мобильнику.

— Давай! — закричал Паризи. — Скажи ему, пусть бежит по дороге в сторону шоссе, зажав пропуск в зубах. Скажи — там будет стоять длиннющий «мерседес», около блокпоста. Скажи ему, — передать пропуск парню в лимузине.

Паризи побежал к машине.

— Поехали! — крикнул он водителю и проскользнул на переднее сиденье.

Айнола,
17 декабря, 11:50 утра

Хаммарстад уже ждал на обочине дороги, когда к нему подкатил «Мерседес». Дверца распахнулась.

— «Афтенпостен»? — спросил Паризи.

— Да. Ларс Хаммарстад.

Паризи пожал протянутую ему руку в перчатке.

— Корреспондентский пропуск.

Хаммарстад снял ярко-желтый восьмиугольный жетон, висевший у него на шее, и передал его Паризи. На нем крупными красными буквами по-английски и по-русски значилось: «Аккредитованная пресса. 17/США—СССР». Паризи нацепил жетон на себя.

— При входе и выходе проверяют на компьютере?

— Нет, — сказал журналист. — Они даже не сверяют фотографию, смотрят только на цвет и форму жетона.

— У вас найдется блокнот? — спросил Паризи.

Хаммарстад извлек из кармана блокнот на спирали.

— Он мне понадобится, — объяснил Паризи, взяв блокнот и вырвав исписанные страницы. Он отдал их Хаммарстаду и спрятал блокнот в карман куртки. — Репортеру полагается иметь при себе блокнот. Подождите здесь. Я пришлю за вами машину, как только прибуду в Айнолу. Андерс ждет вас на станции.

— Что происходит? — спросил озадаченный журналист.

— Андерс вам все объяснит, — сказал Паризи, отлично зная, что Ове ничего подобного не сделает.

Финская охрана, увидев на шее Паризи пропуск, пропустила через блок-пост его, но не машину. Выругавшись по-итальянски, он вылез из машины и, пробежав двести метров, смешался с толпой репортеров и фотографов возле здания.

Оставалось еще одно ограждение. Пропуск давал Паризи право присоединиться к журналистской братии, но не позволял войти в здание. Он перевел дыхание, нырнул под канат и направился напрямик к двери. В десяти метрах от входа стояли два агента американской секретной службы и два агента КГБ вместе с сотрудниками финской секретной полиции в форме. Финн преградил ему дорогу.

— Извините, дальше нельзя.

Паризи помахал своим жетоном.

— Помогите, пожалуйста, — сказал он. — Мне нужно передать срочную записку заместителю министра обороны Майклу Уотерману. Он член американской делегации.

— Извините, — сказал охранник. — Нам запрещено передавать записки.

— Но это очень срочно, — сказал Паризи.

— Поговорите, если хотите, с секретной службой. Я не имею права передавать записки внутрь дома.

Охранник кивнул в сторону американской охраны.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Паризи. — У меня очень срочное дело и мне нужна ваша помощь. Я должен передать записку Майклу Уотерману, заместителю министра обороны. Это очень срочно.

— Почему такая срочность? — спросил агент секретной службы с явным бостонским акцентом.

— Мне только что сообщили, что у Майкла Уотермана умер отец. Он погиб в авиакатастрофе неподалеку от Глостера, штат Массачусетс. Ему надо немедленно позвонить домой, семье.

— О, боже, — вздохнул агент. — Вот что, напишите записку, и я ее отнесу, — он притоптывал башмаками, что-

бы согреть замерзшие ноги. — Надо же, чтобы это случилось именно сейчас.

Паризи достал блокнот и быстро набросал несколько строк:

Плохие новости, Майкл. Твой отец вчера вечером погиб в авиакатастрофе. Я стою около дома, там, где журналисты. Пожалуйста, свяжись со мной КМБ, я должен сообщить тебе важные подробности. Я очень тебе сочувствую. Паризи.

Он передал записку агенту, тот прочитал ее и скрылся в доме. Через минуту он вышел и, посмотрев на Паризи, поднял вверх большой палец. Паризи благодарно кивнул и помахал ему рукой. Дверь снова открылась, и Паризи увидел Уотермана, он искал его глазами.

Паризи помахал ему рукой.

— Я здесь, Майкл, здесь!

Благослови господь память Сэма Уотермана, подумал Паризи, он всегда был рядом, когда Майклу требовалась помощь, и сейчас он снова пришел на выручку.

Уотерман был без пальто, зубы его стучали, когда он слушал рассказ об откровениях Алексея Маренского.

— Джей, — спросил Уотерман, — ты уверен, абсолютно твердо уверен, что Беннет знает об этом?

— Я все это рассказал тебе со слов Андерса, — сказал Паризи, — у него не может быть сомнений, потому что слышал, как Маренский сообщил Беннету.

— Я должен уйти, — сказал Уотерман. — Джей, как можно быстрее сообщи МИНОБу и Маккэндлессу. А потом жди в моем номере «Интерконтиненталя».

Он обнял Паризи, и на глазах его выступили слезы.

— Черт возьми, Джей, ты сделал невозможное.

Уотерман вернулся в помещение американской делегации. Утреннее заседание должно было закончиться с минуты на минуту. Ему надо быть наготове, когда президент поднимется наверх.

Комната опустела. Все были внизу, около двери в библиотеку. Уотерман сел за письменный стол и начал на-

брасывать тезисы того, что скажет президенту, если у него будет такая возможность. Он услышал чьи-то шаги и поднял голову. В дверях стоял Дэн Беннет.

— Только что выходил государственный секретарь и сказал, что они решили не прерываться, как обычно, в двенадцать тридцать. Похоже, хотят все закончить в один присест, Майкл.

— Он не сообщил ничего существенного? — спросил Уотерман.

— Они пока застряли на СОИ, подробностей я не знаю. Но думается мне, что Старик уступит.

Уотерман перевернул лист бумаги, на котором набрасывал свои тезисы.

— Уж не хочешь ли ты этим сказать, Дэн, что ты счастлив от того, что происходит? Ты отлично понимаешь, что полное ядерное разоружение — опасная чушь.

— Рискованно? Конечно, — сказал Беннет. — Но рискованна и гонка вооружений. Многие столетия миром правят люди с ружьем и порохом. Мне кажется, что стоит рискнуть и заменить оружие на перо и чернила.

— Молись, Дэн, чтобы ты оказался прав. Ты ставишь на кон нашу страну.

— Так ли?

Уотерман устало смотрел на него.

— Ты отлично знаешь, что это так.

Молчание Беннета сказало ему все, что он и без того знал.

— А что если они смошенничают, Дэн? — спросил он наконец. — Если они вовсе не собираются полностью разоружаться?

— Сегодня утром я сказал президенту, что они вполне способны пойти на обман, Майкл. С этим невозможно спорить. Но надо сохранять веру. Твердых доказательств нет, я верю в презумпцию невиновности и готов попытать счастья с Новиковым.

Айнола,
17 декабря, 12:45 дня

Уотерман устроился как можно ближе к библиотеке, когда массивная дверь распахнулась и лидеры пожали друг другу руки и в сопровождении переводчиков вышли в центральный холл. Впереди шли государственный секретарь и министр иностранных дел.

Дэн Беннет ждал тоже. Он направился к Уинтропу, собираясь с ним говорить. Майкл рванулся вперед и корпусом оттер Беннета. Тот закачался и, чтобы не упасть, схватил Уотермана за руку.

— Господин секретарь, — сказал Уотерман настойчиво, — мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз. Это очень важно и очень срочно.

— Мы зашли уже слишком далеко, чтобы менять что-то в последнюю минуту, — сказал Уинтроп. — Я знаю, насколько близко к сердцу ты и Райдер принимаете СОИ, но...

Уотерман решительно отвел государственного секретаря в угол центрального холла. Он говорил тихо, но настойчиво.

— Речь идет не о СОИ, сэр. Пожалуйста, господин секретарь, дайте мне пять минут для разговора с президентом. У меня появилась информация, с которой он должен быть ознакомлен прежде, чем вернется на переговоры.

Уинтроп попытался освободиться от него и подняться на второй этаж. Уотерман преградил ему дорогу.

— Господин секретарь, — прошептал он ему на ухо. — У меня есть секретное сообщение от министра обороны. Мой долг сделать так, чтобы оно попало к президенту. И еще у меня есть информация, вполне надежная, что Советы припрятали ядерное оружие в предвидении соглашения, по которому оно будет запрещено. Вы должны дать мне возможность проинформировать об этом президента.

Уинтроп остановился. Он посмотрел на Уотермана так, словно перед ним был безумец.

— Майкл, ты шутишь.

— Клянусь, это правда...

Уинтроп посмотрел ему прямо в глаза. Взгляд этот ясно говорил, что карьера Уотермана поставлена на кон. Он взял его за руку.

— Пошли, — бросил он на ходу.

На площадке второго этажа Уинтроп повернулся к нему.

— Подожди здесь, — приказал он.

Уотерман подчинился. Сердце его бешено колотилось. Он покрылся холодным потом. Наконец дверь открылась, и секретарь поманил его к себе, растопырив пальцы: ему предоставлены пять минут.

В удобном кресле с подголовником президент сидел у окна и любовался лесом. У него на коленях лежали какие-то заметки. Уинтроп устроился на деревянном стуле с сиденьем из грубой ткани, закинув ногу на ногу.

— Давай, Майкл, — тепло сказал президент. — Тони сказал, что ты хочешь сообщить мне нечто очень важное.

Уотерман набрал воздух в легкие.

— Господин президент, — начал он, — я вам очень благодарен за эту возможность поговорить с вами. Во-первых, министр обороны просил меня передать вам вот это.

Он подошел к президентскому креслу и вручил ему копию письма Маккэндлесса Райдеру о судьбе молодого украинского перебежчика Костева. Президент читал внимательно. Уотерман заметил, как у него выгнулись брови.

— И директор ЦРУ, и МИНОБ не хотели вас без нужды огорчать, сэр, — объяснил Уотерман. — Но в сложившихся обстоятельствах министр счел, что вы должны прочитать это сегодня.

Он увидел, что президент медленно покачал головой и прикусил губу. Его левая рука сжалась в кулак.

— Во-вторых, господин президент, когда вы рассказали, что генеральный секретарь Новиков процитировал вам китайского философа, я попросил прислать мне цитату из книги Сунь Цзы «Искусство войны», которую, как нам известно, Новиков держал в рамке у себя на письменном столе еще до того, как стал генеральным секретарем. Вы, быть может, ее не помните — несколько недель назад Маккэндлесс сослался на нее на заседании группы планирования национальной безопасности; он подумал, что вам было бы очень важно освежить ее в памяти сегодня. — Он протянул президенту факс и следил, как глаза президента пробегают по строчкам:

Когда вы в состоянии нападать, притворитесь беспомощным, когда вы активны, притворитесь бездеятельным, когда вы близко, внушите врагу, что вы далеко, когда вы далеко, внушите, что вы близко, когда у вас порядок, сделайте вид, что у вас царит хаос, если вы слабы, притворитесь сильным, чтобы враг вас избегал, если вы сильны, притворитесь слабым, чтобы враг обнаглел.

Президент положил листок себе на колени и медленно поднял глаза на Уотермана.

— Я хочу, чтобы ты знал: я никогда не исходил в политике Соединенных Штатов из той предпосылки, что мы должны доверять русским. Все они способны на обман, в этом нет никаких сомнений. Они даже друг друга обманывают. Я не склонен принимать что-нибудь на веру. Помнишь старую русскую поговорку, Майкл: «Доверяй, но проверяй».

— Понимаю, господин президент.

— Однако на саммитах, Майкл, между лидерами возникает нечто. Назови это как хочешь — взаиморасположение, взаимопонимание или как-то еще. Сближение Рузвельта и Черчилля при их первой встрече отнюдь не было гарантировано. Конечно, это была встреча великих умов. Но тут присутствует нечто большее — некая химия. И эти моменты химического взаимодействия между лидерами,

которые нельзя ни предвидеть, ни предугадать, становятся великими моментами истории.

— В таком случае, господин президент, очень важно, какое у вас сложилось мнение о Новикове.

— Это верно, Майкл.

— И...

— И я могу сказать, что наше химическое взаимодействие сработало очень хорошо. Он приятный человек, Майкл. С ним легко говорить. Я верю, что он стремится совершить нечто очень позитивное. И все же, памятуя слова Маккэндлесса... — президент снова взял в руки факс, переданный ему Уотерманом.

— Есть еще кое-что, — Уотерман глубоко вздохнул. — Господин президент, вчера вечером сын Юрия Маренского, который находится здесь вместе с советской делегацией, подслушал разговор своего отца с генералом Зелинским. Он узнал, что на генерального секретаря Новикова было оказано давление и он дал добро армии и стратегическим ракетным войскам тайно припрятать ядерное оружие, которое предстоит уничтожить в соответствии с будущим договором.

У президента расширились глаза.

— Что?

— Я понимаю, это похоже на фантастику, господин президент. Но именно это сказал Алексей Маренский. Я думаю, он говорит правду.

В комнате вдруг стало очень тихо. Уотерман, опустив голову, рассматривал прихотливый узор паркета. За окном небо потемнело, темно-серые облака, предвещавшие снегопад, заслонили солнце. Уотерман воспринял это как зловещее предзнаменование.

Он встряхнул головой, словно пытаясь отогнать нехорошие предчувствия, и продолжал:

— Молодой Маренский был потрясен услышанным. Он страстный реформатор, поборник гласности и перестройки. Но услышав разговор отца с начальником

генерального штаба Зелинским, он понял, что Новиков уступил давлению сторонников жесткой линии. И, рискуя жизнью, рассказал нам об этом.

Кровь отхлынула от лица президента. Внезапно он стал выглядеть уязвимым и очень-очень старым. Он всегда производил на Уотермана впечатление человека, обладающего отличным здоровьем, активного, подвижного. Теперь, побледневший, умолкший, сидящий в неподвижной позе, он вдруг показался ему по-старчески прозрачным, хрупким, одряхлевшим.

Молчание прервал Уинтроп.

— Майкл, это тяжкое обвинение. За то время, которым мы располагаем, проверить его невозможно. Физически невозможно, — секретарь встал. — Спасибо, Майкл, ты...

— Но не один я получил эту информацию! — почти закричал Уотерман.

Уинтроп повернулся к нему.

— Кто еще?

— Дэн Беннет. Алексей Маренский рассказал ему вчера ночью. В комнате присутствовал еще и Эндрю Уэстон.

Уинтроп открывал и закрывал глаза с немыслимой частотой, словно пытаясь совладать с тем, что только что услышал. Он подошел к двери и открыл ее.

— Дэна Беннета ко мне, — сказал он кому-то в коридоре.

Он подошел к окну и посмотрел на усыпанные снегом ели.

— Господин президент, если Дэн подтвердит это, я не вижу, как мы можем продолжать переговоры — по крайней мере, сейчас. Мы с трудом протащили бы через сенат договор о столь полном разоружении. Но если появятся свидетельства, что Новиков пошел на этот договор, имея в виду обмануть нас, то это утопит любой договор, не только этот.

— Немедленно свяжитесь с Маккэндлессом, — сказал президент, все еще не веря услышанному. — Мне нужно знать мнение Билла — возможен ли столь всеобъемлющий обман.

— На это нет времени, господин президент, — сказал Уинтроп. — Но я прикажу связаться с ним немедленно. Сейчас, — он посмотрел на часы, — в Вашингтоне шесть часов утра. Вряд ли он успеет сделать что-нибудь за то время, что есть в нашем распоряжении.

Раздался стук в дверь, она отворилась, и, как всегда уверенный в себе, вошел Беннет. Он только собрался поприветствовать президента, но увидел Уотермана. Улыбка исчезла с его лица.

— Дэн, — начал государственный секретарь. — Майкл только что доложил президенту, что генеральный секретарь Новиков дал добро армии припрятать тайком ядерное вооружение. Более того, сказал он, ты получил эту же информацию из надежного источника.

У Беннета был такой вид, словно его ударили в поддых.

— Да, сэр, — хрипло ответил он. — Я... я хотел убедиться... это такое серьезное обвинение, — он говорил заикаясь. — Я размышлял над этим все утро, пытаясь прийти к выводу, который мог бы вам представить. Сначала я был склонен не верить. Я подумал, что источник при всех его благих намерениях поддался моменту. Он ненавидит армию и КГБ, знаете ли... но теперь я склонен поверить в то, что он рассказал.

— Верно ли, что ты узнал это от сына Юрия Маренского?

— Да, сэр.

— И Эндрю Уэстон присутствовал при этом?

— Да, сэр.

— Поверил ли Уэстон в то, что услышал от Маренского?

— Да, господин секретарь.

— Есть ли у вас какие-либо сомнения в надежности господина Уэстона? Он, видимо, хорошо знает Маренского.

— Нет, сэр. Я нисколько не сомневаюсь в Эндрю Уэстоне.

Уинтроп действовал как обвинитель на судебном процессе.

— Узнал ли ты что-нибудь еще от Маренского и Уэстона, что должно быть известно президенту?

Беннет, до того горбившийся, распрямился. К нему вернулся обычный цвет лица. Он, похоже, вновь почувствовал уверенность в себе.

— Господин президент, Маренский сказал мне, что подслушал разговор отца с генералом Зелинским. У него сложилось впечатление, что армия вынудила Новикова — против его воли — дать добро плану сокрытия ядерного оружия. Конечно, теперь, когда нам это стало известно, мы сможем добиться серьезного соглашения о проверке. Я также думаю...

Уинтроп резко его оборвал.

— Дэн, присоединись к остальным членам делегации. Мне нужно поговорить с президентом.

Беннет повернулся и вышел из комнаты.

Уотерман стоял как завороженный. Государственный секретарь обратился к нему.

— Майкл? — Ответа не последовало. Уинтроп подошел к молодому человеку и прикоснулся к его руке. — Майкл, мы с президентом хотели бы поговорить.

— Да, сэр, — отрешенно кивнул Уотерман.

— Наедине, — сказал Уинтроп, обняв его за талию и тихонько направляя в сторону двери. — Нам с президентом надо поговорить наедине.

Уотерман прикрыл за собой дверь. За дверью стоял Беннет с отрешенным выражением лица. Они вместе спустились по широкой деревянной скрипучей лестнице, не проронив ни слова, и направились в гостиную.

Уотерман посмотрел на увлеченных разговором советников. Они этого еще не знают, но все закончилось. Он перекинул через руку пальто, взял портфель и, все еще в трансе, направился к парадной двери.

На улице гудела пресса в надежде услышать хоть слово. Они тоже не знают, что все закончилось и никакого слова не будет.

Вдруг ему стало очень легко, но это было странное ощущение, как у шины, из которой выпустили воздух. Какой невероятный поворот. Вся работа, все внутренние противостояния и схватки, все утечки информации, все эти удары ножом в спину. И чем все кончилось? Русским мечтателем, в котором не угасла совесть.

И норвежским газетчиком, который, да благословит его господь, тоже отлично понимал, что такое совесть. Бедняга Ове — какой историей он пожертвовал! Это могло бы стать главным достижением всей его журналистской жизни.

Уотерман вышел на улицу без пальто, невосприимчивый как к шквалу выкриков журналистов из-за барьера, так и к морозному воздуху. Он подошел к машине номер шесть, буквально рухнул на заднее сиденье и попросил шофера отвезти его в Хельсинки.

Финский саммит подошел к концу. Осталось лишь Беннету и госдеповской команде подготовить расплывчатое коммюнике, в котором будет сказано, что лидеры встретились, обменялись мнениями и встретятся в будущем, чтобы продолжить начатые дискуссии.

Подписывать ничего не придется. Никаких сотрясающих землю соглашений. Никаких тонко сформулированных документов для анналов дипломатической истории.

Ничего. Только долгий перелет через океан, домой.

Уотерман откинулся на спинку сиденья и смотрел, как мимо проносится лес, темно-зеленое пятно за тонированными стеклами. Он подумал о Джиме Райдере, о за-

писке Маккэндлесса в его руке, о слезах у него на глазах, когда он стоит у окна в своем кабинете. Он представил, как директор ЦРУ ищет, быть может, среди ночи цитату из сочинения Сунь Цзы. Он подумал о том, что случилось с Костевым — ну, и о том, что могло случиться здесь, если бы у него за спиной не было Джея Паризи и Ове Андерса. Он подумал о жене и сыне, а также о том, что́ из случившегося сегодня он сможет им когда-нибудь рассказать.

Майкл открыл глаза и смахнул невольную слезу. По-прежнему за окном мелькало зеленое пятно финского леса. Он выполнил все, что должен был. Но знал, что сегодня не заснет.

17 декабря, 5:45 дня

Полет из Хельсинки до Брюсселя, где государственному секретарю предстояло проинформировать министров иностранных дел стран НАТО, должен был занять менее двух часов. Хотя уже будет вечер, Дэн Беннет знал, что в бельгийской столице на Уинтропа посыпятся вопросы, и начал сразу же набрасывать для шефа возможные ответы на них.

Он перелистывал исписанные страницы, жевал мятную жвачку и размышлял о бесславной развязке саммита в Айноле. Не было ни высокопарных коммюнике, ни восхищения мировой прессы — только докучливые вопросы, почему все кончилось провалом. В чем была ошибка? — размышлял он. Он старался изо всех сил — они все старались изо всех сил, — и все-таки саммит кончился крахом.

В самом деле, весь мир, по крайней мере те, кто сидел у экранов телевизоров, это поняли. Картинка отъезда из Айнолы президента и генерального секретаря, без единого слова комментария забравшихся в поджидавшие их лимузины, без секундного рукопожатия и улыбок для ка-

мер, была показана в прямой трансляции по всему миру. Эти пустые кадры не оставляли сомнений в том, что саммит кончился провалом.

И действительно, не успел еще президент вылететь из Хельсинки в Лондон, где он должен был провести вечер, и оттуда домой в Вашингтон, до того, как самолет Уинтропа вылетел в Брюссель, точная причина провала стала предметом ожесточенных споров.

Еще когда лимузин генерального секретаря находился на тридцативосьмикилометровом отрезке шоссе между Айнолой и Хельсинки, советская пропагандистская машина заработала на больших оборотах, рассказывая, как мечта о всеобъемлющем ядерном разоружении разбилась об упрямство президента, настоявшего на продолжении реализации программы СОИ. Президент не прибыл еще в свои покои в американском посольстве в Хельсинки, а Энтони Уинтроп уже выступил с заявлением в международном пресс-центре, возложив вину на неискренность Советов. Не сумев договориться о мире, сверхдержавы вступили в необъявленную словесную войну.

Почти ничем не сдерживаемую: после переговоров по секретным линиям связи с Райдером и Маккэндлессом в присутствии Уинтропа президент принял решение, что ничего не будет сказано о планах Новикова припрятать ядерное оружие, о которых американцам удалось узнать.

Беннет нашел на одном из листков опечатку, обвел ее кружком и чертыхнулся. Он подумал, как сложатся его дела теперь, после саммита. Вся подготовительная работа — впустую. Дэн вздохнул. В Туманном дне станет совсем уныло. Может быть, пора поехать куда-нибудь послом? В Рим? Пожалуй. В Париж? Еще лучше. Он отредактировал фразу, показавшуюся ему слишком расплывчатой. Проработав столько лет с Уинтропом, он знал, что ему требуется: живые слова, которые министры иностранных дел стран НАТО поймут и одобрят.

Беннет передал меморандум Бобу Уэллбеку, чтобы тот проследил за перепечаткой, когда офицер безопасности государственного секретаря пригласил его в салон Уинтропа. Он достал пиджак с вещевой полки, поправил галстук и направился к шефу.

Уинтроп сидел в своем кожаном судейском кресле, с открытым воротом рубашки, без галстука. На нем был излюбленный старый кардиган, настолько заношенный, что на локтях и манжетах были замшевые заплаты. Он был поглощен чтением папки с инструкциями.

— Господин секретарь, — сказал Беннет, прикрывая за собой портьеру. — Я написал меморандум для бесед с министрами и ответы на вопросы прессы. Ренальда сейчас перепечатает.

Государственный секретарь оторвал глаза от текста и поднял глаза.

— Садитесь, Дэн. Мне нужно кое-что вам сказать.

Беннет сел на угловой диванчик напротив шефа. Упрятал ноги под трапециевидный столик с кожаным верхом и внимательно посмотрел на государственного секретаря. То, что он увидел, ему не понравилось. Уинтроп выглядел мало сказать усталым — выжатым, как лимон.

— Дэн, меня не радует, совсем не радует, что вы не проинформировали меня об очень важных вещах. Вы тянули с донесением до меня информации, которая была необходима мне как государственному секретарю и которую вы были обязаны мне доложить.

Беннета огорошил ледяной, почти прокурорский тон Уинтропа, что было вдвойне неприятно, потому что так с ним он никогда раньше не говорил. Ему хотелось, чтобы портьера приоткрылась и вошла Ренальда с перепечатанным меморандумом. Увидев его тезисы, Уинтроп вспомнит, насколько незаменим Беннет в любых ситуациях, когда надо срочно изложить что-то на бумаге.

— Мне пришлось взвесить все последствия информации, которую вы предпочли от меня скрыть.

— Это не повторится, — со всей убедительностью в голосе сказал Беннет.

— Конечно, не повторится, — сказал Уинтроп. — Дэн, вы получили информацию о Новикове исключительного значения. Она была передана вам отважным человеком, верившим, что этим он предупредит президента Соединенных Штатов. Вы должны были известить меня немедленно. Если вы были озабочены надежностью информации, вы могли бы передать ее мне с оговорками, с предостережением. Если бы молодой Маренский не счел нужным передать это по запасному каналу, если бы информация не попала к Уотерману, мы могли бы так ничего и не узнать.

— Господин секретарь, — запротестовал Беннет, — я...

Уинтроп жестом заставил его замолчать.

— Позвольте мне высказаться без обиняков. Вы проявили слабую сообразительность, не придя ко мне немедленно.

— Но, господин секретарь, я думаю... — попробовал что-то сказать Беннет.

— Мой интерес к тому, что вы думаете, исчерпал себя в спальне Сибелиуса. Не вижу смысла продолжать этот разговор. Как любит повторять министр обороны: «Если я скажу что-нибудь еще, то мне придется повторяться».

Уинтроп достал из нагрудного кармана свои полуочки, раскрыл папку, лежавшую у него на коленях и перелистал страницы.

— Думаю, пора поговорить о том, чем вы займетесь теперь. Как ваш французский?

Пульс Беннета забился сильнее.

— Сносно, господин секретарь. Немножко освежив его, я заговорю свободно.

— Ну вот и хорошо, — сказал секретарь. — Есть вакансия в Буркина-Фасо. Я собираюсь назначить вас туда послом.

— Но... — у Беннета отвалилась челюсть.

— Это все, Дэн, — сказал Уинтроп, не поднимая глаз.

Беннет вскочил на ноги в тот момент, когда Ренальда, откинув портьеру, вошла в кабину госсекретаря с только что отпечатанными тезисами. Она держала их перед собой, как тореадор накидку.

18 декабря, 5:00 дня

ВВС-1 подкатил почти вплотную к тому месту, где собрались журналисты. Открылась дверца, и появился президент, улыбающийся и вскинувший вверх руки. В кармане у него лежало заявление, которое набросали Гэри Бернер, генерал Уоллес и Алан Киркуэлл во время полета из Лондона. После беглой прогулки вдоль выстроившихся для встречи высоких должностных лиц и мимо почетного караула президент поднялся на подиум.

Приветствие вице-президента было кратким — по телефону с президентского лайнера его попросили проделать все как можно более неброско. Он все понял. Затем президент вскинул руки в своем фирменном приветствии, повернулся к камерам и начал говорить.

— Господин вице-президент, дорогие друзья из Конгресса, которые пришли поприветствовать нас по возвращении в нашу великую страну, мои соотечественники во всех ее уголках...

Пока президент говорил, Уотерман спустился по трапу, поданному к заднему отсеку громадного серебристо-бело-голубого «Боинга-707». Он остановился на середине трапа и оглядел толпу должностных лиц, доброжелателей и зевак, выстроившихся вдоль цепного ограждения на краю летного поля.

Лаура и Джейсон увидели его в тот же момент, когда и он увидел их. Джейсон показал на него рукой и взволнованно замахал ею. Уотерман пробежал сотню метров по полю, прошел в ворота и, швырнув багаж, заключил Лауру в объятия.

— Боже, как я тебя люблю, — сказал он.

Затем подхватил сына и крепко прижал его к себе.

— Эй, гусенок, как тебе нравится ВВС-1?

— Он такой громадный. А мы видели президента. Он помахал нам рукой.

— Это потому, что он любит таких сорванцов, как ты.

Он поцеловал сына в щеку и чуточку подкинул в воздух.

— Папа, а что ты мне привез?

— Тебе? — Уотерман наклонился и запустил руку в заплечную сумку. Вытащил оттуда маленький мягкий пакет. — Вот, смотри.

Джейсон раскрыл пакет и увидел синюю хлопчатобумажную майку.

— Кто это, папа? — спросил Джейсон, разглядывая незнакомое лицо, вышитое шелком на груди над словами *Я люблю Финляндию.*

— Его зовут Ян Сибелиус, это финский композитор, — сказал Уотерман. — Я побывал в его загородном доме.

Оглавление

7 . . . . . Мемуары победителя
13 . . . . . От автора
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
18 . . . . . Глава первая
42 . . . . . Глава вторая
60 . . . . . Глава третья
79 . . . . . Глава четвертая
102 . . . . Глава пятая
117 . . . . Глава шестая
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
125 . . . . Глава седьмая
144 . . . . Глава восьмая
158 . . . . Глава девятая
169 . . . . Глава десятая
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
192 . . . . Глава одиннадцатая
199 . . . . Глава двенадцатая
219 . . . . Глава тринадцатая
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
234 . . . . Глава четырнадцатая

255 . . . . Глава пятнадцатая
264 . . . . Глава шестнадцатая
277 . . . . Глава семнадцатая
297 . . . . Глава восемнадцатая
319 . . . . Глава девятнадцатая

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

323 . . . . Глава двадцатая
355 . . . . Глава двадцать первая
377 . . . . Глава двадцать вторая
387 . . . . Глава двадцать третья
405 . . . . Глава двадцать четвертая

Ричард Перл

ТВЕРДАЯ ЛИНИЯ

Серия «Культура политика философия»

Художественное оформление серии *Ф. Домогацкого*

Ответственный за выпуск *О. Карпова*
Редактор *Г. Амелин*
Корректоры *Н. Мышковская, С. Наджафова*
Компьютерная верстка *О. Козак*

ЛР № 00972 от 14.02.2000 г.
Подписано в печать 23.04.2001 г. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Печ. л. 13,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 719.

Московская школа политических исследований.
121854, ГСП-2, Большая Никитская ул., 44-2, комн. 22.
e-mail: msps@co.ru
http://www.msps.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской типографии № 6
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24

ISBN 5-93895-014-7

9 785938 950146 >